

ЯН И
ВЛАСТА

ВИНКЕЛЬХОФЕР

**СТО
ВЗГЛЯДОВ
НА
ЯПОНИЮ**

**АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»**

ЯН И ВЛАСТА ВИНКЕЛЬХОФЕР

**СТО
ВЗГЛЯДОВ
НА ЯПОНИЮ**

Jan a Vlasta Winkelhöferovi
STO POHLEDŮ NA JAPONSKO
Orbis Praha 1964

Перевод с чешского
П. Н. АНТОНОВА

Ответственный редактор и автор предисловия
И. А. ЛАТЫШЕВ

Винкельхофер Я. и В.
В 48 Сто взглядов на Японию. Пер. с чешского. М.,
Главная редакция восточной литературы изда-
тельства «Наука», 1968.

368 стр. (Серия «Путешествия по странам Востока»).

Авторы книги «Сто взглядов на Японию» — чешские японоведы супруги Ян и Власта Винкельхофер — провели четыре года в этой своеобразной и изобилующей противоречиями стране. Они прекрасно изучили природу, города, культуру, быт Японии. В их книге счастливо сочетаются свежесть восприятия, живость повествования и добротность эрудиции.

Предисловие

За последние годы во всем мире увеличился интерес к Японии. Об этом свидетельствует все большее число иностранных туристов, посещающих Японские острова, а также все большее число книг о Японии, издаваемых за рубежом. Рост интереса к Японии за ее пределами объясняется различными причинами. Предпринимательские круги США и других империалистических стран интересуются, например, Японией как своим грозным конкурентом на мировом капиталистическом рынке. Любителей природных красот и экзотики влекут к японским берегам интригующие рассказы о легендарной горе Фудзияме, о домиках с бумажными стенами и гейшах в ярких кимоно. Энтузиастов технического прогресса впечатляют японские достижения в области электроники, оптики, синтетической химии и судоостроения. А те, кто посвятил себя борьбе за интересы трудящихся и делу защиты мира, следят за героической борьбой японского пролетариата, за развитием в Японии движения сторонников мира, которое представляет собой одно из самых боевых звеньев всемирного движения борцов за мир.

Интерес к Японии растет и в нашей стране. В значительной мере этому способствует все большее расширение японо-советских экономических и культурных связей. Все чаще приезжают в Советский Союз посланцы различных общественных организаций Японии, все чаще представители нашей страны бывают в гостях на Японских островах. С открытием в апреле 1967 года прямого воздушного сообщения между Москвой и Токио советско-японские контакты становятся еще более прочными. А как следствие этого увеличивается спрос на литературу о Японии, и в первую очередь на литературу, рассчитанную на массового читателя и содержащую общие сведения об этой большой и интересной стране.

За последние годы в Советском Союзе было издано несколько популярных книг, брошюр и статей, посвященных жизни японского народа. Однако в опубликованной литературе о Японии есть еще немало пробелов. Многие из этих пробелов восполняются в настоящей книге.

«Сто взглядов на Японию» — это книга о современном быте и культуре японского народа. Читатель найдет в ней массу интересных сведений о природе Японских островов, о буднях самого большого города мира — Токио, о промышленности и сельском хозяйстве Японии, о местных памятниках старины, о самобытных произведениях японской архитектуры и искусства, о национальных обычаях и празднествах японцев, об их труде и досуге и т. д. Жизнь современного японского общества во всех ее проявлениях — вот что является, если говорить коротко, ключевой темой этой книги.

Многие из глав книги написаны в форме путевых очерков. Однако от большинства произведений такого рода книгу отличает один существенный момент: она написана не туристами-верхоглядами, а знатоками вопроса, всесторонне и глубоко изучившими жизнь современной Японии. Авторы книги — чехословацкие японоведы супруги Ян и Власта Винкельхофер долгое время жили в Японии, знают японский язык и сделали изучение страны своей профессией. Это обуславливает достоверность содержащихся в книге сведений.

Хочется отметить замечательное чувство меры, которое проявляют авторы, описывая различные самобытные, оригинальные черты жизненного уклада и национального характера японцев. Этого чувства меры недостает, к сожалению, многим из тех, кто берется за описание Японии и сбивается то на голые социологические схемы, то на навязчивый показ одной экзотики. Объективность, правдивость и отсутствие предвзятого стремления искусственно выпячивать те или иные стороны японской жизни, хотя это и могло бы «заинтриговать» читателей, составляют одно из главных достоинств книги. Япония предстает в ней такой, какая она есть в действительности: без чудес, без надуманных парадоксов, без той журналистской ретуши, которая подчас не помогает, а мешает правильно понять настоящую жизнь и мировоззрение японцев.

В книге мало социальных обобщений, но все ее строки пронизаны научным, марксистским пониманием происходящих в стране экономических, социальных и политических процессов, и читатель постоянно ощущает горячее сочувствие авторов трудовому народу Японии — рабочим, крестьянам, рыбакам — всем скромным, неутомимым труженикам, составляющим подавляющее большинство населения страны.

Отмечая немалые достижения японцев в ряде современных отраслей крупного промышленного производства, в организации сферы обслуживания и торговли, в развертывании массового туризма, развитии телевидения, книгопечатания и некоторых других областей культурной жизни, авторы не забывают в то же время обратить внимание читателей и на те неприглядные стороны жизни японского общества (безработица, низкий уровень жизни большинства трудящихся), которые представляют собой неизбежное порождение капиталистической системы производства и засилья монополий в экономической и политической жизни страны, результат жестокой эксплуатации монополиями японских трудящихся масс. С горечью пишут они в своей книге о глубокой пропасти, разделяющей японский народ на два враждебных друг другу классовых мира. «Ведь вся индустрия Японии, вся экономическая жизнь страны делится на два сосуществующих, но взаимно чуждых мира. Это мир нескольких крупнейших, очень богатых корпораций и мир миллионов бедных и все более разоряющихся людей» (стр. 270).

Описание тяжелых условий труда и жизни миллионов японских трудящихся — важнейшая и неотъемлемая часть книги, это выгодно отличает ее от произведений тех зарубежных журналистов и японоведов, которые, закрывая глаза на темные стороны японской действительности, рисуют Японию лишь с парадного входа.

Поразительна наблюдательность авторов, проявляемая в описаниях японской природы, архитектуры, обрядовых церемоний и т. д. Из их поля зрения не ускользают никакие мелочи, никакие детали. Ювелирная точность в изложении материала делает книгу ценным пособием для тех, кто желает обстоятельно ознакомиться с различными сторонами японской жизни.

Нельзя не отметить и еще одну примечательную черту писательского мастерства авторов: тонкий, теплый и добродушный юмор, помогающий читателям воспринимать текст эмоционально, без напряжения. В юморе авторов сквозит искренняя симпатия к простым людям Японии.

Если же говорить о языке и литературной форме книги вообще, то не будет преувеличением сказать, что читается она как беллетристика.

Эту книгу с удовольствием прочтут и те, кто никогда не видел Японии, и те, кому довелось там побывать. Пусть же сто вдумчивых, пытливых, зорких взглядов наших чешских друзей на Японию помогут советским людям узнать нечто новое и интересное об этой стране.

И. Латышев

Токио —

это тоже

Япония

— Вы еще никуда не выезжали из Токио? Но это же значит, что вы еще не видели настоящей Японии, — восклицают обычно японцы в разговоре с каждым иностранцем, у которого не было времени выехать куда-нибудь из столицы. И они сразу же устраивают поездки в Хаконе, Никко, Камакуру, Эносиму — куда угодно, лишь бы вон, вон из Токио.

Удивительно, какое неприязненное чувство испытывают большинство японцев к своей столице. Правда, вместе с тем они и гордятся ею. В столице Японии живет свыше 10 миллионов человек — это самый большой город в мире, а японцы к вопросам приоритета относятся точно так же, как и все другие народы на земле. В беседах с нами они не отказывали себе в удовольствии сравнить количество жителей Чехословакии с численностью населения Токио, улыбались при этом или озабоченно покачивали головой, но чувствовалось, что они испытывают удовлетворение от того, что их так много, а нас так мало.

Однако каждый разговор всегда протекал одинаково:

— Токио — это не настоящая Япония.

— Но почему же столица Японии такая «неяпонская»?

Ответов много.

— Потому что она слишком велика, перенаселена и шумна.

— Потому что она слишком современна и беспокойна.

— Люди здесь невежливые, расчетливые, испорченные.

— Здесь много иностранного и мало японского.

Но нетрудно убедиться, что у Токио есть свое право на существование в Японии и таким, какой он есть, его сделали сами японцы. Надо сразу оговориться, что он

вовсе не так уж плох и, несмотря на все иностранное влияние, этот город намного более «японский», чем считают его жители.

Токио лежит на восточном побережье главного японского острова Хонсю, в широкой долине Канто. Это немолодой город. Еще в начале XVII века, когда на этом месте среди прибрежных болот и топей была расположена небольшая рыбацья деревня, тут размещалась резиденция *сёгуна* — военного владыки, следовательно, это был административный центр. В то время деревня называлась своим старым именем — Эдо. Лишь в 1868 году Эдо унаследовала титул столицы от древнего Киото и, так как она лежала восточнее Киото, стала называться *Токё*, то есть восточная столица. У нас прижилось неправильное написание этого названия — Токио, которое бытует в русском, французском, немецком и ряде других языков.

Уже будучи столицей, Токио был дважды полностью разрушен. Первый раз землетрясением и связанными с ним пожарами в 1923 году. Но в Японии строят быстро. Ведь до сих пор здесь преобладают деревянные постройки. Поэтому Токио вскоре отстроился, он рос и модернизировался, но потом снова был сожжен дотла фугасными бомбами второй мировой войны.

В наши дни прямые следы военных разрушений найти нелегко. Лишь после длительного пребывания здесь из случайного разговора с соседями можно узнать, что заросший травой участок земли на соседней улице не всегда был так пуст, что здесь жил когда-то довольно известный человек. А скромный домик в большом прекрасном саду является вовсе не олицетворением утонченной японской простоты, как вы до сих пор думали, а лишь следствием ограниченности семейного бюджета. До войны на этом месте стояло великолепное здание, превратившееся во время бомбежки в груды пепла.

При длительных и тщательных поисках можно найти и другие признаки разрушений — заброшенные кирпичные склады, бетонные основания домов, остатки сгоревших деревянных строений. Но надо всегда помнить, что японские домики горят довольно часто даже в мирное время и поэтому не каждое пепелище является памятью о войне.

Печальные руины, оставшиеся от налетов бомбардировщиков, уже давно залиты железобетоном, на их месте выросли высотные строения, их скрыли от глаз новые деревянные домишки и лавчонки, их занесло песком, они заросли травой или исчезли под водой. Все отстроено вновь, а у ветра, дождя и солнца было достаточно времени, чтобы и этим постройкам придать обветшалый вид.

И все же одно интересное явление, связанное с войной, до сих пор бросается в глаза. После войны некоторые городские улицы стали уже, другие изменили свое направление или вообще исчезли. Но японцы не ломают себе голову над планами застройки столицы.

Мы жили в Токио в обычном, довольно милым, но отнюдь не шикарном квартале. Здесь были и одноэтажные покосившиеся строения и немало ухоженных, ежедневно подстригаемых газонов. Но однажды за оградой появились строители в синих униформах. Они выпили по чашке чая, выкурили, сидя на корточках, по сигарете, надели на головы желтые шлемы и приступили к работе. Из тонких металлических трубок они построили нечто напоминающее Вавилонскую башню, прикрепили к этой башне табличку с названием фирмы, на вершине водрузили белый флаг с зеленым крестом, написали лозунг «Безопасность — прежде всего!» и ушли домой.

— Ничего себе реклама, — сказали мы и стали ждать реакции жителей.

Но никакой реакции не было. Башню вскоре разобрали и унесли. На ее месте остался высокий шестиэтажный дом с бензоколонкой. Для обитателей третьего этажа дома открывался вид, созерцанию которого не мешало ни одно окрестное здание, а жители шестого этажа должны были чувствовать себя как хранители маяка.

Весь Токио строился, да и сейчас строится таким, в полном смысле слова самобытным способом. Постройки любой формы, величины и назначения ежедневно воздвигаются на теле этого, столь много пережившего города так, как вздумается заказчику, точнее, как ему позволят средства. Отсюда и общий вид города: обширные кварталы роскошных вилл, менее красивых коттеджей и, наконец, совершенно безобразных, грязных одноэтажных домов. Широкие улицы переполнены

до самых краев автомобилями. От проспектов расходятся симпатичные извилистые улочки, где мерно постукивают деревянные японские туфли, и грязные переулки, в которых никогда не выветривается запах, идущий от сточных канав, и царит бедность и безнадежность. Несколько торговых и увеселительных центров с довольно высокими, но совершенно разностильными зданиями, растущими тем быстрее и выше, чем гуще и шире животворная грибница окружающих улиц.

Самый известный район Токио, где должен побывать каждый, кто сюда приехал, — это Гиндза и ее окрестности. Здесь на каждом шагу встречаются громкие и звучные имена, связанные главным образом с давно забытой историей города.

Так, например, Гиндзу называли Гиндзой еще в начале XVII века, потому что здесь чеканили серебряные монеты. Юракутё, квартал кинотеатров, кафе, японских и европейских ресторанов, баров и влюбленных, назван по имени известнейшего мастера чайного обряда Ода Юракусаи, который жил на этом месте 350 лет назад. Здесь много мостов: Симбаси, Сукиябаси, Кёбаси, Нихонбаси, Сакурабаси. Но любая попытка отыскать сегодня мост Сукиябаси обречена на неудачу. Другие названия относятся к маленьким мостикам, которые постепенно, один за другим исчезают, или к самым каналам, через которые мосты перекинуты. Содержимое каналов вызывает чувство брезгливости, и постепенно они будут забетонированы. Однако до сих пор они существуют и напоминают о прошлом Гиндзы и ее окрестностей. Вся здешняя земля, цена которой в наши дни фантастически велика — один квадратный метр стоит 150 тысяч крон, 400 лет назад представляла собой болото, где можно было охотиться на диких уток. Кстати, поблизости находится квартал Цукидзи, что означает осушенная земля.

Каждый, кто находится на Гиндзе, чувствует себя в центре города. Но стоит отойти на несколько сотен метров в сторону — и вы очутитесь в грязном, насыщенном запахами рыбы и соли портовом квартале и невдалеке увидите маслянистую воду Токийского залива. Когда-нибудь благодаря мелководью залива Гиндза, наверное,

Новые здания на Гиндзе

станет настоящим центром города. Это случится, если будет осуществлен план осушения залива. А пока за спиной Гиндзы приютился маленький порт, похожий на бедного, грязного, неухоженного ребенка, к которому брезгливо относится расточительная мать. Здесь вы встретите грязных и оборванных людей: портовых поденщиков и изгоев общества — собирателей отбросов. Тут же находится большой и необычный рынок, на котором перекупщики и мелкие торговцы покупают рыбу, мясо, овощи и фрукты. В маленьких переполненных лавочках продаются второсортные и уцененные товары. В нижних этажах большинства домов расположены магазины, склады, кафе или столовые, а наверху находятся одна или несколько небольших комнат, пол которых устлан татами¹. Поближе к Гиндзе разместились большие, многолюдные японские рестораны, где готовят деликатесы из рыбы и морских продуктов, но сюда едва ли заходят жители портового квартала.

Иногда тут встречаются рикши — люди, запряженные в двуколки. Здесь у рикш стоянки, и здесь, вероятно, живут эти лошади в образе человека, которые за пару иен и для того, чтобы сохранить иллюзию старой Японии, ежедневно портят легкие, таская свои двуколки по улочкам и переулкам в районе Гиндзы, Симбаси и Цукидзи. Однако если вы пробудете в Токио лишь несколько дней, то можете и не встретить рикшу. Но если все же увидите, поинтересуйтесь, кого он везет. Это всегда бывают только иностранцы.

Богатую Гиндзу не интересуют ее окрестности. Она беззаботно проводит время с самого раннего утра до поздней ночи, когда неоновый свет на зданиях разрисовывает в темноте слова, написанные латинским шрифтом, красивые японские иероглифы, детские лица и пивные кружки. Светофоры на перекрестках и днем и ночью как бы отделяют одну от другой волны автомашин, автобусов и трамваев. Под асфальтом улиц, отшлифованных шинами автомобилей, четко пульсирует артерия Гиндзы — подземная железная дорога. Но, когда светофоры захлебываются от движения, когда на перекрест-

---

¹ Т а т а м и — прямоугольные соломенные маты на жестком деревянном каркасе. В комнатах, устланных татами, полагается снимать обувь.— *Прим. ред.*

ках образуются пробки и уже никто не может ни пройти, ни проехать или когда приближается демонстрация, под светофорами появляются темно-синие полицейские в белых фуражках и перчатках. Днем в этом нет ничего особенного, но представьте себе, что вы едете дождливым зимним вечером, «дворники» размазывают по переднему стеклу грязь, брызжущую из-под колес идущего впереди такси, голова у вас трещит от сотен прыгающих огней и их отражений и вдруг впереди на перекрестке вы видите поблескивающий резиновый плащ полицейского, промокшего до нитки, который машет вам, как в старые времена, желтым фонариком, показывая, где удобнее проехать. В такую минуту на этой самой «неяпонской» Гиндзе вы скажете себе:

— Ничего удивительного, ведь мы в Японии.

Сотни тысяч людей ежедневно приходят на Гиндзу. Огромные универмаги и магазины поменьше, тянущиеся вдоль улиц, полны товаров и стремятся перещеголять друг друга, зазывая покупателей.

«Горайтэн кудасаймасите аригато годзамасита — спасибо, что вы оказали нам честь своим посещением» — этими словами начинается информация по радио диктора, эту фразу повторяют на все лады прелестные продавщицы и девушки, стоящие на каждом этаже, в начале и в конце эскалаторов, и вытирающие белоснежными платочками резиновый поручень, за который держатся посетители универмага.

В десятиmillionном городе покупателей должно быть как маковых зернышек, и это на самом деле так. В Токио почти совсем нет мака — лишь одна хлебопечкарня посыпает им особые булочки. И с покупателями дела обстоят немногим лучше. Всюду столько лотков, лавочек и магазинов, что непонятно, кто может что-нибудь купить, если каждый продает. К этому надо добавить, что доходы среднего японца даже с точки зрения японской действительности очень низки и их с трудом хватает на квартирную плату и скудное питание. На Гиндзе и вообще в больших универсальных магазинах продаются лишь хорошие и, следовательно, дорогие товары, не говоря уже о том, что в этой части города цены на те же самые товары всегда выше, чем в малень-

ких лавочках менее посещаемых кварталов. И хотя не каждый может себе позволить делать покупки на Гиндзе, количество товаров, которое здесь продается, достаточно для того, чтобы владельцы универсальных магазинов получали просто сказочную прибыль. А в маленькие лавчонки за день иногда заглядывают лишь два-три покупателя.

Японцы, и прежде всего молодые девушки, очень внимательно следят за модой. Одежда здесь делает человека и, как нигде, создает превратное впечатление о мнимом богатстве. По Гиндзе и другим центральным улицам города люди ходят в своих лучших костюмах и платьях, а при малейшей возможности одеваются по последнему крику моды. Даже французы, которые высокомерно относятся к чужой моде, не устают на Гиндзе вертеть головой. «На Елисейских полях вы не найдете столько со вкусом и модно одетых молодых женщин, как на Гиндзе», — пишут они о своих впечатлениях, забывая при этом об одном — что многие из тех, кто поразил их на Гиндзе своей красотой и вкусом, быть может, в течение месяца едва сводили концы с концами, питаясь самыми дешевыми продуктами, только для того, чтобы иметь возможность купить новое платье и понравиться окружающим. Кроме того, для большинства японцев и особенно японок не существует проблемы тонкой талии.

Гиндза — это не обычная улица с двумя рядами магазинов, с тротуарами и скопищем людей, автомашин и трамваев посередине, а целый квартал. Японцы никогда не давали названий своим улицам, и Гиндза — не исключение. В наши дни, правда, вы обнаружите в Токио на всех главных перекрестках простые деревянные указатели: например, «Гиндза, 11-я улица», но они были поставлены после окончания войны американской оккупационной армией, когда стало ясно, что даже солдаты, которые должны уметь неплохо ориентироваться в любом месте, в Токио безнадежно терялись. Однако попробуйте спросить любого японца, где находится, скажем, 11-я улица. Он наверняка ответит, что ничего подобного в Токио нет, даже если он живет на этой улице или стоит в этот момент прямо под указателем. Японцы просто не

приняли американского обозначения улиц и, вероятно, правильно сделали. Ведь эта система временная. Она основана на предположениях; совершенно непригодных для непостижимых японских улиц, которые идут в разных направлениях, в одном месте они широкие и ровные, потом суживаются, разветвляются, соединяются, прерываются и снова начинаются. И поэтому японцы указывают адреса так же, как они это делали раньше.

Скажем, вам нужно найти человека, живущего по адресу 5, 3 тёмэ, Гиндза, Тюоку, Токио. При отыскании адресата надо начинать с конца. Токио — это город. Тюоку — это самостоятельная административная единица, так называемая *ку*, которых в Токио 23 и которые являются, собственно говоря, городами в городе. Гиндза — это квартал. *Тёмэ* — это часть нескольких улиц в данном квартале. А цифра 5? Вы полагаете, что это номер дома? Не тут-то было! В этой цифре заключена вся прелесть поисков японских адресатов — это номер участка, который объединяет 10—15 (а то и больше) домов. Этот волшебный номер называется *банги*. Он обладает поразительным свойством всегда находиться не там, где вы его ищете. Цифры эти никогда не следуют друг за другом. Они умеют скрываться, прятаться, а иногда даже перевоплощаться. Но если вам все же удалось отыскать нужный номер, то дальше вам придется доискиваться до адресата, расспрашивая соседей. Большие жестяные щиты с картами и именами обитателей отдельных участков, помещаемые жителями некоторых домов на видных местах, не служат надежным решением проблемы, ибо даже такие щиты довольно трудно отыскать.

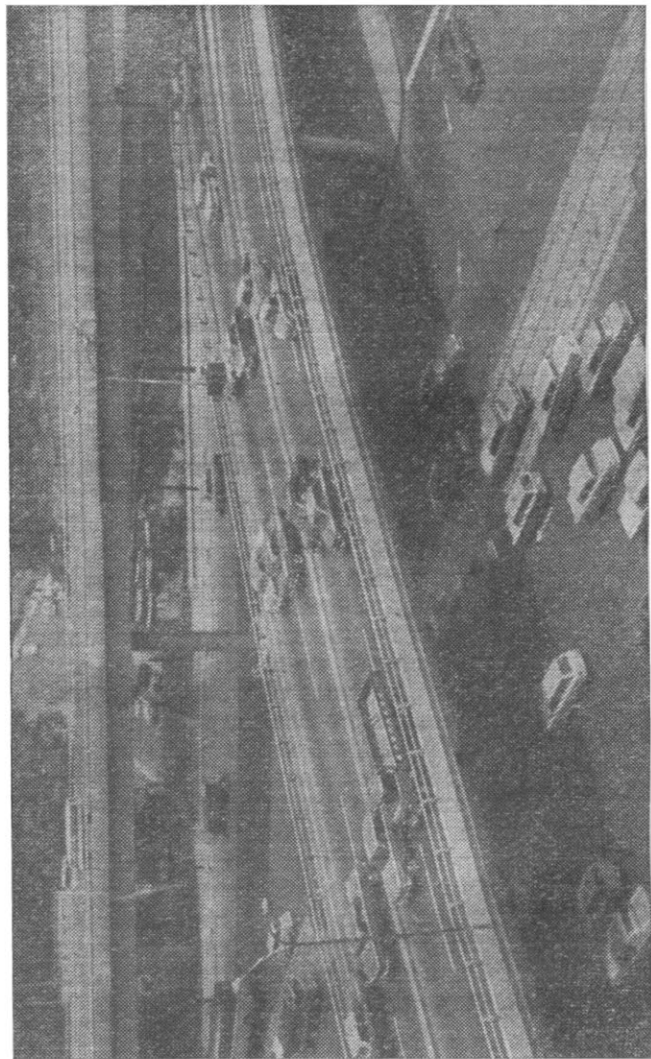
Поэтому в последнее время в Токио часто поговаривают о том, что всю систему нужно модернизировать. Дело это довольно трудное, ибо на этой системе основаны все домовые книги и земельные планы. Лишь благодаря Олимпийским играм постоянно колеблющаяся комиссия, которая должна была вынести рекомендации о наименовании токийских улиц, сделала первый шаг, и главные проспекты получили названия. В связи с этим возникла довольно курьезная проблема: оказалось, что ни одна улица не может быть названа Гиндзой, ибо коммерсанты и торговцы, для которых само это название служит хорошей рекламой, не смогли догово-

рится, где улица Гиндза должна начинаться и где — кончатся. Поэтому нужно смириться с существующим положением и просто принять к сведению, что Гиндза — это не улица, а довольно большой городской квартал, тем более что с одной стороны к нему примыкает Восточная, а с другой — Западная Гиндза.

Вблизи Гиндзы, между красным кирпичным зданием Токийского вокзала, с одной стороны, и зеленым газоном, перерезанным наполненными водой рвами императорского дворца, — с другой, зажат единственный район Токио, который по своему внешнему виду отвечает обычным представлениям о столичном городе. Это квартал высоких, в среднем семиэтажных зданий, где японские и иностранные монополии и фирмы делают свой большой бизнес. Это токийское Сити — более спокойное и менее впечатляющее, чем лондонское, без клерков в черных котелках с перчатками и зонтиками, но столь же космополитичное, холодное и безжалостное, как все деловые центры в мире. Здесь много старых кирпичных и железобетонных зданий, переживших войну, ибо, к счастью, камень не горит.

Простые японцы сюда забредают редко, разве что по дороге на вокзал или в другую часть города, за исключением, конечно, тех, кто здесь трудится в качестве низкооплачиваемых служащих, курьеров или швейцаров. Здесь безлюдно и тихо, как на кладбище. Но так как здания, построенные за последнее время в стиле модерн, интересны с архитектурной точки зрения, то их виды на фотографиях и открытках рассылаются во все концы мира.

Однако у Токио есть районы, куда более своеобразные и характерные для этого города. Взять хотя бы Канду. Одна из главных ее улиц, кстати, именно та, что чуть дальше уже называется Гиндзой, соединяет Канду с самой шумной частью города. Это обычная токийская улица с длинными рядами лавочек и деревянных, часто не оштукатуренных домиков, из которых прямо на улицу выливают грязную воду. Есть старый японский обычай — побрызгать порог дома чистой водой в знак того, что здесь ждут гостей, однако этот обычай с тем, о чем мы пишем, не имеет ничего общего.

Автомобильные развязки на разных уровнях облегчают движение на основных магистралях

Чем же торгуют на Канде? Главным образом разнообразнейшими электрическими приборами. Здесь продаются не только радиоприемники, телевизоры, пылесосы, холодильники, стиральные машины, люстры и другие обычные электроприборы, для создания которых не нужно обладать богатой фантазией. На Канде можно приобрести самые бесполезные вещи, которые часто кажутся ненужными, непрактичными, даже бессмысленными. Но японцы питают к ним слабость, и эти мелочи скрашивают им жизнь. Здесь, например, продаются домашние туфли, которые обогреваются электрическими батарейками. Ходить в них нельзя, а ноги иногда перегреваются до такой степени, что случаются обмороки. Самое последнее изобретение — искусственная материнская грудь с электрическим сердцем, в которую вмонтирована миниатюрная лампочка. Говорят, что ребенок, убаюканный мнимым присутствием матери, засыпает очень быстро. Вы можете здесь купить и дверные звонки, которые вместо дребезжания наигрывают вашу любимую песенку до тех пор, пока она вам окончательно не надоест и в один прекрасный день вы не выбросите эту шарманку на помойку и не приобретете обычный зуммер. Один из наших соседей установил у себя автоматический сигнал тревоги. Трижды мы бежали к нему на помощь, но каждый раз выяснялось, что произошла ошибка. Потом его все же обокрали, но сирена промолчала, ибо воры пробрались в квартиру через крышу. Продаются здесь миниатюрные электрические фонтаны, которые японцы устанавливают на столах, и множество других подобных приборов.

Есть тут и очень маленькие магазины, скорее киоски, они настолько малы, что продавец с трудом может в них повернуться. Здесь продаются запасные части ко всем электрическим приборам, запасные части к запасным частям, запасные части... но пора, видимо, пощадить читателя, которому и так все ясно.

Лампочек, выключателей, проводов и электрических пробок здесь так много, что если бы все это одновременно подключить к энергетической сети, то, вероятно, от электростанций пошел бы дым, а вся Япония погрузилась бы в сплошную темноту. Если кто-нибудь захочет

посмотреть, какая здесь бывает густая, черная, непроглядная тьма, пусть после девяти вечера придет на Канду. Во всей этой электрической империи, так же как и почти во всем Токио, нет ни одной общественной лампы, и в те ночи, когда не светит луна, даже летучая мышь побоится подняться в воздух.

К счастью, другой конец Канды озаряет «свет» учения. В квартале Дзимботё расположены школы и высшие учебные заведения, здесь много современных книжных магазинов, а также букинистических и антикварных. И поэтому в одном конце квартала собираются электромонтеры и радиолюбители, умеющие собирать своими руками радиоприемники и телевизоры, а в другом назначают свидания худые любознательные студенты в черных костюмах, провинциальные учителя и старые профессора, известные ученые и непризнанные гении, литераторы и библиофилы. Дзимботё — центр просвещения, культуры и науки и центр просветителей, которые эти знания распространяют.

Мы, иностранцы, кажемся здесь белыми воронами. В Японии считают, что каждый иностранец должен говорить по-английски, и поэтому часто случалось, что в Дзимботё к нам подходили студенты и на ломаном английском языке робко просили немного поговорить с ними, чтобы они могли попрактиковаться в разговорной речи, или объяснить какую-нибудь сложную английскую фразу. В большинстве случаев они сразу понимали, что английский язык для нас не родной, высказывали удивление, что *гайдзин* — иностранцы — говорят по-японски, расспрашивали о Чехословакии или, произнеся несколько вежливых фраз, отходили. Но встречались и такие, которые глубоко обижались на иностранцев, которые, как они думали, презирали не знающих их язык и предпочитали ответить по-японски, но не оказать помощи.

Японцам трудно даются иностранные языки. Они учат их в школах и дома, на курсах, по радио и телевидению, делают все возможное, но результаты, как правило, не оправдывают затраченных усилий. Большинство из них изучают язык пассивно и, как только появляется необходимость произнести более сложную фразу, тут же теряются.

Наши служебные паспорта заполнены на чешском,

русском и французском языках, и это ставило в затруднительное положение японских служащих на токийском аэродроме Ханэда, которые привыкли изъясняться по-английски. Однажды мы довольно долго ждали, пока проверят паспорт одного нашего спортсмена. Японские чиновники перепутали его имя с местом работы и долго не могли отыскать фамилию в списке. Затем недоразумение было улажено, в паспорте появилась большая круглая фиолетовая печать: *Нихон-коку сэйфу, хомусё* — Японское правительство, Министерство юстиции. Место пересечения границы — Ханэда. Однако чиновник все еще медлил. В белом, заполненном на английском языке бланке для указания ввозимой валюты оставалось ответить на вопрос «подданство». Таможенник начал записывать «Цехословакия», но застрял на первых буквах «Це...» и стал беспомощно перелистывать паспорт, пока наконец не нашел то, что искал. Теперь он бойко дописал: «цестовнипас»².

Однако, несмотря на все трудности, связанные с изучением иностранных языков, японцы просто обожают отдельные иностранные слова. Их употребление стало «хорошим тоном», которому следуют и молодежь, и старики, и образованные, и неучи. В наше время особенно модны английские слова, которые с успехом используются японцами для порчи собственного богатого и звучного языка. Утешает лишь одно — японцы так переделывают большинство слов на свой лад, что их просто невозможно узнать.

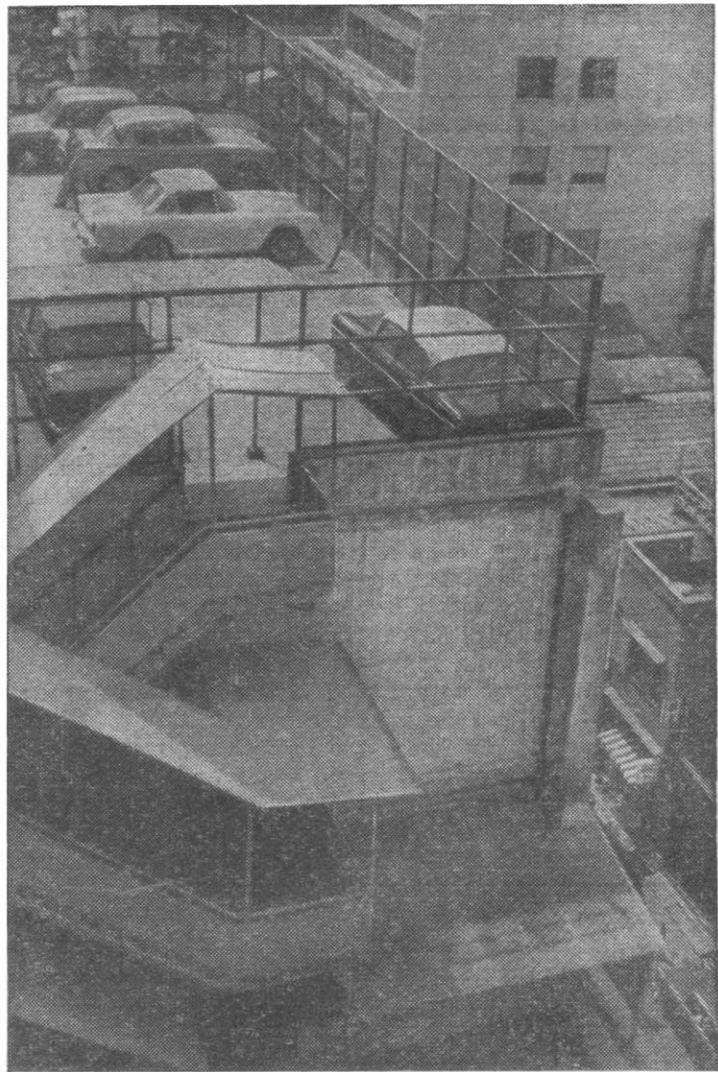
Если вы хотите познакомиться с одной из подобных метаморфоз, садитесь в любой токийский автобус. Поездка на автобусе сама по себе очень интересна хотя бы с той точки зрения, сколько внимания японская кондукторша уделяет пассажирам, водителю и тому, что происходит по левую сторону.

Это начинается на остановке. Подъезжает автобус, кондуктор открывает двери и начинает повторять:

— Спасибо... Спасибо... Спасибо...

Каждому выходящему пассажиру «спасибо», и у каждого перед этим «спасибо» девушка отбирает биле-

² «Цестовни пас» — значит «служебный паспорт». — *Прим. пер.*

Где пристроиться? Разве что на крыше?

тик. После того как все вышли, она обращается к стоящим на остановке и извиняется:

— Простите, что мы заставили вас так долго ждать...

От неожиданности это кажется настолько милым, что вам тут же хочется заверить ее, что ничего не случилось, что вы с удовольствием ждали автобус или только что подошли. Но это милое создание уже перестало обращать на вас внимание, так как ей очень некогда, и она продолжает быстро бормотать дальше:

— Мы направляемся к западной платформе Токийского вокзала через Тамуратэ и Симбаси. Прошу вас, входите, пожалуйста.

Вы не успеваете оглянуться, как оказываетесь в автобусе, кондуктор закрывает двери и напевно выкрикивает:

— Оорай...

Автобус трогается, и вы начинаете понимать, что львиная доля вежливости, обволакивающей вас на каждом шагу, вряд ли нечто большее, нежели форма обращения, принятая всеми жителями островов, с той лишь разницей, что остальные японцы произносят слова более внятно и медленно, чем кондукторши в автобусе.

— Прошу вас, проходите дальше,— кондукторша не дает вам времени на размышления.

— Кто-нибудь не получил билета? Слева идет автомашина,— это уже не к вам, а к водителю. В Японии движение левостороннее, и шоферу, сидящему справа, плохо видно, что происходит с левой стороны. Положение становится критическим. Легковая машина вклинилась между автобусом и тротуаром, и расстояние до нее не превышает нескольких сантиметров. Кондукторша открывает двери автобуса, высовывается и начинает петь:

— Левее... оорай... оорай... оорай... оорай...— помогая водителю вывести автобус из узкой щели.

— Красный свет,— нет, это уже не для водителя, на светофоры он должен обращать внимание сам, а для пассажиров, которым непонятно, почему автобус остановился.

Кондуктор заранее оповещает также о выбоинах на мостовой, где автобус может качнуть, и крутых поворотах, чтобы пассажиры крепче держались; на этих же поворотах вы услышите уже знакомое:

— Левее... оорай... оорай... оорай... — потому что разворачивать огромный нескладный японский автобус в узких улочках — дело непростое и часто все решают буквально сантиметры.

— Извините, что вам пришлось так долго нас ждать, — эти слова вышколенные кондукторши повторяют на каждой остановке и тут же:

— Следующая остановка Сандзэнья... Сандзэнья!

Если на следующей остановке никто не выходит и никто не ждет автобуса, то автобус не останавливается. В этих случаях кондукторши сообщают водителю:

— Следующая остановка — оорай!

Лишь одно для японских автобусов никогда не бывает «оорай» — железнодорожный переезд. Зимой и летом, во время дождя и в солнечный день автобус останавливается, кондукторша берет красный флажок и свисток, выходит из автобуса, бежит к центру переезда и, если путь свободен, машет флажком и свистит. Автобус переезжает линии, останавливается довольно далеко за переездом, кондукторша догоняет его, впрыгивает, кричит «оорай», и автобус трогается.

О токийском автобусе можно было бы долго рассказывать — о невероятных давках, когда каждый стремится пролезть в машину, несмотря ни на что, но при этом никто никого не оскорбит. О силе выдержки, когда вы стоите в сандалиях и улыбаетесь, хотя вашу ногу придавил каблук деревянного башмака. О том, что здесь не уступают место женщинам и очень часто можно наблюдать сценку, как по-дружески разговаривают сидящий мужчина и молодая женщина, висящая на поручнях и сдавленная со всех сторон. О токийском автобусе можно было бы много рассказывать, но ничто не является для него столь характерным, как слово «оорай». Вы хотите знать, что это значит? Что все в порядке, все «ол райт».

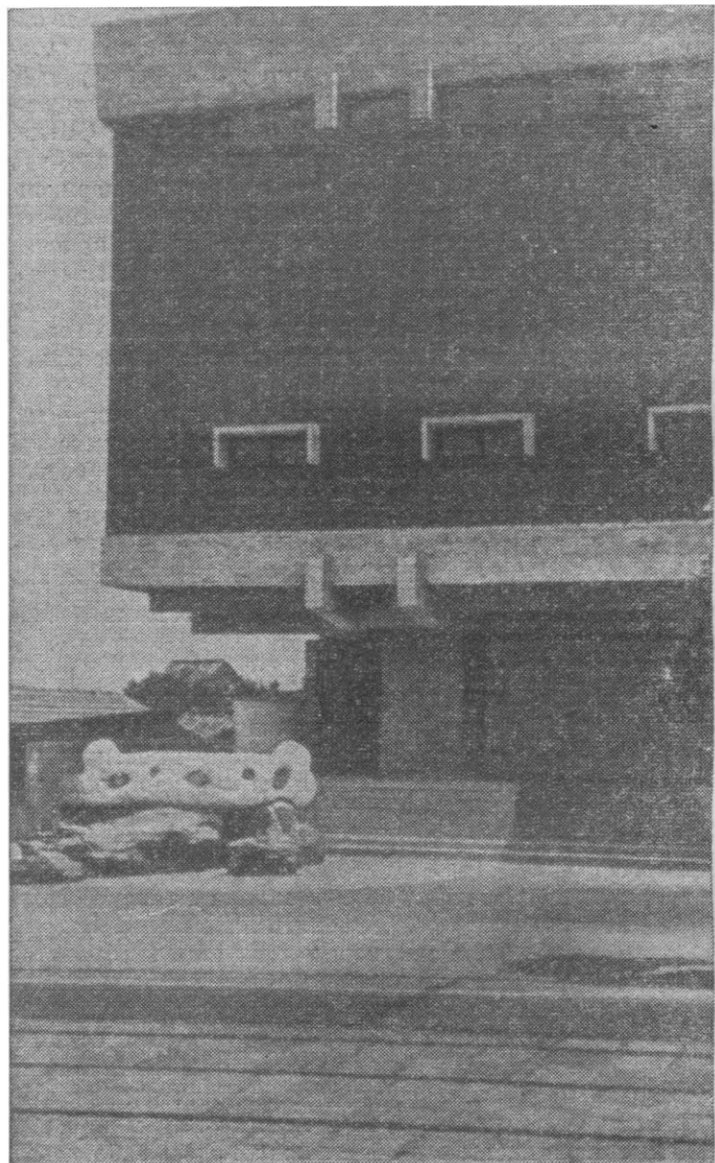
Американская военная радиостанция в Токио довольно часто говорит о защите демократии и свободы, ради которой американцы и главным образом американские солдаты наводняют эту страну. Однако действительность намного прозаичнее. Семьи американских офицеров и сержантов приезжают в Японию, влекомые

не какими-то идеалами, а просто потому, что жить в Японии им намного легче, чем в Америке. Одни американские военнослужащие удовлетворяются имеющимися у них привилегиями, они живут вокруг своих баз если не как боги в Индии, то по крайней мере как американцы в Японии, а разница тут не очень велика. Другие, более предприимчивые, помнят о том, что, когда они вернутся в Америку, их ждут худшие времена, и поэтому они обкрадывают американскую и японскую казну, как только могут.

Так, например, после окончания войны один американский солдат женился на японке. На занятые деньги они построили домик, записали его на имя родителей жены и сами себе назначили такую высокую квартирную плату за проживание в нем, что американские власти оплатили за три года всю стоимость дома. Пентагонские бухгалтеры, однако, вскоре раскрыли махинацию и, придя в бешенство, возможно от того, что у них уже есть жены в Америке, издали такие строгие инструкции о квартплате, что могли бы подвергнуть серьезной угрозе боеспособность американской армии в Японии, если бы, к счастью, у солдат не оказалось немало других возможностей для скрашивания жизни.

Взять, к примеру, автомашины. На американские лимузины был очень большой спрос, ибо местная промышленность автомобилей почти не производила, а их импорт сдерживался высокими таможенными пошлинами. Но американцы сразу протянули японцам руку помощи. Они стали выписывать из-за границы машины на свое имя, а спустя несколько недель продавали их японцам по цене, редко когда превышающей настоящую цену в три раза. Однако из-за нежелания японских властей должным образом оценить частную инициативу и этот бизнес пошел на убыль.

Вблизи станции Окатимати, рядом с виадуком, под колесей железной дороги до сих пор ведут свое дело перекупщики контрабандных товаров. Здесь официально и без особых помех торгуют товарами, которые купили или каким-нибудь другим образом приобрели предприимчивые янки на складах или в специальных магазинах американской армии и потом принесли сюда вопреки всем японским и собственным инструкциям. Тут можно приобрести все, что носит, ест, жует или любым

Новое современное здание в Токио

другим образом использует американский солдат и его семья: военное снаряжение, белье, киноплёнку, авто-ручки, посуду, продукты, клюшки для игры в гольф, авиационные комбинезоны, масляные печи, холодильники — короче говоря, все с маркой «Сделано в США». Когда смотришь на это, в голову приходит мысль, что здесь можно было бы купить даже чучело американского генерала в целлофане, если бы оно что-нибудь стоило. Японская полиция время от времени наносит «неожиданные» визиты, о которых перекупщики всегда бывают заранее предупреждены. Кстати, на всякий случай на все товары они наклеивают таможенные гербовые марки, которые, как утверждают, в последнее время они печатают сами.

Чёрный рынок в Окатимати и других местах — это довольно оригинальная форма японо-американского сотрудничества, сталкиваясь с которой японцы беспомощно разводят руками.

— А как гейши? — спрашивают обычно каждого, кто приезжает из Японии. Более сведущие обычно добавляют:

— А как Иосивара?

Иосивара в Токио до сих пор существует, но от нее осталось лишь название. Еще в начале 1958 года в силу вступил закон, запрещающий в Японии проституцию, и ремесло, которое в давние времена прославило Иосивару, сейчас процветает в других увеселительных центрах, приобретая более современные, несколько завуалированные формы.

Объявление проституции вне закона не могло само по себе коренным образом изменить положение. Старые публичные дома были закрыты и превращены в почасовые гостиницы. Цены за номера в таких гостиницах назначаются обычно из расчета двухчасового «отдыха» в них. Нужда, царящая в многодетных японских семьях, невозможность найти работу, низкая заработная плата, а иногда и просто изъяды воспитания заставляют тысячи японских женщин идти в ночные клубы и бары. Молодые женщины и девушки должны здесь заботиться о развлечении гостей. Они танцуют с посетителями и стремятся к тому, чтобы те заказывали для себя и для

них как можно больше блюд и напитков. Сами девушки едят очень мало и почти ничего не пьют. Напитки, которые приносят им, чаще всего бывают лишь внешне похожими на настоящие, в большинстве случаев это слабый раствор заказанного алкогольного напитка. Это и понятно. На кого эти девушки были бы похожи, если бы каждый вечер они выпивали все, что заказывают для них гости! При расчете учитываются, естественно, лишь настоящие напитки. Некоторые гости любят бутылочное пиво, и поэтому для того, чтобы не испортить почки, «их» девушки в течение вечера меняются особенно часто. Девушка танцует один танец, перебрасывается с гостем парой слов, отпивает из кружки, чтобы ее пришлось заменить, и исчезает. Ведется тщательный учет заказанных бутылок и коктейлей. Их число официант проставляет против имени девушки, и, если норма выполнена, она получает небольшую плату. Не удивительно, что девушки очень скоро начинают подрабатывать и другим способом, к чему их принуждают владельцы подобных заведений и многочисленные банды, держащие в своих руках все токийское дно. У каждой из этих девушек есть свои маленькие визитные карточки с «псевдонимом» и номером телефона.

Подобно тому как гейш вытеснили современные «хостессы», бренчащие сямисэны сменились джазом, а классические танцы — стриптизом. Для тех, у кого не хватает средств или времени просиживать подолгу в ночных заведениях, в Токио существует несколько ревю, в которых стриптиз длится без перерыва так долго, что к окончанию программы большая половина посетителей почтенного возраста засыпает от скуки.

С этими американизированными развлечениями не имеют ничего общего традиционные японские вечера, в которых принимали участие гейши — умные, высокообразованные женщины, умевшие развлекать гостей не телом, а утонченностью, остроумием, песнями и танцами. Кое у кого сложилось неверное представление о них как о высокопоставленных проститутках, но ими настоящие гейши никогда в действительности не были. В наши дни гейш осталось довольно мало, и в Токио вы их почти не увидите. Японские рестораны, правда, сохраняют старые традиции и вечерами для развлечения посетителей используют женщин, которые похожи на

гейш лишь своими кимоно, белым гримом лица, умением играть на сямисэне, танцевать и петь. Счастливы в своем неведении иностранцы, которые не говорят по-японски и не могут отличить настоящую гейшу от подделки! Представьте себе, что вам пришлось бы провести вечер в кругу пожилых женщин, чрезмерно любопытных и болтливых, которые считают, что лучше всего развлекут вас, восхваляя вашу красоту и мудрость и расспрашивая вас о самых интимных вещах. Японцам это, вероятно, нравится, и они с удовольствием раскрывают им свои сердца, но европейцы обычно бывают недовольны.

В особых случаях приглашают и настоящих, долго учившихся искусству развлекать гостей гейш, большинство которых живут в Киото. Но это дорогое удовольствие, и, чтобы увидеть гейш, лучше самому съездить в Киото, где еще сохранились их школы.

Нынешние центры развлечений в районах Асакусы, Юракутё, Гиндзы, Синдзюку, Сибуи — это не просто средоточие баров и ночных клубов. У каждого из них есть свое ярко выраженное лицо. На Гиндзе, например, рядом со специальными ресторанами для иностранцев и богатых японцев есть тихие, темные, ~~маленькие~~ кафе, где подается кофе, который многим из вас пришлось бы не по вкусу, но зато здесь имеются прекрасные стереофонические записи танцевальной и классической музыки.

В Асакусе развлекается простой народ. Здесь платят не такими крупными купюрами, как на Гиндзе, и звон монет тут глуше, но народу бывает не меньше. Вблизи Асакусы расположены кварталы токийских «сламс», куда иностранцы попадают довольно редко и где живут самые бедные, самые обездоленные — те, кого днем можно встретить в Токийском порту. Это собиратели отбросов, поденщики, чернорабочие, нищие и безработные.

Нищета и нужда к Асакусе прямого отношения не имеют, хотя в какой-то степени и затрагивают ее. Наряду с кинематографами, в которых все время крутят новые и тем не менее похожие друг на друга кинофильмы о самураях и их феодальных господах, здесь

Японки в традиционных нарядах

есть немало народных театров, в которых идут невероятно сентиментальные пьесы об отношениях между родителями и детьми, о самоубийствах влюбленных, о покорности начальству, об отцовской непреклонности, супружеских треугольниках, о любителях транжирить деньги. Эти пьесы часто бывают сдобрены грубыми, даже вульгарными двусмысленными шутками и многочисленными сценами с раздеванием. С точки зрения сюжета и актерского исполнения все это очень примитивно, но, так как с этих подмостков комментируются, пусть в грубой форме, современные проблемы внешней и внутренней политики, начиная от свадьбы принца и кончая вопросами, связанными с местным полицейским комиссариатом, довольно интересно следить, как зрители реагируют на различные намеки свистом или громовым смехом.

В ночной Асакусе вы можете полюбоваться громадными световыми рекламами или зайти в любой из многочисленных национальных ресторанов, где нередко подают специальные блюда, например «сирену с тремя грудями»...

Днем Асакуса — это торговый район, над которым доминирует буддийский храм богини Каннон и который напоминает священное место, куда нескончаемым потоком тянутся паломники. Маленькие лавчонки, где продаются самые разнообразные товары, образуют улицы. В будничные дни большинство лавчонок закрыто, но зато в воскресенье и во время праздников их ставни распахиваются и каждый торговец стремится чем-нибудь украсить свою лавку. Цветы сакуры из розовой бумаги, прикрепленные к сухим, аккуратно нарезанным веточкам, окаймляют улицы, переполненные людьми, а наверху колышутся от ветра подвешенные на проволоке символы счастья. Кондитеры прямо на глазах у зрителей пекут бисквиты с приторно сладким бобовым вареньем *анко*, щеголяя своим умением и ловкостью. Ребяташки покупают сахарную вату, взрослые прикуривают от огня, горящего перед храмом, ароматные «франтишки», а богиня Каннон ведет счет иенам и десятииеновым монетам, которые к ее вящей славе со стуком падают на дно деревянных касс храма. Праздничная Асакуса — это настоящая Япония, Япония простых людей.

По-своему интересен и новый, только зарождающийся увеселительный центр Сибуя, расположенный вблизи вокзала. В отличие от Асакусы с ее храмом богини Каннон его венчает огромный универсальный магазин, на втором этаже которого расположена конечная станция подземной железной дороги, а по двум другим этажам во всех направлениях проносятся электропоезда.

Главная достопримечательность Сибуи — предсказатели. В Токио вообще много прорицателей, но здесь их число особенно велико. Это связано, видимо, с тем, что в Сибуе огромное количество пассажиров пересеживается из трамваев в автобусы, электропоезда, метро и такси. А что может быть удобнее, чем по дороге домой заглянуть на секунду к ясновидцу, который расскажет о будущем! И поэтому каждый вечер в наш просвещенный XX век у современного универсального магазина стоит около десятка серьезных господ и дам, которые за небольшую плату охотно погадают вам по линиям руки или лица. Для большего эффекта на небольшой подставке горят свечи в бумажных фонариках, а чтобы никто не мог заподозрить ясновидцев в шарлатанстве, многие выставляют перед собой лист картона, на котором неумелой рукой начерчены сложные линии человеческой ладони, лица или даже всей фигуры, снабженные необходимыми пояснениями и описаниями и являющиеся доказательством того, что хиромантия — настоящая наука, для овладения которой нужно быть очень талантливым и долго учиться. Некоторые из японских предсказателей стали столь популярными, что к ним постоянно обращаются за советом высокопоставленные деятели, но происходит это, конечно, не на улице.

Так же как и во всех крупных городах мира, на токийских улицах вы встретите массу самых различных заведений, которые призваны заботиться о пище недуховной. Наряду с японскими ресторанами здесь есть рестораны китайские, французские, русские, индонезийские, немецкие, итальянские, венгерские, шведские, индийские, корейские, филиппинские, монгольские. На Сибуе мы обнаружили «Богемиян клуб». Мы решили,

что это и есть «чешский клуб», но оказалось, что ресторан не имеет ничего общего ни с Чехословакией, ни с чешской кухней. Слово «богемиен» в данном случае происходило от «богемы» и было названием обычного ночного заведения.

В экзотические рестораны, где подают заморские блюда, мало кто может себе позволить ходить часто. Все здесь стоит очень дорого, и поэтому сюда обычно приходят иностранцы, истосковавшиеся по родной кухне, или богатые японцы, которые отмечают необычным пиршеством удачную сделку. Простые жители Токио заглядывают сюда крайне редко. И лишь китайские рестораны, которых, кстати, больше других, посещают и простые люди. Китайские блюда очень популярны, а самые излюбленные из них ни по названию, ни по вкусу не отличаются от японских. Поэтому в столице Японии наряду с роскошными стилизованными китайскими ресторанами процветают простые маленькие китайские столовые, в которых посетители сидят на деревянных лавках за столами без скатертей.

Рабочий люд Токио обычно питается в дешевых столовых. Они невелики, иногда их трудно бывает даже заметить, так как вход закрывает короткая, разрезанная на три полосы ширма *норэн*, на которой каллиграфически выписано название столовой. С витрины, если таковая имеется, обычно улыбается вам белая фаянсовая кошка с красным бантиком, потирающая одной лапкой ухо. Это *манэки нэко* — кошка завлекающая. По поверью, она приносит счастье и привлекает посетителей. Кошка сидит среди выставленных блюд, которые готовятся в этой столовой; рядом с каждой тарелкой — название кушанья и цена. Для того чтобы блюда возбуждали у прохожих аппетит, их стараются сделать как можно красочнее. Все содержимое тарелок — из воска. Несколько лет назад предприимчивый молодой человек пришел к мысли, что ресторанам выгоднее выставлять в витринах вместо настоящих блюд, которые нужно менять ежедневно, восковые муляжи. Со временем изготовление муляжей превратилось в целую отрасль производства. И хотя восковые натюрморты не портятся, они выцветают на солнце и темнеют от пыли. Поэтому рестораны и столовые платят за их использование, а раз в полгода витрины обновляются.

В окрестностях Гиндзы и других шумных центров расположены десятки ресторанов, специализирующихся на приготовлении особо знаменитых японских блюд. Внутреннее убранство и архитектурное решение их традиционно японские. Основной строительный материал — прекрасно отшлифованное, покрытое лаком, неокрашенное дерево и бамбук.

В этих ресторанах готовят *тэмпура*, *сукияки*, *суси*, *фугу*.

Тэмпуровые рестораны специально оборудованы так, чтобы это блюдо было удобно готовить. *Тэмпура* — это креветки, запеченные в тесте; к ним подаются точно так же приготовленные овощи, грибы и рыба. Каждый кусочек жарится в растительном масле до тех пор, пока не станет золотисто-желтым. Сам ресторан представляет собой длинную стойку, за которой повара в белых халатах прямо на глазах у посетителей жарят овощи и грибы и, вынимая их из масла, тут же подают заказчикам. Гурманы берут каждый из поджаренных кусочков специальными палочками, макают в острый соус с наструганной редькой и все это, сдобренное острыми приправами, отправляют в рот. На свете нет напитка, который бы шел к тэмпуре лучше, чем японская рисовая водка *сакэ*, так же как и для *сакэ* нет лучшей закуски, чем *тэмпура*. Это, казалось бы, типичное японское блюдо вовсе не японского происхождения. Говорят, что тэмпуру завезли в Японию португальцы, а японцы лишь видоизменили ее, приспособив к своему вкусу.

Другое, не менее знаменитое японское блюдо — *сукияки* — в старой Японии тоже не было известно. Оно получило распространение здесь лишь во второй половине XIX века, и наверняка у него тоже был какой-нибудь европейский прототип. Основной компонент *сукияки* — говядина, а буддизм и японские феодальные власти весьма строго следили за тем, чтобы мясо животных не употреблялось в пищу. *Сукияки* также готовят на глазах у посетителей. Повариха в кимоно приносит в большую плетеной бамбуковой корзине красиво уложенные тонко нарезанные кусочки мяса, белые кубики бобового паштета *тофу*, головки лука, грибы, бамбуковые побеги и *сиратаки* — один из видов японских овощей. Она ставит на раскаленные древесные угли или на газовую горелку тяжелую смазанную салом сково-

роду, наливает густую смесь соевого соуса, сахара и рисового вина и запекает в ней мясо и овощи. Когда суккияки готовы, их едят, макая в сырое яйцо.

Суси бывают нескольких видов. Их готовят в специальных ресторанах. Это одно из самых любимых японцами блюд. Их подают на приемах, в качестве легкого завтрака во время полета на самолетах японских авиакомпаний, и вообще, можно сказать, суси для японцев то же, что для нас бутерброды. Суси представляют собой нечто вроде котлеток из политого слабым раствором уксуса мятого риса, начиненных рыбой, иногда с кореньями или хреном, и «одетых» в *нори* — сушеные морские водоросли или листики омлета. Суси можно съесть прямо в ресторане или взять с собой; в этом случае вам их завернут в свежие бамбуковые листья.

Японцы так любят дары моря, что не могут отказаться от этой любви даже под угрозой смерти. Одно из самых распространенных лакомств — пузатая рыба *фугу*, пузатая потому, что при малейшей опасности она надувается. Внутренности ее содержат смертельный яд, и если повар неопытен или неосторожен и случайно разрежет мешочек с ядом, то все, кто отведал этой рыбы, через несколько часов погибнут. В связи с этим издана специальная инструкция, по которой блюда из *фугу* могут приготавливаться лишь в особых ресторанах, где повара имеют лицензии. Однако гурманы рискуют жизнью, не обращая внимания на отсутствие лицензии, потому что белое мясо этой рыбы не только очень вкусно, но и действует как слабый наркотик.

Распространены здесь и другие хоть и менее опасные, но столь же своеобразные блюда. До сих пор мы вспоминаем о сильных ощущениях, которые испытали во время ужина в одной японской семье. Нам захотелось попробовать сырую рыбу, вымоченную в остром соусе, но в тот момент, когда один из нас уже подносил кусочек рыбы ко рту, хозяин по-дружески предупредил:

— Не капните на подбородок, а то у вас вскочит волдырь.

В центре Токио, в парке Сйба, возвышается башня, нижняя часть которой окрашена в ярко-красный цвет, а наверху красный цвет чередуется с белым. С антен-

ной высота этой башни составляет 333 метра, и в свое время она была рекордсменом в этой категории высотных стальных конструкций.

Одни утверждают, что Токийская башня — это чудо современной техники и символ прогресса японской промышленности, иные — что она ничего особенного собой не представляет, и, в то время когда в других странах осуществляют множество современных проектов, принятие устаревшей концепции Эйфелевой башни сильно разочаровало специалистов. Но нельзя не признать, что Токийская башня создает впечатление изящества, мощи и современности. Сооружение этой башни во многом осложняли возможные землетрясения, а Эйфелева башня хоть знаменита и очень романтична, но по сравнению с Токийской все же кажется устаревшей неуклюжей грудой металла. Но стоит взглянуть на Токийскую башню издали, как вы сразу почувствуете, что ее высота, форма и растопыренное основание действительно являются символом молодого поколения, родоначальницей которого была бабушка Эйфелева башня.

Но разве это так уж важно?

А если кто-нибудь и заслуживает упрека в недостатке оригинальности и в копировании чужих образцов, то уж никак не японские инженеры — строители башни, а комиссия, давшая ей название Токийская башня. Однако спросите любого жителя Токио, что такое *Токёто*, и он вам не ответит. Официальное название Токийской башни было согласно современной моде американизировано. В переводе на английский это название звучит *Токё Тауэр*, и из него сразу возник японо-американский фонетический уродец — *Токё тава*. И, естественно, вскоре и в других городах вместо башен начали вырастать лишь «тавы».

Токийская башня так велика, что между сводами ее основания легко поместилось многоэтажное здание с теле- и радиостудиями, с техническими залами, универсальным магазином, с электрической страной чудес и лунапарком, залом приемов, информационным бюро и несколькими скоростными лифтами.

С двухэтажной обзорной галереи Токийской башни, расположенной ниже ее середины — в 125 метрах от земли, виден не только весь город, но также и Токийский залив, Икогама и морское побережье до

горного хребта Хаконе. Нигде в Токио, даже в самом порту, вы не почувствуете близость Тихого океана так явственно, как на Токё тава.

Серое водное пространство, заполненное до самого горизонта черными силуэтами морских гигантов, стоящих на рейде Токио и Иокогамы, словно начинается у ваших ног. Великолепен и открывающийся с Токийской башни вид вечернего Токио с обширными темными кварталами, в которых лишь помигивают желтые квадратники окон низких домиков, с белыми фарами автомашин и красным фейерверком задних фонарей в раскаленных каналах улиц, озаренных сумасшедшим танцем ночных реклам. Светофоров не видно, но их переключение можно безошибочно определить по живому пульсу города, по тому, как гроздья светящихся точек вдруг трогаются с места и мчатся до следующего перекрестка.

Токийская башня — это устремившаяся в небо тонкая игла, которую посещают сотни и тысячи туристов. Она возвышается, словно встав на носки над плоским и приземистым городом, как символ руководящей роли и авторитета столицы государства. С Токийской башни передают свои программы десятки радиостанций, через нее ведутся коротковолновые передачи за рубеж. С нее идут приказы далеким судам и полярным экспедициям и передаются программы токийских телестудий для находящихся рядом телезрителей. Токийская башня обеспечивает связь радиорепортера со слушателем, телевизионного артиста со зрителем, страны с морем, Токио с Японией, Японии со всем миром.

И выполняет свою роль она превосходно.

Утратил ли

свою силу

сом *намадзу*?

— Мы даже не испытали настоящего землетрясения,— жалуются на токийском аэродроме возвращающиеся домой туристы, и вид у них при этом несчастный.

Отправляясь в Японию, они были убеждены, что наконец-то узнают, что переживает человек, когда под ногами трясется земля. Но приходится возвращаться без всяких впечатлений, не испытав чувства, что вы побывали вблизи от раскаленного ядра Земли. Туристы полны подозрений, что японские землетрясения — это рекламный трюк.

— Вам не повезло. Как раз накануне вашего прибытия изрядно трясло,— такими словами мы обычно пытались спасти добрую славу японской сейсмической деятельности.

В письмах с родины мы находили вырезки из наших газет и журналов с такими заголовками: «Сильное землетрясение в Японии», «В Токио было землетрясение», «Три жертвы землетрясения в Японии». Родственники и знакомые тревожились о нашей судьбе, а пожилые тетушки с ужасом вопрошали, как мы можем с детьми жить в стране, где по несколько раз на день бывают землетрясения.

В этих случаях мы пытались тактично обойти молчанием рассказы о падающих со стен картинах и разбитых вазах, стараясь подчеркнуть, что слухи о землетрясениях часто бывают преувеличенными и что нередко мы даже ничего не чувствовали. И это было правдой.

Японцам неприятны наши слишком сенсационные и слишком легковверные представления о землетрясении.

«Дзисин, каминари, кадзи, оядзи» — это, как с давних времен считают японские подростки, четыре самых больших бедствия, угрожающих людям. «Землетрясе-

ния, молнии, пожары, отцы», — обычно ворчит японский школьник, получивший нагоняй за плохие отметки, и ему сразу же становится легче. Гнев отцов возвеличен до стихийного бедствия. Это лишь аллегория, но к первым трем явлениям японцы относятся чрезвычайно серьезно. Самая страшная беда — землетрясение, и поэтому оно стоит на первом месте. Огонь можно погасить водой, молния уходит в землю, да и с отцом, если будешь хоть чуть-чуть дипломатом, всегда можно договориться. Но как бороться с землетрясением? После 20, 50, 70 лет небольших толчков неожиданно происходит роковой губительный подземный удар, как будто возвещающий о конце света. Мы не раз слышали от старых японцев рассказ о самом страшном землетрясении.

Это случилось в субботу 1 сентября 1923 года. Над измученным жарой и влагой Токио висели черные тучи, и даже порывистый ветер, который с самого утра подымал на немощных улицах вихри коричневой пыли, не приносил облегчения, а лишь приклеивал к спине мокрую от пота рубашку. Ветер был тяжелым, словно его намочили в море.

Приближался полдень. Владельцы магазинов заранее смирились с тем, что торговля пойдет плохо. В такую погоду в Токио и Иокогаме не видно почти ни одной живой души. Большинство иностранцев еще накануне уехали в Каруидзаву, а те, кто остался, после обеда отправятся на Эносиму, в Атами или Хаконе либо будут сидеть дома, чтобы сэкономить деньги, и все равно ничего не купят.

Мелкие служащие предвкушали радости выходного дня. Они не желали друг другу приятного воскресенья потому, что японцы никогда так не говорят, но были рады, что смогут немножко отдохнуть. Они не знали, что для 105 тысяч жителей Токио и Иокогамы близится вечный покой. Лишь 10 минут оставалось до полудня субботнего дня, когда большой *намадзу* — сказочный сом, лежащий глубоко в японской земле, первый раз махнул своим огромным хвостом.

Десятки тысяч деревянных домиков рухнули от этого удара и погребли под собой детей и женщин, готовивших субботний обед. Кирпичные дворцы и здания

превращались в дымящиеся могилы, улицы лопались и трескались, как высыхающее болото. Поезда сходили с рвущихся рельсов, падали с насыпей, застывали в обвалившихся тоннелях. Железобетонные строения устояли, но их постигло другое бедствие — огонь. Сначала несколько несмелых красных языков лизнуло упавшие деревянные балки и бамбуковые столбы, а сквозь соломенные рогожи пробилась первая струйка синеватого дыма. Но спустя немного времени все широкое побережье от Токио до Иокогамы было охвачено пламенем, которое раздувал неутихающий ветер. Продолжающиеся подземные толчки, разрушенная водопроводная сеть и вырывающийся наружу газ препятствовали тушению страшного пожара.

У тех, кто пережил первый удар и кому посчастливилось выбраться из развалин раньше, чем их объяло пламя, из-под ног уходила земля. В воздухе стоял детский крик, стоны раненых и вопли о помощи. Улицы, обрамленные горящими домами, пылали; жар был невыносим. Десятки тысяч несчастных заполнили парк Уэно. Когда же загорелся вокзал, в толпе началась паника и многие погибли под ногами бегущих.

Около шести часов вечера намадзу наконец нашел удобное положение, но к этому времени в Иокогаме уже нечего было разрушать, а значительная часть Токио сровнялась с землей. В столице взорвался склад боеприпасов, в Иокогаме загорелись бензо- и нефтехранилища, и огонь огромными реками тек в море. Три дня не утихал пожар. Десятиметровые морские волны, поднявшиеся от подземных толчков, смели в море сотни людей и затопили целые города. На улицах лежали покрытые рогожами кучи трупов. Таков был итог самой большой стихийной катастрофы, какую помнит история. Лишь в Токио погибло 68 тысяч человек, из них 40 тысяч сгорело во дворе склада военного обмундирования, где люди пытались спастись от пожара.

Сейчас в Токио в четыре с половиной раза больше жителей, чем было в 1923 году, но основная масса городских построек — все так же деревянные. Никто не отваживается утверждать, что сом намадзу обессилел и что уже никогда не повторится подобное землетрясение.

Скорее наоборот. Существуют даже выкладки о количестве будущих жертв и о материальных разрушениях, основанные на предположении, что случится такое же сильное землетрясение, какое было в 1923 году. Предполагается, что вновь могут погибнуть десятки тысяч человек, а ущерб будет исчисляться миллиардами иен. И все же почти все считают, что последствия землетрясения будут менее трагичными, чем 40 лет назад, если, конечно, будет достаточно воды.

Все крупные здания в Токио, Иокогаме и по всей долине Канто строятся антисейсмическими и огнестойкими. Это значит, что закладываются специальные фундаменты, возводятся противоударные каркасы, стальные двери закрываются герметически и совсем не используется кирпич. Сталь, железобетон и традиционное дерево благодаря прочности и упругости должны уменьшить последствия возможной катастрофы. А телевизионная башня Токио будет нести свою иглу на высоте 333 метров над городом, даже если произойдет удар в три раза более сильный, чем тот, что был зарегистрирован в 1923 году.

В Токио и других японских городах никто не может сравниться по оперативности с пожарными командами. Однажды мы заметили, что начинается пожар. Мы позвонили, назвали место, где возник огонь, и не успели положить трубку, как услышали сирену подъезжающей пожарной машины.

В Японии почти все время где-нибудь трясет. Первое место занимает Токио и вся долина Канто. Вообще на Японских островах более 40 действующих вулканов. Точное их число установить трудно, потому что неизвестно, действуют ли некоторые из них или нет. Повсюду разбросано бесчисленное множество горячих источников, всевозможных скважин, откуда несет сероводородом, зловонных дыр и других доказательств того, что ад находится неподалеку отсюда. И в то же время побережье Японии как бы низвергается в холодную пучину одной из самых глубоких впадин Тихого океана, стены которой испытывают колоссальное давление. Поэтому японская земля столь неспокойна. Но большинство колебаний почвы могут зарегистрировать лишь очень чуткие приборы. Это так называемые ежедневные землетрясения. Менее точным прибором являются ноги,

которые чувствуют колебания примерно дважды в месяц, чаще всего на верхних этажах, где амплитуда колебаний увеличивается благодаря упругости конструкции здания. Кстати, особенно неприятно бывает, когда землетрясение застигает на балконе концертного зала или кинотеатра и перепуганные зрители, сидевшие рядом с вами, срываются с места и бегут по вашим ногам к выходу.

Редкие сильные землетрясения причиняют серьезный материальный ущерб. Немало строений рушится и при слабых толчках. Правда, в ближайшее время они должны были бы рухнуть сами, без всякой помощи, из-за своей ветхости. Однако и их включают в статистические данные.

Несмотря на то что уже много лет почти не было землетрясений, которые угрожали бы жизни или имуществу японцев, они всегда готовы сорваться с места и бежать. Это особенно характерно для пожилых людей, которые не забывают о роковой субботе 1 сентября 1923 года. Они всегда начеку и не любят рисковать. Японцы опасаются не маленьких ежедневных толчков, а того, что за ними могут последовать более сильные.

В городе Готвальдове на обувном предприятии «Свит» в многоэтажном административном корпусе есть большой лифт, оборудованный под рабочий кабинет. Это наследие старого фабрикапта Бати. Иностранных посетителей обычно приводят в этот «кабинет», а когда они спокойно усаживаются в кресла, вся комната вдруг вздрагивает и начинает подниматься. Обычно это вызывает улыбку, но делегация японских профсоюзных деятелей шутку не оценила.

— *Дзисин* — землетрясение! — разом закричали японские гости, как только пол дрогнул у них под ногами, и бессознательно бросились к дверям.

Наш старый учитель японского языка в Токио не раз говорил нам:

— При землетрясении вы в первую очередь должны открыть двери. Их надо открыть сразу же, так как потом их может заклинить и вы сгорите внутри.

И поэтому, в то время как иностранцы при землетрясении обычно сидят в комнате и прислушиваются с блаженной улыбкой к каждому колебанию пола и стен, японцы сразу же открывают двери домов, а при

более сильных толчках выскакивают на улицу или становятся в угол комнаты. Согласно одному из старых правил, при сильном землетрясении надо укрыться в бамбуковой роще, потому что земля там насквозь переплетена корнями бамбука и не так-то легко разверзнется. Однако попробуйте добежать сегодня из Токио до бамбуковой рощи — ближайшая находится в предместье Мусасино, в 15 километрах от города.

Было бы странно, если бы столица страны, столь богатой вулканами, не имела своего собственного. У Токио есть свой вулкан. И хотя сопка дымится не в центре города, расположена она в границах столицы Японии. Называется вулкан Михара, расстояние от токийского порта до него составляет 61 морскую милю. В морских милях счет ведется потому, что вулкан находится на острове Осима, юго-западнее Токио. Дым над сопкой поднимается к небу, словно гигантский маяк, стоящий у входа в залив Сагами, на пути к Иокогаме и Токио. И хотя три другие префектуры территориально расположены к Осиме ближе, чем Токио, тем не менее не только этот остров, но и шесть других, отстоящих еще дальше от столицы, включены в черту города. Японцы называют их Идзуситито — семь островов Идзу. Самый южный остров — Хатидзё предприимчивые японские туристические фирмы назвали «японскими Гавайями». Хатидзё лежит примерно на широте острова Кюсю, он отличается очень теплым климатом, богатой тропической растительностью и многочисленными речками и ручьями, так что сравнение со знаменитыми тихоокеанскими островами не так уж надуманно и могло бы послужить хорошей приманкой — особенно для тех, кто на Гавайях никогда не был, — если бы Хатидзё не отстоял так далеко от главного острова. Путешествие по морю из Токио до Осимы длится «всего лишь» восемь часов, а до Хатидзё — свыше полутора суток. Воздушное сообщение, хотя и экономит время, простому японцу не по карману.

В далеком прошлом связь с островами Идзу была еще более трудной. На острова ссылались военачальники, поэты, государственные деятели. Лишь немногие из них дожидались прощения и возвращались глубо-

кими стариками в свою феодальную метрополию. Лучнику Минамото Тамэтомо удалось с Осимы даже убежать. Однако он не вернулся в Японию, где, как он знал, его не ждут с распростертыми объятиями, а переправился дальше на юго-запад — на острова Рюкю. Он так понравился туземцам, что они выдали за него замуж дочь предводителя племени. Это было 800 лет назад. В наши дни Тамэтомо не удалось бы все так легко уладить. На островах Рюкю вместо принцесс живут американцы, и без особого разрешения военных властей туда не может попасть ни один японец. Но жители Осимы до сих пор помнят о смелом поступке Тамэтомо. В деревне Мотомура ему поставлен памятник.

В центре Осимы находится крутая гора с широким кратером, покрытая глыбами невыветрившейся лавы. Это Михара — показательный токийский вулкан.

— Кому лошадь? Кому лошадь? — жестами и криками стараются привлечь к себе внимание туристов владельцы гужевого транспорта, столпившиеся у подножия Михары. За гроши они дают напрокат своих замечательных одров. Замечательных не благородным происхождением или пропорциями, но чрезвычайной выносливостью, удивительно выгнутой спиной, серьезностью и олимпийским спокойствием, без которого ни одно живое существо не выдержало бы такого труда. Владельцы лошадей тоже не похожи на Аполлона, и они не мечтают о горячих скакунах, которые возносились бы на вулкан, с маху преодолевая все препятствия. Между владельцами лошадей и туристами-наездниками существует негласный договор о том, что наездник не будет возражать против того, чтобы проводник-владелец, которому около семи раз в день приходится взбираться на вершину вулкана пешком, держался обеими руками за хвост лошади. Это облегчает трудный подъем.

Единственное, что могло бы, наверное, удивить лошадей, карабкающихся по склонам вулкана, — это изменение маршрута. Они так привыкли к нему, что двигаются с точностью автомата. На краю кратера они на мгновение останавливаются и затем послушно спускаются со своей ношей в дымящуюся, влажную, вонючую пропасть. Затем в них щелкает какой-то выключатель, невидимая сила медленно разворачивает их на 180 граду-

сов, срабатывает часовой механизм, и караван трогается в обратный путь.

Первый свой подъем на Михару мы тоже осуществили верхом. «*Kawaii ne!* — Это великолепно!» — кричали восторженные японцы, спускавшиеся с горы. При виде широкоплечих меринов, за хвосты которых держались проводники, а в седлах тряслись наши фигуры, прижимавшие детей, они хватали в руки кинокамеры, фотоаппараты и трещали ими, как на гонках. Нам бы тоже хотелось кое-кого из них сфотографировать. Подъем на Михару — это нелегкое спортивное испытание, но одежда большинства японских туристов, особенно женщин, мало для этого приспособлена. Они приезжают из Токио в праздничных нарядах. Одеты, как куклолки, в платья пастельных тонов и соломенные шляпки с цветами и лентами, они с большим трудом удерживают равновесие на каменных глыбах, а каблучки-иглочки так и норовят попасть в трещины и каверны на шершавой поверхности лавы, и вытащить их оттуда не так-то просто.

Вид, открывающийся с вершины вулкана, совсем не красив. Гора, треснувшая по всем швам, испускает из-под черных глыб узкие струи белого пара и горячего газа. Кое-где расцвели цветы ядовито-желтых кристаллов серы. Здесь не растет ни один сорняк, не ползает ни одно насекомое. И именно здесь оборвалось много человеческих жизней. Какое странное стремление — покончить с собой как можно романтичнее.

— Сколько человек в этом году прыгнуло в кратер?

— Всего лишь один, какой-то студент. Но это же совершенно новый кратер.

— А что случилось со старым кратером?

— Во время последнего извержения была сорвана вершина вулкана и открылся новый кратер. Прежний располагался намного правее, на том месте, которое сейчас покрыто лавой, — старый японец махнул рукой куда-то вправо.

— Позавчера, говорят, здесь поймали женщину с ребенком в тот момент, когда она хотела броситься вниз, — вмешался в разговор другой проводник.

— Ну, знаете, мало ли что говорят, — засомневался первый.

Мы поняли, почему внизу с нас взяли деньги вперед.

Злое шипение перегревшегося котла, влажный воздух, едкий, раздражающий слизистую оболочку запах и сотни сваренных вкрутую яиц — вот что представляет собой Михара.

Всюду в Японии, где из земли струится пар, где кипит вода или булькает грязь, варятся яйца. Это самая примитивная, но зато наиболее распространенная форма использования человеком энергии вулканов. Если бы завтра на Гиндзе треснула земля и из нее ударила струя горячей, пахнувшей сероводородом воды, то подоспевшие пожарники наверняка увидели бы здесь несколько старушек и стариков, сидящих на складных стульчиках. Над паром висели бы корзинки со свежими, только что сваренными яичками, которые старики деликатно предлагали бы всем прохожим.

«Токио кара Екохама е икимас» — «Я еду из Токио в Иокогаму» — по слогам повторяет на первом же уроке каждый, кто решил овладеть тайнами японского языка. Когда вы сидите на школьной скамье в Праге, это предложение кажется бессодержательным и сухим. Никто даже не задумывается, откуда и куда он, собственно, едет. Однако путешествие из Иокогамы в Токио, из Токио в Иокогаму и вообще поездки по окрестностям столицы — это своего рода национальный вид спорта в Японии.

Из всех дорог, разбегающихся от Токио, самые загруженные и переполненные транспортом — те, что ведут в Иокогаму и дальше на юг. Одно такое шоссе в последние годы превратилось из узкой дороги, окаймленной деревьями, в широкую магистраль, и тем не менее там наблюдается такое же столпотворение машин, как и на токийских улицах, хотя иногда скорость здесь достигает 120 километров в час. Но это бывает редко, крейсерская скорость обычно не превышает 25 километров в час, так как дорога, как правило, безнадежно перегружена.

Иногда случается, что шоссе вопреки ожиданиям оказывается свободным, точнее говоря, машин меньше, чем обычно, и они могут двигаться быстрее. В эти моменты вперед вырываются грузовики или велосипедисты, легковые машины или трехколесные мотоколяски,

мотоциклы или «пикапы», мотороллеры или цистерны, и начинаются гонки, в которых ставкой является время и жизнь, жертвами — ободранные крылья автомашин, сорванные педали велосипедов, разбитые буфера, а целью — удовлетворение водительского честолюбия. Современники Ноева ковчега и лимузины последних моделей мчатся друг за другом, рядом друг с другом, догоняя, обгоняя, останавливаясь, выскакивая на обочину, сворачивая и снова вырываясь на дорогу, и все это делается с азартом и риском, достойными лучшего применения.

Поездка на поезде безопаснее, отнимает меньше времени и, главное, дешевле. Днем и ночью Токио как пулемет выстреливает во все стороны бесчисленное количество скоростных электропоездов, в одну лишь Иокогаму ведут несколько железнодорожных линий. Нас всегда поражали токийские вокзалы. Из выходов тянется бесконечная дисциплинированная толпа скромных японских трудящихся. На широких бетонированных платформах стоят шеренги людей, по двое в ряд. Вагоны всегда останавливаются точно у отметки. А если случится, что машинист проедет обозначенное место, то двери вагона не откроются до тех пор, пока весь состав не будет подан назад. Широкие пневматические двери выбрасывают и проглатывают людей с такой скоростью, что не успеваешь подумать ни о чем другом, кроме того, как быстрее попасть в вагон или выйти из него. Никто никого не ждет, никто ни с кем не разговаривает. А если вагон переполнен, то железнодорожные служащие изо всей силы нажимают на торчащие спины, пока двери не закроются и поезд не тронется.

После получаса езды вы попадаете на Иокогамский вокзал, и тут вас ждет разочарование. На первый взгляд Иокогама — это скучный портовый город, одна из многих дыр японского побережья, откуда во все концы идут изделия со штампом «Сделано в Японии». Особенно много товаров, произведенных в городах долины Канто и на заводах Северной Японии. Иокогаму надо несколько раз обойти, пересечь вдоль и поперек, чтобы понять ее дух и отрешиться от того, что, к сожалению, является для нее самым характерным — мертвых улиц вдоль порта, окаймленных складами и зданиями торговых и морских компаний. На медных вывесках — ино-

странные названия, всюду вокруг — иностранный капитал.

Все, что в Йокогаме достойно внимания, — не японского происхождения. Несколько блоков домов, придвинувшихся к морю, занимает так называемый китайский квартал. Это небольшая, но тем не менее очень своеобразная община, состоящая из нескольких десятков китайских семей. С одной стороны квартал окружен японскими домиками, с другой — барами и кабаками, в которых проводят свободное время моряки стоящих на причале в Йокогамском порту иностранных кораблей. Частые драки в этих портовых заведениях, во время которых ребра щекочет кончик ножа, мало занимают полицию. Ей приходится иметь дело с куда более серьезными вещами — контрабандой опиума, кокаина, героина и других наркотиков, которой занимаются международные шайки, а также нелегальным ввозом и вывозом дефицитных товаров, золота и бриллиантов.

В китайском квартале вы чувствуете себя по-домашнему. Огромные, богатые и совсем маленькие китайские рестораны способны удовлетворить запросы каждого любителя китайской кухни. В них вы найдете все, что где-либо и когда-либо заносилось в китайское меню, причем стоимость блюд здесь намного ниже, чем в большинстве китайских ресторанов в Токио. Меню в здешних ресторанах — это настоящая книга со многими мелко исписанными страницами. В небольших заведениях, в которых трудится вся семья, замечательно пахнет только что приготовленными китайскими пироженными, главным компонентом которых являются орехи. Большие стеклянные миски наполнены сушеными и засахаренными фруктами и другими китайскими лакомствами, привлекающими своим необычным видом.

Если оставить в стороне историю, то о сегодняшней Йокогаме нельзя сказать ничего такого, что не относилось бы также и к другим японским городам. Родилась же и росла Йокогама в довольно своеобразных исторических условиях, влияние которых отразилось на ее облике. В детстве она перенесла опасную болезнь.

До середины прошлого века Япония была изолирована от остального мира в результате политики военно-феодалного правительства токугавских сёгунов, строжайше запрещавшей сношения с другими странами.

Лишь несколько голландских торговцев имели право вступить в Нагасаки на землю Японии. Ни один чужеземный корабль не мог стать на рейде в японских портах, и ни один японец под страхом смерти не имел права покинуть родину. Япония была страной неизвестной, окутанной тайной и поэтому еще более привлекательной и желанной для молодых империалистических держав, особенно для Соединенных Штатов.

8 июля 1853 года вблизи нынешнего Токио у берегов Японии появились «черные корабли». Это был военно-морской флот Соединенных Штатов Америки, а японцы называли американские суда «черными» потому, что они до тех пор не видели кораблей, движимых паром, и черный дым, клубящийся из труб, поразил их не меньше, чем нацеленные на берег жерла орудий. Однако появление флота не оказалось столь впечатляющим, как рассчитывали американцы, ибо вместо 12 кораблей к японским берегам дошли лишь четыре. Но и этого было достаточно, чтобы вызвать в японских правящих кругах переполох. Вел «черные корабли» Мэтью Колбрайс Перри — коммодор военно-морского флота США, который благодаря этой операции сыграл в истории Японии роль большую, чем любой другой иностранец.

Безуспешные попытки «открыть» Японию делались и раньше, но коммодор Перри был первым, кому это удалось. Это был заносчивый и высокомерный человек, не привыкший отступать на поле битвы. Он снискал славу во время захватнической войны Соединенных Штатов против Мексики. Перри прибыл в Японию с четкими инструкциями. Он должен был передать письмо американского президента Фильмора японскому императору и был полон решимости выполнить свою миссию, даже если бы дорогу для передачи «дружеского послания» пришлось прокладывать пушечными выстрелами. Правительство сёгунов сначала не разрешило парламентариям Перри выйти на берег. Но, когда американские корабли приблизились к Эдо, а коммодор Перри во время посещений японскими сановниками флагманского корабля в довольно грубой форме дал понять, кто является хозяином положения, японцы вынуждены были разрешить незваному гостю передать письмо президента на японской земле. В письме было

предложение установить взаимоотношения и высказывались некоторые требования США к японскому правительству.

Через несколько месяцев — 11 февраля 1854 года — Перри, как и обещал, вернулся за ответом. Соотношение японских и американских сил и пришедший в упадок феодальный строй определили характер ответа — он был положительным. 31 марта 1854 года в Иокогаме — маленькой прибрежной деревушке с десятками рыбацких хижин — был подписан первый американо-японский договор. По этому договору Соединенные Штаты получили право торговать с Японией, а американские суда — заходить на рейды портов Симода и Хакодате и пополнять в них запасы продовольствия и угля. Договор был ратифицирован через год — 21 февраля 1855 года — в Симодэ на полуострове Идзу.

Этот военно-дипломатический успех Соединенных Штатов Америки, хотя и способствовал падению реакционного, феодального правительства сёгунов, с точки зрения международного права был актом грубого насилия. В наши дни Соединенные Штаты преподносят его как проявление дружественных отношений и доброй воли, словно американцы только и добивались что освобождения Японии от тьмы феодализма. Истинный характер экспедиции Перри стал проясняться, когда Англия, царская Россия, Голландия, Франция и другие страны поспешили вслед за Соединенными Штатами Америки навязать Японии такие же кабальные договоры, на основе которых она вынуждена была предоставлять иностранцам всевозможные привилегии. В течение короткого времени Япония превратилась в полуколониальную страну. В 1859 году между Соединенными Штатами Америки и Японией был подписан договор, по которому Япония давала согласие на создание на ее территории иностранных концессий с правом экстерриториальности. Местом для строительства концессий была выбрана Канагава, однако через несколько месяцев иностранная колония была перенесена в более удобное место — тогда еще маленькую рыбацкую деревеньку Иокогаму. Роль Иокогамы резко возросла, и в скором времени она превратилась в большой город.

Для полноты картины следует добавить, что благодаря счастливому стечению обстоятельств — разногла-

сиям между капиталистическими державами и укреплению позиций самой Японии, к чему особенно стремилась Англия, старавшаяся натравить Японию на царскую Россию,— право экстерриториальности иностранных владений в Японии в 1899 году было ликвидировано. Япония сама вступила на путь империалистической агрессии, развязав в 1894—1895 годах войну с Китаем, в 1904—1905 — с Россией и аннексировав в 1910 году Корею. Продолжая этот путь, она ввязалась в величайшую историческую авантюру — вторую мировую войну.

Иокогама до самого начала войны оставалась и в значительной степени после нее продолжает оставаться иностранной резервацией. Здесь находятся многочисленные консульства, и здесь же живут семьи американских и европейских торговцев. Для нас это кажется странным, но многие из них до сих пор вспоминают на страницах английской прессы в Японии о старых, давно прошедших временах и о невозвратимой «идиллии» иностранной колонии в Иокогаме.

Дорога, ведущая из Токио через Иокогаму в Киото, с незапамятных времен называется Токайдо. Сто лет назад это была живописная песчаная дорога, окаймленная соснами, кедром, рядами таверн, чайных домиков и почлежек. Эта дорога никогда не пустовала — она была самой главной артерией страны. Токайдо соединяла резиденцию представителя государственной власти с резиденцией действительного обладателя этой власти — дворец императора с дворцом сёгуна, Киото с Эдо. Из Киото она шла дальше в важнейший торговый центр — Осаку. Толпы путников, вечно идущих по Токайдо, и каждые несколько километров меняющийся ландшафт в свое время были излюбленной темой японских живописцев. Из наиболее известных художников мы назовем двух — Хиросигэ и Хокусаи, оставивших потомкам целые серии красочных гравюр, на которых изображены самые различные сценки, передано настроение людей, идущих по этой необычной дороге, даны виды окрестностей и особенно горы Фудзияма. Репродукции их гравюр печатаются до сих пор, а первые оттиски с оригиналов, среди которых очень много под-

дельных, стоят довольно дорого. Уменьшенные во много раз, эти гравюры печатаются на японских спичечных этикетках на радость филуменистам всего мира. Различные эпизоды, происходившие на длинной Токайдо, часто служили благодарными сюжетами и для писателей. Наибольшей известностью пользуется написанная полтора века назад писателем Дзиппэнся Икку³ книга «Токайдо хидзакуригэ», или «~~На своих двоих по Токайдо~~». Это рассказ о веселых приключениях двух гуляк — Ядзиробая и Китати, образы которых стали столь популярными, что Дзиппэнся Икку вынужден был писать все новые и новые рассказы-продолжения, а позже его герои перекочевали в книги других авторов.

В наши дни Токайдо полностью модернизирована, от старой дороги осталось лишь название. В нескольких местах вдоль шоссе попадают остатки старых аллей, очень красивых, но сильно затрудняющих движение транспорта. В том случае когда старое дерево росло прямо посередине дороги и его жалко было рубить, дорогу расширяли и сооружали маленькую круглую клумбу с единственным деревом, огороженным низким бетонным бортиком, — лучше пусть неосторожный водитель ударится о бетон, чем обдерет историческое дерево. Те места, где Токайдо преодолевает высокие покрытые лесом холмы, путники в давние времена стремились пройти засветло, не обремененные слишком большой суммой денег и по возможности с вооруженной охраной. И хотя разбойников и воров на Токайдо давно уже нет, однако на горных отрезках путь до сих пор небезопасен. С крутых серпантинов часто срываются автобусы и грузовики.

Вместо чайных, постоялых дворов и таверн на склонах окружающих холмов бросаются в глаза лишь яркие рекламные щиты, которые, к сожалению, с каждым годом все плотнее обступают главные шоссе и железные дороги Японии. Взгляните на круглый холмик с дивной бамбуковой рощей. В середине рощи вместо вырубленных бамбуковых стволов в воздухе скачет несколько многометровых жестяных кроликов. «Поку-

---

³ У японцев принято сначала называть фамилию, а потом имя. Так, например, в данном случае Дзиппэнся — фамилия, а Икку — имя. — *Прим. ред.*

пайте мотороллеры фирмы „Кролик“. Они так же быстроходны и выносливы, как кролики» — сообщает бамбуковая роща. Окиньте взглядом окружающие холмы и поля — и вы увидите много подобных щитов. Рядом с четырехметровыми коричневыми бутылками виски, поблескивающими среди рисовых полей, стоят огромные плакаты с нарисованными шинами, швейными машинками, пианино, телевизорами, банками соевого соуса, адресами гостиниц и ночных заведений — короче, всем, что в Японии продается или что вам может понадобиться во время пути. Весь этот калейдоскоп рекламы вы видите из окон поезда или автомашины. Эти рекламные щиты вовсе не стремятся добиться, чтобы вам понравилось какое-нибудь изделие фирмы, так уродующей японскую природу. Цель их иная, они должны вбить в голову каждому, иногда даже вопреки его желанию, название какого-нибудь вида продукции. Реклама должна выработать условный рефлекс, чтобы, скажем, при слове «мыло» в мозгу сразу возникло название «Мицува» и покупатель автоматически указал на него пальцем.

Иногда у поворота дороги стоят знаки с большими красными стрелками, которые указывают путь к ближайшему «Драйв ин» (по-японски — *дорабун*). Это киоск, где, для того чтобы закусить, даже не нужно выходить из автомашины. С недавнего времени на Токайдо появилось огромное количество бензоколонок самых различных фирм — американских, британских и японских. Рост числа бензоколонок отражает борьбу нефтяных концернов за быстро расширяющийся японский бензиновый рынок. Дело в том, что по Токайдо автотуристы ездят в излюбленные места отдыха, расположенные в окрестностях Токио, и поэтому количество бензина, ежедневно сжигаемого на этой дороге, в последние годы резко возросло.

Если вы сразу после Июкогамы повернете налево, то проедете Одзуси, Йокосуку и попадете на каменистое побережье полуострова Миура, с юго-западной стороны прикрывающего Токийский залив. Если же вы свернете влево не сразу, а еще немного проехав по Токайдо, то дорога приведет вас в Камакуру и Эносиму.

А если поедете по Токайдо, никуда не сворачивая, все дальше и дальше, то вы либо подниметесь на горы Хаконе, либо спуститесь в теплые приморские города-курорты на восточном побережье полуострова Идзу — в Атами, Ито, Симоду.

Мы уже упомянули о Йокосуке. И если был город в Японии, который нам особенно не понравился, то это была именно Йокосука. Незадолго до второй мировой войны и во время войны Йокосука являлась одним из самых крупных японских военно-морских портов. В наши дни это одна из важнейших морских баз Соединенных Штатов Америки на Дальнем Востоке. В центре Йокосуки стоят белые деревянные ворота, а около ворот патрулирует японец в черной форме. За воротами начинается военная территория, а перед ними расположены бары, ночные клубы, пивные. Днем здесь нет ни души, а ночью сюда не хочется заходить. В общем, жизнь в Йокосуке не представляет для японцев никакой радости.

Камакура совсем не похожа на Йокосуку. Около 700 лет назад Камакура была ареной кровавой борьбы между японскими аристократическими родами, стремившимися захватить верховную власть. Сегодня это город пенсионеров и любителей старины. Камакура со всех сторон закрыта округлыми высокими холмами, поросшими густыми лесами. Сюда можно добраться только по одной дороге, идущей вдоль берега моря. Столь важное стратегическое положение Камакуры явилось причиной того, что в конце XII века известный военачальник Минамото Ёритомо избрал ее в качестве резиденции своего военно-феодалного правительства бакуфу, которое здесь находилось почти до середины XIV века.

Все это время в Камакуре размещался военно-государственный аппарат, который фактически правил страной вместо утонченного с точки зрения культуры, но абсолютно беспомощного с точки зрения военной императорского двора. Так, в течение полутора веков Камакура была центром исполнительной государственной власти, и поэтому сюда съезжались не только воины и государственные чиновники, но и буддийские монахи, поэты и художники. От тех времен здесь остались статуя Большого Будды, великолепные храмы и произведения древнего искусства, которые можно встретить не

только в древних исторических постройках в самом городе, но также и в буддийских храмах, расположенных на лесистых склонах окружающих холмов. В отличие от большинства других японских городов Камакуре удалось сохранить свою особую, быть может, чересчур строгую и спокойную атмосферу. Когда известные японские литераторы, художники, критики, люди других свободных профессий, государственные деятели, дипломаты, высокопоставленные чиновники приходят к выводу, что они испили полную чашу жизненных тревог и суеты, и когда у них скапливается достаточно средств, чтобы можно было безбедно прожить оставшиеся дни, они продают свои дома в Токио и, стремясь к уединению, покупают в тихой Камакуре небольшой участок. Здесь они с любовью ухаживают за прекрасным садом, подметают дорожки, пьют чай, читают, пишут и, оберегая здоровье, совершают пешие прогулки по окрестностям.

Камакурская атмосфера способствует процветанию талантов. На окраине города, в лесу построено современное здание картинной галереи, где устраиваются интересные выставки современного и древнего японского и зарубежного искусства. На улицах Камакуры очень много антикварных магазинов. В них вы можете найти благородную керамику и слишком ярко раскрашенные вазы, рассчитанные на вкус иностранных туристов, древние ветхие свитки и их подобию, произведения каллиграфического искусства и предметы, сделанные из слоновой кости и черепашого панциря, современные и старинные чайные сервизы и атрибуты чайного обряда, мечи, кинжалы, предметы народного искусства, коллекции старых монет, чаши для рисовой водки, латы и каски самураев и множество других вещей. В одном маленьком, переполненном антикварном магазине мы обнаружили даже разрисованную словацкую тарелку с надписью «Братислава, 1937 год». Владелец магазина ничего не мог сказать об этой тарелке, кроме цены. Она была очень высокая.

Честно говоря, подлинность некоторых, якобы старинных произведений искусства, которые продают камакурские антиквары, вызывает сомнение. В Камакуре бывает много иностранцев, в основном американцев, которые горят желанием вывезти из Японии купленный

по дешевке огромный старинный клад, и поэтому, особенно в последнее время, когда в Америке стало модным помещать капиталы в предметы искусства, владельцы магазинов в Камакуре делают неплохой бизнес. А так как средний американский турист почти ничего не понимает в древнем японском искусстве, то в большинстве случаев достаточной гарантией подлинности служит для него обшарпанный вид предмета или очень высокая цена. А если и это не помогает, тогда продавец шепнет на ухо сомневающемуся покупателю пару слов о трудностях, чинимых таможенниками каждому, кто хочет вывезти предметы древнего искусства. Этот прием действует безотказно. Мы не хотим утверждать, будто все, что продается в камакурских антикварных магазинах, — подделка. Однако если бы все проданное в них было настоящим, то можно было бы прийти к выводу, что японцы в течение всей своей истории не занимались ничем иным, кроме изготовления предметов искусства. А это предположение при всем нашем уважении к таланту и трудолюбию древних японских мастеров слишком неправдоподобно.

У Камакуры есть и свои традиционные отрасли творчества, начало которым было положено еще во времена Ёритомо. Это так называемая *камакура-бори*, или камакурская резьба по дереву, где искусство разрисовки лаком и резьбы сливается в единое целое. В магазинах, где продаются камакура-бори (эти магазины расположены на широкой улице, ведущей к святыне Хатимангу), на высоких, покрытых рогожами ступенях сидят резчики по дереву, которые маленькими тонкими ножичками и долотами вырезают, долбят, строгают деревянные тарелки, миски, коробочки, гэта — деревянные башмаки, пудреницы, подносы, нанося орнаменты ирисов, астр, хризантем, веток сакуры, стилизованных стволов деревьев, раков, рыб и различных каллиграфических иероглифов. После того как орнаменты вырезаны, изделие покрывается лаком. По качеству, толщине слоя и цвету лака определяется цена изделия. Для камакура-бори типичным является темно-красный лак, который комбинируется с черным. Но здесь можно найти и дорогие тарелки, покрытые лаком цвета светлой киновари или охры, зеленовато-черным или коричневато-черным лаком. Камакурский лак — матовый, он не имеет того

блеска, как лак в Киото, но это придает изделиям современный, элегантный вид. Камакура-бори до сих пор свидетельствуют о том, что искусство, процветавшее здесь, соответствовало вкусу несколько аскетической военной прослойки, которая не любила жизнь слишком блестящую и яркую.

Большинство посетителей Камакуры с вокзала сразу же направляются к Камакура Дайбуцу — камакурскому Большому Будде. Это огромная, высотой свыше 11 метров, бронзовая статуя Будды, который сидит, скрестив ноги, на высоком каменном пьедестале в центре небольшого парка. Статуя весит больше 93 тонн, и поэтому эпитет «большой» здесь вполне оправдан. Неподвижным взором Будда смотрит на мир уже свыше семи столетий, и он видел за это время многое. Деревянное сооружение, построенное около статуи, подобное тому, что возведено над Большим Буддой в Наре, в конце XV столетия было сметено морской волной, и у камакурского Будды до сих пор нет крыши над головой. Внутри статуя полая, и за небольшую плату туда может заглянуть каждый, кто захочет. Однако большинство туристов предпочитают рассматривать статую снаружи, ведь внутри темно и нет ничего, кроме винтовой лестницы. Снимки, сделанные у Камакура Дайбуцу, имеются в каждом японском семейном альбоме. Поэтому внизу, у подножия спокойно созерцающего мир колосса, постоянно толпятся люди и очень трудно улучшить момент и щелкнуть фотоаппаратом так, чтобы в объектив не попала группа туристов. Может быть, поэтому американские солдаты и матросы стали взбираться на Будду и лазить по нему, фотографируясь на его ладонях, сложенных на коленях. Вскоре на каменном пьедестале Будды появилась табличка, на которой крупными буквами по-английски написано предупреждение: «Не забирайтесь на статую, она считается святыней».

Большинство японских трудящихся работают всю неделю от зари до позднего вечера, но тем не менее они всегда ухитряются вырвать свободный денек для того, чтобы куда-нибудь съездить. Японцы так любят всякого рода поездки и экскурсии, что иногда кажется, будто они ничем другим, кроме поездок по стране из конца в

конец, не занимаются. Но это ошибочное впечатление, основанное на том, что даже в будни во время туристического сезона излюбленные места отдыха полны народа, а в воскресенье здесь негде яблоку упасть.

Недалеко от Камакуры находится Эносима, место, куда особенно часто приезжают жители столицы Японии. В десятиmillionном Токио трудно найти человека, который бы ни разу не побывал на Эносиме — маленьком, но высоком скалистом острове, поднимающемся из мелководья вблизи берега. Этот островок, как наш Карлштейн, исхожен вдоль и поперек бесчисленными экскурсиями школьников и взрослых и сотнями тысяч индивидуальных туристов. На Эносиму каждый японец приглашает своего иностранного друга, оказавшегося в Токио. Остров лежит вблизи столицы, удобная и быстрая связь с ним осуществляется поездами или автобусами. Эносиму описал в неслухой, но в наши дни уже немного устаревшей книге «Серьезная прогулка» писатель Томас Раудата. Мы вспоминали об этой книге, когда шли по ветхому деревянному мосту, перекинутому от берега к Эносиме. Был отлив, и спавшая вода во многих местах обнажила илистые песчаные островки.

Это было в начале 1958 года, и, хотя небольшие магазинчики уже освещались современными светильниками, мы еще поднимались на Эносиму пешком по каменной очень крутой лестнице, в начале которой стоят большие красные ворота — тории — в знак того, что эти ступени ведут к святому месту. Поднимаясь, мы чувствовали вкусный запах, идущий из столовых и ресторанчиков, где в качестве бесплатного приложения к простым и дешевым блюдам открывался прекрасный вид на крутой скалистый берег острова и синее море, окаймляющее его. Пеший подъем на Эносиму — это было лучшее из всей прогулки. Подняться по ступенькам должен был каждый, кто хотел увидеть синтоистское святое место, перед которым размещалась небольшая площадка с надворьем. Отсюда видна вся лестница, ведущая от моста вверх. Дальше дорога идет к вершине Эносимы, откуда открывается вид на другую сторону острова. «Плата за вид» служит источником дохода различных увеселительных предприятий. А внизу, у моря, находятся знаменитые пещеры, в которых, согласно легенде, когда-то жил страшный дракон.

В наши дни Эносима, к сожалению, модернизирована. Она была подвергнута «капитальному ремонту», результат которого с точки зрения сохранения первоизданной старины оказался плачевным. Но для современной Японии нынешняя Эносима типичнее, чем старая. Деревянный мост, соединявший Эносиму с берегом, был снесен, а вместо него построен тяжелый и не гармонирующий с окружающей природой бетонный. В начале моста стоит современный многогранный стеклянный домик. В нем взимают плату за пользование мостом. Деревянные палатки продавцов устриц, увешанные сетчатыми, в мелкую ячейку, мешками, с которых капает вода и в которых хранятся дары моря, не могут придать новому мосту домашний, обжитой вид, который был так характерен для старого. А сам остров? Дорога вверх осталась, но, скажите пожалуйста, кто будет карабкаться по высоким каменным ступеням, если эскалатор за пару монет доставит вас на вершину холма. И поэтому большинство туристов не мечтают больше об идиллической прогулке вдоль старых таверн и спешат в неярко освещенные коридоры, откуда начинают свой бег вверх бесконечные ленты серебристых ступеней и где улыбающиеся красивые девушки на переходных площадках следят за безопасностью пассажиров.

Стоит вам пройти несколько шагов по Эносиме, как вы убедитесь, что это остров ракушек и перламутра. От моста вверх, к покрытому лесом холму ведет крутая узкая улочка, на которой размещено много удивительных, предназначенных специально для туристов магазинчиков. Подвески, броши, перстни, инкрустированные корбочки и зажигалки, браслеты, ожерелья, миниатюрные яхты с парусами — все это очень искусно вырезано из тонкого слоя перламутра. На витрине лежат разного размера желтоватые ракушки, красивые раковины: ярко-розовые внутри и беловато-коричневые снаружи. Кондитерские, магазины сувениров, где продаются маленькие полотенца и открытки, соседствуют с магазинами игрушек. Здесь рядом с обычными изделиями на длинных резиночках висят ярко-красные гипсовые осьминоги с золотыми проволочками и колокольчиками вместо щупалец. Под осьминогами стоят корзины с деревянными мечами, трубками, барабанами, тряпчонными куколками. Около них ряды коричневых,

вырезанных из дерева тануки, выставляющих свои толстые белые брюшки. Тануки — это японский барсук, такой ласковый и привязчивый, что некоторые жители деревень их приручают. Фигурки тануки — и крохотные и огромные, достигающие метра в высоту, — излюбленное украшение столовых, чайных, кондитерских. Их можно встретить и в садах частных вилл, где они играют грустную роль наших каменных гномов.

Но самый популярный аттракцион Эносимы, по мнению и взрослых и детей, — большой открытый бассейн с морской водой. Ежесекундно поверхность воды разрезают гладкие серые тела с продолговатым носом и широким хвостом. Это дельфины. Вместе с ними в бассейне плавают несколько серовато-белых китов.

Киты не доставляют большого удовольствия. Зато дельфины, шаловливые и умные животные, в океанариуме имеют возможность проявить свои таланты. Надо признаться, что они способные ученики. Вот дрессировщик звонит в колокольчик, и дельфины собираются у красного моста, высоко поднятого над водой. Выстроившись полукругом, они нетерпеливо высовывают свои продолговатые морды с бархатными красными языками, окаймленными пилкой острых зубов. Снова свисток — и представление начинается. Дельфины прыгают сквозь большой круг, перекидывают носом мяч через сетку и забрасывают его в корзину.

В программе есть и музыкальный номер. Дельфины, подпрыгивая, нажимают челюстями на резиновый баллончик большого клаксона, прикрепленного проволокой к высокому выступу. Это нелегкий трюк. Чтобы достать баллончик, дельфин должен подпрыгнуть до высоты второго этажа. Гладкое серое тело выскакивает из воды, замирает на мгновение в воздухе, словно опираясь на воду хвостом, клаксон трубит, и дельфин с сильным всплеском падает обратно в бассейн. Если в этот момент стать чересчур близко, то вас обдаст хороший душ. При каждом удачном выступлении дрессировщик бросает в открытые пасти серебряные тела сельди. Нам казалось, что дельфины при столь интенсивной работе, наверное, никогда не успевают досыта наесться, и поэтому у них всегда хороший аппетит.

Несколько тюленей, которые держатся группой в одном из углов бассейна, в глубине души, вероятно,

осуждают непрерывные проказы своих соседей. Тюлени неподвижно лежат на поверхности, обняв друг друга плавниками, и вечно спят. Когда какой-нибудь дельфин прыгает с очень большой высоты и по поверхности воды пробегает слишком сильная волна, тюлени нехотя поворачиваются на другой бок и снова засыпают. Их привезли с севера, и здесь им слишком жарко. Микроклимат Камакуры и Эносимы теплее столичного, но то, что нравится экскурсантам, не обязательно должно нравиться тюленям.

Если вы поедете из Токио на запад, то сначала ваш путь будет проходить по ровной, изрезанной живыми заборами долине Мусасино. В бамбуковых рощах и лесах ютятся небогатые жилища тех, кто не может платить за квартиры, расположенные в черте города. Здесь же, среди рисовых полей и деревенских хижин, расположены исследовательские центры, частные музыкальные училища, школы по культивированию цветов, — короче говоря, самые разные учреждения, работники которых предпочитают свежий воздух и зелень городской суете и пыли.

Кончатся бамбуковые рощи, и в глаза бросаются американские самолеты. Это Татикава — крупнейшая авиабаза военно-воздушных сил Соединенных Штатов в Японии. Татикава похожа на все другие населенные пункты, в которых расквартированы американские войска. Она лишь чуть крупнее, многолюднее и больше напоминает город, чем другие военные базы. По улицам Татикавы ходят и ездят американские солдаты, черные и белые, в форме и в гражданской одежде, с супругами и детьми и без них. Даже американская печать в Японии не раз признавала, что большинство жителей Татикавы имеют немало оснований для того, чтобы мечтать о том времени, когда они наконец увидят спины убирающихся восвояси гостей. Но, с другой стороны, раз уж американцы здесь находятся, кое-кто из татикавских предпринимателей старается извлечь из этого выгоду для себя. Речь идет не только о барах и ночных клубах, которые здесь процветают. Служащие бензоколонок обращаются к вам на английском языке, предлагая помыть машину или отрегулировать «краны»,

а вещи вам в номер приносит «носирщик». Японцы издавна не могут совладать с буквами «л» и «р», ведь в японской фонетике существует лишь слегка редуцированное «р».

Посещение Татикавы — пустая трата времени. Сюда стоит приезжать лишь в том случае, если ваш рост выше среднего и вы безуспешно пытались найти в Токио свой размер ботинок или рубашки либо если у вас отсутствует элементарный вкус и вам захочется пройтись по улицам в черной шелковой куртке, на рукавах и на спине которой изображены тигры, корабли, карты, пальмы, грустные девичьи лица и т. п. Американские юноши очень любят такие вещи, и японцы охотно идут им навстречу. Поэтому в магазинах Татикавы продаются шелковые куртки с самыми дикими «восточными орнаментами».

Западнее Татикавы расположено еще одно курортное место. Оно менее известно, но поэтому более привлекательно. Называется оно по имени одной из деревень — Окутама, а на рекламном жаргоне туристических контор именуется «японской Швейцарией». Но настоящее название этой области, точнее, самой известной ее части — это долина Хатаносу. По ней течет горная река Тама. С 1955 года, когда высоко в горах вблизи Окутамы была сооружена большая современная плотина Огоги, весенние паводки и летние засухи перестали мучить Хатаносу, ибо теперь из озера выпускается в Таму ровно столько воды, сколько требует вечно жаждущий Токио, или, вернее, тщательно отмеренная щедрая порция. Воду в столице Японии приходится беречь больше других, быть может, намного более ценных вещей.

Долина Хатаносу бездонно глубока, в этом ее главная прелесть. Среди скалистых, поросших травой или покрытых густым лесом холмов течет быстрая сине-зеленая речка, с шумом разбивающаяся о многотонные глыбы, которые вешние воды когда-то сбросили в речное русло. Наверху, на высоте десятков метров, качаются подвешенные на веревках тонкие веточки деревянных мостиков, перекинутые с одного берега на дру-

гой. Перейти по такому мостику на другой берег, вообще-то говоря, нетрудно, но не для людей, страдающих головокружением. Окружающие горы — дикие, первозданные — настолько необычны, что телекомпании легко находят здесь подходящие ландшафты для съемок фантастических фильмов и сюжетов из жизни японского средневековья. Мы видели, как самурай прыгнул здесь в пропасть с высоты 30 метров. Он упал в воду, и его тело, подхваченное течением, стало биться о камни. Это была, конечно, кукла.

Хатаносу, Окутама, Оготи, гора Митакэ со знаменитой святыней на вершине, деревня Ниппара с крутым, похожим на головку сахара холмом — все это лишь небольшая восточная часть естественного заповедника национального парка Титибу-Тама, холмистые хребты которого вместе с нагорьем Хаконе окаймляют на западе низменность Канто. В то время как на фабриках и заводах, в рудниках и учреждениях, банках и магазинах, сгрудившихся в долине, трудятся миллионы людей, в то время как крестьяне тщательно обрабатывают каждый клочок земли, а с Токийского аэродрома непрерывно поднимаются в воздух реактивные самолеты, беря курс на сотни городов мира, там, в горах и лесах вокруг Окутамы, царит ничем не нарушаемая тишина, которую охраняют гигантские валуны, поросшие столетним мхом. В бедных хижинах с соломенными крышами живут немногочисленные горцы, а если вы углубитесь дальше в лес, то здесь на крутых горных склонах можете бродить целый день и не встретить ни одной живой души, хотя вы все еще находитесь в границах столицы, на земле Большого Токио или где-то совсем рядом.

Лишь в последнее время Окутама стала привлекать внимание все большего числа туристов. Ведь из Токио до Окутамы рукой подать и в то же время каждому, кто здесь очутился, кажется, что он на краю света. Быть может, пройдет немного времени и к святому месту на горе Митакэ протянут серебристые эскалаторы, а через ущелье Хатаносу перекинут вместо качающихся на ветру деревянных мостиков бетонные махины. Но тогда Окутама уже не будет Окутамой и любителям тишины придется искать укромные уголки все дальше и выше, в десятках километров от Токио.

Забытый

север

«Тохоку» по-японски означает «северо-восток». Так издавна называлась северо-восточная часть острова Хонсю. Тохоку — это край холмов, бедных деревень и малоизвестных горных курортов. Вдоль побережья тянутся обветшалые хижины рыбацких поселков, а чуть дальше от берега начинаются лесные заросли, среди которых в низинах встречаются поля, дающие по одному урожаю риса в год (на юге собирают в год два или три урожая), но зато превосходного качества.

О северо-востоке в Японии мало говорят и почти не пишут. Лишь среди рыбаков он известен местами сравнительно богатых уловов, да и то в основном благодаря третьему по величине рыбацкому порту в Японии — Хатинохе. Кроме рыбаков и крестьян в Тохоку живут народные умельцы — резчики по дереву, гончары, чеканщики (тяжелые деревенские чайники, сделанные из литого железа, известны по всей Японии), ткачи, корзинщики и т. д. Машины в Тохоку пока не проникли, и здесь господствует ручной труд. И поэтому, хотя северо-восток интересен с точки зрения этнографической, уровень жизни здесь очень низок, намного ниже среднего. Тохоку — край суровый. Сюда не ходят экспрессы с иностранными туристами, и в рекламных проспектах о нем сказано лишь несколько слов: горы, фольклор и красивые дикие пейзажи.

Почти все отговаривали нас от поездки в Тохоку. Друзья утверждали, что там нет ничего интересного — только плохие дороги и нужда. Мы даже не сможем ни с кем поговорить, ведь сами японцы часто не понимают тохокского диалекта. Мы не раз вспоминали об этих предостережениях во время поездки по Тохоку, но редко они отвечали действительности. Пожалуй, в полной мере они подтвердились лишь один раз — у маленькой деревеньки, затерявшейся среди лесов недалеко от

Акиты. Мы подъехали к этой деревеньке во время страшного ливня по скользкой, совершенно разбитой «государственной дороге первого класса». Ливень был такой, что уже в двух метрах ничего нельзя было разглядеть. Мы чудом успели затормозить перед разрушенным мостом через бурную горную речку. Вместо моста на другой берег были перекинуты два обшарпанных бревна, а табличка вежливо предупреждала, что ремонт будет окончен через три недели. Пришлось сделать крюк свыше 70 километров.

Но чаще всего мы были рады, что вопреки всем предостережениям решили совершить поездку по Тохоку. На северо-востоке на самом деле нет ничего, чем Япония могла бы гордиться, если, конечно, не считать народного прикладного искусства, о котором мы уже говорили и которое сохранилось благодаря трудной жизни. В действительности знакомство с этим тохокским «ничто» и с тем, как люди здесь, несмотря на это «ничто», существуют, оказалось весьма интересным.

Километр за километром асфальтированной дороги исчезают под колесами автомашины. По обеим сторонам зеленовато-желтые рисовые поля сменяются деревнями. Деревни, рисовые поля, маленький городок, рисовые поля и снова — деревни, рисовые поля... Чувствуется дыхание осени, почти все крестьяне уже перестали подавать на поля воду.

В городок Никко, который расположен на территории большого национального парка, мы ездили из Токио довольно часто. Никко — это еще не Тохоку, это северная граница зеленой зоны японской столицы. Сюда съезжаются туристы со всей Японии и даже из других стран, и этот городок является вторым после Эносимы местом, куда японцы обычно приглашают своих гостей.

Из Токио в Никко нет прямой дороги. В Уцунумии нужно свернуть с главного шоссе влево, к старой дороге с кедровой аллеей. Если вы эти места знаете хорошо, то сможете сократить путь, проехав по тенистой аллее старых сакур. Если же вы здесь впервые и хотите спросить дорогу, то обращайтесь лучше к мужчинам. Молодые девушки, с которыми заговаривает иностранец, чаще всего лишь опускают голову и убыстряют шаг. Дело в том, что около Уцунумии с ее старым буддийским храмом находится военный аэродром. А там, где военный

аэродром, там есть, или по крайней мере были, американцы. Поэтому, услышав чужой говор, девушки ускоряют шаг. Мужчина вам ответит сразу:

— Доезжайте до развилки. Одна дорога свернет вправо, она идет на Сендай и вам не нужна, вы поворачивайте на левую дорогу и поезжайте все время прямо.

Автострада. Теперь она уже отстроена, но тогда ее лишь начинали строить. Наверное, даже богини в Никко не знают, почему здесь работы велись так долго, почему великолепная магистраль из Токио в Никко на этом отрезке превращалась в пыльный, с ямами и колдобинами проселок, по которому машины двигались попеременно то в одном, то в другом направлении с черепашьей скоростью. В Японии много подобных шоссе дорог. Они строятся, ремонтируются или только планируются. Чаще всего они бывают хуже наших сельских дорог. В Тохоку полно запланированных шоссе и автострад. И поэтому на существующих дорогах легковых автомобилей мало. Здесь встречаются главным образом вездеходы и военные «джипы».

«Не говори ни о чем, что это прекрасно, пока ты не видел Никко!» — гласит старая японская пословица, предостерегая от чрезмерных восхвалений других городов. Надо признаться, что в этих словах заключена большая доля истины, особенно если имеется в виду осенний Никко на фоне пламенеющих кленовых рощ.

Поездка в Никко никогда не изгладится из памяти. Современная бетонная автострада перед въездом в город идет вдоль узкой аллеи столетних японских кедров. Эта аллея — остатки старой, поросшей травой дороги из Уцуномии в Никко. И сколько бы раз мы ни проезжали по этой автострате, мы всегда останавливались, сходили с бетона XX века и, отойдя немного в сторону, переносились на несколько столетий назад. Мы гуляли под гигантскими кедром, в тени которых еще в XVII веке отдыхали путники, воины, самураи, принцы и их свита, направлявшиеся к знаменитым храмам и святым местам в Никко, чтобы поклониться буддийским и синтоистским божествам и отдать должное памяти славных предков.

Никко славится не одной своей величественной красотой. Здесь есть не только крутые покрытые лесом холмы, которые осенью в течение нескольких дней сбрасывают зеленый наряд и одеваются в желтые, оранжевые, красные или фиолетовые цвета. Не только бушующие пороги и белые бороды водопадов. Не только устремившийся вверх величественный и строгий вулкан Сиранэ, у подножия которого находится озеро Тюдзендзи. Не только золотые сводчатые кленовые аллеи, горячие источники Юмото, тихая горная долина Сэндзу и множество прекрасных цветов и трав, которых нигде в мире больше нет.

На склонах высоких холмов и на их вершинах молчаливые монахи, священнослужители и отважные, не боящиеся смотреть смерти в лицо воины строили буддийские храмы и воздвигали синтоистские святыни, которые придают городу и его окрестностям своеобразный, неповторимый вид. Это настоящие жемчужины древней японской архитектуры. Одни из них аскетически строги и по-японски просты, другие отяжелены богатой резьбой и дорогой инкрустацией по китайским образцам, но все великолепно гармонируют с окружающей природой. Буддийские храмы и синтоистские святыни стоят недалеко друг от друга как символ традиционной религиозной терпимости японцев, которая так раздражала первых христианских миссионеров. Японцы всегда были готовы принять новых богов, но им трудно было понять, почему они должны отказываться от старых.

Основатель могущественной династии сёгунов из рода Токугава и один из тех, кто объединил Японию, — Токугава Иэясу выбрал Никко местом своего вечного сна. Он покоится в могиле у синтоистской святыни Тосёгу так близко от буддийского храма Риннодзи, что не очень внимательный наблюдатель не заметит, где кончается буддизм и начинается синтоизм.

Четыре простых бревна — высокие, но очень простые тории — это, пожалуй, единственное, что свидетельствует о том, что Тосёгу — синтоистская святыня, а не буддийский храм.

На лестнице, ведущей к святыням, вас окликнут продавцы маленьких красных или зеленых деревянных соловьев. Всем детям, которые поднимаются по этой лест-

нице, родители дарят этих птиц. А из зеленого сумрака старого леса, окружающего святыню, доносятся трели живых соловьев.

Вы идете дальше по дороге, огибаете здание и подходите к золотисто-белым воротам Ёмэймон. Легенда утверждает, что невозможно насладиться богатством их резьбы и красок, даже если смотреть на них с солнца восходящего до солнца заходящего. И это правда. Богато украшены, отделаны лаком и золотом и внутренние помещения святыни Тосёгу; комнаты, увешанные картинами и шелковыми шторами, резко отличаются от привычных простых и просторных синтоистских святынь.

Для строительства Тосёгу в Никко были призваны известнейшие мастера и художники того времени, они трудились около двух лет, закончив работу в 1636 году. Старые книги утверждают, что для украшения Тосёгу было использовано 2 489 900 пластинок золота, которыми была покрыта площадь в 24 тысячи квадратных метров. Во время стройки щедро расходовали и золото, и драгоценные породы дерева, и труд художников, и, конечно, рабочую силу. Здесь одновременно работали свыше 15 тысяч человек. Но стоило ли тратить столько усилий и средств? Тот, кто строил Тосёгу, наверное, хотел бросить вызов богам, хвастаясь богатством, которым он владел. Этой цели он достиг. Но при этом он далеко перешагнул невидимую грань, отделяющую искусство от излишней роскоши, ту грань, перед которой японские зодчие всегда предпочитали останавливаться за шаг, боясь ее коснуться.

В одном из помещений святыни на потолке был когда-то нарисован большой серый дракон с открытой пастью. Заплатив 20 иен и сняв ботинки, вы могли пройти в носках по блестящему деревянному полу до середины комнаты, остановиться прямо под драконом, похлопать в ладоши или топнуть ногой. Стены как бы начинали дрожать, а дракон на потолке явственно рычал. Но однажды эта часть здания загорелась, в огне исчез рычащий дракон, вместе с ним пропали и те 20 иен, которые обычно шли на реставрацию святыни.

Смогут ли нынешние мастера сделать дракона, который бы рычал? Наверное, смогут. Но вряд ли найдется художник, который сможет изобразить его с таким со-

вершенством. Это был рисунок великого живописца Кано Ясунобу, сделанный серой тушью, которой писали, используя ее тончайшие оттенки, не только Ясунобу, но и другие мастера школы Кано.

Дорога из Никко в Тюдзэндзи похожа на лестницу, ведущую в небо, притом лестницу частную, за пользование которой приходится платить. Начинается она с едва заметного холмика с несколькими поворотами и мостиками. Автомашины менее мощные остаются позади нас, а неуклюжие автобусы оставляют шлейф черного дыма. Затем моторы начинают снова работать на нормальных оборотах, дымовая завеса рассеивается, открывая величественный вид.

Дорога сворачивает, за обрывом синее горное небо и сверкают холмы в красочном одеянии — золотые, розовые, багровые, фиолетовые кленовые рощи, темно-зеленые хвойные боры и травяные ковры с персидским узором азалий. Серая лента бетона бежит вперед, к этой пирамиде красок. Вы ждете, что вот-вот покажется черный зев тоннеля, но вместо него видите желтую табличку: «Поворот № 1». Вы разворачиваетесь на 180 градусов вправо и лезете прямо вверх. Этот подъем длится несколько десятков метров, и дорога вновь кончается. На этот раз ее словно откусили белые зубы придорожных столбиков и лазурный горизонт. Дорога повисла в прозрачном воздухе.

«Поворот № 2». Автомашина приседает на задние колеса, передними стараясь вскарабкаться на склон.

«Поворот № 3». В четырех метрах справа от нас, на два метра выше, скрипят тормоза переполненного автобуса. Водитель увидел нас вовремя. Все автомашинны, осторожно спускающиеся вслед за автобусом, уступают нам дорогу, сворачивая влево. Мы тоже едем по левой стороне, но правил не нарушаем. Белые стрелки на асфальте показывают, какой стороны надо придерживаться.

Четвертый, седьмой, десятый, четырнадцатый повороты, ступени небесной лестницы скрипят. Удивляйтесь, строители дорог, авторы инструкций по безопасности движения и статистики, оперирующие теорией вероятности. Ни одной серьезной аварии, ни одной пере-

вернувшейся машины! Быть может, это происходит потому, что каждый, даже если он к этому не привык, здесь должен соблюдать чрезвычайную осторожность.

Пятнадцатый, восемнадцатый, двадцать первый поворот...

Наконец-то! Лестница кончается на высоте 1250 метров над уровнем моря.

Холмы с живописными рощами, пятнами кустарников, ковром трав, срезами осыпей и водопадами — вся эта дивная красота, которая, когда вы стояли внизу, возвышалась вас, но в то же время и подавляла, эта дивная красота сейчас раскинулась у ваших ног, покоряясь вам.

На последнем повороте серпантина мы нагнали автобус. Медленно, проходя сантиметр за сантиметром, он движется вверх, как гусеница по веточке дороги. Остановился.

Сначала вышла девушка-гид — красивая, в узкой форменной юбочке и в пилотке, с трудом державшейся на высокой прическе. Она остановилась у дверей автобуса и помогает всем, кто выходит. Благоразумные отцы семейств, заботливые мамы, дедушки и бабушки. У всех на груди красно-белые значки, в руках рекламные проспекты национального парка Никко, а в глазах усталость и безразличие, столь характерные для всех длительных экскурсий.

— Перед вами один из прекраснейших видов национального парка Никко... — гид принялась за свою работу. Под мышкой у нее фиолетовый флажок, на лице обязательная, но приятная улыбка.

— Склон, который вы видите слева, — это подножие горы Нантай, доминирующей над озером Тюдзендзи, к которому мы сейчас подъедем. Прямо под нами течет река Мисава; на ней есть два небольших водопада — Хото и Ханнья. Наверху, немного правее, конечная остановка подвесной дороги Акэтидайра, по которой после обеда мы поедem назад в Никко...

Затем следует ботаническое описание окружающих красот, упоминание о нескольких святых, которые здесь когда-то побывали, и, наконец, песенка о Никко. Многоголовый дракон большой экскурсии внимательно слушает и мудро кивает своими головами.

Слышится щелканье фотоаппаратов.

— А теперь мы подъедем к водопаду Кэгон,— сообщает гид и, стоя у дверей, предупреждает:

— Осторожнее, прошу вас, ступеньки, не споткнитесь, пожалуйста.

Озеро Тюдзендзи.

Это сбивалка для коктейлей диаметром 24 километра, глубина в центре — 150 метров. Вместо «Мартини» — темная, в достаточной степени охлажденная вода, вместо маслин — различные рыбки такого же горьковатого маслянистого вкуса. С одной стороны из озера пьет воду гора Нантай, с другой — невысокие нахлещенные вершины холмов.

В одном месте у озера есть небольшой залив. Из него вытекает ручей. Подступы к этому ручью заграждены колючей проволокой. Говорят, что это заграждение для самоубийц. Чуть подальше — небольшая станция. На этой станции не бывает поездов, здесь вообще нет железнодорожного полотна и даже каната подвешенной дороги. Больше всего станция смахивает на буровую вышку. Вы покупаете билет и становитесь в очередь. Две клетки лифта снуют вверх и вниз по черным шахтам, почти не останавливаясь в течение всего дня, и тем не менее очередь не кончается. А в воскресенье здесь собирается большая толпа.

После тусклого света электрических лампочек яркое солнце ослепляет. Люди, жмурясь, смотрят на открытки и сувениры, продающиеся в маленьких киосках у самого выхода из подземной галереи. Еще несколько шагов, взгляд вправо — и у вас перехватывает дыхание.

На фоне коричневой, потрескавшейся стены, которая столетиями удерживает миллионы тонн воды озера Тюдзендзи, низвергается окутанный белой пеной водопад Кэгон. Тонкие ручейки широким полукругом стекают по каменному массиву, обрамляя кружевом белую ленту водопада. Это и есть столетровый водопад Кэгон во всем своем величии и красоте. Внизу вода разбивается о желтые каменные глыбы и быстрой горной рекой стекает в долину. У подножия водопада о серебристую пыль брызг опирается радуга. Кэгон низвергается без оглушающего рева, но равномерно наполняет не-

громким дрожащим шумом прозрачный воздух всей долины.

Если вы будете долго смотреть на белую ленту Кэгона, то вам вскоре начнет казаться, что водопад остановился, что вода недвижима и что каждая капля нашла свое вечное место во времени и пространстве. Мистика и метафизика захватывают. Кэгон — это не только водопад. Кэгон — это название одной из самых знаменитых буддийских сект. Кэгон — это имя буддийской сутры, Кэгон — это религиозная доктрина.

Но прекраснее всего величественный, чистый, низвергающийся реальный водопад.

Водопад Кэгон.

На гору Бандай мы поднялись уже к вечеру. За ее своеобразной, словно откушенной вершиной исчезли последние красные лучи солнца, и в садах вокруг отелей и домов отдыха стали загораться синие лампочки. Японцы утверждают, что комары и ночные бабочки больше всего любят синий свет. Они спешат к нему, водят вокруг него хороводы, танцуя до тех пор, пока не падают в миску с водой. Утром из этих мисок выбрасывают множество насекомых, зато широкие, раздвигающиеся двери японских домиков не надо закрывать на ночь.

Металлическая поверхность горного озера, обрамленная чернеющими кустарниками и деревьями, поблескивала под лучами восходящей луны. Это были всевозможные оттенки и сочетания серебра с чернью. Влажный холодок летней ночи перемешивался с запахами жарившейся рыбы и горького соевого соуса. Из темного куба японской гостиницы — широкого, приземистого *рёкана* — слышен мужской говор и крики, чередующиеся с женским хохотом:

— Цуки га дэта дэта, цуки га дэта, йой! йой!..

Веселая компания начала петь, сопровождая пение игрой на сямисэне и ритмичным похлопыванием.

Добрый вечер!

Луна вышла, вышла, луна вышла, йой, йой!

Над шахтами в Миикэ.

Добрый вечер!

Типичное крыльцо японской гостиницы. Площадка из больших неодинаковых каменных плит. На ней, как на смотру, стоят деревянные японские туфли с выжженным названием рёкана. Лестница подводит к темному навощенному деревянному полу. Это старая гостиница. У новых рёканов пол бывает золотисто-медного цвета.

Из-за дыма, идущего из труб, ты потеряешь свой блеск,
луна, йой, йой!

Добрый вечер.

Откуда-то наконец вышла пожилая женщина в сером домашнем кимоно. Она быстро оценила обстановку и начала вежливо кланяться до пояса, отвечая на приветствия.

— Скажите, пожалуйста, у вас есть свободные места?

Она должна пойти узнать. Женщина исчезает за дверьми и тихо с кем-то разговаривает:

— Опять иностранцы.

— Кто-нибудь их сопровождает?

— Они приехали на машине.

Разговор становится неразборчивым.

Женщина возвращается, снова кланяется и извиняется. Очень жаль, но все комнаты заняты.

В этот момент появляются наши дети. Женщина внимательно оглядывает их.

— Какие они славные, просто куколки! Так, значит, вы с детьми. В таком случае мы не можем заставить вас бродить ночью в поисках жилья. Подождите, я еще раз спрошу, — добавляет она дипломатично.

Она снова исчезает, на этот раз разговор ведется довольно громко:

— Ведь это же семья, они с детьми. Я их пошлю в сакуровую комнату или нет, сосновая лучше, там больше места... Что?.. Я же говорю, что это целая семья, у них дети... Да, чужая семья, иностранцы.

В японских гостиницах у комнат нет номеров. Чаще всего их именуют по названию деревьев, цветов или птиц. В ту ночь мы спали в сосновой комнате, рядом с нами были комнаты сакуровая и кедровая. Обе они были свободны. Свободны для каждого, кроме иностранца с японской любовницей.

Существуют другие гостиницы, которые специализи-

руются на иностранцах с любовницами. В Киото нас однажды не пустили в гостиницу только потому, что мы собирались снять номер на всю ночь.

Утром мы проснулись оттого, что в прозрачном холодном воздухе что-то щебетало. Этот звук был таким непривычным и странным и в то же время таким знакомым и родным. Прошло несколько минут, пока мы поняли, в чем дело. Это пели птицы, а птицы в Японии — редкость.

Синие лампочки уже давно погасли, комары уснули, и вместе с ними уснули и веселые экскурсанты. Вечером, проходя в свою комнату, мы успели заглянуть в полуоткрытые двери большого зала и увидели низкий деревянный потолок и коричневые края желтых татами. На них в большом кругу перед низкими столиками сидели возбужденные экскурсанты. Между ними, на равном расстоянии одна от другой, стояли на коленях девушки в ярких кимоно. Они наливали гостям пиво, вино и заботились о том, чтобы им не было скучно. Это был торжественный вечер, устроенный по всем правилам. Участники торжества честно напрягали горло, стараясь как можно сильнее кричать, петь, щедро заказывая вино и пиво. Веселье продолжалось далеко за полночь. Потом они разом замолкли и уснули быстрее, чем мы.

Наша эпоха как бы остановилась перед горой Бандай, не в силах собраться с духом и одолеть ее. Прогресс поднимается вверх небольшими переходами, в кузовах розовых трехколесных «пикапов». Время мало что меняет здесь. В последние годы лишь стало чуть больше телевизионных антенн, была построена плотина и на дороге стали поднимать клубы пыли небольшие грузовички. Здесь царят такие же мир и тишина, как в 1868 году, когда недалеко отсюда, около города Айдзувакамацу, могущественные феодалы из рода Айдзу подняли свои войска и войска других княжеств в отчаянной попытке спасти сёгунат. Они были побеждены. Айдзувакамацу пал, а Япония в течение нескольких десятилетий изменилась до неузнаваемости.

Гора Бандай тоже претерпела большие изменения.

С ней произошло почти то же, что с одной нашей соседкой в Токио, которая стала статисткой на телевидении. Она прошла трехнедельный курс гримировки, и, когда после небольшой пластической операции был под-

веден итог ее косметических ухищрений, знакомые перестали с ней здороваться. Они не узнавали ее. Из обычной, ничем не примечательной болтушки она превратилась в ослепительную деву.

Гора Бандай и ее окрестности «похорошели» в результате пластической операции, намного более долговечной, чем косметическая обработка. За эту операцию было дорого заплачено: ее стоимость — 461 человеческая жертва и огромные материальные разрушения.

В 1888 году, через 20 лет после того, как феодалы из рода Айдзу потерпели историческое поражение, гора Бандай в результате сильного землетрясения взорвалась, как перегретый котел, который не выдержал внутреннего давления. Лавы не было, но из горы валяли клубы дыма и пара и вылетали камни. Взрыв оторвал вершину горы и, швырнув ее в долину, похоронил несколько деревень, засыпал ущелья, перегородил реки. Возникли новые озера, ландшафт неузнаваемо изменился, но, после того как зажили раны, оказалось, что он стал намного красивее, чем был раньше.

В наши дни о гигантской энергии, скрытой где-то в глубине горы Бандай, напоминают лишь многочисленные горячие источники. Вокруг них теперь понастроены недорогие дома отдыха, которые, если взглянуть сверху, словно обмотаны пыльной дорогой. Сюда иногда заезжают иностранцы, но прожить тут они могут лишь столько времени, на сколько им хватит взятых с собой продуктов, так как купить здесь можно лишь молоко и вареные яички. И это одно из достоинств этого прекрасного края, который, несмотря на наплыв туристов, продолжает жить по законам предков.

— После Бандай, — советовали нам в токийском экскурсионном бюро, — поезжайте на Сукараян...

— А это что еще такое? — спрашивали мы, пораженные необычным названием.

Нам объяснили, что «Сукараян» произошло вовсе не от английского «ски лайн» — «горизонт», а от американского выражения «Ски Лайн», оба слова которого пишутся с прописных букв. Так называются проложенные по хребтам гор и холмов дороги, с которых открывается великолепный вид на окрестности.

Покидая гору Бандай, мы спросили в ближайших деревеньках, как проехать на Сукараян. Никто из мест-

ных жителей этого не знал. Слово «Сукараян» для деревенских жителей еще не стало привычным. Дорога, пыльная и неровная, была лишь недавно построена. Для того чтобы одеться в парадный асфальтовый костюм, ей придется еще немало потрудиться. На многих участках две машины могут разъехаться лишь с большим трудом, а дорожные знаки на всех поворотах советуют почаще подавать сигналы. Вдоль всей дороги встречаются площадки, с которых можно видеть вершину горы Бандай, лесистые холмы, окутанные облаками, и долины с деревеньками.

После того как преодолешь перевал и начнешь медленно спускаться, горная растительность, которая должна становиться все гуще, наоборот, редет, исчезают леса, а затем и отдельные деревья и, наконец, даже трава. Ландшафт становится мертвым. В этот момент перед вами вырастает небольшой правильной формы холм, похожий на песчаную кучу, на вершине которой кто-то выкопал ямку. У холма на голой площадке стоит несколько экскурсионных автобусов. А чуть подалее расположились продавцы вареных яичек, орешков и дешевого печенья. Перед вами Айдзунская Фудзияма.

Эта гора так мала, что, если хорошо разогнаться, можно, не останавливаясь, добежать почти до вершины. По утоптанной тропинке вверх и вниз шествуют празднично одетые экскурсанты. Их сандалии и туфли часто застревают среди камней, и они громко и весело окликают друг друга. Миниатюрный вулкан привлекает туристов главным образом своим названием, которое он получил потому, что благодаря срезанной вершине напоминает настоящую Фудзияму. Серовато-коричневый округлый кратер маленькой Фудзиямы полон целлофановых мешочков и жестяных консервных банок.

Перед тем как дорога начнет круто спускаться в долину, вы проедете по пустырю, над которым клубится желтый дым и пахнет серой, словно ад находится прямо под вами. Земля в буквальном смысле слова горит под ногами, от запахов першит в горле и глаза слезятся. Скалистые расселины и ущелья, тянущиеся вдоль дороги, своим мертвенно желтым цветом вызывают такое нерадостное, тяжелое чувство, что каждый стремится скорее проехать это место и спуститься в долину к людям, к свежей зелени лесов и полей.

Сендай — крупнейший город Северной Японии, известный своим университетом и специальными учебными заведениями, не лежит прямо на берегу моря, но до него рукой подать, и, наверное, редко кто из приезжающих в город не бывает на побережье. Тем более что недалеко отсюда расположено одно из красивейших мест Японии — острова Мацусима.

На полпути к островам Мацусима все, как правило, делают остановку в Сёгаме, где находится древняя святыня, поросшая мохом и окруженная, быть может, еще более древней кедровой рощей. Крепкие и ровные стволы деревьев похожи на древние копья и дротики, и поэтому от всего места веет чем-то музейным. Впечатление усиливается при виде старого металлического фонаря, на котором остались явно различимые следы прошедших веков. В 1189 году этот фонарь был подарен святыне небогатым местным феодалом. Имя этого мецената сохранилось в истории древнего японского искусства, но о мастере, который сделал вечный фонарь, ничего не известно.

Сёгама с незапамятных времен считалась обителью японских богов, покровительствующих мореплавателям, рыбакам и беременным женщинам. С мореплавателями и рыбаками, в общем, все в порядке. Однако что касается беременных женщин, то тут боги подвели. Они выбрали для святыни место на вершине такого высокого холма, что даже у бывалых моряков подкашиваются ноги, когда они поднимаются к святыне по бесконечным крутым лестницам.

От Сёгамы не больше десяти минут езды до Мацусимы, чистой маленькой деревеньки на берегу небольшого залива, носящей то же название, что и лежащие рядом острова. Здесь построено много отелей, рёканов, магазинов и киосков, продающих сувениры и всякую мишуру для туристов, ресторанов и прочих заведений, которые вырастают везде — и в Японии, и в других странах, — в тех местах, где собирается много туристов, стремящихся истратить свои деньги.

Мацусима — одно из трех классических, прославленных среди туристов мест в Японии. Сравниться по красоте с ней могут лишь Аmanoхасидатэ и Миядзима.

Почему японцы выбрали именно Мацусиму, Аmanoхасидатэ и Миядзиму в качестве самых драгоценных

жемчужин, наверное, поймет каждый, кто знаком со столь щедрой на красоту природой Японии. Эти три места действительно прекрасны. Первые два целиком созданы волшебным резцом природы, а что касается третьего, то здесь человеческая рука приложила много усилий, чтобы подчеркнуть естественную красоту. Но надо сказать, что в Японии так много прекрасных уголков, что выбрать из них лишь три, назвав их самыми красивыми, нам кажется не совсем справедливым.

Японцы всегда преклонялись перед природой во всех ее формах и проявлениях. Но еще выше они ставили художественное воплощение естественной красоты — то, что можно было бы назвать «искусственной естественностью». Японцы глубже и тоньше, чем мы, чувствуют красоту исхлестанной ветром сосны и горного водопада, скалистых ущелий и рисовых полей, стаи летящих уток и бесконечного моря. Но со всем этим в Японии встречаешься на каждом шагу, все это для японцев слишком буднично. Быть может, поэтому они жаждут чего-то большего, чем мы, — того, что кажется естественным, но при более глубоком проникновении оказывается необычным и абсурдным. Предки современных японцев научились мастерски переделывать природу и управлять ею в своих необыкновенных садах так, чтобы все имело скрытый смысл, чтобы природа освободилась от всего лишнего, как от балласта. Только тогда она, по их мнению, может отвечать образу мыслей, цели, вкусу своего творца. Это критерий, по которому оцениваются работы японских мастеров этого вида искусства, и критерий очень строгий.

Природа, слишком богатая в своих средствах и неэкономная в своей буйной фантазии, сама, без участия человеческого мозга и рук, редко когда может достичь той рафинированной и неестественной простоты, которая чувствуется в сосне, искусственно выращиваемой долгие годы. Природа сама по себе не может расположить в траве или в тщательно просеянном песке несколько камней так, чтобы они оказали нужное эстетическое воздействие.

И если где-то, когда-то к чему-то подобному природа приблизилась, то это произошло в заливе у Мацусимы.

Соленая морская вода здесь много потрудилась над созданием десятков, быть может, сотен удивительнейших островков самых необычайных форм.

Если вы летите в хорошую погоду из Токио на Хоккайдо, то стюардесса наверняка предупредит вас, когда вы будете пролетать над Мацусимой. Вы взглянете вниз, и вам покажется, что в темно-синие просторы океана кто-то бросил горсть песка и камешков. Вам покажется, что от суши оторвался кусок скалистого берега и его остатки плывут по воде.

С лодки эти островки выглядят куда более устойчивыми. Их круглые стены из грязно-желтой, а в углублении — почерневшей лавы покрыты вертикальными узорами белой глазури. Эта глазурь не очень долговечна, но ее постоянно обновляют стаи чаек. Островки, достигающие в высоту двух-трех метров, похожи на плоские каменные вазы, которые в Японии используют для цветов, или на тяжелые чаши, в которых растут столетние миниатюрные сосенки; в такие же чаши помещают гниющие стволы старых деревьев, из которых тянется вверх одна или две живые ветки. Крутые стены мацусимских островов заканчиваются площадкой, поросшей серой травой; над ней склонились суковатые, изогнутые деревья. На островке может расти одно дерево или несколько. Чаще всего это бывают сосны, но иногда каким-то чудом вырастает белая береза или еще какое-нибудь лиственное дерево. Море, ветер и сравнительно большая удаленность от материка способствуют тому, чтобы флора островков никогда не нарушала границы эстетической нормы.

Некоторые островки совершенно голые. Это морские утесы и скалы; их неустанно лижут волны. Единственное их украшение — чайки и таблички с названиями и предупреждением, что взбираться на островки строго запрещено. В некоторых скалах волны промыли пещеры и даже арки, под которыми может проплыть небольшой корабль. В других отверстия еще так малы, что напоминают игольное ушко. От третьих остались лишь отдельные каменные столбы, так как безжалостное время разрушило соединявшие их своды.

Острова вырастают из серовато-синего зеркала моря, в котором они отражаются мелкой рябью, пока крупная волна не разобьет зеркало на миллионы осколков.

Прибыв в Макусиму, мы первым делом попросили расписание движения прогулочных судов или катеров.

— У нас нет такого расписания, — ответили нам у кассы.

— А что за билеты вы продаете?

— Наши суда не прогулочные, а каботажные, связывающие несколько прибрежных деревень. Они стремятся как можно скорее попасть к месту назначения, и поэтому с них вы не увидите самых красивых мест. Лучше всего вам самим нанять лодку или катер.

— А где мы их можем достать?

— Попробуйте вон там, за углом.

За углом был небольшой причал, у которого стояли лодки и моторные катера. Мы подошли к пожилому японцу в замасленных голубых брюках и в зеленой жюкеевской фуражке, на которой спереди была пришита кокарда американской бейсбольной команды нью-йоркских «Янки».

— Вы болеете за «Янки»? — спросили мы его.

Он взглянул на нас с таким изумлением, что мы тут же переменяли тему разговора.

— У вас хорошая лодка?

— Йес, сэр! Вери гут шип, — ответил японец автоматически по-английски, хотя мы задали ему вопрос по-японски. Этими словами он, наверное, стремился убедить каждого иностранца, что у него очень надежное судно.

Лодка у него действительно была неплохой. Окрашенная в коричневый цвет, она вся состояла как бы из отдельных дощечек. Японец привычным движением вынул с кормы две доски, так что в лодку теперь могла бы войти даже женщина в очень узкой юбке. Когда мы сели, он вставил доски на место и бросил нам тяжелый плед.

— Изредка через борт брызгает вода, — объяснил он и одним движением вырвал из мотора около метра грязной веревки. Мотор зашумел, и лодка двинулась вперед.

Мы не боялись морских волн, так как были уверены, что, даже если бы море разволновалось, в лодке нашлись бы доски, чтобы наставить борта. Лодочник сидел за рулем и курил; за исключением тех случаев, когда у него останавливался мотор и он вынужден был снова дергать за веревку, чтобы запустить его, ему нечего

было делать. Он оказался самым неразговорчивым японцем из всех, с кем мы познакомились.

Мы видели Гигантский остров, готические своды Золотого острова, опасно нависшую над морем стену маленького островка, называемого Шлем, сказочной, фантастической формы остров Вечной молодости, Двойняшек — два прижавшихся друг к другу островка — и много, много других.

Лодка кружила среди островов, проезжала под их сводами, заглядывала в полузатопленные пещеры. Потом мы снова оказались у берега, расплатились с лодочником, и он вытащил с кормы доски. Мы почувствовали себя почти оскорбленными, когда американская пара, тоже решившая совершить прогулку, взглянула с презрением на наше суденышко и прошла дальше.

Японец посмотрел на нас долгим взглядом и медленно спросил:

— Вы не американцы, да?

— Не американцы, а что?

Он не ответил. Сунул руку в карман комбинезона и вытащил для наших ребят две маленькие деревянные куколки — кокэси.

— Счастливого пути, — пожелал он нам, прыгнул в лодку и расправил плед в ожидании следующих туристов.

К северу от Сендая раскинулась плодородная долина, поросшая сочной травой. Шоссе, полевые дороги и реки делят ее на большие и маленькие квадраты рисовых полей и лугов, лежащих намного ниже высокой насыпи, по которой проходит автострада. На болотистых лугах вдоль реки Дзай пасутся большие стада черно-белых коров. Коровы в Японии — явление необычное, свидетельствующее о большом достатке. Об этом же говорили и белые стены больших дворов. Крестьяне здесь явно не бедствовали.

Через несколько десятков километров рамки картины снова сузились, горизонт закрыли холмы. Сначала пологие и невысокие, они постепенно стали переходить в поросшие лесом горы, все ближе подступавшие к реке.

Неожиданно, ни с того ни с сего, дорога круто устремляется вверх, и вы как будто начинаете караб-

каться по крутой готической крыше. Вдоль дороги стоят рёканы, лавки и магазины, витрины и полки их полны красочных кокэси, которые смотрят на вас гордым взглядом. Вы находитесь в курортном городке Наруго. В переводе с японского это название означает «плачущий ребенок». Легенда утверждает, что оно возникло более 700 лет назад, когда у супруги знаменитого в японской истории полководца Ёсицунэ здесь родился сын.

В нашем представлении, однако, название «Наруго» ассоциировалось с плачем и писком куколок-кокэси. Когда поворачиваешь их головку, они издают звук, напоминающий плач грудного ребенка. Здешние кокэси — одни из самых известных, ибо местные умельцы первыми стали делать кокэси, и эта традиция — одна из самых старых. И это было главной причиной, почему нас влекло в Наруго.

Кокэси нингё. Мы уже давно принадлежали к многочисленной семье коллекционеров этих куколок. Кокэси — это народные деревянные игрушки, которые делаются на севере острова Хонсю. Они напоминают чем-то деревянных матрешек. Их размеры — от двух сантиметров до метра, но в среднем — около 20 сантиметров. У куколок нет ни рук, ни ног, лишь круглая, иногда слегка вытянутая головка и цилиндрическое тельце, расписанное поперечными полосками или украшенное орнаментом из красных, зеленых, желтых или фиолетовых цветов. На круглом личике нарисован ротик, нанесены серпы тонких, как бы в удивлении приподнятых бровей, черточка носа и узкие щелки глаз. На висках и на лбу черной тушью нарисованы прядки волос или детская челочка. На темени несколько ярко-красных черточек, сделанных кистью.

Кокэси бывают разные. В каждой деревне кокэси с характерным только для этой местности орнаментом, формой губ, глаз, носа, челочки или тельца. Коллекционеры безошибочно определяют, где сделана данная кокэси и даже какой мастер ее делал, и для этого им вовсе не надо отыскивать подпись художника. Иногда кокэси представляют собой простые, без единого украшения куколки. Такими, например, их делают в Ханамати, где древесина очень белая и сама по себе настолько красива, что ее не нужно оживлять ни цветом,

ни рисунком. Наверное, такой же была и самая первая кокэси.

Кто ее сделал, где и когда — неизвестно. Но, видимо, это произошло около 300 лет назад, а в наши дни этнографы спорят о том, с какой целью была сделана первая кокэси. Одни утверждают, что это была символическая жертва богам, другие считают ее обычной игрушкой. Вторая точка зрения более правдоподобна. Ведь стоит поставить в один ряд кокэси, сделанные в самых различных местах Тохоку, и вы увидите типичные личики японских девочек, на радость которым и делаются кокэси в течение столетий.

Около ста лет назад кокэси стали излюбленным видом подарков. Их привозили домой те, кто посещал горячие источники на севере Хонсю, и производство кукол превратилось в средство существования многих крестьянских семей. До сих пор кокэси, по крайней мере настоящие, традиционные кокэси, делаются в основном в деревнях вблизи курортных мест и отсюда расходятся по всей Японии.

После второй мировой войны спрос на деревянные куколки возрос настолько, что их стали делать и там, где раньше никогда не производили. Так, наряду с традиционными северояпонскими кокэси появились современные, которых вы можете купить в Японии на каждом шагу. Среди них встречается и полная безвкусица — красотики с подведенными глазами, негры с серьгой в одном ухе и куклы, покрашенные серебристой краской. Но появились и современные кокэси в хорошем смысле слова, сделанные с большим вкусом. Их строгие и благородные черты и красочные орнаменты — дело рук настоящих художников. В наши дни проводятся даже общегосударственные конкурсы на лучшие произведения этого вида искусства.

Сразу же после приезда в Наруго мы спросили хозяина рёкана, где найти умельцев, делающих кокэси. Затем в облаках пара из горячих источников сбежали по крутому склону вниз. Наруго лежит среди поросших лесами холмов, которые дают древесину для производства кокэси. Спуск был так крут, что мы с трудом остановились перед домом Масао Киси.

Когда нам открыли дверь, мы увидели мастерскую с небольшим токарным станком и большой кучей наре-

занных брусков. Масао Киси был сначала несколько обескуражен нашим неожиданным визитом и настойчивой просьбой показать, как делают кокэси. Лед сломал самый молодой потомок этого рода резчиков по дереву — пятилетний Масакидзи, сразу подружившийся с нашими детьми.

Представитель среднего поколения, отец Масакидзи провел нас в угол мастерской, который был полон опилок и стружек, выбрал из кучи два бруска — один короткий и другой подлиннее, сунул короткий брусок в токарный станок и включил его. Под его ловкими руками сначала появилась круглая головка, а потом и ладное тело куколки.

— Да что говорить, сейчас легко работать — есть электрические станки. А когда я учился у отца, то у нас стоял токарный станок, который приводился в движение нажатием на педаль, а еще раньше мама двигала станок, дергая за веревку. Вот тогда было трудно, и многое удавалось сделать.

Затем глава семьи Киси отшлифовал тело и головку наждачной бумагой, макнул кисточку сначала в красную, а затем в зеленую краску, нанес на быстро вращающуюся куколку линии орнамента, выдолбил ямку и привычным движением присоединил головку. Это казалось нам чудом, мы никак не могли понять, как он это делает, и он вынужден был медленно проделать все несколько раз. Головка на маленькой втулке легко вращалась из стороны в сторону и издавала писклявый звук. Кокэси была готова.

Отец Масакидзи разговорился. Он рассказал, что он делает куколки на станке, а его отец Масао Киси как бы вдыхает в них душу. Он рисует им лицо, волосы и красно-зеленые цветные орнаменты. Самое трудное — нарисовать лицо. Все кокэси, сделанные в Наруго, — «на одно лицо», и все они пищат. В этом их сходство. Но каждая семья резчиков наносит на куклу свой орнамент.

Мы перешли из мастерской в маленький магазинчик и отобрали понравившиеся нам куколки.

— И как у вас идет торговля? — спросили мы.

— Если бы нам пришлось жить на то, что мы продаем здесь, в Наруго, то мы вряд ли бы свели концы с концами. К счастью, мы получаем довольно большие

заказы из Токио и других городов, где продаются кокэси, произведенные в Тохоку. Но даже этого недостаточно. Я подрабатываю тем, что делаю на токарном станке деревянные тарелки, детскую посуду, кухонную утварь — короче говоря, все, что люди покупают.

— Ну, а ты, Ма-тян,— спрашиваем парнишку,— ты тоже будешь делать кокэси, когда вырастешь?

Его лоб под черной, ровно подстриженной челкой наморщился:

— Ни за что! Я хочу быть автомехаником!

— Тише! — предупреждает мама. — Дедушка отдыхает в соседней комнате, а ты ведь знаешь, что он не любит, когда ты так говоришь.

Отец задумчиво улыбнулся словам сына. Быть может, он тоже хотел выбрать другую дорогу, но вынужден был делать кокэси, у которых так много страстных поклонников и среди взрослых и среди детей по всей Японии. Семейные традиции в Тохоку до сих пор сильнее личных желаний.

Мы прощались как старые друзья и, когда уходили, вся семья долго стояла перед магазином и смотрела, как мы, увешанные свертками с кокэси, карабкаемся вверх к нашей гостинице.

Там мы еще раз полюбовались новыми покупками и затем тщательно их упаковали, уложив рядом с сестрами из других мест. К концу нашего путешествия по Тохоку мы собрали коллекцию из нескольких десятков деревянных куколок.

Деревни в Тохоку похожи одна на другую, как кокэси, сделанные рукой одного мастера. Они могут быть большими или маленькими, сделанными из сучковатого дерева или из гладкого, могут в каких-то мелочах отличаться одна от другой, как линии, нанесенные по-разному смоченной кисточкой, но в своей основе они одинаковы — их сделали на примитивном станке нелегкой жизни.

Ветхие, забрызганные грязью хижины с соломенными крышами тянутся вдоль дороги. За широкими, раздвижными дверями — деревянной рамой, затянутой белой бумагой, — пол, покрытый старыми татами, в углу небольшая кухня с глиняным или выложенным камен-

ными плитами полом и примитивной печкой или очагом. На татами у стены стоят один или два шкафа и зеркало. В стенном шкафу сложены футоны — стеганые одеяла, которые каждый вечер раскладываются на полу. Существуют футоны верхние и нижние. Между футонами крестьяне спят. В них тепло даже в нетопленной комнате, а зимой в японских домах иногда бывает такая температура, что с губ срываются облачка белого пара. Хуже всего в первые минуты после того, как ляжешь. Под футоном чувствуешь себя, как в скафандре: ведь зимний футон весит несколько килограммов.

Мы бывали в Тохоку и зимой, приехав сюда, естественно, на поезде. Даже поезда северной дороги беднее и неказистее поездов, соединяющих Токио с югом. И если летом дороги Тохоку полны рытвин и по ним разбросаны камни, то зимой они совершенно гладкие. По ним ездят на лыжах, санях и на гусеничном транспорте.

Под снегом вместе с плохими дорогами исчезает и весь Тохоку. Хижины надевают высокие белые тюрбаны, которые грозят своей тяжестью продавить крышу. Поэтому снег лопатами сбрасывают с домов на дорогу, где каждый слой постепенно утрамбовывается. Таким образом, уровень дороги быстро поднимается до тех пор, пока чуть ли не достигает крыш хижин. И тогда из окон домов уже не увидишь ничего, кроме высокой дороги, белых крыш, глубоких, протоптанных дорожек и улочек вокруг домов и магазинов, которые скорее похожи на тоннели. Весной эта белая наледь начинает таять, деревянные стены домов набухают от влаги, а высокие утрамбованные ледяные насыпи, в которые превратились зимние дороги и улицы, не дают воде стечь. Если бы это был снег, а не лед, то имело бы смысл набросать его обратно на крыши, чтобы он там растаял, а так не остается ничего другого, кроме как разрезать лед и свезти его за деревню в реку или пруд.

Что касается окружающей природы, то Тохоку можно назвать самой европейской частью Японии. Высокие и низкие холмы, поросшие густыми лесами, издали напоминают чешские горы. Но вблизи они выглядят куда более неприступными, леса — более густыми и непроходимыми, как вообще леса Японии. Тернистая поросль не дает возможности сойти с протоптанной тропинки,

если, конечно, вы не решили принести в жертву лесу обувь или одежду.

Деревни здесь имеют ярко выраженный национальный характер, но во многом отличаются от деревень долины Канто, Кансай или острова Кюсю. Их своеобразие определяется тяжелой жизнью в суровом, для японцев слишком холодном крае, с неплодородной землей, на которой, за исключением нескольких прибрежных долин, рис дает плохие урожаи и где совсем нет промышленности.

В Тохоку мы побывали на небольшом текстильном предприятии. Здесь работало около полусотни молодых женщин, обслуживавших громахающие допотопные ткацкие станки. Узкие полосы ткани с ярким рисунком медленно сворачивались в тяжелые с неровными краями свитки.

— Наши товары пользуются большим спросом в Соединенных Штатах Америки, — сказал молодой мужчина, директор фабрики, который сопровождал нас во время осмотра.

— Вы экспортируете свой товар даже в Соединенные Штаты?

— Да, большинство наших товаров идет в Америку. Это наш традиционный рынок.

Потом он пригласил нас в небольшой кабинет. Мы пили зеленый чай с очень приятным ароматом, а директор рассказывал о Калифорнии, которую он посетил в прошлом году.

Наконец мы решили задать не очень приятный вопрос:

— Простите, нельзя ли узнать, какая средняя заработная плата работницы на вашем предприятии?

— Ну, почему же нет? Мы неплохо платим. Работницы, которых вы видели, зарабатывают около 5 тысяч иен, — ответил не без гордости директор.

— Да, это действительно неплохая заработная плата, — заметили мы. — Это значит — в месяц 20 тысяч иен. Столько зарабатывают в Токио квалифицированные рабочие.

Директор был явно смущен.

— Я имел в виду 5 тысяч иен в месяц... Поймите, это же провинция, заработки здесь намного ниже, чем в столице.

— Пять тысяч иен в месяц?

— Конечно, а на других предприятиях платят четыре с половиной и даже четыре тысячи. Кроме того, вы не должны забывать, что большинство работниц, которых вы видели, не имеют семей. Это или незамужние девушки, или женщины, жалованье которых приплюсовывается к жалованью мужа.

— В Токио они не смогли бы прожить на такую заработную плату, — вежливо заметили мы.

Директор улыбнулся:

— Да, в Токио не смогли бы. Но здесь, в Тохоку, люди бедны, и каждая копейка дорого ценится.

Мы вели себя бестактно, неприлично, не по-японски, так явно выразив свое удивление. Но, еще будучи в Токио, мы не могли понять, почему японские профсоюзы из года в год тщетно добиваются того, чтобы минимальная заработная плата составляла 8 тысяч иен в месяц. Ведь все, кого мы знали в Токио, получали большую заработную плату, пусть лишь на две или четыре тысячи иен. Восемь тысяч иен наша семья, состоящая из четырех человек, тратила на еду в течение четырех дней, при этом не позволяя себе никаких излишеств, и поэтому борьба за месячную заработную плату в 8 тысяч иен казалась нам абсурдной, даже учитывая японский аскетизм. Мы должны были посетить маленькую текстильную фабрику в Тохоку, чтобы все понять.

«В Тохоку люди бедны, и каждая копейка дорого ценится».

С этим сталкиваешься на каждом шагу. Но бедность здесь не похожа на довоенное жалкое существование нищих областей Восточной Словакии или Закарпатской Украины. Вместе с модернизацией всей страны модернизируется, хотя и не становится от этого богаче, Тохоку. Во многих деревнях образованы сельскохозяйственные кооперативы. Это позволило крестьянам совместно купить небольшой трактор и другое сельскохозяйственное оборудование. Крестьяне пристально следят за новейшими методами обработки земли, и лучше они не отремонтируют покосившийся забор или не пошлют детей в школу, чем отстанут от других и не приобретут искусственных удобрений. Все, что продается даже в самых мелких лавочках, упаковано в полиэтиленовые пакетики. Но если вы внимательно приглядитесь к тому,

как живут крестьяне, то застынете в изумлении, пораженные примитивностью их жизни и нуждой.

Однако во дворы и домики жителей Тохоку нелегко заглянуть. Дома строятся так, что на дорогу смотрит глухая стена; вероятно, это делается для того, чтобы в дом попадало меньше пыли и грязи. В тех местах, где дом не окружен забором или стеной, посажена густая живая изгородь или ряд высоких деревьев. Крестьяне понимают, что их комнаты не очень красивы, и поэтому большинство домов с давних времен служат маленькой цитаделью, куда трудно проникнуть назойливым взглядам соседей и путников.

Контраст между древностью и современностью виден не только в сфере материальной. Театр Хаюдза в Токио несколько лет назад поставил пьесу талантливого японского драматурга и писателя Кубо Абэ, пользовавшуюся большим успехом у зрителей. «Исполинская хроника» глубоко проникла в душу и мысли жителей Тохоку. Пьеса раскрыла взаимоотношения между людьми в деревне, в ней показывалось, что во взглядах крестьян, укладе их жизни, несмотря на послевоенную демократизацию и модернизацию, мало что изменилось.

«Мир деревне!» — кричал на сцене в металлический транзисторный репродуктор, обращаясь к собравшимся крестьянам, дряхлый староста Отокити Тода, которого на грубоватом тохокском диалекте называли Одокэдзэ Тонда. Его привезли на сцену в небольшой разукрашенной коляске, в каких ездят и выступают во время предвыборной кампании кандидаты на депутатские кресла в парламенте. Он, патриарх деревни, старый и величественный, в черном фраке с широкой красной лентой через плечо и огромной желтой хризантемой в петлице, был живым олицетворением консерватизма и личной власти в деревне. Он требовал только одного — спокойствия и тишины. И никаких перемен. Бедняки его уважали и почитали. Но это происходило по инерции. Что бы стало с их деревней, если бы не Одокэдзэ Тонда? Они не хотели, боялись думать. Он был старостой до войны, во время войны и остался им и после войны. Он правил деревней вместе с местным охранником, который был охранником до войны, во время войны и остался им и после войны. И он умел заставить замолчать каждого, кому приходили на ум критические мысли.

Охранник довел собственного сына до самоубийства, когда тот во время войны дезертировал из армии, потому что ему все осточертело, и он, опустошенный и уставший, пришел к своему отцу.

Такова пьеса. Но когда мы несколько месяцев спустя проезжали по деревням Тохоку и в каждой из них среди ветхих хижин видели два или три добротных дома, нас мучил назойливый вопрос: «В каком из этих домов живет Одокэдзё Тонда?».

Самое радостное событие для молодых и для старых японцев в городах и в деревнях — это местные праздники. Мы их могли бы назвать храмовыми праздниками, так как они очень на них похожи, хотя не только не являются христианскими, но даже больше того — это языческие празднества.

«Языческие развлечения!» — презрительно отозвался о них католический миссионер, который, еще будучи молодым фанатичным священнослужителем, задолго до второй мировой войны бросил родную словацкую деревню, вблизи венгерской границы, и после многолетних скитаний по белу свету прочно осел в Токио.

— Почему же языческие, разве вы считаете сегодняшних японцев язычниками?

— Не всех, конечно, но христиан среди них очень мало. А вы этого не знали? — грустно вздохнул пастырь.

Мы это знали, конечно, но при сравнении с ханжески религиозными американскими семьями нам импонировали веротерпимость и отсутствие фанатизма у японцев, и поэтому мы не задумывались о характере их религии.

Термин «язычество» у нас ассоциировался с древностью или с ранним средневековьем, но никак не с нашей эпохой и страной, которая производит транзисторы, фотоаппараты и сотни видов пластических масс. Честно говоря, мы были искренне изумлены, когда узнали, что согласно древним меркам Рима мы уже несколько лет живем среди язычников и пытаемся их рисом, что мы ездим в трамваях, плаваем на кораблях и летаем на самолетах, водители, капитаны и пилоты которых — а надо сказать, что это великолепные водители, велико-

лепные капитаны и великолепные пилоты, — являются язычниками.

Крупный ученый, который две недели назад сопровождал нас при осмотре научно-исследовательского института ядерной физики и который объяснял нам работу атомных реакторов, также, видимо, был язычником. В этот момент религиозная градация человечества нам показалась очень комичной.

Так как в Японии очень много городов и деревень и еще больше святинь и храмов, то во время длительной поездки по стране почти исключено, чтобы вы не попали в городок, в котором не развеваются ленты, не цветут бумажные сакуры и не царит праздничное настроение, короче говоря, в городок, куда не съезжаются люди на «языческий праздник». И хотя христианские миссионеры и так уже испытывают немало мук, японцы продолжают придумывать все новые и новые праздники и фестивали, которые, конечно, не имеют отношения ни к какой религии, тем более к христианской.

В Аомори и в Хиросаки — самом северном уголке острова Хонсю — в мае, например, празднуется так называемый «Нэбута фестиваль», во время которого по улицам возят *нэбута* — чучела животных и людей; шествие сопровождается играми, плясками и пением. Праздник якобы связан с событием, которое произошло более тысячи лет назад, когда какой-то японский генерал использовал чучела для обмана противника и, ко всеобщему удивлению, победил. По всей вероятности, противник был очень близоруким.

В другом месте, в Хисанохаме, жители маленьких прибрежных деревень, расположенных в 200 километрах на север от Токио, проводят фестиваль, на котором главные действующие лица — лошади. Пробразом этого фестиваля также послужило какое-то военное событие.

В Никко проводятся большие празднества с парадом японских рыцарей в латах, в Камакуре — соревнования по стрельбе из лука на скаку, в Киото — театральные фестивали гейш. Каждый город отмечает в году несколько собственных праздников. А во всей Японии таких празднеств бывает бесчисленное множество.

Особенно запомнился нам один праздник, на котором нам довелось присутствовать во время поездки на

север. Больше того, нам самим в какой-то степени пришлось стать его участниками.

Где-то между Наруго и Товадой лежит деревня, или скорее городок, Фукуока. Он носит такое же название, как и большой город, расположенный на севере острова Кюсю, но на этом их сходство кончается.

Мы приехали в эту маленькую Фукуоку, преодолев один из самых трудных отрезков дороги. Ночью шел дождь, и глубокие колдобины наполнила вода и жидкая грязь. В сухую погоду по такой дороге ехать можно, по крайней мере видно, что впереди и какая вам грозит яма. Но когда все это заливают мутная, грязная вода, не остается ничего другого, как непрерывно прощупывать дорогу длинной палкой или, махнув рукой на все, нажать на газ, надеясь на большой скорости проскочить ямы. Мы пользовались обоими способами, выбор зависел от нашего настроения.

Мы уже приближались к Фукуоке, выехав на отличное шоссе, асфальт которого кое-где потрескался от старости. Дорога, омытая дождем, была мягкой, как персидский ковер — чуть поношенный, но от этого лишь более ценный. Мы снизили скорость, чтобы полностью насладиться окружающей красотой.

Но вдруг перед нами вырос небольшой самодельный деревянный указатель:

«Томавари!» — «Объезд!»

Стрелка показывала куда-то влево, по направлению к огромному глубокому морю грязи, которое могло быть и полем, и руслом реки, и болотом, и затопленной грунтовой дорогой.

— Это, наверное, кто-то пошутил!

— Да нет, какие там шутки. Но надпись сделана только по-японски, и мы можем ее не понять. Как-нибудь проедем.

С каждым метром на дороге становилось все больше людей, размахивавших цветными лентами и бумажными фонарями. Неожиданно, грязные и вспотевшие, мы очутились между двумя рядами веселой, празднично одетой толпы. Люди, стоявшие вдоль обеих сторон улицы, затихали, едва увидев нас, и изумленно смотрели на нас как на артистов, явившихся на сцену в неподобающий момент и в неподходящей одежде.

Видели ли вы когда-нибудь, стоя на тротуаре в ожи-

дании главы иностранного государства, как вдруг на широкую и совершенно пустую улицу выбегает перепуганная, ничего не понимающая дворняжка? Мы испытывали такое же чувство, как эта несчастная дворняжка. Впереди показалась большая процессия, а все, кто стоял на тротуаре, с интересом наблюдали, чем все это кончится. Назад мы повернуть не могли, впереди путь был закрыт. Наконец из толпы вышел человек и указал рукой на маленькую боковую улочку. Оң, вероятно, пользовался авторитетом. Люди перед нами расступились, как море перед посохом Моисея.

Мы вышли из машины, и первое, что увидели, была деревянная сцена и большой лозунг, на котором каллиграфически было написано название большого медвежьего фестиваля, дата торжества и еще что-то, что из-за большого расстояния трудно было прочитать. Слева от транспаранта на задних лапах стоял лохматый медведь, справа улыбалась физиономия носатого тэнгу. Что касается медведя, то имелось достаточно поводов для критики этого произведения местного художника. Зато дух японских гор был изображен так мастерски, что с первого взгляда становилось ясно, что медведи здесь исчезли намного раньше, чем горные духи.

В Токио мы встречались с горными духами только в лавочках, которые торговали изделиями резчиков по дереву и в витринах которых были выставлены маски духов. Но японские горцы, да и не только горцы, видимо, были близко знакомы с духами, ибо в прошлом веке они еще верили в них и боялись их. В иокогамском театре мы видели пьесу, где маленький тэнгу хотел разозлить бедного крестьянина. Однако тот украл у него маску, и маленькому тэнгу здорово досталось от отца за то, что он оказался глупее человека. Но это была пьеса, пьеса нетипичная.

Тэнгу — духи хитрые, сильные и злые, и человек, как правило, не в силах с ними бороться. Особенно любят тэнгу пугать молоденьких девушек, но достается от них также скрягам и глупцам. Даже порядочные люди могут ждать от них самого плохого. И поэтому до сих пор японские бабушки в деревнях пугают своих внуков: «Если не будешь слушаться, придет тэнгу».

Тэнгу — это прообраз американского супермена, появившийся около тысячи лет назад. Он все видит, вели-

колепно бегаёт, умеет летать, он судит, наказывает и даже убивает точно так же, как супермен. Разница лишь в том, что он немножко старомоднее и у него нет столь четких представлений о справедливости нашего века.

— Гэйдзин, гэйдзин, гэйдзин...— со всех сторон стало доноситься до нас монотонное бормотание, как только мы снова выбрались на широкую улицу.

«Это они наверняка имеют в виду нас. Ведь на тохокском диалекте иностранцев вместо „гайдзин” называют „гэйдзин”»,— начали догадываться мы, стараясь привлекать к себе как можно меньше внимания.

По улице двигалась процессия красочно убранных коней с храбрыми воинами в седлах и духами в кимоно со страшными масками на лицах и с палками в руках. Духи в испачканной одежде (они шли по грязи из соседней деревни), воины и даже медведь, как будто сошедший со сцены во время представления «Проданной невесты»,— все смотрели туда, куда были направлены взгляды большинства зрителей. На нас.

По толпе снова пронеслось: «Гэйдзин, гэйдзин».

Один маленький тэнгу даже приподнял красную маску, и из-под нее выглянули любопытные глаза деревенского парнишки. Он с таким изумлением смотрел на нас, что даже замер на месте и стоял до тех пор, пока кто-то сзади не подтолкнул его. Дети, прибежавшие сюда издали, смотрели на нас, широко открыв рот. Самые маленькие прятались за спины родителей и кричали как резаные. И так как горные духи уже прошли и по улице шла молодежь без масок, можно было не сомневаться, что дети боятся не духов, а нас.

Вечером, в Товаде, когда мы, укрывшись футонами, уже собирались уснуть, на нас напала икота. Наверняка о нас вспоминали в Фукуоке. И ничего удивительного. Ведь зрители ждали привычных духов и медведей из соседней деревни, а приехали настоящие гэйдзин, да еще всей семьей.

Жители Фукуоки об этом, наверное, не знают, но японские исследователи фольклора, которые изучают родословную японских тэнгу, утверждают, что длинный нос и кирпичное лицо масок ведут происхождение от чужеземцев с такими лицами, которые через Китай и Индию пришли в Японию. Так об этом рассказывает одна старая японская хроника.

Но как бы вы ни приглядывались к маске горного духа, вы не найдете в ней ничего привлекательного.

Рано утром мы выехали из Товады по направлению к границе национального парка Товада — Хадзимантай, через который лесная дорога ведет к большому горному озеру. Оно тоже называется Товада. И лишь река, которая вытекает из озера Товада, по какому-то недосмотру не называется Товада. Ее имя еще более поэтично — Оирасэ.

Оирасэ — река короткая, но бурная, как большинство японских рек, и в своей горной части такая живописная, с такой кристально чистой водой, что редкая река Японии сможет с ней сравниться. Дорога вдоль Оирасэ идет лесом и петляет между скалами, крутые склоны которых скрываются за вершинами деревьев. Поездка по Оирасэ оставляет такие неизгладимые впечатления, что в Товаду приезжают весной, летом и главным образом осенью туристы со всей Японии. Но пока сюда добраться нелегко, и поэтому их, к счастью, бывает немного.

Черные отроги скал, сбегаящие к самой тропинке, часто бывают прикрыты тонкими шторами водопадов. Ветер шевелит их, а солнце отражается в складках. Летом не только сама дорога, но и воздух над ней окрашен в ярко-зеленый цвет. Осенью все приобретает желтый и багряный оттенки. Неяркие лучи солнца, пробивающиеся сквозь разноцветные кроны деревьев, падают на белую пену порогов. Столетние стволы деревьев, склонившиеся с обоих берегов над прозрачной гладью воды, образуют своими ветвями легкие своды.

Мы сидели на плоском камне под водопадом с поэтичным названием «Рождающий облака». Вода падала по узкому, почти вертикальному руслу в скале, пропадая где-то внизу в глубоком омуте, скрытом зеленоватыми сумерками. Лишь сверху, откуда поток низвергался из неправильного синего пятиугольника неба, словно лучом прожектора кто-то освещал камень, о который разбивалась вода. Неожиданно на дороге появились четыре туриста. Платочки вокруг шеи, широкие ремни и широкополые шляпы.

«Им палец в рот не клади», — подумали мы, ста-

раясь держаться от них подальше. Но опасения были напрасны. Они подсели к нам и оказались очень милыми, компанейскими ребятами. Двое из них учились в университете в Сендае, а двое других работали в качестве учеников в маленькой мастерской, владельцем которой был дядя одного из ребят. Они долго нам рассказывали обо всем, что им пришлось предпринять, чтобы добиться отпуска, но мы их понимали с трудом, так как они говорили на тохокском диалекте. У них было несколько коробочек с рисом и какие-то приправы. Все свои пожитки они разложили перед нами и были очень довольны, что нам их пища понравилась. Мы добавили к этому наши консервы и печенье, и получился отличный обед.

Озеро Товада представляет собой кратер глубиной 378 метров, наполненный водой. На западе возвышается стена, покрытая лесами, через которую переползают автобусы, направляющиеся в Акиту. По пути часто встречаются площадки, откуда открываются великолепные виды. Затем вы взбираетесь на гребень стены, дорога переламывается и крутыми серпантинами спускается вниз.

За перевалом снова встречаются заброшенные деревеньки с деревянными хижинами, крытыми соломой, пыльные, грязные дороги, маленькие синтоистские святыни, каменные скульптуры Будды и ницета. Но чем ниже вы спускаетесь, тем жизнь становится богаче, современнее.

Если вы взглянете на карту, то увидите, что на западном побережье Северного Хонсю рядом с Аkitой в Японское море выдается полуостров Ога. Тому, кто судит по карте, наверное, кажется, что осталось совсем немного до того момента, когда Ога-ханто превратится в Ога-сима, то есть полуостров превратится в остров. Но это обманчивое впечатление.

У озера Товада мы с водителем местного автобуса и красивой кондукторшей разбирали наш дальнейший маршрут, и наши пальцы заблудились на тонком перешейке, которым полуостров Ога прикреплен к большой земле. Мы узнали, что по нему идет довольно хорошая дорога и что там у самого моря встречаются живопис-

ные скалы, папоминающие своей формой людей и животных. Скалы эти лежали в стороне от нашего пути, но мы не устояли от искушения взглянуть на них.

И хотя мы знали, что морские волны не замочат колес нашей машины, все же мы были разочарованы, когда проехали этот узенький перешеек, ни разу не увидев моря. Полоса земли довольно широка, а дорога, вместо того чтобы идти по гребням холмов или спускаться к морю по их склонам, тянулась по небольшой долине. Справа и слева горизонт закрывали пологие холмики, покрытые рощами, рисовыми полями и огородами, на которых выращивают картофель и другие овощи.

Мы проехали по деревне. Какой-то старик выравнял глубокую рытвину на дороге. Он набросал в нее белый песок и с явным удовольствием предвкушал, как легко и удобно нам будет ехать по залатанному месту. Однако дело кончилось плачевно. Песка было столько, что мы безнадежно в нем завязли. Старик удивленно завертел головой и спустя немного времени привел несколько мужчин, которым мы благодарны за то, что до сегодняшнего дня не торчим на том самом месте. Они заинтересовались, кто мы, откуда, куда и зачем едем. Было видно, что какие-то прибрежные скалы, по их мнению, недостаточный повод, чтобы иностранцы ездил на этот полуостров, тем более что их приходится вытаскивать из песка.

— А может быть, там нет никаких скал?

— Да нет, какие-то скалы там есть,— утешил нас старик, который уже простил нас за то, что ему снова придется выравнивать дорогу.— Мы тоже про них слышали, но никто из нас там не был.

После долгих извинений, благодарностей и поклонов мы расстались с нашими спасителями.

Чем ближе мы приближались к скалам, тем меньше о них знали местные жители. И, наконец, после долгих расспросов, блужданий и возвращений мы въехали на бетонный причал небольшой пристани.

— Скажите, пожалуйста, мы можем здесь найти какую-нибудь лодку, чтобы осмотреть скалы?

— Это будет нелегко,— ответил человек в разорванной куртке и берете, чинивший громадную сеть.— Сегодня сильный ветер и большие волны, с вами никто не поедет.

— Не такие уж они большие, — неуверенно возразили мы.

Высокие серые волны с белыми гребешками неслись по неприветливому морю, а влажный ветер был холодным.

— Никто с вами не поедет, ведь можно разбить лодку. Никто на это не согласится, — сказал мужчина и наклонился к своей сети.

Разочарованные, мы поехали назад, чтобы хоть с берега посмотреть на эти скалы. Так мы познакомились с полуостровом Ога, аппендиксом Японии. Северная оконечность этого полуострова — один из самых бедных и отсталых районов всей страны. И 50 и 20 лет назад здесь все должно было выглядеть так же, как и сейчас.

Рыбачьи бараки, притулившиеся под высокими скалами и тянущиеся вдоль белых от соли и пыли дорог, не могут спрятаться за деревьями и живыми изгородями от любопытных взглядов. На этой земле растет лишь плевел, и если в других местах на севере Хонсю нищету скрывают и модернизируют, то здесь путник видит лишь голую нужду — полуразвалившиеся изгороди с одной стороны дороги, которую с другой омывает шумный прибой.

Пейзажисты сюда не ездят. Но если бы кому-нибудь и захотелось приехать, ему пришлось бы привезти с собой главным образом серую краску. Целую бочку серой краски, и к ней понемногу примешивать все остальные.

Скалы там тоже есть. Но с берега они ничего не напоминают.

Мы осторожно ехали по дороге, которая, как нам сказали, никуда не ведет. Наконец перед нами вырос холм, дорога превратилась в стежку, а стежка исчезла в серой траве. Мы поднялись на круглую, обдуваемую ветрами площадку, под которой не было ничего, кроме скал и необозримого, затянутого туманом моря, как будто это был край земли. Но это был всего лишь один из многих концов Японии.

Хоккайдо,

пасынок

Японии

Хоккайдо, второй по величине остров Японии, расположен на севере, и это его главный недостаток. И хотя самый северный мыс этого острова вряд ли находится севернее Венеции, а его центр расположен на той же параллели, что и французская и итальянская Ривьеры, Хоккайдо тем не менее известен своей суровостью, так как разница между климатом острова и климатом Венеции, Портофино, Сан-Ремо и Канн не меньше расстояния между Японией и Италией. Благодаря холодным сибирским ветрам и холодному океанскому течению остров Хоккайдо зимой — идеальное место для лыжников и любителей зимних видов спорта. Но это достоинство было открыто лишь в недавнее время, и оно не смогло еще благотворно повлиять на Хоккайдо.

В истории Японии Хоккайдо всегда был суровым, холодным и малопригодным для жизни куском земли, где каждый переселенец должен был во многом отказываться от традиционного японского стиля жизни, приспособляясь, особенно в питании и одежде, к более суровым условиям, похожим на условия севера Европы. И хотя официальные японские источники ссылаются прежде всего на кислые, песчаные почвы и другие причины, снижающие урожайность хоккайдоской земли, вряд ли именно это можно считать главным недостатком Хоккайдо.

До 70-х годов прошлого столетия Хоккайдо почти не был заселен. Исключение составлял лишь порт Хакодате и несколько прибрежных деревень. Да и в наши дни плотность населения на Хоккайдо раза в три ниже средней плотности населения Японских островов, и главная причина этого явления — холод. Японцы всегда тянулись к югу, даже когда военно-политические авантюры японского капитала толкали их в противополож-

ном направлении, например на Сахалин или в Маньчжурию.

Как только шасси самолета японской авиакомпании касаются бетонной полосы аэродрома Титосэ (кстати, еще одна американская военная база) или как только пароход на линии Аомори — Хакодате замирает у бетонного причала, вы сразу чувствуете своеобразную континентальную, европейскую атмосферу. Уже по дороге с аэродрома или из порта в Саппоро — столицу острова — вас поражает обилие непривычного и прежде всего окружающая природа. «Разве это Япония?» — все время спрашиваете вы себя, рассматривая хоккайдоский ландшафт из окна автобуса, мчащегося по асфальтированной дороге.

«Куда исчезла пресловутая перенаселенность, на которую японцы так часто жалуются?» — недоумеваете вы, в то время как поезд идет мимо широких полей и редких маленьких деревень.

Пологие, удлиненные холмы, склоны которых на юге были бы залатаны бесчисленными квадратиками полей, раскинулись до самого горизонта, как бы демонстрируя изобилие земли, и даже подножия их не заселены. Луга покрыты густой сероватой травой, иногда сменяемой зеленью пастбищ, на которых пасутся черно-белые тучные коровы. Вместо рисовых полей — картофельные, вместо примитивного тяжелого ручного труда по колено в воде — длинные борозды, по которым движутся тракторы с плугом, бороной, сеялкой или другим, для нас обычным, а для Японии редкостным, сельскохозяйственным оборудованием. Здесь можно встретить зажиточного крестьянина — не в синей робе и широкой соломенной шляпе, а в ватной куртке, какие носят наши трактористы, и в кепке с козырьком, — сидящего между высокими колесами подборщика валков. Он погоняет лошадь, которая тянет по широкому лугу машину, сгребавшую за его спиной подсыхшую траву. Чуть подальше вы можете встретить его сына, который гонит небольшое стадо блеющих овец. Да, это не похоже на Японию.

Но в деревнях и городах вы снова сталкиваетесь с японским образом жизни и вскоре забываете о широких, не по-японски обработанных или, точнее, необработанных полях вокруг. Дома здесь по традиции строят деревянные, но с двойными стенами, окна — с двойными

рамами, особенно крепкой крышей, ибо ей приходится зимой выдерживать вес мощного пласта снега. На магазинах — японские надписи, по улицам ездят «тоёпеты», «датсуны», «масуды» и автомобили других японских марок. Красные фонари висят над полицейскими комиссариатами, гости, выходящие из рёканов, стучат по мостовой деревянными башмаками, то здесь, то там можно увидеть женское кимоно, а у края тротуара старушка поставила свой лоток, на котором шевелятся большие живые крабы. Все это картины, типичные для Японии. Но здесь, в городах, тоже дует холодный, материковый, сухой ветер. Здесь вы можете увидеть тротуары, бульвары и другие признаки нашей эпохи, несмотря на то что главное условие введения этих урбанистических новшеств в городах юга Японии — бомбардировки, уничтожившие большую часть этих городов, — здесь отсутствовало.

В Саппоро мы побывали на выставке, рассказывающей о развитии Хоккайдо и старающейся представить остров промышленно более развитым, чем он есть в действительности. В витринах экспонировались образцы железной, медной и магниевой руды, цинка, меди, олова, золота, серебра, асбеста, серы, угля, бутылочки с ртутью и нефтью и другие полезные ископаемые острова. Надо сказать, что месторождения этих ископаемых часто очень небогаты. Но для Японии, которая так бедна минеральными ресурсами, каждый собственный их источник высоко ценится; даже небольшая по объёму добыча того или иного вида сырья на диаграммах или в статистических отчетах оборачивается высоким процентом общегосударственной прибыли.

В углу выставочного зала с потолка свисали тяжелые шторы разнообразнейших рыбацких сетей и веревок с петлями для ловли крабов. Крабы, которых ловят на Хоккайдо, с виду некрасивы — как-то мохнатые, с огромными клешнями, но мясо их очень вкусно. Всю переднюю стену зала занимал темно-зеленый макет морского дна. Рыбная ловля — одно из главных средств существования большей части населения Хоккайдо, и с первого взгляда на рыбацкие порты Отару и Хакодате кажется, что на каждого жителя города приходится не меньше одной рыбацкой лодки. Но вид убогих, нищих рыбацких деревень паводит на другие мысли. Напри-

мер, сразу думается о том, что цифры доходов, приводимые на диаграммах выставки в Саппоро, очень условны и что эти доходы распределяются среди различных групп населения в высшей степени неравномерно.

Были на выставке и другие экспонаты, например два пня. На одном из них годовые кольца так прижались друг к другу, что сразу было видно, как тяжело приходилось деревцу во время суровых, почти сибирских зим. Другому, широкому, пню было около семи лет, но годовые кольца отстояли друг от друга на большое расстояние. Их разделяла желтовато-белая древесина. Этот экспонат — свидетельство больших успехов, которых добились японские ученые в деле выращивания на Хоккайдо деревьев. Это не строевой лес, но он вполне годится для бумажных комбинатов.

Выставлены были также образцы почв и грунтов. Большие стеклянные зонды наглядно демонстрировали структуру верхних слоев почвы, рассказывая об условиях выращивания различных культур в разных частях Хоккайдо. Грустно было видеть эти стеклянные цилиндры, наполненные белым песком или камнями, в лучшем случае прикрытыми тонким коричневатым плодородным слоем. В настоящее время здесь выращивают неприхотливые культуры: картофель, ячмень, рожь, кое-где растет рис и пшеница; в будущем одной из важнейших культур станет сахарная свекла. Научно-исследовательские сельскохозяйственные институты в Хоккайдо разрабатывают перспективный план, по которому Япония должна быть обеспечена собственным сахаром. Основной сахарной базой страны станет остров Хоккайдо. А пока ведущим направлением сельскохозяйственного производства на Хоккайдо является молочное животноводство. Скот здесь выращивается на современных фермах. Хоккайдо производит около 60 процентов всего японского масла, но при этом надо сказать, что потребляют масла в Японии намного меньше, чем у нас. Здесь же производятся почти все виды японских сыров. Сыры эти неплохие, но сортов мало и они почти не вывозятся в другие районы страны.

Вечерами, когда мы с жителями Хоккайдо разговаривали об их острове и его особенностях, перед нами на тарелке обычно лежал прекрасный рассыпчатый японский картофель, какого нигде в Японии больше нет,

и шницель, похожий на венский, правда, не такой большой и не такой тонкий, каким он бывает в Вене. И хотя нам его подали в маленьком японском ресторане, он совсем не отдавал рыбой, и вместо привычной сырой капусты к нему принесли дольку лимона. Само собой разумеется, что на столе стояла неизменная бутылка пива, которое продается в бутылках или жестяных консервных банках по всей Японии. Большинство видов японского пива очень хороши. На наш взгляд, если японское пиво сравнивать с известными иностранными марками, то, пожалуй, можно признать правоту слов саппорского пивовара, который утверждал в одной рекламе: «Саппорское пиво — это пльзеньское пиво!».

— Нам кажется, что мы не в Японии, — заметили мы как-то, разговаривая со своими знакомыми о промышленности и природных условиях острова.

— И нам тоже, — сразу же согласился один из собеседников. — Мы переселились сюда несколько лет назад с большой земли — так здесь обычно называют остальную часть Японии, — но никак не можем привыкнуть к местным условиям. В этом заключается главная проблема Хоккайдо. Люди не хотят сюда ехать. А из тех, кто приезжает, многие возвращаются. Заработают кое-какие деньги и скорее назад, на юг, в теплые края.

— Но ведь на Хоккайдо живет более пяти миллионов человек.

— Да, но для Хоккайдо это мало. Кстати, большинство из них живет на южной половине острова. Север до сих пор почти не заселен. Здесь, на юге, люди охотнее оседают, но пройдет еще много времени, пока мы достигнем уровня остальной Японии.

Да, этот процесс, вероятно, будет длительным. Колонизация Хоккайдо идет с 70-х годов прошлого века, когда японское правительство приступило к сознательному заселению острова Эдзо, как Хоккайдо тогда называли. Все началось с приглашения на Эдзо американских специалистов. Это было неизбежно, ибо в то время никто не представлял, какими путями развивать сельское хозяйство при таком суровом климате. Поэтому до сих пор у сельского хозяйства на Хоккайдо сохранились ярко выраженные неазиатские черты. И как бы гербом Саппоро служит вид, который вы встретите на многих

саппорских открытках: окрашенное в белый цвет деревянное строение с башенкой и часами — типичное здание небольшого американского городка.

Несмотря на успехи, достигнутые американскими специалистами в прошлом и их японскими преемниками, давно уже взявшими дело развития Хоккайдо в свои руки, новых поселенцев сюда по-прежнему трудно заманить. В каждом японском правительстве имеется и, вероятно, еще долго будет сохраняться особый пост начальника Управления по развитию острова Хоккайдо. Тому, кто занимает этот пост, приходится туго. Уловы рыбы снижаются, затяжной кризис угольной промышленности затрагивает и хоккайдские шахты, и за исключением металлургических заводов в Муроране по промышленному развитию Хоккайдо значительно отстает от остальной Японии. Поэтому Хоккайдо до сих пор не включен в общегосударственную административную систему. В то время как острова Хонсю, Кюсю и Сикоку разделены на 43 префектуры и три больших самостоятельных городских округа (Токио, Осака и Киото), Хоккайдо является особой административной единицей с отличным от других префектур статутом.

В прошлом, еще называясь Эдзо, этот остров по не совсем понятным сейчас причинам, сделал единственную в истории страны попытку ненадолго отделиться от Японии и образовать сепаратное государство. Это произошло зимой 1868/69 года, когда около шести месяцев на Хоккайдо имелось нечто вроде самостоятельного правительства. Но спустя полгода оно было низложено императорскими войсками, а его руководитель морской офицер Такэаки Эномото впоследствии несколько раз занимал министерские посты в официальных японских кабинетах.

Главной достопримечательностью острова Хоккайдо являются остатки аборигенов Японских островов — народа айну. Точнее, это даже не остатки народа, а просто горстка людей, ибо те несколько сотен человек, которые сохранились от огромных племен айну, дают о них слишком убогое представление.

Проблема айну — одна из самых интересных и в то же время наименее изученных и ясных страниц японской истории. Примечателен уже сам факт, что на островах до появления предков нынешних японцев жило население, пришедшее сюда, по всей вероятности, с севера и этнически совершенно не похожее на окружающие азиатские племена. Высказываются предположения, что айну пришли в Японию из Северной Сибири. В старых японских хрониках мы находим сообщения о больших битвах с айну недалеко от нынешней Акиты в VIII веке нашей эры. Но постепенно основная масса айну была вытеснена с острова Хонсю, а те, что остались, ассимилировались с пришельцами. Айну сохранили лишь остров Эдзо, нынешний Хоккайдо, где они жили в сравнительном спокойствии до конца прошлого века. И лишь колонизация Хоккайдо нанесла айну, которых было тогда несколько десятков тысяч, окончательный и решительный удар. Их жизнь была такой же примитивной, как и столетия назад; занимались они в основном земледелием и рыбной ловлей. Они никогда не поднимались по лестнице общественного развития выше патриархального общества, а в военном отношении всегда были очень слабы. Так что для их уничтожения не потребовалось ни огня, ни меча. Вполне достаточными оказались современные формы дискриминации и угнетения национальных меньшинств. Численность айну снизилась так резко, что в наши дни на Хоккайдо остались лишь сотни настоящих потомков этого народа. Кроме них на острове живет несколько тысяч человек с явно выраженными айнскими чертами. К ним относятся и некоторые японские специалисты, которые изучают, но уже в качестве японцев, историю и язык айну. Все они, включая и настоящих айну, живут как японцы, все более с ними ассимилируясь. На языке айну сейчас говорят лишь около десятка стариков, и с их помощью уже в последний момент были записаны сказки и мифы айну и сделан айну-японский словарь.

Это все, что в наши дни осталось от айну, если не считать, конечно, теперь уже японских, но в основе своей айнских имен и названий, распространенных на Хоккайдо. Полное уничтожение айну — вопрос лишь десятилетий. Утверждают, что они сами не заинтересованы в сохранении своего рода, особенно молодежь,

стремящаяся стать полноправным членом того общества, которое подвергает ее дискриминации. Способствует этому и обязательное посещение японских школ, где лишь в первых классах преподается язык айну. Но каждый, кто хочет получить пусть самый минимум образования, должен изучить и японский язык, ибо айну не имеют своей письменности.

Несмотря на это, а быть может, именно благодаря этому деревни айну на Хоккайдо — место паломничества туристов. Айну живут так же, как и остальные японцы, но во время визита иностранных туристов они накидывают на плечи традиционные, из-за частого надевания довольно засаленные курточки с белыми орнаментами и в зависимости от того, сколько им заплатят, дают себя сфотографировать, произносят на своем языке несколько слов, поют или позволяют осмотреть свое жилье. Единственное, что в таких встречах действительно интересно, — это сами айну. Мы видели их в Сираои — одной из самых больших деревень айну вблизи Ноборибецу. Двое айну вышли из дома, как только мы появились, словно они несли вахтенную службу. Вскоре подошли еще люди. У стариков была густая белая борода и седые волосы до плеч, у старух верхнюю губу покрывала синяя татуировка, и казалось, что они чернилами подрисовывают себе усы. Их лица не похожи на лица японцев. У них ровные носы, а глаза прикрываются к старости отяжелевшими веками. Айну — хорошие резчики по дереву. Медведей — священных для них животных — они вырезают великолепно. Но живут они бедно, ибо привыкли существовать на подаяния, а также на те гроши, которые получают, продавая национальные сувениры (большая часть этих сувениров, говорят, делается японцами на острове Хонсю). В общем они живут за счет того, что являются редким, вымирающим народом.

Грустная роль последних из могикан.

Хоккайдо богат живописными ландшафтами, со скалистыми горами, озерами и горячими источниками. На острове есть три больших национальных парка. Один из них — парк Сикоцу-Тоя с известным местечком Ноборибецу.

На языке айну Ноборибецу означает «Прекрасная река» и звучит скорее как Напарпет, но это нам говорили японцы, а не айну, и они могли ошибиться. Ноборибецу — маленький городок на побережье Тихого океана, соединенный железной дорогой с Саппоро и Мурану и расположенный в таком великолепном месте, что лучшего нельзя и желать. Примерно в 20 минутах езды автобусом находится курорт с этим же названием, благодаря которому Ноборибецу пользуется такой известностью. Этот курорт популярен не только среди кандидатов в самоубийцы, которые приезжают сюда, чтобы покончить с собой, прыгнув в вечно дымящийся кратер, расположенный среди высоких зеленых холмов. Сюда в основном ездят любители горячих источников, которые купание в них предпочитают всему остальному. А таких фанатиков в Японии очень много. Но чтобы полностью понять притягательную силу Ноборибецу и подобных курортов, надо сначала рассказать в нескольких словах о японских горячих источниках и вообще о гостиничной культуре.

Купальня наряду со спальней является важнейшей частью японской гостиницы. Питание, обслуживание, удаленность от станции и другие подобные вопросы, которые для нас играют очень большую роль, в рёканах отступают на задний план. Японская гостиница прежде всего должна иметь хорошо оборудованную купальню. Отказаться помыться из-за усталости — значит пренебречь лучшим, что есть в гостинице, а в глазах обслуживающего персонала стать человеком, который не отличается чистоплотностью. А если у рёкана имеется особенно известная купальня, то ради того, чтобы искупаться в ней, приезжают люди со всех окрестностей и даже из других городов страны.

Японское *офуро* нельзя представлять как нашу ванную с душем, умывальником и запотевшим зеркалом. Главное в офуро — это горячий естественный источник, которых в Японии, вероятно, не меньше, чем обычных холодных ключей. Гостиницы и рёканы с горячими источниками имеют таблички с гордой надписью «*Онсэн*», и японцы всегда предпочитают селиться в них, а не в рёканах без онсэн. Японская купальня — это кафельные плитки, которыми выложены все стены от пола до потолка. Белые, кремовые, желтые, оранжевые, розо-

вые, зеленые, синие, охровые, коричневые, черные — короче говоря, всех цветов и во всевозможных комбинациях. В одних купальнях есть террасы, другие выложены мозаикой со стилизованным изображением купальщиц. Вместо ванны в полу сделан бассейн. Бассейны бывают маленькими, на одного или двух человек, и большими, чтобы в них было можно плавать. В каждом рёкане или отеле — свое офуро. Искусственные водоемы, выложенные камнем и туфом, у горячих источников в Ундзэне, плавательный бассейн в Ниигате, небольшой бассейн для больных почками в Нагасаки, жасминовые, гвоздичные и тому подобные ароматические купальни в Ито. В Товаде и других немногих местах мы видели традиционное деревянное офуро, которое в наши дни встречается крайне редко. Оно представляет собой деревянную бочку, все время подогреваемую, чтобы вода не остыла.

Таким образом, японские рёканы оборудованы не привычными для европейцев ваннами, но бассейнами, к которым подведена вода из горячих источников. Популярность онсэн доходит до того, что иногда даже те гостиницы, которые не имеют горячих источников, пользуются названием онсэн. Но их немного. Бывает, однако, как, например, в Хаконе, что горячие источники находятся на большом расстоянии от гостиницы и воду, которая поступает сюда по трубам в офуро, приходится подогревать.

Горячие источники, как правило, ценятся не из-за своих целебных свойств, ибо эта сторона их пока еще мало изучена, а из-за того, что благодаря им вода в офуро постоянно меняется. Это особенно важно, потому что ежедневно через купальни в рёканах проходит много народу, а если горячего источника нет, то вода в них не меняется после каждого посетителя. И хотя сам процесс мытья происходит в другом месте, а в бассейне люди лишь греются или отдыхают, в тех случаях, когда вода меняется лишь раз в день, вечером вы можете обнаружить на поверхности воды несколько чужих волосков. И у того, кто не привык к такому виду купания, желание снова принять ванну пропадает. Но это случается редко. Чаще всего вода кристально чистая, бассейн блестит керамической глазурью, а если где-нибудь стена слегка пожелтела, то это произошло

из-за серы или других минеральных веществ, содержащихся в воде.

Мы в Японии всегда предпочитали маленькие рёканы с чистыми семейными офуро шикарным отелям с большими бассейнами. Однако в Ноборибецу стоит останавливаться именно в больших отелях. Таких отелей здесь два, и первые этажи их представляют собой огромные купальни — наверняка одни из лучших в мире. В первом отеле купальня похожа на широкую террасу с колоннами, разноцветными кафельными плитками и мозаикой на полу и стенах, но самое главное — это многочисленные, как бы невзначай, без всякой системы расположенные бассейны самых различных видов и форм с водой из разных источников и разной температуры. Вы гуляете по купальне, как по большому парку, где вместо земли — плитки, а вместо газонов — бассейны. В другом отеле тоже большая купальня, но сделана она иначе. И если первая представляет собой широкую длинную низкую террасу, напоминающую перрон, то вторая — это огромный, просторный выставочный зал с гигантским круглым бассейном посередине. В обоих случаях прямо из воды сквозь широкие стеклянные стены открываются прекрасные виды на окружающие холмы. Мужчины и женщины здесь плавают без купальных костюмов. Каждый из них вместе с билетиком получает маленькое полотенце, своего рода матерчатый фиговый листочек. Иностранцам, для которых немисливо появиться на людях без купальника, может показаться странным, что в Ноборибецу такое поведение естественно и совсем не аморально. Подобное купание считается вполне приличным даже не потому, что из-за пара ничего не видно. Просто там никто ни на кого не обращает внимания, каждый держит перед собой свое полотенце и, сидя или лежа в воде, размышляет и смотрит в окно.

Так купаются не только в Ноборибецу. Подобных курортных мест в Японии много, а в деревне до сих пор многие бани общие.

В городе Атами, расположенном в отрогах гор Хаконе, во время купания сквозь стеклянную стену бассейна виден холодный Тихий океан. Его волны бьются почти у самого края горячего бассейна, от которого поднимается пар. Но лишь в Ноборибецу бассейны дове-

дены до высшего совершенства. Этому способствовало обилие свободной дешевой земли и большое количество горячих источников.

Если вы поедете из Ноборибецу в Муроран и оттуда еще дальше по побережью залива Утиура до Хакодате, то за Мурораном вы пересечете еще один уголок национального парка Сикоцу-Тоя, где находится любопытный вулкан. Он называется Сёва Синдзан. Сёва — это название эпохи, которая началась в 1926 году, когда на престол вступил нынешний японский император. (Японцы сейчас обычно пользуются европейским календарем, однако до сих пор распространено также летосчисление по эпохам правления императоров). Синдзан означает «новая гора», следовательно, это название можно перевести как «Новая гора эпохи Сёва», то есть вулкан, который стал действовать в декабре 1944 года, начав ни с того ни с сего расти среди окрестных полей, и в течение нескольких недель достиг высоты 405 метров. Это событие, очень редкое даже для богатой сопками и вулканами Японии, в течение некоторого времени хранилось в тайне, потому что оно произошло в тот период, когда японцы терпели поражение на Филиппинах, а единственный союзник Японии — гитлеровская Германия стояла перед катастрофой. Военная клика боялась, что возникновение вулкана будет истолковано как неблагоприятное знамение богов и отрицательно повлияет на и без того падающий воинский дух. Однако долго хранить эту тайну было невозможно. Мы видели у одного знакомого журналиста фотографии сопки Сёва Синдзан в период ее возникновения; на переднем плане фотографий были запечатлены озабоченные лица чиновников правительственной комиссии.

Сейчас в Японии о вулкане Сёва Синдзан никто не вспоминает. Это обычный холм, готовенькая гора на недостроенном острове Хоккайдо.

Изнанка

Японии

У Японии есть своя лицевая сторона, есть и изнанка. И светлых и теневых сторон в Японии, вероятно, можно обнаружить больше, чем в любой другой стране мира. Но в данном случае речь идет о традиционном географическом разделении обоих побережий главного японского острова Хонсю. Такое деление было принято еще в старые времена, и лучшее сравнение трудно придумать.

Омоте Нихон — лицевая сторона Японии. Ее парадный вход, ее лицо, которое с каждым днем становится все более современным. Здесь, на выдающемся в Тихий океан побережье, расположены крупнейшие японские города, аэродромы, порты — Токио, Осака, Нагоя, Сендай, Кобе. А между ними тянутся тщательно ухоженные поля, не испытывающие недостатка влаги, чайные плантации и мандариновые сады. Север тихоокеанского побережья отстает в экономическом отношении. Но это явление стало в истории Японии уже традиционным. Кстати, в Сендай ездит сравнительно мало иностранцев. Поэтому наиболее известна и чаще всего встречается на открытках южная, очень современная и приглаженная, но по-своему тоже интересная часть лицевой стороны Японии. Сюда же относятся и такие удивительные по красоте и известные из истории места, как Нара, Киото, Камакура.

Ура Нихон — или изнанка Японии — это длинное вогнутое побережье, омываемое волнами Японского моря. Теоретически в Японию можно войти и через этот, образно говоря, черный ход. Однако такая возможность маловероятна, так как порты Японского моря, которых, кстати, не так уж много, закрыты для международного сообщения⁴. Лишь несколько десятков тысяч

⁴ Это утверждение авторов неточно. Порты западного побережья Японии — Ниигита, Акита, Цуруга и др. — открыты для кораблей советского торгового флота и являются в настоящее время важными каналами торговли Японии с социалистическими странами. — *Прим. ред.*

корейцев, которые перед второй мировой войной и в течение войны были угнаны на работу в Японию и которые решили вернуться вместе со своими семьями в Кореюскую Народно-Демократическую Республику, покинули этим путем негостеприимную для них землю.

Далеко на севере изнанки Японии, как передовая застава, лежит Акита. Этот город действительно когда-то был крепостью. Древние японцы построили ее в качестве опорного пункта в борьбе против айну, которые, несмотря на то что их отбрасывали все дальше и дальше на север, не сдавались, оказывая вооруженное сопротивление наступающим японским частям. Айну мешали колонизации и должны были быть уничтожены. Эту задачу поставили перед Аkitой, и ее выполнению служили рвы и крепостные стены города. Но это было давно — в VIII веке. Айну были отброшены и почти полностью уничтожены, оставшиеся ассимилировались с японцами, однако Акита до сих пор сохранила черты военного города. Строгая атмосфера, узкие прямые улочки и изолированное положение посреди океана деревенской нужды Тохоку все еще напоминают о пионерском прошлом Аkitы.

Будущее Аkitы лежит под землей и на дне океана. Не так давно там были обнаружены месторождения нефти и природного газа. И хотя их запасы и качество не таковы, чтобы нарушить спокойный сон акционеро- японских нефтяных компаний и концессий на Среднем Востоке, тем не менее они являются желанным источником собственного черного золота, недостаток которого в Японии давно стал пресловутым. Некоторые американские журналисты и историки утверждают, что стремление Соединенных Штатов Америки сократить экспорт нефти в Японию послужило причиной атаки на Пирл Харбор и вступления Японии во вторую мировую войну, в конце которой японские самолеты могли летать, лишь пользуясь в качестве горючего смесью бензина и спиртового экстракта сосновых корней.

Сейчас вокруг Аkitы на суше и в море вырастают черные силуэты буровых вышек. Увеличение числа вышек зависит не только от запасов открытых месторождений, но и от того, будет ли добыча японской нефти отвечать интересам нефтяных компаний, в которых важнейшую роль играет американский капитал.

Путь из Акиты в Ниигату, за исключением небольших отклонений, идет по самой границе изнанки Японии.

Желтая песчаная дорога спускается с одного холма и взбирается на другой, минуя скалы и рыбацкие деревушки, пока не скрывается в горном ущелье, где на протяжении многих километров нет ничего, кроме гор, рек и лесов. Плотность населения по сравнению с другими частями острова очень мала. Когда мы говорим — изнанка, то подразумеваем нечто грубое, некрасивое, что не принято выставлять напоказ. Но ведь есть куртки, которые можно носить на обе стороны, и есть ткани, у которых изнанка не хуже лицевой стороны. То же самое можно сказать и об изнанке острова Хонсю. Побережье Японского моря во многом красивее, поэтичнее и имеет больше колоритных национальных черт, чем лицевая сторона, обращенная к Тихому океану. И пляжи здесь лучше. Тихоокеанский прибой поднимает у берегов Японии черный колючий песок, который хотя и предпочтительнее ила, но лежать на нем не бог весть какое удовольствие. А побережье Японского моря желтые Золотых Песков, оно окружено дюнами, на хребтах которых раскинулись сосновые рощи, то здесь, то там встречаются удивительные по форме скалы и утесы с высеченными в них лавками и сиденьями, а вокруг играют дети. Деревенские жители одеты в синие костюмы с нежным белым рисунком, женщины носят длинные шаровары, стянутые у щиколотки, а лица их закрыты, и можно увидеть лишь глаза. Сначала мы думали, что так они спасаются от пыли и грязи. Но, как выяснилось во время одной из бесед в Токио, мы заблуждались. Мы разговорились с двумя японскими писателями о Японии, о том, сколько в ней современного и вместе с тем сколько старых, глубоко укоренившихся привычек.

— А вы знаете, что до сих пор в Японии есть места, где женщины закрывают лица? — спросили чуть ли не с гордостью наши друзья.

— Это монашки?

— Нет, обычные сельские жительницы. У Японского моря севернее Ниигаты сохранился этот старый обычай, который когда-то помогал красивым девушкам спастись от феодалов. В наши дни это скорее всего де-

лается из кокетства или из желания предохранить от солнца очень белую кожу.

Тут мы вспомнили о поездке в Ниигату.

Дорога между Акитой и Ниигатой пересекает две большие долины — низменность Сонай, которая лежит примерно на полпути, и низменность Этиго — широкую плодородную область, расположенную вокруг Ниигаты. Сонай и Этиго держат первое место в соревновании, которое имеет для Японии большое значение: здесь выращивают самый лучший, самый вкусный рис.

Мы проезжали по этой местности в период уборки урожая. Мужчины и женщины в широких соломенных шляпах, похожих на перевернутые корзины, согнувшись, занимались самым радостным трудом из всех работ, которые приходится выполнять в течение года. Рисовые поля, разделенные узкими зелеными тропками, оцетинились тысячами стогов, из округлых вершин которых торчали темные шесты или кроны деревьев. На высоких бамбуковых шестах между деревьями сушился урожай золотистого риса. Одни вешали на перекладины небольшие снопы, другие наваливали их на спину или на ручные двуколки и свозили в деревню. И хотя деревня была почти полностью скрыта от взглядов за ширмой зеленой изгороди, создавалось впечатление, что крестьяне живут здесь зажиточнее, чем в других местах.

При виде этого богатого урожая в голову приходили мысли, что здешние крестьяне с давних пор должны были находиться в более привилегированном положении по сравнению с другими японскими земледельцами. Но это не совсем так. Долины с великолепной плодородной землей до конца второй мировой войны принадлежали богатым паразитам японской деревни — помещикам, владевшим огромными участками в самых лучших местах. Эти помещики никогда не жили в деревне. Они проводили время в городах, окруженные роскошью и богатством, приобретенным за счет эксплуатации десятков и сотен бедных крестьян, которым они сдавали землю в аренду за очень высокую плату. Приобретенные средства помещики вкладывали в промышленность.

И поэтому даже здесь, в житнице Японии, где производился самый лучший рис, крестьянам угрожала

нужда, с которой, особенно в неурожайные годы, бороться было очень трудно. Семьям, окончательно припертым к стене, удавалось спастись благодаря еще одной особенности этого края. С давних времен здешние девушки отличались необычайной красотой, и поэтому до войны многих из них продавали в публичные дома.

Земельная реформа, проведенная после второй мировой войны, хотя и не была полной и всесторонней, вызвала большие перемены в укладе японской деревни. Помещиков, не обрабатывавших землю и не живших в деревне, земли лишили. Они вынуждены были по установленным ценам продать ее тем крестьянам, которые обрабатывали поля и располагали средствами, чтобы землю купить. Но кто из безземельных крестьян мог обладать такими средствами? Крупные землевладельцы исчезли, на их месте возникла относительно обеспеченная, но довольно тонкая прослойка средних и зажиточных крестьян. Рядом с ними продолжала существовать, едва сводя концы с концами, масса бедняков, которых земельная реформа либо вообще не затронула, либо коснулась в весьма незначительной степени. Больше того, бедные крестьяне продавали свои маленькие поля в результате неравной конкурентной борьбы с богатыми соседями, хозяйства которых были намного рентабельнее. Деревня до сих пор остается самым отсталым звеном в народном хозяйстве и социальной системе Японии.

Однако нельзя отрицать того факта, что, несмотря на эту в целом безотрадную картину, за последнее десятилетие японское сельское хозяйство добилось сравнительно большого прогресса. В течение нескольких последних лет Япония получила рекордные урожаи риса. Вначале эти высокие достижения объяснялись благоприятными погодными условиями, но теперь создается впечатление, что они, вероятно, станут новой нормой японских урожаев риса. Большую роль в увеличении урожаев играют искусственные удобрения, которые японцы после второй мировой войны используют в очень широких масштабах. В деле повышения урожайности нельзя умалять заслуг и японских крестьян, целые семьи которых как муравьи копошатся на маленьких полях с утра до вечера, с ранней весны до поздней зимы. Японские поля напоминают клумбы, за которыми ухаживает трудолюбивый садовник.

Для небольших полей — небольшие машины

На этих маленьких, раздробленных, часто поднимающихся ступеньками на вершины холмов полях японские крестьяне, видимо, еще долгое время будут применять лишь тяжелейший примитивнейший ручной труд, которого требует выращивание риса, начиная с его посева и кончая сбором.

Одним из элементов весьма интенсивного способа обработки земли являются своего рода переносные теплицы, которые в последние годы японские крестьяне довольно широко используют. На низкие бамбуковые шести натягивается тонкая прозрачная пленка из искусственного материала, и под ней выращиваются овощи, саженцы риса или кусты ягод. Когда «теплица» не нужна, пленку сворачивают и переносят в другое место.

Большая часть японских семей имеет в собственном владении не больше гектара земли. Такое поле с трудом может прокормить многочисленную семью, особенно на севере, где в год собирается лишь один урожай риса. Поэтому зимой, когда многие префектуры запесены в течение нескольких месяцев высоким слоем снега и на полях делать нечего, женщины и мужчины уходят на приработки в город. Сезонная миграция позволяет владельцам фабрик, заводов и других предприятий держать заработную плату неквалифицированных рабочих на самом низком уровне.

И все же город, где за работу платят деньгами и где жизнь разнообразнее и интереснее, чем в деревне, все больше влечет к себе деревенских жителей. Население беднейших сельскохозяйственных префектур уменьшается, а в районах вокруг промышленных центров оно быстро растет. За пять лет — с 1955 по 1960 год — японское сельское хозяйство потеряло около двух миллионов работников, в основном молодежи. Старики остаются в деревне.

Город, в котором жизнь неквалифицированного поденщика столь же трудна, как и в деревне, дает крестьянам намного больше, чем просто перемену условий труда. Он освобождает от вековых пережитков прошлого, которые до сих пор опутывают жителей японских деревень, особенно северных. В этих местах сохранились патриархальные социальные условности, придерживаясь которых бедные семьи должны и в наши дни.

Где нет машин — достаточно рук

Деревенские богачи, представители древних родов, гордящиеся своей длинной родословной и связанные семейными узами с бывшим помещиком, или родственники кого-нибудь из сильных мира сего решают судьбы бедных семей и менее древних родов. Из них обычно выбирают местных старост и членов деревенской управы, они и их личная власть над всей деревней — опора консервативных политиков в период выборов. В этом кроется причина того, почему японская деревня, несмотря на свою нищету, всегда была оплотом правых партий.

Ниигата — главный порт Японского моря — создает впечатление молодого, энергичного города. За несколько месяцев до окончания войны она была дотла сожжена пожаром, возникшим после авиационного налета. Но впоследствии город вновь отстроили, и сейчас в глаза бросается новизна большинства его зданий. Вокзал, удлинённый и приземистый, как ангар, а от него разбегаются улицы наподобие взлетно-посадочных полос. И хотя большинство городских зданий — это маленькие традиционные деревянные дома, Ниигата отличается от других городов Японии тем, что в ней больше железа, бетона и стекла. Окруженная плодородной долиной и удачно расположенная — в устье большой реки, — она выставляет напоказ свою красоту и энергию. Несмотря на то что с конца второй мировой войны двери Ниигатского порта украшает табличка «Для частных международных поездок закрыто», здесь бывает много иностранных туристов. Сюда приезжают те, кто хочет посетить Садо, остров золотых копей, который в старое время был местом убежища изгнанников.

Ах, все поворачивается к Садо, даже трава и деревья,
На Садо, говорят, хорошо живется, но кто это знает?
Ах, как мне попасть на твой Садо, если ты даже меня
уговоришь?

Ведь до него так далеко, почти пятьдесят морских миль.
Ах, заснеженная Ниигата засыпает в метели.
Спит ли Садо? На островке нет ни огонька.

(Садо Окэса)

Из магазина грампластинок, расположенного на главной улице Ниигаты, доносились куплеты этой известной песни, когда мы гуляли по городу, купив билеты на Садо.

Такси высадило нас у самой пристани.

Воронкообразное устье реки Синано, склады, пароходы, молы и мутная желтоватая вода. Стоит солнечная погода, и белый пароходик вскоре заполняется экскурсантами.

— Вы едете на Садо в первый раз? — интересуется молодой человек, рядом с нами опершийся на поручни.

После утвердительного ответа он продолжает:

— Я тоже. Значит, все в порядке. Знаете поговорку — глуп тот, кто ни разу не был на Садо, но еще глупее тот, кто там побывал дважды. Но говорят, что там действительно очень красиво.

Наш пароходик огибает пустой гигантский мол и вскоре выбирается в открытое море. Мутный поток реки от синей морской воды можно отделить ладонью — так явственна граница между обеими водами. Море словно брезгует своей пресноводной сестрой-замарашкой и не хочет иметь с ней ничего общего.

Публика на палубе веселая и шумливая. Вы безошибочно различите среди пассажиров островитян, живущих на Садо и возвращающихся домой из Ниигаты с многочисленными покупками. Их корзины и сумки наполнены продуктами и различными свертками. На корме группа пожилых мужчин и женщин с одинаковыми значками на груди. Это участники большой экскурсии из Токио.

Наш молодой сосед, который, так же как и мы, едет на остров Садо впервые, учится в Токио на официанта. Мы даже не заметили, как спустя немного времени у него в руках оказалась зеленая записная книжка и карандаш, а мы стали диктовать ему рецепты сливовых кнедликов и пирога с маком.

Наш кораблик мерно пыхтит, оставляя за собой ровный пенистый след. Где-то на полпути очертания острова становятся более четкими. Пассажиры, как школьники, начинают выскакивать из кают и, пристально следя за приближающимися берегами гористого острова, восторженно показывают на него пальцами.

Каждый японский городок, заботящийся о своей доброй славе, достопримечательностях и истории, о развитии своей промышленности и процветании, предусмат-

ривает в своем бюджете средства для саморекламы. В каждом городе печатаются брошюры, на нейлоновых страницах которых дымятся заводские трубы, оранжевым цветом горят мандариновые сады, разделяется рыба, подмигивают ручные часики, высказываются председатели торговых палат и мэры, курятся вулканы, работают ткацкие станки, улыбаются девушки — ловцы жемчуга — и люди из племени айну, течет вино, белеет снег, синеют озера и моря, розовеют сакуры и зеленеют покрытые мхом фонари. Все зависит от того, чем знаменит каждый город и что надеется увидеть в нем восторженный турист. В некоторых префектурах и городских управлениях существуют так называемые канко-чиновники, задача которых — заботиться о туристах, а в случае необходимости корректировать слишком оптимистические данные, почерпнутые туристами из рекламных брошюр. С точки зрения материальной эти чиновники находятся в гораздо худшем положении, чем это можно было бы предположить на основании пропагандистских проспектов и брошюр, но тем не менее они являются не меньшими ревнителями местного патриотизма, чем депутаты во время предвыборной кампании.

Туризм, поездки, экскурсии — все это в Японии можно обозначить одним универсальным словом — *канко*. Официальные канко-бюро местных муниципальных советов — лишь бедные родственники богатых и хорошо организованных канко-обществ. Эти канко-общества владеют целыми колоннами канко-автобусов или канко-пароходов, за рулем и штурвалом которых стоят или сидят канко-капитаны и канко-шоферы, вместе с канко-гидами старающиеся, чтобы огромные канко-экскурсии и индивидуальные канко-путешественники добрались без канко-аварий по канко-дорогам в канко-гостиницы. И не надо забывать о скромных и невидимых канко-канцеляриях, в которых подсчитываются прибыли канко-предприятий, а деньги складываются в кассы канко-магнатов.

Канко — это тщательно организованный и лишенный всякой романтики туризм, возможности и удобства которого с точки зрения финансовой расписаны до мельчайших подробностей. Канко — это большой бизнес, приносящий прибыли не только его устроителям, но и

местным предпринимателям, торговцам, ресторанам и гостиницам. Разве это экскурсия, если туристы не привезут домой сувениры — полотенце с названием курорта, на котором они были, деревянную куколку, шелковую косынку с нарисованным водопадом или стаканчик, на дне которого, после того как в него наливают вино или воду, видны осенний пейзаж или голая девушка? Японцы умеют довольствоваться малым и, несмотря на распространённое мнение об их утонченном вкусе, во время экскурсий часто покупают самые нелепые европейские сувениры и грубые подделки.

Естественно, что иностранным туристам уделяется больше внимания, чем экскурсантам-японцам. Однако местные учреждения пока еще не умеют отличать американских политиканов, сенаторов, промышленников — короче говоря, «деятелей» — от простых людей. И так, отчасти благодаря этому неумению, отчасти из-за врожденного чувства такта они с удовольствием оказывают внимание каждому иностранцу, будь результатом его визита заказ на сотни ручных экспортных часов или покупка одного дешевого полотенца, которым можно вытереться после купания в местном горячем источнике. Достаточно проявить к чему-нибудь интерес, и всегда найдется человек, который либо в силу своих служебных обязанностей, либо по собственной инициативе возьмет на себя заботу о вас в течение целого дня. В большинстве случаев это очень милые, бескорыстные, любезные люди, но некоторые из них отличаются, к сожалению, какой-то неловкостью и отсутствием необходимых знаний. Может случиться, что ваш добровольный гид в течение получаса будет везти вас на такси к большой фабрике, вырабатывающей шелковые изделия, о значении и славе которой он говорил до тех пор, пока вы не сдались и решили не жалеть на поездку ни денег, ни времени. Но когда вы наконец подъезжаете, то оказывается, что это малюсенькая фабрика, на которую вы сами не обратили бы никакого внимания. А сторож вам сообщает, что здесь уже больше года вместо шелка вырабатывается искусственная шерсть, а так как для ее производства используются патентованные американские станки и обслуживают их американские специалисты, то посещение завода не представляется возможным.

Наши японские гиды очень радовались, когда чув-

ствовали себя нужными, и очень огорчались при любом промахе и упущении. И это было главной причиной, почему мы после первых опытов стали заранее вежливо отказываться от их услуг.

Из всего комплекса канко-обслуживания нам больше всего нравились по-спартански оборудованные внутри, но зато быстрые, способные всюду пробраться японские автобусы. Наибольшую прибыль острову Садо уже давно приносят не золотые рудники, а туризм, и поэтому канко-служба здесь поставлена великолепно. Ведь от нее зависит приток туристов и, следовательно, благосостояние нескольких сотен семей, владельцев лавочек и небольших гостиниц в главном порту острова — Рёцу.

Рёцу производит впечатление богатого города. За морем, на больших островах, он был бы заштатной сонной деревней, с одним или двумя обшарпанными автобусами и развалюхами-такси, дежурящими у вокзала. Но, к счастью для него, Рёцу — исключение из общего правила, так как он расположен на острове, находящемся не очень далеко, но и не очень близко от Ниигаты. И поэтому в последние годы порт приобретает все больше черт процветающего курортного городка, забывая о своем прошлом бедной деревушки.

В порту приезжающих встречают мужчины, которые держат в руках цветные флажки на коротких бамбуковых палочках с названиями отелей и рёканов и стопки рекламных проспектов. Одни спокойно стоят на месте, ожидая экскурсий, о приезде которых было сообщено заранее. Другие быстро ходят по широкому бетонному причалу, предлагая свои услуги одиноким путешественникам.

Самые крупные отели рекламируют комнаты, в которых в свое время останавливалась какая-нибудь знаменитость. Естественно, что эти номера стоят намного дороже.

С первых же минут пребывания на острове Садо создается впечатление, что население здесь живет если не зажиточно, то во всяком случае намного лучше, чем в других местах. Но это впечатление обманчиво. Наряду с Рёцу на Садо есть еще несколько деревень, на жизненном уровне которых никак не сказалось благотвори-

ное влияние туризма. В одной из таких деревень у водителей экскурсионных автобусов есть хорошая возможность продемонстрировать свое профессиональное искусство. Дорога между хижинами такая узкая и неровная, что невысокие крыши нередко почти касаются окон автобуса. И все же огромный, неуклюжий ящик на четырех колесах, ничего не задев, быстро и ловко объезжает все препятствия.

Большинство пассажиров, затаив дыхание, следят за рискованными упражнениями автобуса, расстояние от борта которого до стены хижины не превышает нескольких сантиметров. Все смотрят вверх, опасаясь, как бы не разбились окна или наружные зеркальца. И никто, вероятно, не обращает внимания на убогие жилища, тянущиеся вдоль дороги, и никто не думает о бедности, царящей внутри хижин. По деревянным, даже не покрытым татами полам ползают грязные дети, на голых досках лежат или сидят взрослые, одетые в лохмотья. При виде этой нищеты у нас сжималось сердце, а нужда и горе казались еще более безнадежными оттого, что вокруг были празднично одетые, веселые туристы. Во время всей поездки по острову Садо мы не могли избавиться от впечатления, что на этом острове явственнее, чем в каком-либо другом уголке Японии, видны два мира, отделенные друг от друга такой же границей, как чистая и грязная вода в Ниигатском порту. Канкомир — ухоженный, чистый, полный забав и развлечений — приготовлен для японских и иностранных туристов. Но большинство местных жителей живут в совершенно ином мире — в мире будничного, тяжелого труда, в мире нищеты и безнадежности.

Нигде в Японии о туристах не проявляют столько заботы, как на острове Садо. Особенно это чувствуется в мелочах. Так, например, во время поездки на автобусах гиды развлекают пассажиров — ведь туристов нужно все время забавлять, чтобы они ни минуты не скучали. И поэтому гиды ведут свой рассказ не только у достопримечательностей, где пассажиры вынуждены вращать головами направо и налево. Даже в самых скучных местах девушка-гид стоит около водителя, повернувшись к 40 или 50 вверенным ей питомцам, и рассказывает об истории этих мест, оживляя свой рассказ веселыми поговорками и пословицами, анекдотами и

забавными случаями и исполняя народные песни. Для того чтобы ее было слышно, она держит маленький микрофон. Девушки, которые хотят стать гидами, должны быть не только красивыми, но и обладать хорошим голосом и слухом.

Во время поездки по Садо вы можете услышать даже двухголосое пение. Вначале вы в удивлении осматриваете автобус, ища, откуда доносится второй, явно мужской голос. И лишь спустя немало времени вы замечаете, что водитель, который сидит на своем месте недвижимый, как статуя, руками в белых перчатках держа руль, иногда берет левой рукой с пульта второй микрофон и с таким же спокойствием, с каким он ведет автобус по пустынной дороге, едва заметно раскрывая губы, гортанными выкриками сопровождает пение девушки.

Не думайте, что они поют плохо. К тому же надо помнить, что во время быстрой езды по каменистой неровной дороге, когда пассажиры больше всего заботятся о том, чтобы не прикусить язык, петь не так уж легко.

Песни и танцы острова Садо очень красивы. И поэтому не удивительно, что каждый, кто приезжает на остров, хочет услышать и увидеть их. Отсюда столь высокие требования, предъявляемые не только к девушкам-гидам, но и к водителям автобусов, которые тоже должны обладать голосом и слухом. А стоит вам сесть в автобус, как девушка-гид подает рекламную грампластинку, напечатанную на обычной цветной открытке.

Отсюда и японский вариант кружков художественной самодеятельности в Рёцу.

Вечером в отеле, после того как мы вышли из купальни, переоделись в накрахмаленное, хорошо отглаженное летнее кимоно — *юката* — и решили полюбоваться с террасы на темный массив горы Кимпоку, вздымающейся на севере над озером Камо, за нами тихо раздвинулись двери комнаты. Это дочь владельца рёкана зашла, чтобы узнать, не слишком ли мы устали. И хотя на самом деле мы чувствовали себя усталыми, такт и обычай требовали, чтобы мы ответили отрицательно.

Спустя немного времени мы втроем шагали, стуча деревянными гэта по неровным тихим мостовым порто-

вого квартала. Из переулков и улочек выходили группы веселых экскурсантов, одетых в летние кимоно одинаковой расцветки и двигающихся в том же направлении, что и мы. Наконец мы подошли к одноэтажному домику с низким входом, который, судя по названию, служил и ателье и портновской школой. В угол большого зала, стены которого были украшены картинками из европейских и японских модных журналов, были сдвинуты десятки швейных машин. На лавках и на татами сидели гости из различных отелей.

Здесь перед нами танцевали, пели и играли на музыкальных инструментах владелец ателье, полицейский, пекарь и его сын, продавец рыбы, учитель и многие другие. Как нам объяснила девушка-гид, лучшим танцовщиком считается плотник. Быть может, ему помогает ежедневная тренировка, когда он балансирует на упругих, связанных веревками шестах, которые используются японскими плотниками при строительстве домов; движения его ног были особенно плавными и четкими.

Так же как и другие небольшие острова, находящиеся в достаточной отдаленности от японского «материка», Садо был местом, куда в средние века ссылали высокопоставленных лиц, которых нельзя было просто так казнить, но от которых феодальные власти стремились избавиться. Садо был убежищем даже императора Дзюнтoku, который после безуспешной попытки свергнуть военно-феодальное правительство и полностью захватить власть, был высажен в 1197 году на остров и здесь после 45 лет ссылки умер. Характерная для японцев простая могила несчастного императора — небольшой памятник в конце длинной узкой кедровой аллеи — место посещения всех экскурсий. В 1271 году на Садо был высажен другой изгнанник — основатель фанатической буддийской секты Нитирэн. Он провел здесь почти три года.

Важнейшим событием в истории Садо явилось открытие золотых месторождений вблизи Аикавы — одной из деревень острова. Добыча золота началась в 1601 году, и сейчас его запасы на Садо почти исчерпаны, хотя до сих пор в рудниках продолжают работы. Наряду с золотом здесь добывается серебро, медь и другие металлы, а также специальная темно-красная глина — спутница здешних месторождений золота, которая уже

свыше 130 лет служит сырьем для местной керамической промышленности, производящей легкие красные горшочки, украшенные, как правило, полосой светло-серой глазури. Сервиз из двух цилиндрических чашечек без ручек, упакованный в деревянную шкатулку с гарантийной печатью, кисточкой и именем мастера на крышке, есть у каждого японского туриста, возвращающегося с острова Садо и достаточно состоятельного, чтобы его приобрести, ибо керамические изделия из золотоносной глины — это не ширпотреб, а произведения искусства, за которые надо платить немалые деньги.

Горный музей в Аикаве почти ничем не отличается от подобных музеев в других городах мира. Рядом с образцами руд, моделями шахт и различными таблицами, объясняющими принципы работы в золотых рудниках в наши дни и в древности, в одной из витрин бережно хранится несколько старых экспонатов. Покрытые ржавчиной примитивные орудия, масляные светильники и ветхая, изъеденная червями палка с отполированными тысячами рук зарубками, которую когда-то использовали в качестве лестницы. Удивительно, как странно и сильно действуют на человека предметы, отглаженные прикосновением людей, давно умерших; будь то тонкий деревянный шест в Аикаве или фубы водоемов в Помпее, но вы сразу же поддадитесь меланхолическому, грустному настроению, в которое вас приведет вид предметов, служивших тем, кто жил здесь задолго до нас.

В золотых копиях Аикавы при феодализме работали и арестанты и вольнонаемные. Но, судя по экспонатам музея, у вольнонаемных жизнь была ненамного лучше арестантской.

В конце XIX столетия в Японии начался процесс быстрой концентрации земли и капитала в руках горстки помещиков и представителей крупной буржуазии, что привело к росту крестьянских восстаний и местных бунтов. Эти восстания в большинстве случаев были стихийными и неорганизованными. Уже одно их название *угиковаси* — разбивание — свидетельствует о том, что было для них наиболее характерным. Во время этих восстаний чаще всего происходили грабежи продовольственных магазинов и складов риса, сжигались списки должников и уничтожалось имущество богачей.

В 1890 году на острове Садо тоже началось брожение, охватившее некоторые области префектур Нагано и Тоттори. Однако бунт на Садо имел необычный характер. В нем приняли участие рудокопы золотых копей и крестьянская беднота. Они хорошо подготовились, были отлично организованы и не совершали никаких актов насилия. Повстанцы следили за тем, чтобы нигде не возник случайный пожар. Все население Аикавы и ее окрестностей бесплатно получило вино и угощение, приготовленное из продуктов, отобранных у богатых торговцев. Благодаря мирному характеру выступления полиция не предприняла никаких решительных шагов, а воинские части, которые были посланы правительством из Ниигаты, чтобы усмирить восставших, в конце концов присоединились к ним.

Однако ни песни и танцы, ни даже золотые копи не являются главной достопримечательностью, привлекающей на Садо туристов со всей Японии. Особенно славится природа острова благодаря своей дикой красоте. Каменные стены скалистого побережья вертикально поднимаются из моря на высоту до 20 метров. От скал почти на одинаковых расстояниях друг от друга в море уходят низкие отроги, представляющие собой естественные волноломы. Они образуют удивительной красоты вечно пенящиеся заливы, каньоны и проливы. Море сначала словно облизывает подножие острых скал, но потом каждой восьмой или девятой волной злобно бьется о неприступный камень. Белые брызги рисуют ажурные моментально исчезающие картины. Вы можете нанять лодку и поплавать среди утесов. Но вид с птичьего полета более красив, ибо перед вами лежит все побережье. К утесу, одиноко стоящему в море, протянуты четыре троса, которые поддерживают покачивающийся высоко над поверхностью воды узенький деревянный мостик. Вид с этого моста и с площадки на скале на бушующую стихию и влажные серовато-коричневые скалы — это самое лучшее, что есть на Садо, только ради этого сюда стоило совершить путешествие.

Если в течение всего дня ехать на автомашине из Ниигаты все ниже и ниже вдоль побережья, то поздно вечером перед вами раскинется равнина, плоская как стол. Здесь расположена Тояма — процветающий город, который вместе с Акитой, Ниигатой и Канадзавой со-

ставляет четверку самых оживленных городов на побережье Японского моря.

Когда вы подниметесь по крутым каменным ступеням на крепостные валы недавно построенного замка, то перед вами раскинется панорама всего города. За исключением замка и нескольких броских современных зданий префектуры — муниципалитета, радиостанции, телестудии, универмага, Тояма ничем не отличается от других подобных городов Японии. Лишь современные широкие улицы, окаймленные зелеными скверами и молодыми деревьями, свидетельствуют о том, что и этот город во время войны был почти полностью уничтожен, но затем восстановлен, причем архитекторы не скупилась на затраты. Тояма — центр развитой химической, металлургической и текстильной промышленности. На заводах и фабриках работает большая часть населения города и округа. И все же самой известной, традиционной отраслью промышленности является фармацевтика.

Точно так же как в нашем подсознании город Пльзень неотделим от пива, Тояма у японцев неотделима от производства лекарств. Свыше 300 лет назад тоямские коммивояжеры уже ходили с лекарствами по всей Японии, заглядывая в каждый дом. И всюду они были желанными гостями, ибо в средние века японцы, видимо, отличались той же слабостью, что и их нынешние потомки: они очень любили покупать лекарства.

В наши дни, конечно, фармацевтические бизнесмены располагают более современными средствами рекламы своих товаров, чем 300 лет назад. В телепрограммах реклама лекарств занимает одно из ведущих мест. Безукоризненно одетый молодой человек в вечернем костюме с бабочкой обычно сыплет в рот маленькие серебряные дробинки для того, чтобы освежить дыхание. Красивые студентки, утомившиеся от ночных занятий, закапывают лекарство, восстанавливающее блеск глаз. Изнуренные старики с шарфами на шеях пьют специальный противогриппозный сироп. Уставшие скалолазы посыпают пальцы ног порошком от мозолей и волдырей. Бабушки в очках пользуются средством против ревматизма. Иногда на телевизионном экране видны схемы органов пищеварения и кровообращения, пораженных тяжелым недугом. Затем в больной орган попадает лекарство, и он сразу становится здоровым. Рек-

ламные передачи сопровождаются песнями и шутками, которые извещают зрителей и слушателей, что их вены забиты, словно старые водопроводные трубы, и что им необходимо принять пилюли, которые на экране превращаются в маленькие бульдозеры, с невероятной скоростью очищающие сложную систему кровообращения. Гигантский поток рекламы приводит к тому, что миллионы японцев сами предписывают себе и покупают лекарства против действительных и мнимых недугов, так как большинство рекламируемых препаратов можно приобрести в аптеке без рецепта. Это быстрее и дешевле, чем платить за консультацию врачу, а кроме того, большинство верит в лозунг: «профилактика прежде всего». Даже у самых бедных японцев вы всегда найдете в карманах какое-нибудь лекарство. И никто в Японии не остановит человека, бросающего в рот таблетки пенициллина, как конфетки монпансье, и думающего, что это ему поможет. Никто не борется с чрезмерным употреблением снотворных средств. Одно время среди японской золотой молодежи распространилась игра, кто проглотит больше снотворных порошков и при этом не уснет. Несколько человек умерло, а многим пришлось тщательно промыть желудки. Но, к счастью, среди японских лекарств есть много нейтральных, которые не приносят вреда, а если и помогают от чего-нибудь избавиться, то разве только что от денег.

Тояму прославил главным образом своеобразная система продажи лекарств. В начале XVII века один признанный японский фармацевт начал производить и предписывать универсальное лекарство — хангонтан. Этим заинтересовался предприимчивый тоямский *даймё*⁵. Он договорился с изобретателем хангонтана, что Тояма будет пользоваться исключительным правом производить и продавать этот медикамент. Даймё создал специальную контору, производство хангонтана было налажено, и вскоре из Тоямы по всей стране разъехались коммивояжеры. Своеобразие тоямской коммерческой системы заключалось в том, что за лекарство не нужно было немедленно платить деньги. В каждой семье

---

⁵ Даймё — крупные феодалы эпохи позднего средневековья (XVII—XIX вв.), подчиненные непосредственно верховному правителю Японии — сёгуну. — *Прим. ред.*

коммивояжер оставлял коробочку с хангонтаном, а деньги он брал лишь на следующий год во время нового посещения. При этом он оставлял новую коробочку.

Прошло время, в Тояме стали производить и другие лекарства. В наши дни здешняя фармацевтическая фабрика — это большое современное предприятие. А обычай доставлять лекарства крестьянам домой настолько укоренился, что система коммивояжеров сохранилась до сих пор.

Фирма, которая сегодня использует последние научные достижения, относится к своим предприимчивым предкам с надлежащим почтением и чувством благодарности. После осмотра фабрики вас приведут в маленький музей, где хранятся образцы старых медикаментов в память о старой фабрике и ее владельцах. Нынешние фабриканты тоже не скупы. На прощание вам бесплатно вручают большой бумажный мешочек с образцами большинства нынешних лекарств. Одни уничтожают неприятный запах во рту, другие помогают при язве желудка. На всякий случай мы все лекарства сразу же выбросили, оставив лишь те, что предназначены для повышения тонуса. И долина реки Куробе у нас в памяти навсегда связана с ментоловым привкусом во рту.

— Уже конец октября. Листья кленов теперь окрашены в разные цвета, и вам обязательно надо побывать в долине реки Куробе, — посоветовали нам наши тоямские друзья.

Это был мудрый совет.

Поезд, петляя вдоль склонов высоких холмов, довез нас до курортного городка Унадзуки, лежащего на вытянутой террасе, отрезанной крутым берегом скалистого русла реки Куробе.

Здесь, на железнодорожной станции, мы купили билеты на другой поезд, который должен был доставить нас вверх по течению реки к знаменитым ущельям и каньонам Куробе.

Но когда контролер отметил наши билеты и мы вышли на перрон, нам показалось, что тут что-то не так. У нас было такое чувство, будто мы вместо вокзала попали в детский парк. На узкой колее стоял миниатюр-

ный цветной поезд с маленьким паровозиком и пятью вагонами, покрытыми лишь матерчатой крышей. Мы не знали, что делать, но в вагончики уверенно входили серьезные взрослые люди. Они перешагивали одной ногой через бортик, втягивали другую ногу и усаживались на поперечные доски. Мы сделали то же самое. Через десять минут поезд был переполнен. На перроне одетые в кимоно девушки из местных рёканов весело прощались с курортниками.

Маленький поезд с шумом тронулся. Он перебрался через высокий мост, перекинутый через бешеную горную речку, и на другом берегу боязливо прижался к тоненькой бороздке, пробитой для него в стене высокой скалы. Мы стали понимать, почему поезд был таким миниатюрным.

Порывистый ветер хлестал в лицо мелким дождиком, а ноги, втиснутые под низкое сиденье, вскоре затекли. Наш игрушечный поезд время от времени нырял в узкие тоннели в скале, со стен которой под брезент залетали капли грязной воды. Кое-где железнодорожную колею покрывала бетонная крыша, по которой над головами пассажиров низвергался водопад. Водопады — самые различные по высоте и количеству падающей воды — вливаются в реку Куробе на всем ее протяжении. По обоим берегам к крутым скалам прильнули кустарники и маленькие желтовато-красные деревца кленов. Видимость была плохая, потому что в долине держался узкий, по краям прозрачный, пояс молочно-белого тумана. Казалось, что на некотором удалении от открытой стены вагона разматывается бесконечный гигантский свиток с рисунками великого живописца. Природа Японии неоднократно представляла нам убедительные свидетельства того, что пейзажи на древних картинах являются не только выражением романтических представлений великих мастеров, но и реалистичским отображением ее изменчивого настроения.

Недалеке от маленькой станции, на которой мы вышли, на высоких сваях стоял простой деревянный дом. Это была гостиница. Она не предназначалась для длительного пребывания гостей, а служила местом отдыха тех, кто приехал сюда, чтобы искупаться в горячих источниках, бьющих из расщелин скалистого берега горной речки и со дна небольшого озера. Вода здесь так же

горяча, как в японской купальне. Странное испытываешь чувство, когда сидишь, словно в ванне, в маленьком горячем роднике среди каменных глыб. С обеих сторон вздымаются стены каньона, раскрашенные немислимым цветом осени, а в нескольких метрах бурлит бешеная горная речка. Можно выскочить из горячего источника и броситься в ледяную зеленоватую воду реки. Потом вернуться в родник и опять прыгнуть в быстрину, обратно в источник и вновь в реку — до тех пор, пока тело не перестанет различать тепло и холод и река не будет казаться горячей, как ванна, а горячий источник не обожжет холодом.

На обратном пути мы уже не чувствовали холодного ветра.

Местом отдыха десятиллионного населения Токио служат окрестности Камакуры, Атами и Хаконе. Жители же Киото, Осаки и Кобе в выходные дни отправляются на север, к Японскому морю, на живописный берег залива Вакаса. Здесь, в самой западной части залива Вакаса, находится второй из трех прекраснейших уголков Японии — Аmanoхасидатэ.

Аmanoхасидатэ служит местом паломничества уже в течение многих столетий. Это песчаная коса длиной около трех километров и шириной меньше 50 метров, поросшая старыми кривыми соснамп. Сэсю — крупнейший японский график — был вдохновлен этим дивным творением природы и изобразил Аmanoхасидатэ со всеми окрестными храмами и деревнями. Мельчайшими иероглифами он написал названия отдельных строений и пагод, так что мы точно знаем, как выглядела Аmanoхасидатэ на рубеже XV и XVI веков. Сэсю написал этот пейзаж в глубокой старости, когда ему пошел девятый десяток. Хронологически это его последняя работа. По сравнению с тем, что изображено на старом свитке, побережье вокруг песчаной косы значительно изменилось, но Небесный мост остался таким же.

Переводить японские названия так же бессмысленно, как скажем, переводить чешские названия на японский язык. Мы знали одного японца, который учил чешский язык и очень огорчился оттого, что в Праге Мала Страна называется Малой Страной. Однако в данном слу-

чае мы не только можем, но и обязаны перевести это название. Японцы называют узкую косу, протянувшуюся по широкому заливу, Небесным мостом, утверждая, что Аmanoхасидатэ похож на мост, ведущий в небо.

У самого Аmanoхасидатэ лежит Мoндзу — маленькая деревушка, предназначенная специально для туристов. Она расположена у самого начала небесной косы и является родной сестрой Мацусимы. Ее улицы также представляют собой длинный киоск с сувенирами. Мы приехали сюда из Киото поздно вечером, и нам пришлось немало походить, прежде чем мы сумели найти ночлег в этом скопище отелей. Был разгар туристического сезона и к тому же выходной день.

Рано утром вместо будильника нас разбудил гудок экскурсионного пароходика и странный скрежет железа под окнами. Мы сбросили футоны и вышли на веранду гостиницы, расположенной у самой воды. Слева на мощном бетонном быке медленно поворачивался пролет окрашенного в красный цвет моста, соединяющего Мoндзу с песчаной косой. Мимо человека в униформе, управлявшего этой операцией, проходил постоянно курсирующий здесь белый пароходик. Синее море, желтый песок и темно-зеленые сосны были залиты лучами солнца. Следующий поворот моста мы наблюдали уже с палубы парохода.

От пристани, расположенной на противоположном берегу, дорога ведет мимо древней святыни, затем по крутой улочке надо подняться к станции подвесной дороги, которая доставит вас на смотровую площадку парка Касамацу. Каменные лавочки, чайная, киоск с сувенирами и огромные спаренные подзорные трубы, нацеленные на Аmanoхасидатэ. Минута пользования этими подзорными трубами стоит 10 иен, так же как на Токийской башне и других подобных местах Японии.

Далеко внизу под нами тонкая линия Небесного моста перерезала синюю гладь моря. И хотя это происходило в мае, море было спокойным, очень нежным, окрашенным в такие изысканные тона, о каких Тихий океан может лишь мечтать.

Прошло немало времени, прежде чем мы оторвали взгляд от Аmanoхасидатэ и огляделись. Рядом с нами творилось что-то странное. Девятнадцатилетняя девуш-

ка, подзадориваемая молодым человеком с фотоаппаратом, взобралась на высокий камень. Потом она совершенно непочтительно повернулась спиной к Небесному мосту, подвернула плиссированную спортивную юбку и наклонилась вперед, сунув голову в колени, словно собиралась перекувырнуться. Руками она обхватила лодыжки и застыла в этой удивительной позе. В этот момент раздался щелчок фотоаппарата.

— Ну, а теперь ты меня.

Девушка спрыгнула, молодой человек отдал ей фотоаппарат, и они поменялись местами.

Две пожилые женщины в кимоно направились к лавочке. Одна из них забралась на нее, энергично подняла кимоно, расставила ноги в белых чулках, нагнулась и тоже замерла в этой позе.

Наконец мы не выдержали и обратились к юноше с фотоаппаратом:

— Простите, но зачем вы это делаете?

Молодой человек удивленно уставился на нас черными дугами своих очков:

— Вы имеете в виду позу, когда смотришь сквозь раздвинутые ноги? Попробуйте сделать то же самое. Ведь когда вы смотрите на Аманохасидатэ в такой позе, то вы видите песчаную косу вверх ногами и у вас создается впечатление, что она висит в воздухе и действительно служит мостом в небо. Но надо смотреть так, чтобы в поле зрения не попадали противоположные холмы.

Мы поблагодарили юношу за разъяснение и последовали его совету. Что-то в этом есть. У вас теряется чувство реальности, вы забываете, где находится верх, а где — низ, где лазурь моря, а где — неба, и если вы обладаете хоть небольшой долей фантазии, то коса Небесного моста действительно станет для вас дорогой в небо.

Над смотровой площадкой возвышается лесистый холм — вершина горы Нарияй. Сэсю нарисовал на ней буддийский храм. Сохранился ли он? Большинство экскурсантов отсюда возвращаются вниз, но нас влекла к себе вершина.

Храм на горе Нарияй стоит до сих пор. К нему ведут потрескавшиеся, поросшие мхом и травой каменные ступени. Вокруг густая поросль папоротника, а высокие

деревья укрывают храм своей прохладной тенью. На полпути к храму в лесу стоит древняя звонница. Когда мы проходили мимо, какой-то сухой старичок в короткой темно-синей куртке с большим белым знаком на спине, стоя на стремянке, ремонтировал крышу звонницы. Внизу, под его ногами, лежала кучка тонких дощечек, наструганных из пахучего кедрового дерева. Старый мастер искусно подгонял одну дощечку к другой. И часть крыши звонницы отсвечивала белизной в сумраке леса.

Так же как и звонница, храм Нариадзи бережно охраняется, хотя и посещает его не много туристов. И поэтому столь величественной кажется тишина, царящая в храме. Во дворе, у края большого металлического водоема, над водой распластался грозный бронзовый дракон с высунутым языком. Мы погладили его по спине и тронулись в обратный путь к подвесной дороге.

Поселок Фуцу, расположенный под горой, к моменту нашего возвращения совсем проснулся. Маленькие магазины с сувенирами, расположенные вдоль дороги, украсили товарами свои витрины. Вдоль улиц, подвешенные на веревках, покачивались и кружились от дуновения легкого бриза большие каракатицы с тонкими щупальцами. Они были плоскими, сухими и твердыми, как доска. Каракатица — известное здесь лакомство. Рядом с ними хорохорились пустые, круглые фугу — ядовитые рыбки, которых после удаления внутренностей надувают, завязывая спереди и сзади, в таком виде сушат и продают как декоративное украшение. Иногда у них на спине вырезают отверстие, и тогда они могут служить фонарем. Беловато-серые колючие шарики морских ежей лежат на прилавках или целыми гроздьями свисают с потолка. Их подвешивают в автомашинах, так как считается, что они приносят счастье и находящимся в такой машине не грозит авария. Мы подумали, что для некоторых лихачей — водителей японских грузовиков — полиция должна была бы сама покупать этих морских ежей.

Самый короткий путь из Фуцу в Мондзу ведет по Небесному мосту, по узкой песчаной дороге, окаймленной сосновой рощей, сквозь которую с обеих сторон просвечивает море.

По Небесному мосту можно ходить пешком или ездить на велосипеде. Короткие, но широкие волноломы, сбегающие с косы круто к морю, оберегают узкую насыпь от разрушения. Дело в том, что небо не очень заботится о связи с землей, и не будь вековых усилий землян, этот единственный путь, ведущий из Японии на небеса, давно бы разрушился и оборвался. Нечто подобное не раз случалось в прошлом во время штормов. Немало было и пожаров в сосновых рощах на Небесном мосту. Но люди каждый раз все вновь исправляли, восстанавливали, заравнивали.

Горы, холмы, плоскогорья

Если бы на государственной границе Японии имелись нивелировочные знаки с указанием высоты над уровнем моря, то на всех указателях стояла бы одна цифра — ноль. И все же основную часть территории Японии занимают горы. Каждая дорога, протянувшаяся от побережья в глубь островов, все время идет вверх, достигая в конце концов немалой высоты. Несмотря на то что японцы обрабатывают каждый клочок плодородной земли, для нужд сельского хозяйства можно использовать немногим больше 16 процентов всей территории. Около 57 процентов покрыто горными лесами.

По красоте ландшафтов Япония занимает одно из первых мест в мире. Субтропическая жара здесь сменяется сибирскими морозами, палящее солнце — падающим снегом, с гор низвергаются стремительные потоки, а у побережья текут ленивые реки. Есть здесь озера и водопады, бамбуковые, хвойные и лиственные леса, на юге вдоль автострад растут пальмы, а на севере тянутся ограждения, предохраняющие от снежных завалов. У подножий вулканов раскинулись пустынные поля застывшей лавы, тишину которых нарушает лишь шипение горячих источников и гейзеров. И над всем этим — горы, прекрасные, величественные массивы горных хребтов, покрытых снегом, волнистые дивные холмов, одинокие круглые пирамидальные вершины и плоскогорья, возвышающиеся над прибрежными долинами, в которых выращивают рис. В каком бы уголке Страны Восходящего Солнца вы ни находились, за исключением нескольких широких долин, всюду горизонт закрыт синеватой ширмой горных цепей.

Кроме самой знаменитой высочайшей горы Японии — Фудзиямы, которая одиноко стоит примерно в ста километрах от Токио и величаво несет свою вершину на высоте 3776 метров, в Японии есть еще несколько

вершин, превышающих три тысячи метров и покрытых вечным снегом. Вершин же, высота которых больше двух тысяч метров над уровнем моря, десятки.

Большая часть из них — это вершины главного горного хребта, протянувшегося поперек острова Хонсю. Северо-западная цепь — хребет Хида — больше полувека назад была названа английским инженером Гоуландом Японскими Альпами. Вершины хребта Хида — прекраснейшие, но самые опасные вершины Японских островов. Название «Японские Альпы» прижилось, и три горные цепи, пересекающие остров Хонсю от Тихого океана до Японского моря, называются теперь Северными, Средними и Южными Альпами. На востоке Японские Альпы круто обрываются, сменяясь глубокой впадиной, по которой текут реки и проходит железная дорога, соединяющая оба побережья острова. На другой стороне впадины поверхность вновь круто поднимается Фудзиямой, горами Хаконе, Сиране, вулканом Асама, хребтом Сига Когэн и другими горными массивами.

Горами, хотя и более низкими, покрыта территория Северного и Южного Хонсю, а также Хоккайдо, Кюсю и Сикоку — короче говоря, вся Япония. Через несколько недель после приезда в Японию каждому, как правило, придется вид моря и направление его поездок меняться, он начинает ездить в горы. Но японские горы, которые влекут чистотой воздуха, великолепными видами и жители которых немного замкнуты, но всегда очень отзывчивы, несмотря на все современные ухищрения, требуют от любителей горных прогулок немалой выносливости, умения довольствоваться самыми примитивными удобствами. Снабжение далеких горных деревень оставляет желать много лучшего, но в этом есть и свои плюсы — по крайней мере по горам не бродят толпы организованных экскурсантов.

Перед глазами у нас еще стояла осенняя палитра ущелий реки Куробе, а мы уже поднимались к хребту Хида, следя из окон вагонов за широким руслом реки Химэ, озаренной холодным утренним солнцем. Река пробилась к морю сквозь горные завалы, она несет глыбы камней, что само по себе свидетельствует о ее силе.

Вскоре на западе на фоне голубого неба стали вырисовываться белые вершины гор, окутанные мягким покрывалом облаков.

Когда мы вышли на маленькой станции Ёцуя, то нам показалось, что вершины гор нависли прямо над крышей станционного здания. Вместе с нами с поезда сошли еще несколько человек. Мы жаждали скорее попасть в горы, хотели быть поближе к этим белым склонам, которые манили своей неприступностью и ослепительным сиянием. Но мы не знали, как и куда нам надо идти.

Молодой загорелый мужчина в высоких туристских ботинках и куртке, с большим рюкзаком за спиной и с еще бóльшим куском стекла в руках обратил внимание на то, с каким восторгом мы смотрели на горные вершины.

— Вам повезло, — сказал он, дружески улыбнувшись, — такие великолепные дни, как сегодняшней, бывают два-три раза в году.

Мы посмотрели на всю эту красоту с еще большим восхищением.

— Вы, наверное, любите горы, — продолжал незнакомец, — и, если хотите, можете пойти вместе со мной. Я из альпинистского клуба Мацумото и во время сезона работаю горным проводником. Но сегодня такой хороший день, что я взял себе выходной и приехал сюда.

Мы с радостью приняли его предложение.

Господин Сибата сначала рассказал нам о дороге. Автобусом из Ёцуи надо как можно ближе подобраться к подножию гор. Затем придется пройти пешком по лесной тропинке к станции недавно построенной канатной дороги, подняться по ней на несколько сотен метров и затем добраться до избы, где можно отдохнуть. От избы, если хотим, можно пройти еще дальше вверх.

— На вершину Сироумо вы все равно не взберетесь. Она расположена на высоте 2940 метров, и, чтобы подняться туда, нужно быть опытным альпинистом и иметь соответствующее снаряжение, — сказал господин Сибата.

Автобус остановился посреди опустевших рисовых полей. Деревенские хижины были обвешаны золотыми покрывалами сохнущего риса, а в садах цвели желтые и фиолетовые цветы. Крыши домов покрывала тень раскидистых деревьев. Над лесами на далеких горных

склонах под шапками снега чередовались красные и бурые пояса осенних трав и кустарников.

Пассажиров, пользующихся услугами круто взлетающей вверх канатной дороги, было мало, и поэтому нас с радостью встретили в еще не достроенном деревянном здании станции. Мы сели в маленькую застекленную красную кабинку и через несколько мгновений уже покачивались над хвойным лесом. Под нами раскинулась вся долина реки. Потом лес сменился низкими кленовыми кустарниками. Темно-красные, желтые и коричневые пятна, которые, когда мы смотрели снизу, казалось, подступали к самым вершинам гор, теперь были похожи на размотанный по склонам рулон яркого многоцветного шелка. Потом кленовый пожар сменила сероватая зелень низкорослых сосен.

Конечная остановка.

И хотя горные склоны словно обнажили частицу скрываемой до сих пор красоты, они в то же время как бы отделились, замкнувшись в своем гордом величии.

— Тот, кто побывает здесь хоть раз, должен обязательно вернуться. Горы — это опиум, это страсть, прекрасная страсть, — сказал господин Сибата, когда мы шли по дороге, петляющей среди карликовых сосен.

— Да, но не слишком ли многим рискуют молодые японцы ради удовлетворения этой страсти, — осторожно заметили мы, не зная, какой точки зрения придерживается наш проводник.

Он сразу нас понял.

— Я знаю, что вы имеете в виду. Вы говорите о десятках жертв — страшной дани каждого альпинистского сезона. Газеты полны описаний катастроф, и многих это волнует. Да, с этим связано много забот. Проблема заключается в том, что в горы и, больше того, на самые трудные маршруты идут люди физически слабые, лишенные опыта, которые считают, что дорогой нейлоновый трос гарантирует их от любой случайности. Они погибают не только от падения в пропасть или оттого, что их засыпает лавина. Многие просто теряют дорогу, потому что не умеют ориентироваться в горах, и погибают от потери сил и холода.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Можно. Нужно, чтобы люди научились правильно рассчитывать свои силы, а большинство японцев этого

как раз делать не умеют. И это касается не только альпинизма, но всей жизни. Обратите внимание на количество самоубийств... Несчастья в горах лишь одна сторона. Среди молодежи каждый бахвалится друг перед другом, стыдясь признаться, что он больше не в силах идти, стыдясь своего страха. Альпинист должен знать горы и снаряжение как свои пять пальцев. Он должен быть тренирован и физически вынослив. А именно этого не хватает студентам и служащим — самым частым жертвам гор.

Через час после начала подъема мы подошли к небольшой зеленой седловине, на дне которой стояла простая низкая хижина.

— Вот я и дома, — сказал господин Сибата и горланно выкрикнул протяжное горное приветствие: — Я хо-о-о-у!

Звук его голоса отразился от противоположного склона, и в окне хижины показалась фигура человека. Когда мы подошли, из дверей вышел рослый морщинистый старик. Он что-то буркнул в ответ на приветствие, взял у нашего проводника оконное стекло и исчез. Мы поблагодарили господина Сибату и попрощались с ним.

Дощатый пол хижины был не очень чистым, здесь же находились длинные деревянные лавки и столы. В почерневшей от копоти кухне вдоль стен стояло несколько *конро* — печурок, которые топятя древесным углем. Не оставалось сомнений, что девизом этого заведения было самообслуживание.

Мы были очень голодны. Мы сидели на лавке, но старик не обращал на нас никакого внимания. В этой хижине каждый мог делать все, что ему захочется. Наконец мы решили обратиться к старику.

— Скажите, пожалуйста, у вас есть что-нибудь поесть?

Он посмотрел на нас с удивлением.

— Здесь каждый готовит то, что он принес с собой... А вы ничего не принесли? — спросил он, чуть помедлив.

— Совершенно ничего. Мы все оставили на вокзале в *Ёцуе* и хотим до вечера туда вернуться.

— Да, — забормотал дед с явным пониманием. — Ну, тогда я вам сделаю *тамаго но домбури*.

Итак, еще одно *тамаго но домбури*. Который уж раз

за эти два дня? Но мы благодарны ему за это тамаго — неизменное блюдо в японских горах.

Старик с сосредоточенным видом разбил на горячую сковородку несколько яиц, с щедростью горца бросил туда рис и лук, добавил немного сушеных водорослей, в серединку посадил редьку и полил все это соевым соусом. Он с удовлетворением осмотрел свою стряпню и поставил плошку на стол.

Никогда — ни раньше, ни после — тамаго но домбури не казалось нам таким вкусным, как здесь, в горной хижине под вершиной Сироумо.

От хижины идти вверх было труднее. Воздух стал значительно разреженнее, и от подъема по крутому склону мы задыхались. Мы добрались до маленькой ровной площадки с большими камнями и болотистым прудом. Но мысль о вечном снеге и простой каменной могиле на вершине холма не давала нам покоя, и подъем продолжался. Мы уже находились высоко над уровнем моря, и долина с деревеньками лежала далеко внизу. От могилы к главному массиву Сироумо тянулся узкий хребет. Одна сторона его, словно отколотая взрывом стена кратера, отвесно ниспадала в глубокую пропасть. В абсолютной тишине с хребта изредка срывался камешек и, ударяясь о выступы, летел вниз.

Одинокий альпинист в этот поздний час спускался по узкому хребту, он обошел нас и продолжал путь в том же темпе. К его каблuku прилип комочек снега.

— Снег должен быть совсем близок. Ведь не мог же он долго держаться у него на ботинке...

Мы прошли еще несколько шагов и действительно увидели снег в маленькой ложбинке, куда не попадали лучи солнца. Его не хватило бы даже для самой маленькой снежной бабы, но мы сумели слепить два снежка. С хохотом мы раздавили их о носы друг друга и повернули обратно.

Когда мы добрались до Ёцуи, было уже темно. Деревенские ребятишки разжигали на полях костры, подбиравая в них рисовую солому, а в ночном небе не осталось и следа от величественных гор...

Японцы очень легко поддаются всяким модным влияниям и течениям. Это касается и мужчин и жен-

щин. Несколько лет назад японский принц познакомился со своей будущей женой на теннисном корте закрытого клуба, и с этого момента наступила золотая пора для производителей маек, ракеток, белых шорт и брюк, теннисных мячей и спортивных джемперов. Юноши и девушки, которым, конечно, позволяли средства, увлеклись теннисом, корты были переполнены, и эта игра стала центром всеобщего внимания.

Точно так же, после того как в Японию приехал австрийский горнолыжник, бывший чемпион Олимпийских игр, а ныне киноартист Тони Зайлер, началось всеобщее увлечение лыжным спортом. Тони Зайлер снимался в Японии в фильме, в котором он, естественно, мало играл и много катался на лыжах, и в течение нескольких недель демонстрировал смелые трюки перед телевизионными камерами на самых крутых склонах Японских Альп. Владельцам фабрик по производству спортивных товаров осталось лишь немного поднажать на рекламу, и магазинам пришлось оборудовать специальные отделения по продаже лыж. В Японии лыжами увлекались и раньше, но во время горнолыжной горячки в горы бросился каждый, у которого была минута свободного времени и пара монет в кармане, чтобы купить лыжные ботинки. Все остальное можно было взять напрокат на горных базах. Каждую субботу на вокзалах происходили настоящие сражения за место в поезде, направляющемся к горным курортным местам. Студенты, клерки, заводская молодежь, продавщицы — все стремились в горы, считая, что настоящий мужчина и современная девушка должны быть в первую очередь лыжниками. С той поры любовь к лыжному спорту в Японии не ослабевает, и лыжников — особенно лыжниц — становится все больше.

Когда у нас новичок попадает в горы, он старается примкнуть к какой-нибудь группе, члены которой под присмотром инструктора на пологом склоне осваивают «плуг», медленно выписывают дугу, а тормозят, как правило, третьей точкой, ибо вовремя остановиться для них имеет значение куда большее, чем репутация искусного лыжника.

В Японии тоже есть инструкторы, но к ним обращаются довольно редко. Японские новички предпочитают другой способ обучения. Они поднимаются по подвесной

дороге на самый высокий холм, прикрепляют впервые в жизни лыжи к ботинкам и бросаются вниз, бороздя снег всем телом. Результаты этого метода, видимо, не стоит описывать. Издали кажется, что по склону съезжают опытные мастера. Цветные куртки проносятся стрелой по белому холму, заканчивая спуск невероятными кульбитами.

Но вблизи зрелище другое. Когда мы в первый раз осторожно съезжали по пологому склону в горах Сига Когэн недалеко от курортного городка Хоппо, за спиной у нас раздался страшный вопль:

— Абуна-а-а-й! — Береги-и-и-сь!

Мы метнулись в сторону. Так в Японии кричат, лишь когда грозит смертельная опасность. В ту же секунду мимо нас пронеслась молодая девушка. Палки в вытянутых, широко расставленных руках она держала почти параллельно земле, ноги странно изогнула, в глазах был ужас. Но она мчалась вниз, не падая до тех пор, пока не врезалась в четырех лыжников. Они разлетелись от нее в разные стороны, и лишь это столкновение ее остановило. Она встала, отряхнулась, мило всем улыбнулась и, хромя, пошла к станции подвесной дороги. Спустя четверть часа повторилась точно такая же картина. Вот наглядный пример стиля катания на лыжах большинства фанатиков этого вида спорта в Японии.

Не всегда все кончается так благополучно. Однажды во время обеда мы услышали необычный шум: на базу на носилках принесли популярного киноартиста.

— Сломана бедренная кость, — пепнул наш официант.

— Он упал?

— Да нет, он сам хорошо ходит на лыжах, но ему не повезло. Он стоял рядом с лыжней, и сзади на него кто-то наскочил. С тем ничего не случилось, а он не скоро сможет сниматься.

Слова официанта оказались пророческими. Судя по сообщениям газет, любимец публики, исполнитель ролей симпатичных киногангстеров, хромал в течение нескольких месяцев.

От автобусной станции, расположенной на Сига Когэн, к лежащему на противоположном склоне глубокого ущелья курорту Хоппо ведет канатная дорога. Зимой

каждое утро с первым рейсом наверх поднимается молодой врач с несколькими пакетами биндажей и большим количеством ваты, бинтов, лубков, то есть с материалами, необходимыми для оказания помощи тем, кто сломал ногу, руку или ребро. Как правило, весь этот запас истощается за сутки, а для выходных дней эта норма перевязочных материалов бывает недостаточной. Японцы, отдыхающие в горах, не любят рано вставать. И поэтому они, к сожалению, не видят утренних приготовлений хирурга к трудовому дню. Мы же чаще всего ездим вторым рейсом, и нельзя сказать, чтобы вид врача поднимал наше настроение.

Такой способ катания на лыжах выдвигает особые проблемы перед японскими железными дорогами. Зимнее железнодорожное сообщение с горными курортами напоминает сообщение тыла с полем боя. В одном направлении идут эшелоны со здоровыми, жизнерадостными людьми, а назад возвращаются вагоны с ранеными, избитыми, переломанными бойцами. И чтобы поезда не задерживались, на главных токийских вокзалах в зимнее время дежурят особые группы студентов с носилками, которые встречают курортные поезда и переносят раненых в такси.

Основываясь на собственном горьком опыте и начитавшись еще более страшных рассказов, вы стараетесь избегать тех мест, где каждый шаг грозит столкновением с лыжником-самоубийцей, и отдаете предпочтение лыжным прогулкам. Горные склоны, над которыми повисли канатные дороги, кишат цветными людьми-муравьями. А на обычных дорогах и на заснеженных лесных тропинках почти никого нет. Лишь изредка встречается кто-нибудь из местных жителей. Это или подростки в простых резиновых сапогах, к которым привязаны веревкой самодельные лыжи, или мужчины, под куртками у которых на спине даже во время быстрой езды спокойно спит грудной ребенок. Их экипировка далека от совершенства, но вам не нужно уступать им дорогу, они сами обойдут вас или остановятся без всякого эффекта, не упав при этом на самом крутом, покрытом ледяной коркой склоне. Для местных жителей лыжи — это не вид спорта, а обычный способ передвижения, ибо без них они не смогут сделать ни одного шага. Они живут в заброшенных горных деревнях и не

могут понять, почему в их безлюдных и таких тихих раньше местах в последние годы вдруг появилось столько горожан. Но люди они предприимчивые. И большинство из них уже успели пристроить к своему домику небольшой флигелек, в котором подают лыжникам чай и готовят простые деревенские блюда. Но самое большое достоинство этих пристроек — пузатая горячая чугунная печка. Здесь собираются продрогшие на морозе лыжники, и в их компании никогда не бывает скучно.

И все же истинное чудо японских гор — это горячие источники. При этом надо не забывать, что Япония — страна вулканов и поэтому в горах горячая вода в доме не является признаком исключительной роскоши. Домик или купальня, расположенные прямо на склоне горы, по самые окна засыпаны ослепительным снегом, а из трубы и сточных канавок клубится горячий пар — один вид этого зрелища может согреть при двадцатиградусном морозе. Но еще приятней возвратиться вечером, устав и продрогнув, и окунуться в горячий бассейн, вода которого сразу заставляет быстрее бежать застывшую кровь. После этого хочется спать, и futоны в нетопленной японской комнате должны быть заранее разложены. Иначе на следующий день вы будете кашлять и сморкаться.

Нагано — самый крупный город горной области Средней Японии. Он расположен на плоскогорье, со всех сторон окруженном высокими горными хребтами, у подножия которых раскинулись фруктовые сады. Префектура Нагано известна в Японии своими шелковыми изделиями, производство которых в последнее время снижается, и крупными, сочными яблоками и грушами.

Несколько десятилетий назад этот город назывался Дзэнкодзи, по имени здешнего буддийского храма. К этому храму, расположенному на пологом холме, ведет длинная улица, вдоль которой стоят старые японские гостиницы. У старых швейцаров и кельнеров обычно бывает много хлопот со стариками, которые приехали сюда, чтобы посетить старый храм в старом городе. Со стариной и древними традициями вы встречаетесь здесь повсюду. Однако это не выставленная напоказ старина Киото или Камакуры, и Нагано — не город пенсионеров.

Храм Дзэнкодзи как бы распространяет вокруг себя и на улицы, расположенные под ним, спокойную, тихую атмосферу. А так как Дзэнкодзи — храм древний, то приходят в большинстве случаев сюда люди старые и почтенные, которые умеют ценить его красоту. Они не испорчены модными веяниями и имя Будды произносят со всей серьезностью и уважением.

В какое место, кроме как туда, где хранятся ценнейшие реликвии времен распространения буддизма в Японии, стоит идти старому человеку, чтобы поклониться великому Будде? Согласно древним хроникам, буддизм пришел в Японию из Кореи. Корейский владыка Пак Че в 552 году нашей эры отправил в Японию посла, который привез с собой наряду с иными подарками буддийские сутры и золотое изображение Будды. Поборникам нового учения пришлось преодолеть отчаянное сопротивление, главным образом тех японских родов, представители которых исстари исполняли функции жрецов и служителей культа старой, синтоистской религии. Изображение Будды было даже выкинуто жителями нынешней Осаки (тогда она еще называлась Нанива, и там обычно принимали корейских послов) в канал, потому что синтоистские жрецы объявили, что новая религия является причиной внезапно вспыхнувшей эпидемии. Однако согласно тому же преданию, изображение Будды подняли из канала и в 664 году на спине буйвола переправили на то место, где находится нынешний Нагано. Это сделал один из первых почитателей буддизма в Японии, которого позже назвали Дзэнко. Он основал в честь спасенного изображения Будды храм, который был назван по имени его основателя, и, несмотря на то что храм не меньше десяти раз горел, считается, что в его стенах замурована эта реликвия. И сегодня вы можете купить в Нагано в качестве сувенира, напоминающего о посещении Дзэнкодзи, вырезанное из дерева изображение буйвола.

Когда мы первый раз посетили Нагано, то поселились поближе к храму, чтобы присутствовать на утреннем буддийском богослужении. Горничная сразу согласилась разбудить нас пораньше, чувствовалось, что она привыкла к подобным просьбам.

Когда на следующий день раздались приглушенные удары храмового колокола, над Нагано еще только на-

чал заниматься рассвет. Город спал, но на каменных ступенях, ведущих к Дзэнкодзи, и вокруг низких закрытых лавочек, расположенных вдоль дороги к храму, было сравнительно многолюдно.

Моросил дождь. Крестьянки с загорелыми лицами и натруженными руками, мужчины в европейских костюмах, которые их явно стесняли, сгорбленные старики в темных кимоно и деревянных башмаках с небольшими узелками в руках в одиночку, маленькими или более многочисленными группами собирались на раннюю молитву.

Перед храмом около больших деревянных ворот, прикрытых ступенчатой крышей, летали стаи серых голубей. Иногда они садились на гребень крыши, наноминная украшения средневековых готических зданий, или прогуливались среди прихожан, ожидая, пока кто-нибудь из них купит мешочек бобов у двух старушек, сидящих друг против друга у ворот.

Никто не спешил войти в ворота храма. Люди стояли на каменных ступенях, явно кого-то ожидая. Стоит купить для голубей мешочек бобов, как разговорчивая старушка, улыбнувшись, объяснит вам, в чем дело.

— Скоро к службе пойдет главная жрица храма. Подождите здесь. С лестницы вы ее сможете хорошо разглядеть.

— А разве глава Дзэнкодзи — женщина?

— Да, давно уже, — старушка переходит на шепот, — и всегда знатного происхождения. Как правило, родом из аристократической семьи, жрицами храма бывали даже принцессы. Правда, теперь аристократии нет, но все равно жрица должна происходить из знатного рода.

У ворот одного из зданий, с обеих сторон которого висят большие, удлиненные фонари, слышится шум. Вдоль строя зрителей проходит старик в черном обрядовом кимоно, на котором выделяются белые родовые знаки. В нескольких шагах позади него идет высокая невысокая женщина с гладко выбритой головой в фиолетово-желтом облачении.

— Это не она, — слышится знакомый тихий шепот, — эта ниже по рангу, но тоже из знатного рода.

Спустя несколько минут показалась главная группа. Под большим бамбуковым зонтом из красного шелка, длинную рукоятку которого почтительно держит муж-

чина, одетый в старинные плотно облегающие брюки и пиджак до колен, идет стройная женщина средних лет. Гладко выбритая голова придает красивому полному лицу странное, не женское выражение. Ее богатое шелковое облачение состоит из фиолетового плаща и желтой юбки. Вокруг шеи белая паль. Глаза опущены, а руки скрещены на груди. Но вся фигура ее выражает не покорность, а решительность и энергию.

За ней идет монашка и свита почтительно склонивших головы верующих. К процессии присоединяются многочисленные группы, и, наконец, все, кто находился во дворе, направляются к главному зданию, поднимающему к хмурому небу высокую изогнутую крышу с золотой отделкой. Перед широкой лестницей стоит бронзовое кадило, из которого струится белый дым. Прихожане зажигают тоненькие коричневые свечки и вставляют их в специальную миску.

Главный зал набит до отказа. Верующие сидят рядами, скрестив ноги, на обшарпанных татами, которыми покрыт весь пол. У порога тяжелых ворот сложены сотни деревянных башмаков и обычных ботинок.

Внутренние помещения Дзэнкодзи, как и большинства буддийских храмов, напоминают католические костелы. Запах ладана, лепные украшения, цветы, подсвечники, маленькие статуэтки, канделябры. У жрецов и верующих вокруг запястья намотаны четки. Но как только служба начинается, сходство с католическим храмом исчезает. Вместо звуков органа и хоралов буддийский храм наполняет оглушающий тупой ритм монотонных ударов в бубен и в гигантский деревянный гонг, лежащий на круглой цветной подушке. По гонгу с сосредоточенным выражением лица через равные промежутки времени бьет монах, определяя темп молитвы.

С такими же интервалами, но довольно быстро и слегка напевно жрецы читают сутры — буддийское Священное писание. Начинают они каждую сутру высоким голосом, но в конце он падает. Хор и солисты читают сутру по очереди. Молитва идет в быстром темпе, но без всякой интонации, ибо каждая сутра уже тысячи раз повторена. Из уст жрецов падают произносимые японски китайские слова. Верующие, которые не понимают смысла слов, сидят, прикрыв глаза и медленно

покачиваясь в такт молитве. Некоторые из них неслышно шевелят губами.

— Наму Амида Буцу, наму Амида Буцу, наму Амида Буцу... Будь благословен, Будда Амида!

Мы не смогли выдержать до конца службы. Она была длинной, а от сидения на твердом полу у нас затекли ноги.

До второй мировой войны в Японии около 10 миллионов человек существовали благодаря разведению тутового шелкопряда. Изобретение нейлона и других искусственных волокон нанесло японской шелковой промышленности тяжелый удар. В наши дни разведением тутового шелкопряда занимается около четырех с половиной миллионов человек, но наверняка их число по мере увеличения выпуска новых синтетических материалов будет постоянно уменьшаться. Экспорт шелкового сырья тоже теряет свое значение, по сравнению с довоенным временем он упал с 13 до 2 процентов общеяпонского экспорта. Однако эти 2 процента составляют около 95 процентов всего мирового экспорта шелка.

Если в Токио вы пойдете от Симбаси по левой стороне Гиндзы, то вскоре в самой людной части этого квартала увидите угловой магазин с большими витринами, современным входом и со вкусом сделанной неброской маркой фирмы, какую может себе позволить лишь старое, зарекомендовавшее себя предприятие.

Стеклянные двери беспшумно открываются от легкого прикосновения руки. Вы стоите на пороге Мекки всех богатых иностранных туристов, приезжающих в Японию.

В первом зале длинные прилавки заполнены рядами рулонов шелка. Второй, третий, четвертый и все остальные залы и этажи этого магазина также заполнены только шелком. Каскады искусно разложенной прозрачной ткани, высокие пирамиды цветной тафты и однотонного шанжана, рулоны парчи с восточными узорами. Сотни, тысячи рулонов. За стеклом витрин шелковые носовые платки, дамские сумочки, пижамы, гавайские рубашки, вышитые блузки, шарфы, кошельки, футляры для визитных карточек, костюмы, смокинги.

В магазине безлюдно — это признак дорогих фирменных магазинов, посещаемых лишь богатыми покупателями. Высокие накрашенные дамы, медленно прохаживающиеся вдоль шелковых пирамид, — в основном американки, стремящиеся скупить побольше красочных тканей, чтобы похвалиться затем в своем американском городке этой добычей. Иногда здесь можно встретить и японок, их сдержанная поступь и благосклонное отношение к продавцам явно свидетельствуют о богатстве и аристократическом воспитании, полученном в частных школах.

Об этом магазине мы вспоминали, стоя у небольшой витрины «Информация для туристов» на вокзале в Суве. Сува — это маленький городок, расположенный у одноименного озера в горной части Средней Японии. В котловане около озера сосредоточены разнообразные отрасли промышленности, в частности точное машиностроение и главным образом производство часов и фотоаппаратов. Но наибольшей популярностью пользуются местные прядильные фабрики.

— Шелковые прядильни? — удивилась девушка из информационного бюро. — Это вам нужно ехать в Нижнюю Суву или даже в Окаю. Здесь нет таких фабрик. По всей вероятности, у нас вытянулись лица.

— Подождите немножко, я что-нибудь попробую сделать, хотя и не уверена...

Не прошло и 20 минут, как мы уже находились под опекой приятного молодого человека, занимающегося обслуживанием туристов.

— Позвольте подарить вам несколько брошюр, рассказывающих о нашем городе, — улыбаясь, сказал он, после того как мы обменялись визитными карточками, и подал каждому из нас большую желтую папку. В папке были открытки, брошюрки и проспекты.

Такси выехало на грязную грунтовую дорогу и через несколько минут остановилось у низкого деревянного здания с тремя флигелями.

По темному коридору мы прошли в небольшой кабинет. За столом сидел худой мужчина в серой широкой робе. Это был начальник отдела эксплуатации. Его предупредили по телефону о нашем визите, и после неизменной чашечки чая мы приступили к осмотру фабрики.

Сначала нас повели в большой цех с огромными деревянными ящиками, наполненными маленькими ватными куколками.

— Это коконы. Если хотите, можете потрогать, — он подал нам горсть коконов. — Их нам доставляют крестьяне. Раньше получение и обработка коконов оправдывали себя, но, после того как в моду вошли нейлоновые чулки, производство натурального шелка постепенно уменьшается. Вскоре никто не захочет этим заниматься.

Он открыл перед нами следующую дверь.

— Кокконы нужно сначала рассортировать и затем сварить в горячей воде. Они станут мягче, и волокно можно будет легко отделить. Но вы это увидите в цехе.

Мы вошли в длинное деревянное здание. Окна широкие, снаружи грязные, а изнутри запотевшие. В цехе стоял горячий душный сладковатый запах. Вдоль всего зала у столиков с маленькими металлическими резервуарами друг против друга сидели молодые девушки и женщины.

В резервуарах кипели белые коконы, а девушки, казалось, играют на арфе. Их пальцы опускались в кипящую воду, проворно захватывали кончик тоненького волокна и взлетали вверх, чтобы присоединить его к другой ниточке, которая из другого кокона уже накручивалась на толстую шпульку, быстро вращающуюся над головой. Так, из трех или пяти коконов получается одна крепкая нитка. Отдельные волокна рвутся, и если их сразу же не заменить другими волокнами, кончики которых зацеплены за колышки, то нитка будет неодинаковой толщины и качество продукции снизится.

Сначала казалось, что это кропотливый, но не очень тяжелый труд. Но стоило нам взглянуть на руки работниц, и у нас сжалось сердце. Руки набухли, на многих выступила кровь из-за того, что их постоянно приходится окунать в кипящую воду. Красные, растрескавшиеся, несчастные руки. А над ними распарившиеся, потные лица молодых деревенских девушек. Черные обвисшие волосы повязаны белыми платками или просто куском ткани.

В этом длинном цехе, где мы видели 40 пар красных набухших рук; мы возненавидели шелк.

О заработках работниц мы не спрашивали. Это было

бы неприлично. Работницы текстильных предприятий — одна из самых низкооплачиваемых категорий трудящихся в Японии.

Если из Нагано вы поедете в Токио, то с левой стороны дороги среди холмов плоскогорья, возвышающегося над низменностью Канто, вы увидите вулкан Асаму. Это покрытая лесом гора с округлой облысевшей вершиной, с одного бока которой стекает поток давно отвердевшей лавы. Вулкан Асама наряду с вулканом Асо — один из самых грозных в Японии. Извержения Асамы эффектно, хотя в последние 200 лет они утратили силу, которой славилась в былое время. Во время гигантского извержения в 1783 году было уничтожено свыше 50 деревень, и все окрестности Асамы покрыл толстый слой пепла. Однако делать преждевременные выводы — значит поступать не очень мудро. Когда имеешь дело с вулканами, то подходить к ним нужно с теми мерками, как и к землетрясениям. Никто не знает, когда придет их час.

У подножия Асамы расположен небольшой городок Карундзава. Строго говоря, существуют две Карундзавы — старая и новая, но между ними нет большой разницы. В обеих частях города есть целые кварталы сезонных магазинов, ресторанов, большие массивы лесопарков, в которых укрыты сотни роскошных, попроще и, наконец, совершенно обычных отелей и вилл. Это летние резиденции.

И хотя деревни вокруг Карундзавы производят благоприятное впечатление и они действительно несколько богаче среднестатистической деревни предгорных районов, тем не менее и тут видишь столь характерные для села Японии убогие хижины и неизбежные стога соломы. Но ко многим хижинам проведена вода из горячих источников.

Ежегодно в течение трех летних месяцев Карундзава бывает в зените славы. В это время она становится снобистским аристократическим городом, изъясняющимся на двух языках — японском и английском. Как будто она хочет вознаградить себя за долгие месяцы молчания с осени до весны, когда пустой и мертвый город напоминает покинутое поселение у истощившихся

золотоносных рудников. Зимой Каруидзаву заваливает снегом, а мороз загоняет столбик ртутного термометра намного ниже нулевой отметки. Но зато летом, когда асфальт токийских улиц плавится, а люди в долине задыхаются от пересыщенного влагой воздуха, на покрытой лесом возвышенности у подножия Асамы веет легкий, освежающий ветерок, и в этом заключается вся прелесть летней Каруидзавы.

Несколько тысяч избранных, очень ревниво относящихся к своему реноме, а также большинство неакклиматизировавшихся, страдающих от жары иностранцев расстаются со столицей, спасаясь от зноя в горной прохладе, причем многие из них переселяются в Каруидзаву. Поэтому даже в худших домах комнаты летом сдаются за бешеные деньги, но это, как правило, не останавливает приезжих. Ведь пребывание в Каруидзаве летом для представителей определенных токийских кругов не только вопрос спасения от невыносимой летней жары (подобных, не менее красивых, но зато менее разорительных курортов вокруг Токио немало), но прежде всего вопрос общественного положения и связей.

Вместе с высшим обществом в Каруидзаву переезжают филиалы известнейших продовольственных магазинов и национальных ресторанов, а также пекари, мясники, парикмахеры, фотографы, редакции английских журналов с их симпатичными сотрудниками хроникеры светской жизни. В течение всего лета здесь завязываются полезные знакомства и связи и очень много времени уделяется моде. Как и везде, где собирается много богатых бездельников, здесь основываются самые различные благотворительные общества, члены которых ищут всевозможные поводы, чтобы организовать лотереи, выставки, конкурсы, турниры. На них всяческими способами заманиваются знаменитости, а затем в местных газетах публикуются отчеты, кто сколько внес добровольных пожертвований.

Лишь в субботние и воскресные дни у летней Каруидзавы тускнеет аристократический лоск. По тоннелям и мостам по направлению к городу мчатся переполненные поезда, а по змеиной с крутыми поворотами автостраде рядом со сверкающими «мерседесами», «шевроле» и «фордами» тянется поток переполненных автобусов и японских автомашин.

Воскресные экскурсанты не заезжают в гостиницы Каруидзавы, все номера которых давно сданы, и не посещают ее фешенебельных ресторанов. Одни идут в купальни, чтобы после того, как они целую неделю обливались потом в покоем на парилку Токио, еще больше пропотеть в горячем источнике. Другие направляются к негостеприимным лавовым полям, а если Асама в этот день спокойна, совершают восхождение к кратеру на высоту 2500 метров, чтобы отсюда наблюдать восход и закат солнца.

Фудзияму описывать излишне. Она так хорошо знакома по стольким открыткам и видам, ее фотографировали со стольких точек и в таких ракурсах, при любых погодных условиях, в любое время суток и года, что вряд ли о ней можно сказать что-либо, что не было уже сказано и показано. Поэтому мы ограничимся простой констатацией, что гора Фудзи — это вулкан, последнее сильное извержение которого происходило в 1707 году. С того времени среди полей остались до сих пор не выветрившиеся островки лавы. После этого извержения Фудзияма успокоилась и, кроме нескольких струек пара, вырывающихся вблизи вершины, уже в течение двух с половиной столетий не подает никаких признаков вулканической деятельности.

Фудзияма отличается от других вершин Японии и своей высотой — она достигает 3776 метров над уровнем моря, и своим расположением — ничто не нарушает величественного вида Фудзиямы, одинокого вулкана среди чуть волнистого нагорья, и своей правильной округлой формой, которая придает ей благородство и изящество. Если к этому добавить красоту окружающего Фудзияму ландшафта, откуда бы вы на нее ни смотрели — со стороны моря, с противоположной стороны, где раскинулись гигантские зеркала пяти озер, или, наконец, с запада, от водопадов Сираито и Отодомэ, легко понять, почему древние японцы поклонялись Фудзияме как священной горе и почему ее вид вдохновлял художников и поэтов на создание шедевров.

До 1868 года на священную Фудзияму не имела права ступить ни одна женщина. В наши дни положение изменилось. Ежегодно с 1 июля по 31 августа по про-

топтаным на склонах Фудзиямы дорожкам карабкаются толпы представителей обоего пола и всех возрастов. Несмотря на то что подъем довольно труден и длится долго, многие берут с собой маленьких детей, и нередко на гору поднимаются древние, всегда кем-нибудь поддерживаемые старушки.

Но особенно красива Фудзияма издали. Вблизи этот потухший вулкан теряет свою величественность, вы видите перед собой не очень впечатляющую массу серо-черного камня и островки колючей травы. Видимо, поэтому у подножия Фудзиямы можно встретить сравнительно немного экскурсий, в то время как отдаленные места, с которых на священную гору открывается великолепный вид, служат целью поездок не только всех жителей Токио, но и многих туристов из других городов Японии.

К таким местам, откуда открывается один из лучших видов на Фудзияму, относится плоскогорье Хаконе и район пяти озер.

В первое же воскресенье после приезда в Японию мы совершили экскурсию на плоскогорье Хаконе. Это была наша первая поездка за пределы столицы, и, хотя мы с тех пор проезжали по Хаконе во всевозможных направлениях и часто останавливались здесь, она оставила неизгладимое впечатление. Как это часто бывает, когда вы попадаете впервые в незнакомый город, вы, окруженные чужими людьми и непривычной атмосферой, замечаете обостренным зрением много деталей и мелочей. Более важные вещи ускользают от вашего внимания, и вы их обнаруживаете лишь при втором или третьем посещении.

Начнем с покупки билетов. С нами приключилась глупая история — мы до сих пор как бы видим со стороны, как два иностранца не знают, что им делать перед длинным рядом касс у главного входа Токийского вокзала, над которыми показывают направления, по которым идут поезда. А мы никак не можем найти Хаконе. Наконец от толпы отделяется юноша и робко спрашивает, не может ли он нам чем-нибудь помочь. До сих пор мы благодарны ему.

А вот наша первая поездка в поезде. Мы купили

билет в вагон третьего класса. Ряды зеленых полумягких подлокотников и высоких сидений, до которых едва дотронешься, как поднимается облако пыли. Для японцев вагон означает нечто большее, чем для нас. Они умеют в нем уютно устроиться, так, словно находятся дома. Они снимают туфли, пиджаки и свитера, некоторые женщины поджимают под себя ноги — это самая удобная для них поза, они привыкли сидеть так дома на татами. Пребывание в поезде не является для них лишь потерей времени между отъездом из пункта отправления и прибытием на место назначения. Это уже часть самой туристической поездки, и соответственно пужно себя и вести. Они покупают фрукты, газеты, журналы, а если в вагоне достаточно места, то раскладывают надувные подушечки, пьют чай, открывают консервные банки с лимонадом и пивом, прикладываются к бутылкам виски. При относительно длительных поездках, когда тело устает, время от времени пожилые пассажиры вынимают из сумки деревянный молоточек и начинают постукивать им по спине, пока мышцы не перестают болеть, а кровь не ускоряет свой бег. Само собой разумеется, что после таких лукулловых пиршеств в вагоне остается много бумаги, коробок, банок, бутылок, огрызков, разорванных газет и журналов. Все это пассажиры бросают под лавки, откуда банки выкатываются и начинают кататься по коридору, покуда не придет проводник и не уберет весь мусор. Уборка производится иногда через сто, иногда через тысячу километров в зависимости от того, сколько в вагоне пассажиров и на какое расстояние они едут.

В Хаконе можно приехать из разных мест и разными поездами — от самых современных, с застекленными смотровыми площадками вагонов, до обычных пассажирских, таких, как мы только что описали. На нашу беду, когда мы возвращались из своей первой поездки, на вокзале в Атами не нашлось студента, подобного тому, что нам помог в Токио. Уставшие от жары и обилия впечатлений, мы ожидали на перроне свой поезд. Нам сказали, что он придет точно в 17 ноль-ноль и если мы будем ждать на этой платформе, то мы его не прозвем. Мы тогда еще не успели познакомиться с пунктуальностью японских железных дорог, которая для наших друзей была само собой разумеющейся. В 16 часов

57 минут у нашей платформы остановилось нечто великолепное оранжевого цвета с огромными окнами и с центральными автоматически открывающимися дверьми.

«Ну, вот и наш поезд», — решили мы и, помня о первом опыте при посадке в электропоезд в Токио, быстро прыгнули в первый попавшийся вагон. Как только мы очутились на площадке, двери неслышно задвинулись за нами и поезд медленно тронулся. Оборудование вагона нас поразило. Сразу стало ясно, что это не тот класс, за который мы заплатили, но мы решили, что за такую роскошь стоит добавить пару иен. Вместо грязной дорожки — чистый голубой ковер, вместо пыльных зеленых сидений — мягкие кресла с белоснежными чехлами и подушками для головы. На стенах горшочки с цветами, окна чистые, с идеально ровным стеклом, как на витринах. Вагон был полон, но мы наконец нашли два свободных кресла.

Первое сомнение появилось у нас, когда мы обнаружили под своими креслами чужие ботинки, а вскоре появились и их владельцы, вернувшиеся в домашних туфлях из вагона-ресторана. Потом пришел кондуктор с молодой девушкой, которая скорее походила на стюардессу, и попросил нас предъявить билеты. Оказалось, что мы должны доплатить невероятную сумму. Мы по ошибке оказались в одном из самых роскошных литературных курьерских поездов, которые ходили между Токио и Осакой в то время со скоростью 130, а теперь уже 170 километров в час, делая в пути всего две или три остановки. В Атами экспресс не должен был останавливаться, но, так как путь был занят, машинист на несколько секунд остановил поезд и открыл двери. Когда все выяснилось, то, хотя у кондуктора и была довольно кислая мина, нам не пришлось доплачивать. Однако в Икогаме — единственной станции, где поезд остановился, — мы вынуждены были выйти и остаток пути проехать в электричке.

Город Атами в Японии широко известен, несмотря на то что он не может гордиться ни особым историческим прошлым, ни исключительным местоположением. Город лежит на побережье моря, в котором нельзя купаться, в стороне от старого Токайдо, на пути из Токио в Ито и дальше в Симоду. Единственное, на что природа

расщедрилась в Атами,— это горячие источники. И город сумел воспользоваться этим даром. При взгляде на Атами с высоты окружающих холмов создается впечатление, что это богатый город с современными зданиями на берегу и с удивительными, самой различной формы строениями, расположенными чуть выше — на холмах. Море, бетон, стекло. Все это так, но это лишь декорации. Мы не хотим отказать Атами в красоте. Некоторые отели здесь очень современны и благоустроены. Они действительно построены из бетона и являются интересными образцами современной японской архитектуры. Однако город в целом выглядит вблизи совсем не таким, каким он кажется издали. Узкие улицы, низкие деревянные дома. Вместо гигантских отелей с залами размером с вокзал и с одинаковыми номерами, похожими как звенья одной цепи, здесь много старых и новых японских рёканов, у каждого из которых свой стиль и своя прелесть. Несмотря на большой прилив иностранных туристов, у курорта Атами до сих пор много ярко выраженных черт, типичных для японских городов. Это и поливаемые тротуары, и прохожие, которые гуляют по улицам в гостиничных кимоно, и гэта, и многое другое. Но Атами — действительно богатый город. Сюда приезжают на отдых крупные дельцы, директора заводов, депутаты, высшие чиновники. По воскресеньям сюда съезжаются и простые люди. Иногда в Атами встречаются высокопоставленные политические деятели. и, как это ни странно, сюда и на ближайшие курорты едут любовники, писатели, артисты кино и телевидения, женщины, укравшие детей, и те, кого разыскивает полиция. В Атами совершаются коммерческие и политические сделки, в Атами люди развлекаются и скрываются, в Атами царит легкая атмосфера праздничного города, которая помимо всего прочего благоприятствует процветанию проституции, а до недавнего времени сюда вели следы торговцев молоденькими девушками.

В нескольких шагах от побережья городские улицы круто поднимаются вверх. Это начинается плоскогорье Хаконе, которое раньше было важным, как мы сказали бы сейчас, таможенным пунктом, где подвергались проверке все, кто путешествовал из Киото в Эдо по старой дороге Токайдо. Сейчас это излюбленное место отдыха жителей Токио. Даже в наши дни, после того как были

построены асфальтированные шоссе с многочисленными серпантинами, крутой барьер Хаконе можно преодолеть лишь после долгого, натруженного воя автомобиля, когда водитель все время переводит правую ногу с газа на тормоз. Дорога ведет через несколько деревень, жизнь которых неразрывно связана с туризмом, а на склонах стоят современные отели с бассейнами и ресторанами. Осенью, под вами алеют пропасти с кленовыми рощами, а весной дороги украшают одинокие кроны сакур. Летом вас освежит горный ветерок, зимой согреет купальня с горячим источником. С плоскогорья Хаконе открывается вид на Фудзияму, а на вершине одного холма расположена конечная остановка подвесной дороги, на верхнем этаже которой расположен медленно вращающийся ресторан. В то время как вы потягиваете сок, ландшафт вокруг вас меняется, и вам не нужно крутить головой или ходить, чтобы увидеть все, что лежит внизу. Если же вам захочется подольше посмотреть на могучий белый массив горы Фудзи, то вам придется время от времени делать несколько шагов против движения. Это неплохое заведение, но слишком уж цивилизованное. Так же хороши и горы Хаконе, но и они слишком цивилизованные.

В отличие от Хаконе (где, чтобы увидеть Фудзияму, нужно подняться на высокие холмы или посетить расположенное высоко над уровнем моря озеро Асиноко) над пятью озерами, окружающими Фудзияму с севера, вулкан возвышается во всей своей красоте. Ландшафт здесь слегка холмист и поэтому более живописен. Здесь же вы увидите обычную крестьянскую жизнь, среди которой как островки попадаются курортные места. Это раздолье для фотографов, которые ищут символику и контрасты. В краю пяти озер прямо просятся в объектив работающие крестьяне на фоне Фудзиямы, японская семья на экскурсии на фоне Фудзиямы, американцы в гражданской одежде и в военной форме на фоне Фудзиямы.

Здесь не приходится слишком долго выбирать точку, нужно лишь направить объектив фотоаппарата на Фудзияму и нажать спуск — почти всегда получается интересная фотография.

Фудзияма фотогенична в любом виде, с любой стороны, при любой погоде, в любое время года и суток.

Там,

где не падали

бомбы

В нижней трети острова Хонсю, там, где округлый Осацкий залив вместе с проливом Кии омывает западную сторону большого и широкого полуострова, расположены три исторических японских города — Нара, Киото и Осака, которая раньше называлась Нанива. Треугольник, образуемый этими тремя городами (или, точнее, его основание между Осакой и Нарой) был колыбелью государственности на Японских островах.

Легенда утверждает, что сюда с острова Кюсю прибыл внук богини Солнца и первый японский император Дзимму, чтобы основать здесь японскую нацию. Официальная японская пропаганда и поддерживаемый ранее государством культ синтоизма отстаивали правдоподобность этой легенды до самого конца второй мировой войны. Вера в божественное происхождение императора была одним из основных принципов фанатического милитаристского воспитания японцев, и она сыграла в недавней истории Японии свою крайне реакционную роль. Лишь после войны эта легенда была отвергнута, и теперь она ничем не отличается от других поэтических, но для богов слишком земных и реалистических мифов, которые являются древними фантастическими сказаниями, отчасти основанными, быть может, на событиях, связанных с заселением Японских островов.

Но вблизи нынешних городов Осаки, Нары и Киото в давние времена действительно начал образовываться центр государственной власти, представители которой пытались отсюда управлять всей страной. Насколько эти попытки были удачными — вопрос для значительного периода японской истории весьма спорный, но тем не менее Нара и Киото являются известными историческими столицами Японии, и в этих городах вы можете

обнаружить настоящие жемчужины древней архитектуры и прекрасные исторические памятники.

Но мы сразу хотим оговориться, чтобы не создалось неправильного впечатления: Кансай — так в наши дни называется область, расположенная вокруг Осаки, — не отстает от современной жизни. Наоборот, здесь очень развита промышленность, ибо сюда входит Осака и вся прилегающая к ней экономически высокоразвитая область побережья Внутреннего моря. В Кансае о древней истории напоминают лишь Нара и Киото, а также разбросанные повсюду старые буддийские храмы и большой комплекс синтоистских святынь в Исэ — на другой стороне полуострова Кии.

Нара была столицей недолго. Она стала главным городом в 710 году нашей эры, после длительного периода, во время которого японский императорский двор перебирался с места на место каждый раз, когда умирал правящий император или императрица. Считалось, что дух умершего владыки будет преследовать тех, кто останется на старом месте. Столицей Нара оставалась до 782 года, когда центр был снова перенесен в другое место. Тем не менее это был первый город, где располагался двор нескольких императоров подряд, и поэтому она считается первой столицей в японской истории.

Семьдесят два года, в течение которых Нара занимала столь важное положение, сумели так сильно отразиться на характере города, что это реально ощущается на каждом шагу, если, конечно, отвлечься от наслоений, которые несет наше время. Период, называемый в японской истории периодом Нара, был эпохой сильного влияния китайской архитектуры, письменности, языка, искусства и культуры при японском дворе. Это было время расцвета буддизма, строительства больших буддийских храмов, время усиливающегося влияния буддийских сект, учение которых еще не приобрело японских черт. Поэтому главными достопримечательностями Нары являются самые древние буддийские храмы и другие подобные памятники.

Откуда бы вы сюда ни приехали, из Нагои, Киото или Осаки, первое, что вам бросится в глаза, — это всеобщее спокойствие. Словно вы оказались в огромном парке или, точнее, в гигантском естественном заповеднике, половину которого занимает большой парк, а дру-

гая половина представляет собой ровные городские улицы. На улицах тоже спокойно. Однако это не означает, что в городе царит кладбищенская тишь. Нара — город очень оживленный, ее обитатели, среди которых много туристов, ходят по улицам, делают покупки в магазинах, фотографируют, а рядом проносятся машины — точно так же, как и в любом другом городе, но здесь автомобили не сигналият, повозки не тарахтят, трамваи не звенят, все здесь приглушено и замедлено. Вам кажется, что у пешеходов подошвы из резины, а водители, боясь нарушить тишину резким гудком, ведут свои машины по гладкому асфальту медленно и беззвучно. Повсюду встречаются поросшие травой площадки — иногда ровные, иногда слегка волнистые, но всегда с несколькими лиственными или хвойными деревьями. Это очень напоминает лондонский Гайд-парк в японском издании.

В парках резвятся сотни ручных косуль. Эти животные, в ожидании которых люди у нас простаивали бы часами, а при виде их все хваталось бы за бинокли, здесь спокойно бегают среди деревьев и просят у экскурсантов тоненькие сухарики, продажа которых сама по себе является неплохим бизнесом. Когда из экскурсионного автобуса выходит группа стариков и старух в узких кимоно или ярко одетых девушек, косули нетерпеливо ждут угощения, следя большими глазами, кто из приезжих покупает сухарики. И стоит экскурсантам на несколько шагов углубиться в лес, как перед ними появляются черные влажные мордочки, которые довольно настойчиво добиваются своих сухариков. Встреча с косулей доставляет много радости, но нередко вызывает и раздражение — когда ручное животное потрется слюнявой мордочкой о ваш новый светлый костюм. Не совсем безопасно поворачиваться к косулям спиной. На голове у них имеются твердые наросты, и может случиться, что вы почувствуете, как сзади вас кто-то довольно сильно ударил. Но сердиться за это на косуль нельзя. Ведь и этот удар — лишь проявление их шалости и озорства.

В Наре, у исторических памятников, а также на дорогах и проселках вблизи города вы обязательно встретите нищих монахов. Когда мы ездили по Северной Японии и острову Кюсю, мы часто видели грязные

фигуры монахов в длинных черных сутанах или узких коротких рясах с белыми обертками на ногах и в широких соломенных шляпах. В руках у них всегда был какой-то инструмент, с помощью которого они издавали особый звук, обращая внимание на свое присутствие. Что же касается нищих монахов в Наре, то создается впечатление, что они не столько собирают милостыню, сколько представляют собой своеобразную достопримечательность. У всех монахов, которых мы здесь встречали, одежда была выглаженной и чистой, и они никогда не шумели. С одним из них мы даже познакомились. Мы встретили его за высокой пагодой храма Кофукудзи. На голове у него была высокая плетеная корзинка, какую в старые времена носили на головах нищие монахи комусо, так как они не имели права открывать вне храма свое лицо. Такие же корзинки в Японии до самого конца войны носили арестанты, когда им приходилось работать вне тюрьмы. Наш монах, точнее говоря, нищий, потому что монахов комусо уже не существует, шел по дорожке и тихонько наигрывал что-то на деревянной флейте. Зная довольно неприязненное отношение к фотоаппарату со стороны настоящих бродячих монахов, мы никак не могли решиться, что делать: сфотографировать его без спроса, попросить разрешения или вообще не фотографировать. Он словно заметил наше колебание, остановился, перестал играть и снял корзинку. Мы увидели симпатичное лицо молодого мужчины.

— Хотите надеть? — спросил он с улыбкой.

Еще бы! Мы с удивлением обнаружили, что изнутри сквозь прутья корзинки видно так же хорошо, как сквозь смотровую щель.

— А можно вас сфотографировать? — осмелились мы спросить.

— Ну конечно, — ответил «монах» и снова надел свою корзинку.

Готово. Мы начали искать в карманах деньги.

— Ну, что вы, ничего не нужно, — услышали мы вежливый отказ из-под корзинки, и черная сутана, сопровождаемая нежным звуком флейты, продолжила небыстрым покачивающимся шагом свой путь.

До сегодняшнего дня мы не можем понять, был ли это настоящий нищий или работник канко-канцелярии,

который заботился о том, чтобы туристы получше развлекались.

В Наре не требуется прилагать специальных усилий для развлечения туристов. Особая, полная спокойствия атмосфера этого города является как бы неотъемлемой частью ценнейших исторических памятников, расположенных в городском парке и на его окраинах, у подножия невысоких, покрытых густым лесом холмов или просто в стороне, но всегда на открытом месте, доступном ветру и солнцу.

Важнейший из памятников — Тодайдзи, храм секты Кэгон, который представляет собой огромную деревянную постройку с просторным сумрачным залом, в полутьме которого на гигантском цветке лотоса сидит Большой Будда Нары — величайшая бронзовая статуя в мире. Она весит 452 тонны и достигает 16,3 метра высоты. Размеры статуи подробно описаны на листке, который подает вам одетый в белое монах, стоящий у входа в храм. Но при указании веса статуи не учитывается вес пыли, осевшей на Большом Будде. А так как статуя собирает на себе целые тучи пыли, то перед чисткой, которая проводится раз в несколько лет, Большой Будда бывает всегда тяжелее. Кадры, рассказывающие о том, как чистят Будду, мы видели в японской кинохронике. После уборки было собрано несколько огромных корзин пыли, а сама чистка была нелегким делом. И лишь когда мы на экране увидели лицо Будды и очень маленькую в сравнении с ним человеческую фигурку с длинной метлой, мы поняли, что ноздри статуи — это в действительности две большие трубы, а ушные раковины превышают два с половиной метра. Там, в Тодайдзи, когда мы с любопытством всматривались в статую, привыкая после солнечного дня к полутьме храма, Будда не казался таким большим, каким он является на самом деле.

История возникновения большой статуи Будды относится к тем событиям, которые определили религиозное, а следовательно, культурное и идейное развитие древней Японии на столетия вперед. Мы уже говорили о том, что некоторые знатные японские роды не хотели отступить перед новой буддийской верой и отказаться от синтоистского культа. Этот спор в период Нара, в 743 году, разрешил императорский указ, по которому

высшее синтоистское божество, богиня Солнца, и Будда приравнивались друг к другу. Таким образом, синтоизм и буддизм были провозглашены двумя формами одной веры. Сразу после этого было начато давно задуманное создание статуи Большого Будды в Тодайдзи и были проведены большие торжества. Много предметов искусства, зеркал, музыкальных инструментов и других вещей, которыми пользовались во время этих торжеств, сохранилось до наших дней.

Недалеко от Тодайдзи стоит большое деревянное строение на высоких сваях, напоминающее огромный сруб, — Сосоин. Оно сооружено из длинных толстых бревен, не имеет окон, но зато в главной стене прорублены трое широких, всегда закрытых ворот. Это музей, созданный после смерти императора Сому — того, который издал указ об объединении буддийской и синтоистской религий. В музее собраны памятные предметы эпохи его царствования, главным образом документы, свидетельствующие о том, как готовилось решение объединить религии. Сосоин расположен в центре большого сада, обнесенного длинной стеной, которая со всех сторон окаймлена блестящими брандспойтами на случай пожара.

Ворота музея открываются лишь на несколько дней в году, а также для знатных гостей, заранее предупредивших о своем приезде. Но посещение самого здания не оставляет столь сильного впечатления, как его внешний вид. И не потому, что предметы, собранные там, не интересны. Если бы все, что здесь собрано, можно было разложить в хорошо освещенных музейных залах, то глазам посетителя предстала бы великолепная коллекция редких и исторически очень ценных художественных изделий, свидетельствующих о давнишнем и сравнительно коротком периоде японской истории. Но Сосоин — здание очень старое, не рассчитанное на любопытных посетителей XX века. Все его залы, от пола до потолка, завалены деревянными коробками с трудно-различимыми надписями, крышки которых плотно закрыты. Свет, проникающий из входа, недостаточен, чтобы все осветить, и вы беспомощно бродите по непрочным, временным помостам, освещая себе путь маленьким фонариком. Случайно тут можно обнаружить интересный предмет или произведение искусства. Здесь

есть бронзовые зеркала, старые бубны, флейты и другие музыкальные инструменты, бокалы, бусы, различные виды тканей. Но в тусклом свете фонарика, когда вам приходится все это рассматривать, сидя на корточках где-то в тесном углу, это не производит нужного впечатления. Люди XX века хотят ознакомиться со всем, что рассказывает о прошлом, более основательно. И мы всегда поддерживали тех, кто ратовал за то, чтобы национальные коллекции из Сосойна были перенесены в новое безопасное место и размещены в настоящем музее, а Сосойн был сохранен в качестве уникального архитектурного памятника своей эпохи.

У подножия холма, поросшего лесом, в который переходит на границе города нарский парк, находится еще одна из достопримечательностей Нары — святыня Касуга. Она была возведена в VIII веке нашей эры могущественным родом Фудзивара. Уже то, что дорога к этой святыне ведет через весь парк, в котором по обеим сторонам дороги пасутся косули, а приближаясь к самой святыне, вы проходите по длинной, затененной кронами деревьев аллее, окаймленной тысячами каменных фонарей, создает приподнятое, торжественное настроение. Красные сваи святыни, ее крыша, завешенная с одной стороны длинной ширмой из покрытых чеканкой и позеленевших от времени бронзовых фонарей, запахи леса, кристальная вода ручейка, вытекающего из каменной ложбинки и предназначенного для того, чтобы сполоснуть рот, тихий, поросший мохом двор, матовый блеск деревянных коридоров и темно-желтые рогожи — все это, сливаясь воедино, естественно гармонирует с чувством безграничного покоя и величественности, которое охватывает вас, как только вы вступаете в красные ворота тории, и которое растет с каждым шагом.

В Касуге часто происходят свадебные церемонии. Невеста, одетая в праздничное, богато украшенное, тяжелое кимоно, в большой свадебной шляпе, и вспотевший нервный жених в смокинге, рубашке с твердым воротником и при галстукке, который все время съезжает в сторону, а вокруг них несколько свидетелей с важным выражением на лице — эти сценки так же связаны с Касугой, как у нас в Чехословакии свадебные фотографии связаны со Староместской ратушей.

Иногда с четырехугольного посыпанного песком

двора слышны удары бамбуковых палок и крики. Эти звуки сопровождают не свадьбу, а борьбу *кэндо*. Молодые люди в черных студенческих формах окружают песочный квадрат, где стоят закутанные в многочисленные одежды борцы с короткими бамбуковыми палками вместо мечей и каждый из них стремится нанести другому «смертельный» удар. Судья в кимоно считает удары и попадания, а все окружающие веселятся и подбадривают соперников. В этом традиционном японском виде спорта есть что-то от древних жестоких турниров, но теперь никто, естественно, не стремится разбить другому лицо, и современная форма этой борьбы скорее похожа на разновидность фехтования. Подобных древних спортивных состязаний в Японии немало.

Наиболее известна борьба *дзюдо*, которая стала теперь международным видом спорта. Самым жестоким и азартным видом состязания является *каратэ*. Чемпионы в этом виде спорта могут одним ударом руки или босой ноги разбить три положенные одна на другую толстые деревянные доски. Вся их борьба поэтому условна, ибо если бы они били наотмашь изо всей силы, то наверняка убивали бы соперника. Не так уж редки случаи подобных трагедий на тренировках. Выход на помост каратэистов во время показательных выступлений, когда они разбивают деревянные доски, напоминает выход пациентов из хирургического отделения больницы — у них перевязаны руки и ноги. Но спорт есть спорт. И спорт — это здоровье. Несмотря на все ранения и переломы, этот лозунг полностью относится и к каратэистам. Строгая, почти военная дисциплина требует от фанатичных каратэистов, чтобы они занимались каждое утро сложной зарядкой и в самый сильный мороз бросались в незамерзающую, но ледяную воду японских рек.

Где-то посередине ровной, ничем не примечательной долины, покрытой рисовыми полями, примерно в трех четвертях пути из Нары в Осаку, стоит самый старый и потому наиболее ценный буддийский храм Японии — Хорюдзи. Это, по всей вероятности, самое древнее деревянное строение в мире. Он был построен в 607 году и символизирует собой достигшее апогея желание вы-

сокообразованного принца-регента Сётоку Тайси утвердить на японской земле буддизм.

В отличие от большинства японских деревянных построек, которые за время своего существования много раз горели и впоследствии перестраивались, отдельные части Хорюдзи сохранились до наших дней в первоначальном виде. Утверждают даже, что в его высокой, великолепной пагоде осталось несколько бало́ц со дня постройки. Во время войны вся пагода была разобрана и укрыта в безопасном месте. К счастью, эта предосторожность была излишней, потому что, за исключением Осаки и прилегающих промышленных районов, исторические места вокруг Нары и Киото не подвергались налетам. Но это свидетельствует о том, что японцы ценят Хорюдзи больше, чем многие другие исторические храмы. После войны пагода была возведена на том же самом месте, где она стоит (если не считать небольшого перерыва) уже больше тринадцати с половиной столетий.

Однако не все части храма такие древние. Вначале были сооружены лишь четыре постройки, затем еще несколько — в конце первого тысячелетия, а остальные — в более позднее время.

Хорюдзи — это не только замечательный архитектурный памятник. Храм является хранилищем бесценных творений древнего искусства, особенно деревянных статуй, бронзовых скульптур и до недавнего времени — ценнейших настенных фресок. В 1949 году большой пожар уничтожил значительную часть фресок, и после этого самые ценные памятники Хорюдзи были навсегда перенесены из храма во вновь построенный тяжелый железобетонный бункер с толстыми стальными дверями. По внешнему виду бункер напоминает древнее деревянное здание. Посещение Хорюдзи — как правило, заключительный пункт поездки в Нару. Впереди Осака — большой торговый город, который в наши дни не так уж часто вспоминает о своих исторических традициях.

Но давайте вернемся назад, во вторую из древних столиц Японии — Киото.

В 782 году императорский двор принял решение перенести дворец, а следовательно, и столицу из Нары

в другое место. Официальные доводы, объяснявшие принятие такого решения, — боязнь, что жителей Нары будут мучить призраки мертвых. Однако истинные причины, вероятно, коренились в усиливавшейся мощи нарских буддийских сект и в интригах могущественных родов, близких к императорскому двору. Сначала строительство новой столицы началось в Нагаото, вблизи от нынешнего Киото. Но позднее, опять вследствие дворцовых интриг, еще не построенная столица была покинута и началось новое строительство еще дальше на северо-востоке. Новое место получило название Хэйанкё (период, который начался основанием этого города, называется Хэйан), позже город стал именоваться Мияко или Киото, что означает по-древнеяпонски — столица. И так как в начале эпохи Хэйан японский императорский двор во всем следовал китайским образцам, то новую столицу, как и Нару, построили на китайский манер — с ровными улицами, пересекающимися под прямым углом. Эти прямые улицы сохранились до наших дней.

Однако, несмотря на такое начало, эпоха Хэйан, которая длилась до конца XII века, проходила под знаком перемен и японификации всего, что в предыдущие столетия пришло в Японию из Китая и других стран. В искусстве, религии, архитектуре, письменности и языке — во всем произошли большие изменения, все преобразилось, приобретая японские черты.

И хотя Киото и Нара возникли в одну и ту же эпоху, с разницей всего лишь в несколько десятилетий, они производят разное впечатление. Нара перестала быть столицей раньше, чем она успела превратиться в действительно большой город, и поэтому здесь сохранились скромные, в хорошем смысле этого слова, черты деревенского уклада жизни. Киото был столицей больше десяти столетий и весь этот период развивался, менялся, перестраивался и расширялся. Может быть, поэтому и в наши дни пульс столичного города здесь чувствуется намного явственней, чем в музейной Наре.

Если вы приедете в Киото поездом, то вас сразу проглотят городские улицы и вокзал, так же как это происходит в Осаке, Хиросиме, Фукуоке, Нагое — короче, в любом большом городе, не говоря уже о самом Токио. Звонят трамваи, спешат люди, мигают рекламы,

Пагода храма Хорюдзи

и на перекрестках ожидают массы машин. «Так это и есть Киото?» — подумаете вы разочарованно, прежде чем такси подвезет вас к ближайшему историческому памятнику. Однако стоит проехать несколько кварталов современных домов, расположенных вокруг вокзала, и вы сразу окунетесь в особую, необъяснимую атмосферу древнего, с вековыми традициями города.

Совершенно другое впечатление создается при въезде в Киото по старой дороге Токайдо, которая вьется среди зеленых холмов. Вы как бы съезжаете со склона и сразу ощущаете ту атмосферу старины, которую по прибытии поездом приходится какое-то время искать. Видимо, из-за этой особенности Киото его часто сравнивают с Прагой. Они похожи своей древностью и чувством собственного достоинства. Но каждый из этих городов по-своему прекрасен. Прага тщательно оберегает целые исторические кварталы, в которых каждый

дом и даже каждый камень занимает свое место в целом архитектурном ансамбле. В Киото древние памятники как бы перемешаны с современными сооружениями. Исторических памятников, построек, храмов, святынь, дворцов, оград и садов в Киото столько, что вы всюду увидите какую-нибудь достопримечательность: полого прогнутую крышу храма, поднимающуюся вдали пагоду или древнюю улочку, на которую выходят деревянные обветшалые фасады домов. Каждый, кто захочет, может по карте города выбрать для посещения любое историческое место. Но для того чтобы осмотреть все, не хватит дня. Если вы решите лишь взглянуть на все памятные места, галопом пробежать по всем дворцам, храмам, святыням и паркам, вам придется носиться по городу и его окрестностям в течение трех или четырех дней.

У вас останется много впечатлений, но самым сильным из них будет тупая головная боль и воспоминания о замерзших ногах, потому что приходится все время разуваться и надевать специальные тапочки из тонкого искусственного волокна или ходить в носках по наводненным коридорам.

Но если вы захотите насладиться памятниками культуры и искусства огромной художественной ценности, постоять в задумчивости перед непостижимыми по своей красоте и философской глубине японскими садами, если вы всюду задержитесь хоть на немного, чтобы почувствовать прелесть каждого памятника, вам придется в этом городе провести... Нет, даже нельзя сказать приблизительно, сколько вам понадобится времени. Во всяком случае, всегда окажется, что времени надо намного больше, чем у вас есть. Тот, кто хоть раз посетил Киото, обязательно снова и снова возвращается сюда.

Если вы любите настоящие японские рёканы, то вы не станете задерживаться перед прекрасным, построенным в японском стиле, но полностью модернизированным роскошным отелем «Мияко». В его номерах вы можете установить любую температуру, повернув выключатель на стене, сквозь его широкие окна открывается великолепный вид на Киото и его окрестности, стеклянные двери не нужно открывать и закрывать, ибо они открываются и закрываются сами. Однако здесь нет глав-

ного, что есть в старом, одиноком, маленьком рёкане,— того чувства уюта и покоя, которое возникает само собой и для которого присутствие нескольких сотен гостей одновременно является убийственным.

Самые красивые рёканы Киото расположены на склонах холмов Хигасиямы, по имени которых назван городской район Киото и даже целая эпоха в японской истории и культуре. Это связано с тем, что у подножия Хигасиямы сёгун Ёсимаса построил свой Серебряный павильон. По крутым склонам Хигасиямы вверх от главного проспекта ведут маленькие улочки, по которым не проедет ни одна машина. По обеим сторонам улочек тянутся деревянные заборы и скромные входы в частные дома, мастерские, маленькие гостиницы и магазины. Почерневшие и поросшие мхом бревна этих домов долго удерживают воду после давно прошедшего дождя.

Киото отличается от Праги и других старых европейских городов и тем, что здесь еще сохранилось кое-что от старой Японии. Мы имеем в виду не только старомодные, тяжелые бамбуковые зонтики, покрытые желтовато-коричневой восковой бумагой, которые во время дождя по рекламным соображениям (на них крупными знаками написано название рёкана) вам дадут напрокат в каждой гостинице. Мы не имеем в виду и красочные празднества или старые ремесла. Все это есть и в других городах. Но только в Киото до сих пор живут настоящие гейши.

Прямо под улочками Хигасиямы по другую сторону главного проспекта расположен знаменитый киотоский увеселительный квартал Гпон. Здесь есть нечто вроде школ для молодых девушек, которые или сами хотят стать гейшами, или вынуждены это делать из-за различных обстоятельств.

Девочки приходят сюда в школьном возрасте, и существует мнение, что посещение обычной школы во многом затрудняет подготовку настоящей гейши. Для того чтобы придать воспитанию «законный» характер, все ученицы становятся «дочками» владелицы заведения; это намного облегчает ее взаимоотношения с местными властями. Девушек здесь учат наукам и искусству, учат петь и танцевать, учат чайному обряду, каллиграфии, учат раскладывать цветы — короче говоря,

всему, знание чего может понадобиться девушке для того, чтобы развлечь гостей. В деле воспитания гейш немалую роль играют и буддийские храмы, но современные гейши учатся также танцевать твист и говорить по-английски, и вполне может случиться, что вы увидите, как совсем маленькая девочка, которая еще не получила титул гейши, во время чайного обряда украдкой жует жевательную резинку. В этом смысле модернизация гейш не имеет границ. Однако в остальном все остается по-старому. В тот период, когда девушки учатся, у них еще нет титула гейши. Их называют *майко*, и их легко узнать потому, что *оби* — пояс, которым подпоясывается кимоно, сзади не завязан в большой узел и его концы свисают к земле. Но уже будучи майко, эти девочки принимают участие в различных увеселительных мероприятиях, на которые «мать» одалживает их за весьма солидную сумму.

Когда майко вырастает и приобретает достаточно знаний, госпожа находит для нее «патрона». Патрон платит «матери» высокую цену и, купив таким образом молодую девушку, становится ее господином и любовником. Так майко превращается в гейшу. «Патроны» — это обычно крупные промышленники, финансовые магнаты, торговцы — короче говоря, те, кто может себе позволить иметь гейшу. Каждая гейша имеет лишь одного патрона. Она полностью зависит от патрона и от «матери» в течение значительной части своей жизни. Кроме этого, «мать», также за солидное вознаграждение, посылает гейш на различные торжества, чтобы придать им необходимый блеск. Так что гейши — это не проститутки. В редких случаях они могут приобрести большое состояние, однако, как правило, это эксплуатируемые, вечно от кого-то зависящие женщины, судьбу которых решают чужие люди.

Но раз уж мы так подробно говорим о гейшах (которые этого, может быть, и не заслуживают, ибо их роль в жизни сегодняшней Японии слишком незначительна), то мы коротко расскажем и об их внешнем виде. Если вы думаете, что гейши — это красивые девушки, как артистки в японских кинофильмах, или стройные манекенщицы в кимоно из японских журналов, то вы наверняка будете разочарованы. Те гейши, которые в этом отношении не модернизировались, до сегодняшнего дня

должны представлять собой идеал старояпонской женской красоты. Лицо такой гейши в буквальном смысле слова белоснежное из-за толстого слоя пудры, под которым почти теряются индивидуальные черты лица девушки. Губки у всех нарисованы красной краской, и им придается такая форма, которая встречается на старых японских гравюрах, причем истинная форма рта гейши во внимание не принимается. Так что лицо гейши не соответствует нашему представлению о красоте. Но что у гейши, без сомнения, красиво и привлекательно — так это подчеркнутая благодаря высокой прическе тонкая линия шеи, которая за воротом цветного кимоно переходит в узенькие плечи.

На улицах Киото вы почти никогда не встретите гейш, хотя бы потому, что они вращаются в высоких кругах и в подавляющем большинстве ездят в автомобилях своих патронов и хозяев. Однако у некоторых излюбленных мест, особенно где-нибудь перед святыней Хэйан, часто останавливаются группы богатых туристов, которых развлекает майко. Они фотографируются с ней так долго, что там всегда можно застать подобную группу. Но если вам не повезло или если вы приехали в Киото весной, то вы можете заглянуть в театр, чтобы посмотреть на танцы *Мияко одори*, в которых принимают участие гейши и майко. Больше того, вы, может быть, до начала спектакля будете приглашены на чайный обряд.

Так же как и гейши, чайный обряд — зрелище, для нас весьма необычное. Большинство иностранцев представляют себе чайный обряд — *тяною* — как нечто, совершенно не похожее на то, чем этот обряд является в действительности. Уже само название создает впечатление, что речь идет о церемонии наливания чая, вкус которого определяется особым приготовлением. Ничего подобного. Тяною — церемония, которую проводит мастер с помощниками (в Киото, в театре гейш, ими обычно бывают гейша и майко) и при которой готовится особый сорт зеленого чая, называемый *маття*.

Маття — это мелко намолотый чайный порошок, который во время обряда размешивается точными, плавными движениями в горячей воде. При выполнении обряда наряду с традиционной посудой используется бамбуковая взбивалка, похожая на кисточку для бритвы.

К самому обряду относится и употребление непроцеженной, несладкой зеленой жидкости. Гости сидят в одном ряду. Каждый из них подает соседу раз и навсегда уставовленным движением тяжелую миску — как правило, уникальное керамическое изделие — с зеленой жидкостью. Японцы, выполняя обряд, придерживаются определенных правил. Они делают маленький глоток, поворачивают миску в руке, вытирают край платочком и т. д. Иностранцы, впервые присутствующие на чайном обряде, смущаются, неуверенно берут миску в руку, делают большой глоток и останавливаются в нерешительности. Маття совсем не похожа по вкусу на чай, и, хотя считается, что это лучший сорт чая и в нем содержится много витаминов, тот, кто не привык к горьковатому вкусу японского зеленого чая, с трудом его выносит. Но, повторяем, чайный обряд — это прежде всего церемония эстетического характера, а собственно чаепитие имеет значение второстепенное.

В старые времена, когда Киото был столицей, пребывание там императорского двора и частые посещения этого города феодалными князьями привлекали туда самых искусных ремесленников, которые находили здесь большой спрос на свои изделия. Покупатели отличались высокой требовательностью и вкусом, это вынуждало киотоских ремесленников к тому, чтобы уже в те далекие времена предлагать лишь действительно первоклассные, безупречные изделия. Таким образом в Киото развилось несколько видов ремесел, которые достигли высокого совершенства и сохранились до наших дней. Число людей, приезжающих в Киото в наше время, не только не упало, но намного увеличилось. Теперь киотоские товары скупают в основном американские туристы. Однако американский валовой спрос до сих пор не смог оказать на здешние ремесла пагубного влияния, как это можно было ожидать. И хотя здесь часто потокают безвкусице американцев, стремящихся скупить товары с псевдовосточными орнаментами, богато инкрустированные перламутром коробочки и кричащей расцветки кимоно, которые ни один японец или японка никогда бы не надел, тем не менее в Киото производится и множество традиционных высококачественных изделий. Это главным образом предметы, покрытые черным, золотистым, серебристым или темно-красным

очень блестящим лаком, фарфор, керамика, шелк, ювелирные изделия. В Киото вы можете не только купить все эти предметы, но и познакомиться с тем, как они изготавливаются. Большинство мастерских и цехов переняло современный способ рекламы и продажи своих товаров: хозяева открывают каждому широкий доступ туда, где идет само производство, и в складские помещения, подчеркивая при этом, что вы можете ничего не покупать и что такое посещение вас ни к чему не обязывает. Но каждый владелец предприятия уверен, что никто не сможет устоять перед искушением что-нибудь купить, и всегда покупок здесь будет сделано больше, чем в обычном магазине. В мастерских вы увидите стариков, сидящих, скрестив ноги, на деревянном полу уже больше полувека и терпеливо маленькой кисточкой наносящих лак на небольшую шкатулку. После того как лак высыхает, поверхность шлифуют темным порошком, потом снова накладывают слой лака и снова шлифуют. Эта операция повторяется снова и снова, и ровный слой лака становится все толще. Вы можете увидеть, как на ручных станках изготавливается тяжелая шелковая парча, как разрисовывается и обжигается фарфор и невзрачная заготовка после длительного и кропотливого процесса превращается в прекрасную вазу.

Киотоские мастерские, изготавливающие художественные изделия, хотя и являются современно оборудованными предприятиями, остаются все же историческими памятниками бывшей столицы.

Логически самой древней постройкой Киото должен был бы быть императорский дворец. Ведь его построил император Камму еще в 794 году. Однако в действительности от этого дворца не осталось даже пепла. Он столько раз горел, что, вероятно, неизвестно даже точное количество пожаров. После пожара в 1788 году он был построен, как утверждают, по первоначальному архитектурному проекту на новом, более удобном месте. Но потом он снова сгорел в 1854 году и снова был отстроен через год. Дворец расположен в большом саду. Он окружен длинной белой крытой стеной, разделенной на равные квадраты коричневыми вертикальными бревнами. Ворота дворца распахиваются лишь дважды в год на несколько дней. Дворец состоит из пустых просторных залов, покрытых желтыми рогожами и соеди-

ненных коридорами и галереями. В коридорах рогож нет. На переходах бросаются в глаза почерневшие массивные голые доски, положенные таким образом, чтобы при самом осторожном шаге они издавали своеобразный тонкий звук. Эти доски так и называются *наруита* — звучащие доски. Еще в прошлом столетии они использовались во дворцах и замках, во всех ключевых точках, где могли оказаться убийцы, преступники, восставшие или другие частые, но незваные гости. Обитатели замков и дворцов должны были иметь крепкие нервы, так как им приходилось выдерживать постоянный писк досок. А у стражников должен был быть чуткий сон, чтобы слышать этот тихий звук. Правда, японцы утверждают, что ночью каждый шаг по *наруита* слышен в десять раз сильнее.

Киотоский императорский дворец до сих пор является собственностью императорской семьи и одной из резиденций императора. За дворцом следят специальные слуги, и, хотя он уже давно стал музейной реликвией, его в течение долгого времени считали (а старые жители Киото считают, быть может, и до сих пор) настоящей императорской резиденцией, в которую император когда-нибудь вернется и сделает Киото снова настоящей столицей Японии. И несмотря на то что вероятность этого чрезвычайно мала, голоса о перемещении императорского двора из Токио раздаются не только среди старых патриотов Киото. Время от времени в Токио поднимается вопрос о том, чтобы столица была снова перенесена и где-нибудь у подножия Фудзиямы был построен новый город, основанный на ультрасовременных урбанистических принципах.

Причина — растущая перенаселенность Токио. А Токийский дворец — этот огромный, недоступный для общественности комплекс зданий и садов — все больше мешает движению транспорта, потому что он не дает возможности реконструировать коммуникации в центре города. Те, кто поддерживает предложение о перенесении из Токио императорского дворца, не забывают напомнить, что это здание вовсе не предназначалось для императора. Оно было построено как обычное военное укрепление сёгуна, с архитектурной точки зрения не представляет никакой ценности, и если его снести, то это не будет большой потерей.

«Необходимо подумать о том, не лучше ли было бы в связи с нынешним транспортным кризисом в Токио перенести императорскую резиденцию обратно в Киото и освободить место, которое занимает в настоящее время дворец, для общественных нужд», — так осторожно высказываются некоторые столичные архитекторы в прессе. Однако редакции газет получают в ответ массу писем, почти все авторы которых утверждают, что хоть и неприступный, но все же зеленый оазис за оградой императорского дворца лучше, чем новый клубок улиц, домов, автобусов и рекламных плакатов, которыми в Токио рано или поздно заполняется каждое место, предназначенное «для общественных нужд».

О перенесении столицы обратно в Киото не говорит никто. И поэтому почти наверняка можно сказать, что Киото в будущем останется лишь столицей по названию, а старый императорский дворец будет пустовать.

Второй киотоский дворец, больший по размеру и намного более красивый, — замок Нидзо.

Когда три исторических деятеля Японии — Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу, — последовательно продолжая дело друг друга в конце XVI и в начале XVII века, закончили работу по объединению страны, последний из них — основатель династии сёгунов из рода Токугава — построил в Киото замок, резиденцию сёгунов во время их посещения столицы. Так возник замок Нидзо, который стал так же соперничать с императорским дворцом, как соперничал с императором сам сёгун.

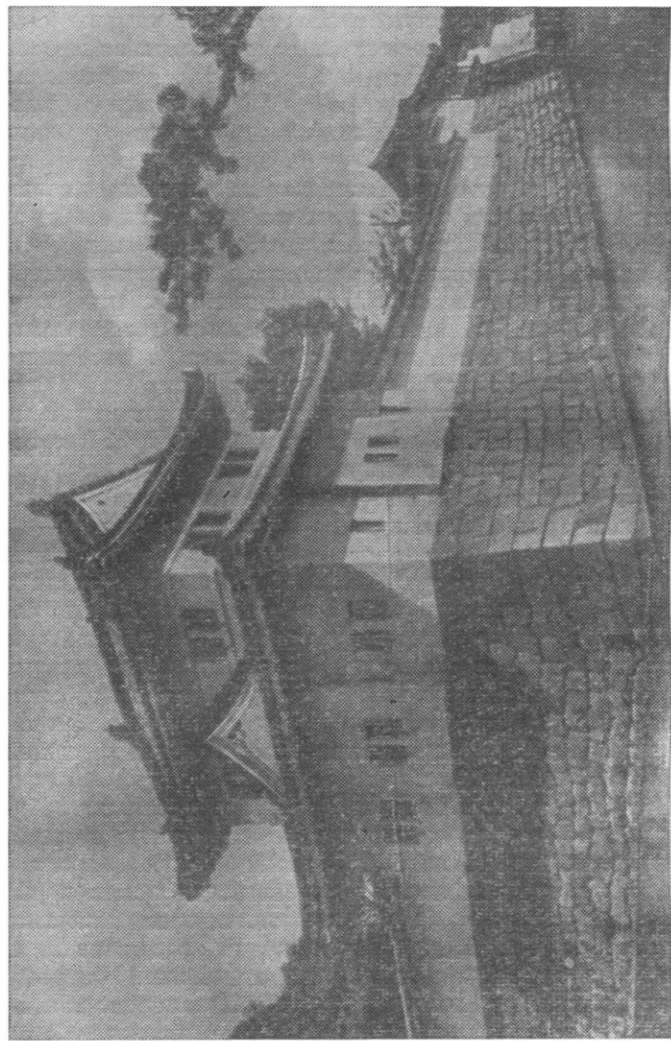
В замке Нидзо тоже вспыхивали пожары, но пламя пощадило его. Быть может, это произошло благодаря широкому, наполненному водой рвам, может быть — благодаря могучим крепостным валам со сторожевыми башнями, но скорее всего потому, что большую часть времени здесь никто не жил. Сёгуны приезжали в Киото очень редко.

После возрождения могущества императора в 1868 году замок Нидзо на короткое время стал правительственной резиденцией и по иронии судьбы именно здесь император подписал указ о ликвидации сёгуната. Когда после этого государственный аппарат переме-

стился в Токио, в замке расположилось местное управление префектуры. Мы с уважением относимся к местным органам власти, но не можем умолчать о том, что росписям и всему внутреннему убранству дворца был нанесен такой урон, какой мог нанести лишь пожар. Это нетрудно представить себе тому, кто знаком с японскими учреждениями. В них много пыли, чернильных и клеевых пятен и масса своеобразных керамических противней с раскаленными углями, на которых все время кипят большие чайники. В наши дни в замке все реставрировано, восстановлена первоначальная отделка, при этом были использованы те же материалы, какими пользовались в прошлом, — не бетон и железо, а дерево, медь, бумага и золото. Замок представляет собой низкое длинное деревянное строение с пологой изогнутой крышей и позолоченными орнаментами на треугольном щите, висящем над главным входом. Каждое помещение замка служило определенной цели и, согласно этому, было убрано с большей или меньшей роскошью.

Весь дворец отделан в классическом японском стиле: пол устлан побелевшими татами, каждая комната имеет лишь три стены, четвертой, которая должна отделять помещение от коридора, нет. Капитальная стена лишь одна, остальные не достигают потолка. Точнее, это не стена, а легкие раздвижные двери. Расстояние между потолком и верхним косяком двери украшено богатыми резными орнаментами с павлинами, разными животными и растениями.

Многие стены и раздвижные двери комнат покрыты настоящим золотом, его назойливый блеск смягчен временем и беловатыми сумерками, в которые превращает дневной свет белая японская бумага. Эта бумага натянута на деревянные рамы раздвижных стен, составляющих одну длинную стену коридора и одновременно внешнюю стену дворца. В жаркие летние дни можно сдвинуть или вообще убрать эту ширму, и закрытое помещение превратится в легкую роскошную беседку с видом на окружающую природу. Стены комнат расписаны широкими мазками старых японских мастеров. Вот от ветра гнутся тонкие бамбуковые стебли и изящные камышовые листья, а вот здесь над золотым морем склонилась очень старая узловатая сосна, упругие ветки которой покрыты зелеными подушками иголок. Живо-

Киото. Замок Нидзо

писец передал воздушную красоту цветов сакуры, еще дальше — упругое движение тигра, гордый взгляд орла и зимний ландшафт. Все это дополняет мастерская резьба по дереву и чеканка по металлу, которые украшают перекрытия балок. Квадраты потолков отделаны цветными орнаментами.

Даже на японцев комнаты дворца производили впечатление пустоты, и поэтому его главные залы были заполнены восковыми фигурами самураев, миштров, сановников и прекрасных горничных. Многие нынешние посетители вздрагивают от неожиданности при виде неподвижной наряженной в традиционные праздничные кимоно толпы, которая низко склонилась перед милостиво улыбающимся военным диктатором. Сам сёгун сидит на возвышении, поднимающемся сантиметров на двадцать над полом. С левой стороны находятся две золоченые раздвижные двери, скрытые в стене.

— За этими дверьми, — бормочет проводник голосом, характерным для гидов во всех замках мира, — во время пребывания во дворце сёгуна постоянно находилось не меньше десятка человек его личной охраны, которые были готовы в любой момент броситься на защиту своего хозяина, если бы, несмотря на тщательную проверку, среди посетителей оказался какой-нибудь злоумышленник... А теперь, прошу вас, продолжим осмотр. Мы сейчас пройдем в интимную часть замка, где помещалась спальня сёгуна и прилежавшие к ней комнаты его горничных.

По дороге гид неожиданно отодвигает большую бу-мажную стену — и коридор как по мановению волшебной палочки распаивается. Зрители в восхищении замирают перед одним из прекраснейших японских садов. Небольшое озеро с крупными одиночными камнями, невысокий водопад, деревья, искусно высаженные в траве, миниатюрные холмы, горы и долины. Каждому хочется спрыгнуть вниз с деревянной галереи, возвышающейся над садом примерно на метр, на которой он внезапно очутился, и пройти по изящным дорожкам, подставить руку под струю водопада и постоять на широкой каменной площадке над озером. Но вашему желанию не суждено осуществиться, потому что на ногах у вас домашние туфли, подошвы которых должны остаться чистыми.

Не остается ничего иного, как вновь все окинуть взглядом, проверить диафрагму, выдержку, экспозицию и щелкать спуском фотоаппарата до тех пор, пока не кончится пленка. Гид обычно дожидается, когда половина туристов истратит свои запасы фотопленки, и затем только предупреждает своих подопечных, что здесь фотографировать строго запрещено. Мы были в замке Нидзо несколько раз, и каждый раз повторялось одно и то же. В этом есть что-то пикантное для туристов, которые в добавление к великолепным впечатлениям испытывают еще и чувство содеянного греха.

Однажды во время прогулки по рвам, валам и садам замка Нидзо мы встретили самурая. Он выглядел так, как будто только что вышел из приемного зала сёгуна. На нем было кимоно с большим родовым знаком на спине, за поясом — длинный и узкий меч — в общем, он был одет по всем правилам. Его череп был гладко выбрит, и оставлена лишь искусно сложенная косичка навощенных волос посередине. За ним ковылял его слуга в характерных подвернутых брюках с длинной палкой и деревянным ящиком через плечо.

У нас, видимо, был такой изумленный вид, что самурай, не говоря ни слова, аристократическим жестом сунул руку за пазуху и с важным видом протянул каждому из наших ребят по конфетке. Но и после этого нам казалось, что мы все это видим в кино.

В нескольких десятках метров действительно снималась новая кинокартина.

Толпа зевак издала наблюдала за тем, как старомодные японские рыцари меряются силами, корча при этом страшные гримасы. Свет, отраженный от щитов, затянутых станиолем, поблескивал на лезвиях мечей, а прекрасные дамы в кимоно, которые еще несколько минут назад шушукались на дорожке с одним из статистов, следили за рыцарским турниром с таким ужасом, что режиссер их предупредил, чтобы они не переигрывали.

Это был еще один самурайский фильм.

Их производство в Японии почти автоматизировано. Эти картины полны добрых и храбрых феодалов и их верных слуг, злых и скупых феодалов и их плохих подданных, прекрасных женщин, шпионов, бандитов, предателей и других отбросов общества. Если снимается детская кинокартина, то практически ничего не ме-

няется. Лишь добавляется один персонаж — самый маленький, но самый умный и самый храбрый мальчик в возрасте первоклассника, который в финале сам или с помощью нескольких взрослых побеждает целую неприятельскую армию. Артисты в таких фильмах делают все, что от них требует сценарий и что сумеет подготовить трюкач. Они прыгают с земли на крышу, исчезают из кадра во время удара молнии и столь же эффектно появляются вновь, ползают по стенам и потолкам, как мухи, а в случае необходимости уносятся по воздуху со сверхзвуковой скоростью. Во всем этом столько наивности и все это так похоже на приключения американских суперменов, что поражаешься, как весь этот вздор попадает в так называемые исторические картины. Многое, естественно, взято из американских боевиков, комиксов и телепрограмм. И все же частица истины в подобных рассказах о самураях есть.

Где то старое золотое время, когда еще существовало *ниндзюцу!*

И хотя могущество императоров в эпоху токугавских сёгунов было подорвано, Киото все же был столицей государства и сюда время от времени должны были приезжать крупные феодалы, их вассалы и другие вельможи из отдаленных провинций. Для них в Киото были устроены специальные гостиницы, называемые дзинья. Одна из гостиниц сохранилась до наших дней. И так как она расположена вблизи замка Нидзо, то называется «*Нидзо дзинья*». Знакомство с этим временным жилищем феодалов дает наглядное представление о сюрпризах, ожидавших сильных мира того в их отнюдь не отличавшихся скукой поездках по старой Японии.

Нельзя забывать, что каждое, более или менее длительное путешествие предпринималось в то время лишь при наличии сильной вооруженной охраны. Поэтому путешествие каждого даймё, как назывались феодальные господа, представляло собой небольшую военную экспедицию. На них покушались банды разбойников, бродящие по горам и ущельям, да и другие феодалы часто не отказывались поживиться за счет своего собрата. Разведка и шпионаж в то время были так развиты и принимали такие совершенные формы, что превратились в настоящее искусство, называемое ниндзюцу. Легенды утверждают, что шпионы в те времена могли пройти

невидимыми среди врагов и совершали многие другие чудеса. На самом деле в основе ниндзюцу лежала физическая тренировка, благодаря которой достигались такие результаты, которых обычный человек, не прошедший тренировки и не знакомый со многими хитростями, конечно, не мог достичь; он даже не мог предположить, что это вообще возможно. Прошедший подготовку ниндзюцу легко мог стать «невидимым», если он скрывался в каком-нибудь тайнике, о котором его жертва не имела никакого представления, или если он в течение длительного времени удерживался в самом немыслимом положении и в таком месте, откуда другой человек давно бы свалился. И почему бы не поверить, что древние чемпионы ниндзюцу с помощью различных крючков, подпорок и других хитростей могли совершить то, что казалось невозможным? Они ползали по гладким крепостным стенам, удерживались, как прилипшие мухи, на потолке или скрывались в двойной стене, чтобы подслушать важный разговор. В нужный момент они прыгали в комнату, чтобы уничтожить пораженного противника, или забирали документы и бесшумно исчезали. В наши дни есть фанатики, которые пытаются освоить технику ниндзюцу.

Вельможам, собравшимся в путь, часто приходилось пелладко. «Нидзо дзинья» является характерным примером того, что их ожидало. О чем только не позаботились строители при возведении этой гостиницы! Высокопоставленные гости должны были чувствовать себя в ее стенах как дома, и чувство собственной безопасности должно было притупить их бдительность и развязать язык, чтобы за ними легче было шпионить. Доски в коридоре — это звучащие наруита, так что никто не мог войти в дом незамеченным. Опасения, что вспыхнет пожар, должны были рассеяться при виде рвов с водой, окружающих все здание. Вода в рвы напускалась из водоема, расположенного в саду. Из гостиницы даже вел небольшой подземный коридор, дающий возможность скрыться в случае нападения. Признаком того, что никто из обслуживающего персонала не подслушивает разговоры, была непривычная высота потолков в главном зале, этой же цели служили раздвижные двери, хорошо изолирующие звук, и хитроумные замки, которые невозможно было открыть снаружи.

Однако в гостинице были и другие сюрпризы, о чем гости не имели ни малейшего представления. Потайная лестница открывалась опусканием люка в коридоре и вела к скрытому этажу, в конце которого, прямо над главным залом, была размещена своеобразная акустическая кабинка, где именно благодаря высокому потолку главного зала был ясно слышен каждый шорох и каждое слово, сказанное шепотом внизу. Рядом с кабиной могли поместиться не меньше 20 вооруженных человек, которые каждую секунду готовы были спрыгнуть прямо на голову почетного гостя. А если бы какой-нибудь из даймё вдруг повел себя так неразумно, что начал бы преследовать шпионов, то ему пришлось бы бежать за ними по темному коридору, который в самом узком месте неожиданно круто сворачивал перед ямой глубиной в четыре метра. Лишь тот, кто хорошо знал этот коридор, мог в темноте отпрыгнуть в нужный момент в сторону и затем спокойно наблюдать, как его преследователи ломают руки и ноги в этой яме.

Ни один город Японии не может похвалиться таким обилием буддийских храмов, как Киото. Чаще всего это огромные деревянные строения с массивными столбами и широкими изогнутыми крышами. Перед храмом большой участок земли обычно посыпан белым песком, но его постоянно пачкают стаи голубей. Тут же рядом здание монастыря, административные и жилые помещения. А так как весь комплекс зданий огражден высокой стеной и храм не возвышается над окружающими строениями, то нельзя сказать, что силуэты храмов доминируют над Киото, как в нашей столбчатой Праге.

Из этого правила, однако, тоже есть исключения, и одним из них является храм Кийёмидзу. Он расположен на окраине города, на краю крутого покрытого лесом холма, и часть его висит в воздухе, поддерживаемая огромными массивными бревнами. Отсюда тянутся высокие лесистые холмы, которые окружают весь город зеленой подковой, а по утрам, прикрытые пеленой синеватого тумана, создают для города фон, как на картинах, написанных тушью. С Кийёмидзу открывается великолепный вид на Киото и на противоположный склон холма, под которым в глубоком заросшем овраге журчат

четыре тонкие струи искусственного ритуального водопада. Над оврагом, окраска которого меняется соответственно временам года, на фоне голубого неба вверх устремились острые стрелы крыш легкой пагоды.

В киотских храмах также хранятся богатейшие коллекции древнего искусства, в особенности произведения скульптуры и живописи. В этом отношении наиболее известен храм Западный Хонгандзи, который сам по себе является ценным памятником древней буддийской архитектуры.

Стоит упомянуть также о Сандзюсангэндзо — длинном и узком строении, странное название которого пошло от 33 (по-японски — *сандзю сан*) промежутков между деревянными столбами, поддерживающими строение. Внутреннее помещение представляет собой длинный зал, в котором имеется ступенчатое возвышение. В центре возвышения находится огромная тысячерукая статуя богини Каннон с 28 служанками, и — о ужас! — по обеим сторонам от нее стоит еще 1000 статуй богини Каннон. 500 из них — по левой стороне, 500 — по правой. Они похожи друг на друга как две капли воды, две руки у них скрещены на груди, а остальные протянуты во все стороны, напоминая веер. Тысяча золотых статуй высотой почти в рост человека стоит на ступенях возвышения, и их ровные ряды теряются в глубине зала. Это напоминает военный парад божеств. С точки зрения художественного исполнения намного более интересными, чем это преподнесение буддизма с позиции силы, являются древние скульптуры демонов, выполненные в дереве или бронзе. Их приносили в Сандзюсангэндзо из разных мест, и сейчас они занимают скромное положение позади многоруких шеренг.

Другой древний киотский памятник — знаменитый Золотой павильон — Кинкакудзи. Он был построен или, точнее говоря, полностью перестроен по приказу сёгуна Ёсимицу в 1397 году. Павильон окружен великолепным садом с большим озером, в воде которого отражаются золотые стены двухэтажного величественного дворца. Это захватывающее, непривычное зрелище, но что-то в этом павильоне вас все время слегка раздражает. Дре-

веса отдельных частей храма слишком свежая, краска, которой покрыты срезы балок, чересчур белая, а золото, которым украшены стены, так сверкает, что его блеск привел бы в изумление любого стража золотогоклада.

До июля 1950 года на этом месте стоял настоящий Золотой павильон, тот, который построил Ёсимицу и который по желанию отца реставрировал его сын и наследник Ёсимоти, превратив в буддийский храм. Золото со стен храма постепенно сходило, так что к 1950 году в облезлом виде храма не было ничего величественного. И тем не менее храм по праву был окружен всеобщим поклонением, которое вызывают в людях вещи не золотые, а редкостные. Храм стал составной частью сада, с которым за эти столетия как бы сросся, и ему была оказана величайшая честь, которой может быть удостоен исторический памятник в Японии: он был включен в список «национальных сокровищ». В июле 1950 года храм сгорел дотла. Пожар не был вызван несчастным случаем — храм поджег молодой буддийский монах, не удовлетворенный своей карьерой, разочарованный системой протекций, которая до сегодняшнего дня способствует продвижению по буддийской иерархической лестнице потомков известных японских родов и богатых семей. Об этом он написал в записке перед тем, как совершить самоубийство. Кинкакудзи был снова построен, и поэтому он выглядит таким новеньким и блестящим.

В 1479 году сёгун Ёсимаса построил на противоположном конце Киото Серебряный павильон — Гинкакудзи. Строение осталось нетронутым, хотя и было частично изменено во время реставрационных работ. Этот отлично сохранившийся памятник свидетельствует о расцвете культуры и искусства того времени.

При посещении Серебряного павильона вам не бросится в глаза пышность или архитектурная нарядность, как при осмотре его золотого предшественника. Собственно, Серебряный павильон вы сначала даже не заметите, так как ваше внимание будет приковано к великолепному саду — самому красивому в Киото. Творцом этого сада считается Соами — один из талантливейших садовых архитекторов японского средневековья, на которого оказало большое влияние аскетическое учение

секты Дзэн. Его творения отличаются простотой и вместе с тем высоким совершенством, когда продумана каждая мельчайшая деталь. Учение секты Дзэн сильно повлияло на японскую культуру, искусство и общественные отношения, и следы его можно обнаружить и в наши дни. Оно отличается от других разновидностей буддизма тем, что отвергает механическое бормотание сутр, бесконечное повторение имени Будды. Оно отвергает все виды роскоши и излишеств, предпочитая спокойствие, размышление и самоанализ. Последователи этого учения утверждают, что истина значительнее слов и что ее нельзя выразить словами. Истину может постичь каждый. Она дремлет как внутренний свет в каждом человеке, и нужно лишь отвлечься от суетности этого мира и стать на путь «познания». Именно здесь истоки столь характерного для японского искусства культа простоты и спокойствия, элементы которого ярко проявились в Серебряном павильоне и во всем, что его окружает. Куда бы вы ни взглянули с любого места сада, раскинувшегося вокруг Гинкакудзи, вам откроется единственный в своем роде и полный философского значения вид. Это относится и к традиционному небольшому озеру с темной водой глубокого омута, над спокойной поверхностью которого возвышаются большие старые камни. Их долго и тщательно отбирали, и они даже получили свои названия.

Лишь когда вы обойдете половину сада и остановитесь у озера, вы увидите на другом берегу потемневшее от времени строение с белыми квадратами и прямоугольниками у подножия стены и такими же белыми овальными окнами на втором этаже. Если бы не эти окна, Гинкакудзи был бы, скорее, обычной пагодой с высоко поднятой крышей и своеобразным воротником галереи, которая опоясывает все здание между первым и вторым этажами. Серебряный павильон никогда не мог похвалиться ничем, кроме своей возвышенной простоты. Однако для сохранения иллюзии в течение столетий этот храм называется Гинкакудзи, хотя на самом деле *гин*, или серебро, никогда не покрывало его стен. Сёгун Ёсимаса, задумавший покрыть павильон серебром, умер слишком рано, не успев выполнить своего намерения. Продолжать его дело никто не стал, и павильон так и остался серебряным лишь по названию.

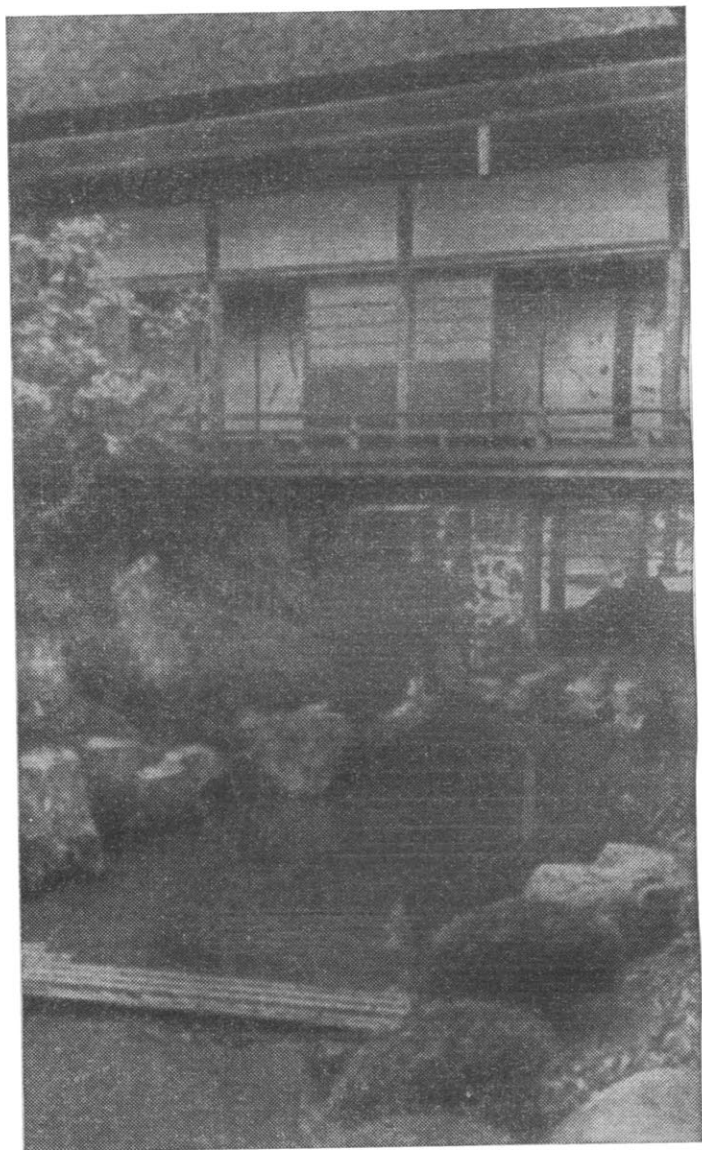

Когда мы говорим о садах, созданных согласно принципам учения Дзэн, мы не можем обойти молчанием еще одно творение великого Соами — каменный сад храма Рёандзи. Входят в этот сад необычным путем — через дом, а это значит, что на ногах у вас должны быть домашние туфли. Налево от входа вдоль дома ведет деревянная галерея, у основания которой насыпан песок, разровненный граблями таким образом, что на нем остались длинные параллельные линии. Нигде не растет ни одной травинки. Лишь камни, большие и маленькие, горбатые, плоские, острые, возвышаются архипелагами или едва виднеются в этом песчаном море. Единственная зелень — это лишайники и мхи, покрывающие камни. Песок здесь действительно олицетворяет море. Граблями изображены волны, а камни, вокруг которых волны образуют изящные эллипсы и кривые, имитируют скалы.

Каменный сад и похожие на него каменные клумбы у храмов и богатых вилл — это результат последовательного воплощения принципов символичности и неизменности японских садов.

Для японцев сад не является местом, в котором растут цветы, кустарники и деревья, образующие аллеи или стриженные таким образом, что им приданы искусственные геометрические формы. Ничто не может быть более чуждо классическому японскому вкусу, чем, например, цветочные клумбы наших парков, французские сады со скульптурами или итальянские парки с каскадами льющейся воды. И хотя европейские сады по своему красивы и они начинают сейчас прививаться кое-где и в Японии, тем не менее они несовместимы с японской традицией.

Все волшебство японского садового искусства с давних времен заключается в том, чтобы на небольшом пространстве создать самую полную иллюзию природных ландшафтов, гармоничность которых отвлечет мысли от суеты будничной жизни, будет способствовать умиротворению духа или настроит на сентиментальный лад. Для достижения этой цели японские архитекторы пользуются утонченными средствами и столетним опытом. В то время как наши садоводы стремятся выставить на показ результаты воздействия человеческих рук на природу, весь смысл японского искусства — сделать это

Япоцкий домик с садом

воздействие незаметным, чтобы казалось, что сад является творением самой природы. Из-за ограниченности пространства очень большую роль при этом играет символика, основанная на подсознательных ощущениях каждого человека, оказавшегося среди природы. Японский архитектор, создающий сады, заимствует, например, из картины реки лишь самое основное, он изобразит реку галькой, камнями и осколками скал так, чтобы каждый при виде этого иссохшего куска земли услышал шум воды и почувствовал ее прохладу. То же самое относится к деревьям, озерам, кустарникам, скалам и целым ландшафтам. У японского сада не должно быть ни конца, ни начала, с разных точек должны открываться различные виды, но каждый должен создавать законченное эстетическое впечатление и вызывать представление о чем-то постоянном и неизменном. И в этом основная причина того, почему в японских садах так много камня и так мало цветов. Цветы — создания очень изменчивые, ими трудно овладеть, они быстро меняют свой вид и, после того как отцветут, становятся некрасивыми.

Все эти принципы наиболее широко и полно воплощены, наверное, во всемирно известном саду виллы Кацура вблизи Киото. Сама вилла представляет собой, пожалуй, самый совершенный памятник национальной японской архитектуры XVII века. Каждая деталь здесь тщательно продумана, нет ни одного повтора, все естественно и просто. И вилла и сад таят бесчисленное множество сюрпризов и эффектных неожиданностей. Так, например, когда раздвигается стена комнаты, то перед тем, кто сидит в помещении, открывается картина сада, похожая на кадр цветного широкоэкранный кинофильма, но намного более пластичная. Из беседки, расположенной в саду, виден глубокий заросший овраг. Когда вы подходите ближе, у вас начинает кружиться голова, хотя глубина оврага не превышает метра. Островки на небольшом озере в саду соединены каменными мостиками, в воду сбегает миниатюрные мысы из гальки и плоских камней, мох покрывает края дорог, сосны поднимаются на горизонте, а одинокие деревья или группы их украшают травянистые берега у неподвижной водной глади. И даже высохший ствол пораженного молнией дерева искусно использован для того,

чтобы усилить впечатление достоверности этого маленького замкнутого мира.

О киотских дворцах и садах можно говорить без конца. Но пора остановиться, и здесь, пожалуй, уместно сделать одно важное замечание. Япония — страна большая, а таких мест, о которых говорилось в этой главе, в ней не так уж много. И хотя они являются исключением, за рубежами Японии часто именно их считают если не стандартом, то по крайней мере чем-то таким, что неразрывно связано с повседневной жизнью японцев. Именно поэтому многие иностранцы возвращаются из Японии разочарованными. Их подвела рекламная пропаганда, распространяемая японскими и иностранными кинокартинами, журналами, проспектами и брошюрами, судя по которым каждый второй японский домик построен в стиле виллы Кацура, Золотого или Серебряного павильона или в более современном, но столь же дорогостоящем варианте. Создалось впечатление, что около каждого японского домика разбит чудесный сад и что в тех райских уголках, которые на самом деле привлекают японцев со всей страны, а позволить себе нечто подобное может лишь горстка богачей, живут все японцы.

Но это серьезная и опасная ошибка.

Среди

проливов

Когда природа создавала Японские острова, она или отпустила узду своей фантазии, или по ошибке слишком сильно нажала на тоненькую кору в их южной части. В этом месте творение природы разорвалось, образовав кружева из больших и маленьких островов, полуостровов, мысов, отрогов, вокруг которых пенятся заливы, протоки и проливы Внутреннего моря. По карте видно, что острова Хонсю, Кюсю и Сикоку были когда-то соединены и что лишь последующее опускание суши, вулканическая деятельность и тектонические смещения способствовали возникновению котловины, которую заполнило море.

Так возникло море, неглубокое, закрытое со всех сторон, с мягким климатом и, за исключением несильных течений, довольно спокойное. Это похоже больше на горную страну, которая оказалась на десяток метров ниже уровня моря. Да и называется этот водоем морем лишь официально — *Сэто найкай*. Местные жители зовут его *Сэтоути*, что в дословном переводе означает Среди проливов. Это название куда более точное.

Море Среди проливов усыпано скалами и рифами. Морское дно высовывает из воды бесчисленные перископы островов, островков и утесов. На маленьких островках растут сосны, искривленные, фантастической формы, и жесткая трава; на больших может приютиться несколько деревень с полями, дорогами и пристанью. Посередине острова обычно возвышается гора или холм, вокруг которого между деревьями ездят полуразвалившиеся автобусы.

Японцы относятся к Сэтоути немного сентиментально, но в то же время они гордятся своим морем. Это действительно их море — небольшое, свое, до самых мельчайших деталей национальное японское море.

Других таких морей нет.

Тихий океан — это интернациональный гигант, который омывает своими теплыми и холодными течениями три материка, не считая Антарктиды.

Так называемое Японское море является столь же японским, сколько советским или корейским.

Охотское море — холодное, неприветливое и, с точки зрения японцев, находится слишком далеко на севере. Береговая линия острова Хоккайдо не очень протяженна и мало заселена.

Восточно-Китайское море, омывающее южную оконечность Японии, тоже лишь краем касается этой страны.

Таким образом, остается лишь Внутреннее море — почти закрытый водоем, большая водная и островная резервация, старинная естественная дорога между Хонсю, Сикоку и Кюсю. Его воды были ареной многих исторических битв, театром, где разыгрывались события, имевшие решающее значение для судеб нации.

Как прекрасна сцена этого театра!

С высоких, самой различной формы прибрежных утесов открываются виды на необычную островную империю, по территории которой плывут белые корабли, перевозящие людей и различные грузы, рыбацкие барки и быстрые каботажные суда. Опытные лопманы могут провести здесь даже океанские гиганты. Часто это бывает необходимо, ведь вокруг Внутреннего моря сосредоточилось много крупных городов и — это особенно касается Хонсю — здесь расположены важные промышленные и торговые центры. Самые крупные и наиболее известные из них — Осака, Кобе и Хиросима, но тут же находятся и Куре, Симоносеки, Вакаяма, Такамацу и многие другие. Это одна из наиболее густонаселенных областей Японии.

Мы пересекали Сэтоути во всех направлениях и всегда заранее радовались будущей поездке. Одна из них нам особенно врезалась в память.

Близился вечер, солнце клонилось к горизонту. Огромный оранжевый шар висел над ровной линией горизонта, и сверкающая солнечная дорожка трепетно дрожала морской зыбью. Вода была спокойной, маслянистой, не грязной, но тягучей и клейкой и была пронизана оранжевым светом. Мы стояли на палубе теплохода и, облокотившись на деревянные перила, чувствовали

работу корабельной машины. Воздух был полон аромата, какой бывает только вечером на море, и мы внимательно следили за состязанием солнца с маленьким, неправильной формы островком, на котором росло несколько сосен. Островок выделялся на ярком фоне своими черными контурами скал и деревьев, двигаясь по горизонту по направлению к небесному шару, а мы наблюдали за ним, заключив пари — успеет ли островок закрыть большое солнце или солнце скроется раньше, не позволив ничтожному осколку земли закрыть себя. Это был лубок. Ни один истинный художник не стал бы писать такую картину. Безбрежное золотисто-оранжевое море, черный остров, солнце и высоко в небе, среди облаков, бледный, наполовину скрытый лик луны. Состязание продолжалось несколько минут. Победило солнце. Оно скрылось раньше, чем островок успел до него добежать.

Жители этого замкнутого живописного мира, образованного Внутренним морем, гордятся красотой своего края, но у большинства из них нет возможности наслаждаться ею. Туристы, которые посещают Сэтоути, восторженными криками приветствуют открывающиеся виды, а для местных жителей с каждым годом все труднее становится жить среди этого великолепия.

Островитянам Сэтоути нелегко даже просто сводить концы с концами. Исключением, конечно, являются лишь владельцы отелей и гостиниц и люди, связанные с туризмом. Но большинство местных жителей живут тем, что им дают земля и море. В то время как женщины и дети отвоевывают у скалистых островков буквально каждый клочок пригодной к обработке земли, мужчины берут у спокойного, дружелюбного моря все, что оно им еще может дать. Безднадежность этой борьбы на двух заранее проигранных фронтах становится все более явственной, и показательно, что именно население идиллических островов Внутреннего моря и окружающих префектур составляет высокий процент печальной армии эмигрантов, отправляющихся чаще всего в Южную Америку. Это бегство из голодного рая.

При этом на островках действительно возделана каждая пядь земли, которая может что-то родить. Земли здесь мало. Ее наверняка можно было бы использовать лучше, повисить ее плодородие, ведь сельское хозяйство

Японии в этом отношении стоит на высоком уровне. На островах неплохие условия для выращивания высокоурожайных культур. Можно было бы попытаться, например, вырастить мандарины. Но где взять здешним беднякам средства для этих экспериментов? Вдоль ручьев и родников с пресной водой, тоже здесь весьма ценной, растет картошка и ячмень, и лишь на самых крупных островах возделывается рис. Даже на крохотных ненаселенных островах, там, где не смог бы развернуться ни один трактор, можно увидеть вспаханный клочок. Это значит, что сюда ради этой ладошки земли кто-то ездит с соседнего острова. А удобрения? В основном используются естественные удобрения, однако людей здесь мало, а скота почти совсем нет. Так что для каменистой почвы естественных удобрений не хватает. Кое-где используют химические удобрения, но они слишком дороги. Поэтому по полям разбрасывают выброшенные приливом морские водоросли, которые женщины и дети тщательно собирают и моют. Но землю не обманешь. Она не дает никаких урожаев или родит только то, что сама захочет.

По всему Сэтоути рассыпаны десятки маленьких рыбацких причалов. Около каждого покачивается несколько старых лодок. Вдоль побережья сушится выпотрошенная рыба. На первый взгляд кажется, что рыбы много, но море уже давно устало и запасы его исчерпаны. Уловы год от года становятся все беднее. Кроме того, крупные промышленные предприятия, расположенные на берегах Хонсю, выпускают в синие, когда-то чистые воды Сэтоути ядовитые отбросы. Рыба гибнет, а с ней гибнут и надежды людей на лучшее будущее.

Раньше одним из источников существования были большие соляные поля, на которых под солнцем выпаривалась морская вода. Они приносили неплохой доход. Соли в море всегда достаточно. И в наши дни можно увидеть соляные поля в заливах островов и на берегах Сикоку. Одинаковые, разбитые на правильные прямоугольники участки с шеренгами коричневых стоек, поддерживающих переплетения, которые обдают морской водой. Но добычу соли тоже модернизировали настолько, что теперь нет необходимости в таком количестве рабочих, как раньше. И поэтому не удивительно,

что молодежь массами покидает родные острова, переселяясь в большие города, где пиалы глубже и в них больше риса. Можно ли удивляться и тому, что целые семьи навсегда покидают свою родину, отправляясь на чужбину? И, хотя никто не знает, какой там будет жизнь, многие думают, что хуже, чем здесь, она быть не может.

Главным городом Внутреннего моря является Осака, второй по величине город Японии, крупнейший торговый и промышленный центр страны. Осака — это лишь часть целого комплекса крупных и маленьких городов, прилепившихся друг к другу вдоль всего побережья Осацкого залива. Сакаи, Осака, Амагасаки, Нисиномия, Кобе. Весь этот длинный отрезок побережья Внутреннего моря занят крупными промышленными предприятиями, доками, верфями, портами.

И хотя в Осаке сосредоточена японская тяжелая промышленность, этот город нельзя назвать некрасивым. Центр изрезан каналами так, что он практически лежит на архипелаге искусственных островов, соединенных короткими каменными и бетонными мостами. Вероятно, по этой причине туристские проспекты называют Осаку японской Венецией. Но в наши дни это сравнение уже неправомерно, оно — лишь дань прошлому. С тех пор как на улицах Осаки резко увеличилось движение транспорта, каналы стали ненужными. Лишь изредка их грязную воду вспорот округлый нос буксира. А если говорить об общем виде города, то Осака совсем не похожа на Венецию. Венеция создает впечатление стройности, легкости, впечатление радостной и беззаботной жизни. В Венеции много солнца, чистый воздух, отовсюду на вас смотрят исторические дворцы и гондолы. Каналы Осаки расположены на несколько метров ниже уровня улиц, их русла были заранее намечены. Вид центра города отдает мещанским благополучием, хвастливо выставлены напоказ здания банков, на всем отпечаток большого бизнеса. Это город чистый и упорядоченный, но неинтересный и скучный.

У Осаки намного меньше национальных японских черт, чем у любого другого города страны, в том числе и Токио. Асфальтированные улицы с коробками боль-

ших отелей, между которыми стоят старые железобетонные здания с вывесками торговых обществ и учреждений, названиями крупных газет и радио- и телевизионных компаний, окаймлены слишком широкими для японских городов тротуарами. По мостам движутся колонны автомашин. А на поверхности каналов далеко за полночь отражаются неоновые огни роскошных баров, рекламы ресторанов, ночных заведений и кафе. Но у торговой Осаки есть и свои давнишние культурные традиции, свои театры, которые прославили ее в старое время и слава которых не померкла и поныне, свой образ жизни в Дотомбори, Сэннитимаэ, Синсэкай, Намба, Ёцубаси и других районах. Имея в виду эти узкие улочки с магазинами, кафе и турецкими банями, вероятно, можно говорить об отдаленном сходстве Осаки с Венецией.

Жители Токио обычно упрекают жителей Осаки в том, что они слишком любят деньги, что они все измеряют *соробаном* — карманными деревянными счетами, без которых в Японии не может обойтись ни один торговец. Однако нам не пришлось столкнуться ни с одним случаем, который бы подтвердил этот упрек. Все, с кем мы познакомились в Осаке, были добрыми, бескорыстными людьми, и, как мы могли заметить, ни один из них соробана не носил. А если бы у кого-нибудь соробан и оказался, то что из этого? Ведь в Токио без него тоже не обходятся, так как банковский клерк в Японии без соробана не сможет перемножить и двух цифр. Это вовсе не означает, что японцы в математике отстают от нас. Они могут произвести на соробане все арифметические действия с огромными числами, для чего пришлось бы исписать целый лист. Времени у них это займет меньше, и ошибок они сделают тоже меньше. Со времен эпохи Хидэёси — вторая половина XVI века — Осака стала торговым центром страны, и осакские фирмы до сих пор пользуются в торговом мире заслуженным уважением. За исключением тех лет, когда в Осаке находилась резиденция Хидэёси, этот город никогда не был столицей, и тем не менее осакские торговцы всегда оказывали своей финансовой мощью большое влияние на феодальные власти.

Хидэёси, один из трех знаменитых полководцев, которые вывели Японию из длительного периода граждан-

ских войн и создали сильную центральную власть, сделал для Осаки очень много.

Одним из памятников эпохи его правления является городской замок, новая часть которого сохранилась до наших дней. Издали замок выглядит как великолепно сохранившийся памятник, вблизи — это современная пародия на оплот давно рухнувшей феодальной мощи. Но рассказать о японских замках надо подробнее. И этот рассказ выходит за рамки повествования об Осаке.

Дворцов, городских крепостей и замков, подобных осакскому, в Японии много. Почти у каждого крупного города был свой замок, из которого жителями окружающего края правил местный даймё. Как и все другие постройки в Японии, резиденции феодальных властителей тоже были сделаны из дерева, и поэтому они разрушались во время многочисленных войн и пожаров и гибли. В наши дни муниципальные работники японских городов прилежно копаются в архивах, чтобы обнаружить какие-нибудь следы, свидетельствующие о старых крепостных постройках в их городе. Они интересуются, где стоял древний замок, когда и как он был разрушен. И, быть может, потому, что побуждают их к этому причины не столько научные, сколько меркантильные, преследующие цель увеличить поток туристов, полученные результаты не всегда являются определяющими при восстановлении замков.

В последнее время даже появилось нечто вроде новой отрасли архитектуры, которую можно назвать современной дворцовой архитектурой. Старые замки восстанавливаются, те, что были уничтожены, строятся заново, но на тех местах, где их никогда не было, их делают со старинным фасадом и современной внутренней планировкой. За прошедшие десятилетия на Японских островах появилось столько замков и крепостей, что это переходит всякие разумные границы. Когда исторические замки реконструируются по старым документам, как это произошло с уничтоженным бомбардировкой замком в Нагое, то такая реконструкция понятна и она не вызывает осуждения. Но что можно сказать, например, о замке в курортном городе Атами? Здесь никогда никакого замка не было. А новый, ради которого скопали

Осака. Замок Хидзёси.

красивый холм у моря, построен лишь для того, чтобы туристы могли купить в этом замке сувениры и пообедать в ресторане. С одного этажа на другой вас поднимает эскалатор, этажи заполнены витринами с товарами, а в подвале сделана купальня, так как в скале есть горячий источник. После нескольких подобных «спектаклей» вы становитесь неисправимым скептиком и подозреваете, что каждый японский замок — поддельный.

Еще один способ полностью уничтожить все ваши иллюзии придумали реставраторы замка в Осаке. Что касается Атами, то там сразу видно, что это хоть и дорогостоящая, но вульгарная фальшивка, и ни у кого не может быть и мысли, что он находится в историческом здании. Но в Осаке был свой замечательный кремль со 124 сторожевыми башнями, длина стен которого превышала 12 километров. Когда возводился фундамент кремля и каменные валы, то вассалы Хидзёси соревно-

вались в том, кто сможет добыть самую крупную глыбу гранита. Не зря ведь фундамент осакского кремля пережил века. К сожалению, сам кремль в 1868 году был сожжен войсками сёгуна, отступившими под натиском императорской армии. Небольшая часть кремля была реставрирована до второй мировой войны — но как! При восстановительных работах использовался только железобетон. Каждая балка, грань, подпорка, столб или плита отлиты из бетона и в большинстве случаев оштукатурены. Дерево применялось на внешних стенах и окнах, и то лишь в качестве самой необходимой декоративной отделки. Комнаты замка напоминают могилы. Но, может быть, при восстановлении главное внимание уделялось долговечности сооружения, а не внешним эффектам? Предположим, что члены комитета по реставрации осакского кремля не хотели рисковать, боясь нового пожара. Но для чего внутри замка смонтированы два лифта? Почему узкие лестницы должны быть сооружены из пластмасс? Зачем перила делать из бетона и кому нужно, чтобы первый этаж так походил на вокзал? Светящиеся указатели, подвешенные к высокому потолку, подсказывают вам дорогу — «вход», «выход», «к лифтам» и т. д. Однако венцом всего является скульптура самурая в латах, сидящего в углу зала на велосипеде. Стоит вам подойти ближе, как вы обнаружите, что и сам самурай сделан из велосипедных деталей и что его лицо представляет собой велосипедное седло. Без подобного исторического памятника Осака вполне бы обошлась. Но осакский кремль никогда уже не сгорит. К великому сожалению.

Насколько красивее изредка встречающиеся развалины настоящих замков! Например, в Янагаве. Этот город расположен на острове Кюсю, и здесь был когда-то большой замок, от которого остались лишь дамбы и система глубоких водяных рвов. Вместо прогулки по этим рвам можно покататься на лодке. Или, скажем, Кагосима, где сохранились лишь развалившиеся валы, Фукуока с большим парком вместо крепости, Кумамото и Мацуяма с хорошо реставрированными остатками деревянных строений и т. д.

Но из всего обилия крепостей и замков лишь четыре действительно сохранились с древних времен, и они входят в число тщательно оберегаемых «национальных со-

кровищ» Японии. Это замок Химэдзи, расположенный к западу от Осаки, вблизи от побережья Внутреннего моря, замок Хиконэ на берегу озера Бива, замок Мацумото в предгорье Японских Альп и замок Инуяма, возвышающийся над рекой Кисо в префектуре Айти.

Европейцу, привыкшему к архитектурному разнообразию наших замков, все эти японские исторические памятники сначала кажутся абсолютно одинаковыми. У всех фундаменты сделаны из больших каменных глыб, внешние стены украшены белыми или коричневыми породами дерева, из-за стен видны слегка изогнутые, как у пагоды, крыши, на гребне которых блестят резные золотые силуэты рыб с поднятыми вверх хвостовыми плавниками. Однако стоит осмотреть несколько японских замков, как вы начинаете различать в них мелкие, но характерные детали. По архитектурному стилю все они действительно похожи друг на друга. Но отличаются количеством строений, их расположением, планировкой, высотой стен, а также тем, построены они на высоком холме или в долине (и в этом, втором случае их окружают рвы, наполненные водой).

Но есть еще одна причина, из-за которой было бы неверным упрекать японские замки в том, что внешне они так однообразны. Большинство из них было построено за сравнительно короткий период — со второй половины XVI до начала XVII века. Это было время гражданских войн и жестокой борьбы между отдельными княжествами, когда каждый феодал и каждое поместье могли полагаться только на себя. Но когда из беспощадной междоусобицы в начале XVII века победителем вышел род Токугава, был издан указ, запрещающий строительство новых крепостей и замков, и японская крепостная архитектура потеряла возможность дальнейшего развития.

Одно слово «Хиросима», эти четыре слога названия города, лежащего на побережье Внутреннего моря, говорит больше, чем целые страницы рассуждений и описаний. Но Хиросима — это не только название города, который когда-то существовал, потом на короткое время перестал существовать, а сейчас снова лежит на берегу глубокого залива на южном побережье острова Хонсю.

Это символ страшного военного психоза, нашего времени, символ горя и смерти, но вместе с тем и символ всемирного движения за мир, борцы которого стремятся раз и навсегда покончить с подобными и еще более страшными трагедиями.

Трудно писать об этом городе и не заслонить тягостным воспоминанием современную шумную жизнь, которая вернулась сюда и с которой вы сталкиваетесь повсюду на улицах, как будто здесь никогда не было никакой трагедии. Трудно писать о веселом и по молодости немного легкомысленном образе жизни нового поколения и сохранить при этом величие памяти, как этого требует долг по отношению к 240 тысячам человеческих жертв.

Сегодняшняя Хиросима — это опять большой, шумный город, в котором о 6 августа 1945 года напоминает лишь несколько тщательно хранимых свидетельств. Здесь часто говорят о втором рождении города. Однако вновь родиться — это значит начать жить так, как это здесь уже когда-то было. Что касается Хиросимы, то это не совсем так. Все, что находится вокруг центра города, должно было быть спланировано и построено совершенно по-новому. Изменился и состав населения города. Большинство старожилы погибли, а те, кто спаслись, вскоре после взрыва, когда Хиросима была лишь опасной радиоактивной пустыней, переселились в другие места. В город приехали новые люди. Они проложили новые улицы и возвели новые здания. Так на земле Хиросимы выросло то, чего никогда не было, но что прижилось и теперь развивается. Пепел прежней жизни дал новому городу источник силы, которых у старой Хиросимы не было.

Имя этого города вызывает к тому, чтобы люди на всем земном шаре задумались над своим будущим. Увеличилось число туристов. В Хиросиме проводятся международные конференции, и сюда приезжают всемирно известные ученые, артисты, политические деятели. Все это выдвигает особые требования и к внешнему виду города. Международная роль, которую играет город, обязывает к тому, чтобы Хиросиме выделялось больше субсидий из правительственных фондов. Хиросима никогда не была бедным городом. Здесь и раньше были порт, верфи и промышленные предприятия. Одна-

ко, располагая лишь собственными средствами, этот город не мог бы так преобразиться. Не будь щедрой государственной помощи, строительство не велось бы с таким размахом, улицы никогда не были бы такими широкими, а здания — красивыми. В центре города возвышается покрытый лесом холм Хидзияма. Достаточно бросить с холма только один взгляд на город, расположенный внизу, чтобы убедиться, что Хиросима действительно строилась на пустом месте, ее земля не принадлежала никому, так как вместе с владельцами земли исчезли и все домовые и земельные книги. Серое море крыш пересекают широкие, прямые бульвары, каких не мог себе позволить ни один японский город, даже тот, что подвергся самым страшным бомбардировкам. При этом надо добавить, что планирование и строительство в Хиросиме было основано на самых современных принципах.

Осталось мало материальных свидетелей ослепительного взрыва, который принес городу столь печальную славу. Старая ратуша с выжженными пятнами в покрасневшей штукатурке, руины Дворца промышленности, которые уже давно бы исчезли, если бы они не сохранялись в качестве памятника, мутная река, к которой в тот день бежали люди, чтобы омыть и очистить свои раны, и от которой тысячи из них никогда не вернулись назад.

А живые свидетели? Они тоже есть. Живут они главным образом в предместьях Хиросимы, но их уже осталось немного. Некоторые обитают на вершине холма Хидзи в современных зданиях, похожих на ангары. Это американская больница, предоставляющая своим пациентам все, за исключением нормальной жизни, о которой мечтает каждый из них. При этом трудно избавиться от мысли, что забота о пациентах продиктована стремлением понять до сих пор мало изученную болезнь и возможностью наблюдать за воздействием радиоактивного излучения на человеческий организм, а не человеколюбием или желанием загладить свою вину.

Все посетители Хиросимы хотят взглянуть на место, куда упала атомная бомба. Такого места нет. Атомный заряд взорвался в воздухе, высоко над землей, и этот взрыв был такой силы, что его эпицентр удалось определить лишь после изучения многочисленных руин и масштабов облучения. Атомная бомба взорвалась где-то

вблизи нынешнего памятника жертвам Хиросимы. Парк мира, в центре которого стоит памятник, представляет собой продолговатый зеленый прямоугольник, где растут деревья, которые еще не успели повзрослеть. На одной из коротких сторон прямоугольника сверкает бетоном, стеклом и сталью здание музея, на противоположной стороне, за узким каналом, уже вне парка поднимается к небу поржавевший скелет старого Дворца промышленности. Простой бетонный памятник, расположенный в центре парка, похож на тоннель с пологими стенами. Это навязчивая, вызывающая определенные ассоциации, абстрактная конструкция, тяжесть и приземистость которой как бы олицетворяют характер атомной смерти. Такая трактовка замысла архитектора наверняка правильна, Хиросимский памятник ни на кого не может подействовать иначе. Однако для японцев его образ имеет намного более глубокий и символический смысл.

Чтобы понять этот смысл, нужно вернуться по крайней мере на полтора тысячелетия назад. С эстетической и художественной точки зрения наиболее ценными памятниками культуры самого раннего периода японской истории являются глиняные статуэтки *ханива*. Самые известные из них изображают человеческие фигурки. Копии этих статуэток вы можете купить в любом магазине сувениров, в каждом большом городе. Но настоящие ханива, находки которых становятся все более редкими, в подавляющем большинстве охраняются законом, и вывоз их строго запрещен. Это действительно очень ценные и редкие памятники прикладного искусства древнейшей эпохи, и не удивительно, что каждый крупный музей мира стремится приобрести хотя бы одну ханива. (Не так давно в одном токийском музее пропала ценная статуэтка с очень хорошо сохранившимися лицом и одеждой. Японская полиция в течение нескольких недель находилась в состоянии повышенной готовности, а газеты призывали к установлению чрезвычайных контрольных мер на аэродромах и в портах. К счастью, статуэтка вскоре была обнаружена у одного из перекупщиков предметов искусства). Ханива изображают не только людей, часто встречаются фигурки лошадей, реже — других животных или глиняные жилища с высокими крышами. Иногда от ханива сохраняется лишь

верхняя часть крыши, покрывающей похожие на тоннели доисторические дома. И именно ханива послужила прообразом памятника жертвам атомной бомбардировки Хиросимы.

Дело в том, что ханива — и в этом их главный и единственный первоначальный смысл — были статуэтками погребальными и закапывались в землю вокруг глиняных могил, в которых покоились императоры, феодалы и другие важные сановники первых столетий нашей эры. Быть может, они должны были отгонять злых духов, а может быть, просто украшали старые погребения, одновременно указывая место, где находится могила.

В Хиросиме стоит одна гигантская бетонная ханива на символической могиле 240 тысяч человек. Их имена записаны на длинных свитках, хранящихся в черной мраморной урне под памятником. Эта урна время от времени вскрывается для того, чтобы дополнить списки фамилиями тех, о ком до сих пор не было сведений, и тех, кто умер в хиросимской больнице или другом месте от медленной лучевой болезни.

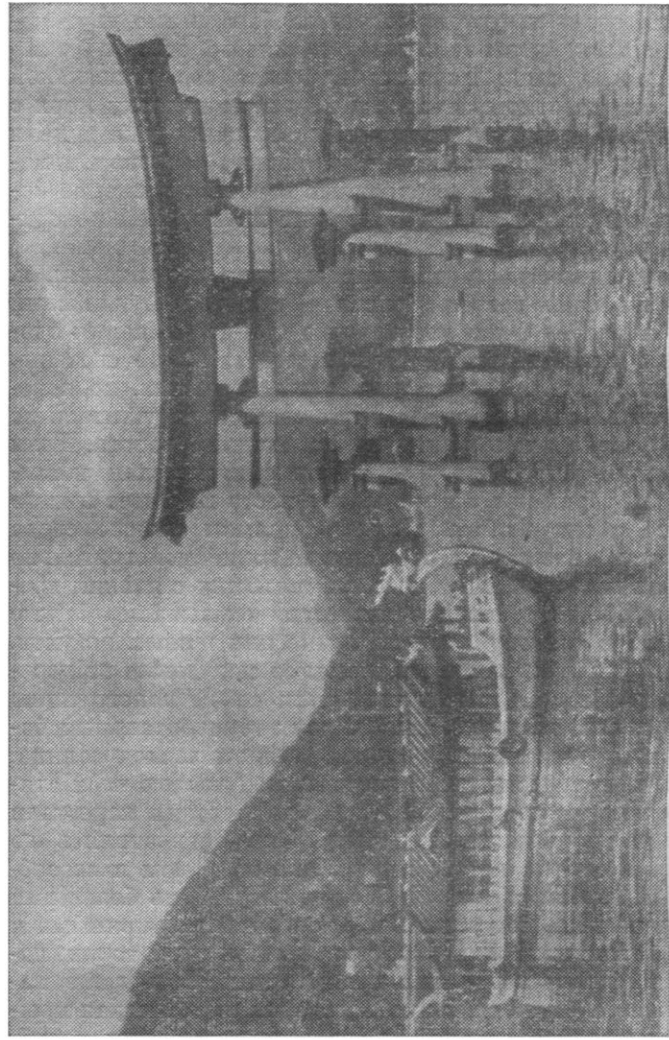
Мы уже упоминали о Хиросимском музее. Он расположен в Парке мира и наряду с музеем города Нагасаки хранит самые молодые исторические реликвии. Дамские часы без стрелок, но с навеки выжженной на циферблате минутой взрыва, окровавленные и обгоревшие лохмотья одежды, но главным образом фотографии людей, от вида которых перехватывает дыхание, а страдания их невозможно описать словами. Нет, мы не будем перечислять все экспонаты. Они известны всему миру. Мы хотели бы лишь упомянуть о выставке, размещенной у выхода из музея и рассказывающей о возможностях мирного использования атомной энергии. На этой выставке экспонируются две металлические руки, с помощью которых в лабораториях работают с радиоактивными материалами. За широким стеклом мы увидели приятное девичье лицо. Металлические руки, повинаясь движению девичьих пальцев, раскладывали на столе полосы хиросимских газет, затем захватывали японскую кисточку, окунали ее в черную тушь и выводили поперек последних сообщений, пришедших из разных концов мира, два черных каллиграфически безупречных иероглифа: Хиросима.

Недалеко от Хиросимы, у западного побережья Хиросимского залива, лежит большой гористый остров. И хотя по виду он ничем не отличается от десятка подобных островов, разбросанных по всему Сэтоутти, известен он как одно из наиболее посещаемых мест всей Японии. Это последний из трех самых красивых уголков страны: Мацусима — Аmanoхасидатэ — Миядзима.

Природная красота и исторические памятники Миядзимы (ее иногда называют Ицукусима — по имени здешней святыни) оказывают на вас после посещения Хиросимы такое же воздействие, как болеутоляющий бальзам. Этот остров с давних пор считался священным местом. Первую святыню здесь построили в VI веке. Однако нынешнюю форму ей придали в XII веке, когда Ицукусима была реконструирована богатым и влиятельным родом Тайра, представители которого особенно благоволили к этому острову. Но боги, как мы узнаем позднее, несмотря на это, оказались не слишком благосклонными к роду Тайра и допустили, чтобы этот род в скором времени был полностью уничтожен.

Миядзима долгое время оставалась незаселенной. Лишь в конце XIII века здесь разрешили селиться, но до 1868 года действовал указ, по которому на Миядзиме нельзя было возделывать землю, рожать детей и хоронить мертвых, чтобы не осквернять священную землю острова. В наши дни вокруг святыни, которая укрыта на берегу небольшого мелкого залива, под холмами расположился целый деревянный городок, очень похожий на туристические центры, возникшие вокруг Мацусимы и Аmanoхасидатэ, хотя он меньше по размеру и более спокоен, ибо расположен на острове и отрезан от остального мира. Кроме этого городка на острове есть несколько бедных рыбацких поселков и деревень. В наши дни на Миядзиме возделана каждая пядь плодородной земли, но вы по-прежнему не найдете здесь ни одной могилы. Всех усопших хоронят на противоположном берегу.

Вокруг святыни все семь дней недели царит праздничное настроение, как будто люди, живущие здесь, не знают, что такое будни. Толпы празднично одетых людей покупают в киосках подарки для своих знакомых и родственников, посылают открытки и наслаждаются свободным временем. Дорога к святыне идет по побе-

Остров Миядзима. Тории храма Ицукусима

режью, вдоль негустого соснового бора, мимо двух на-
супившихся бронзовых львов и живого совсем белого
священного коня. Дорожка приведет вас к песчаной
косе, откуда открывается вид на узкую полосу моря с
большими красными ториями, которые вы уже видели
с палубы катера, курсирующего между островом и ма-
териком. Это огромные парадные ворота, отражение ко-
торых ломаными линиями дрожит на морской поверх-
ности.

Тории имеются у каждой синтоистской святыни, и,
если вы сомневаетесь, входите ли вы в буддийский
храм или синтоистскую святыню (такие сомнения одо-
левают довольно часто, ибо существует много святынь,
которые сначала были буддийскими храмами, но пере-
страивать которые синтоистские священнослужители не
стали), надо лишь взглянуть на входные ворота. Если
при входе имеются тории, то это синтоистская святы-
ня, если торий нет, то это святое место не имеет ничего
общего с синтоизмом. Тории в прямом смысле слова
означают «насест», и прообразом торий действительно
служил насест. В синтоистских святынях с давних вре-
мен особенно большие почести оказывали богине
Солнца, в жертву которой приносили живых петухов.
Эти петухи раньше сидели рядом со святынями на дере-
вянных насестах, представлявших собой конструкцию
из двух вертикальных свай и двух горизонтальных ба-
локов, и приветствовали своим криком восход солнца.
И поэтому насесты были неотделимой частью всех свя-
тынь. Петухи со временем исчезли, и тории перестали
служить первоначальной цели. Они превратились во
входные ворота, которые являются символом и своеоб-
разным гербом синтоизма. Тории могут быть большими
и маленькими, деревянными, бронзовыми, каменными и
даже бетонными. У некоторых святынь одни тории, до-
рога к другим перекрыта несколькими. Есть даже ма-
ленькие сельские святыни, к которым ведет целая кры-
тая галерея, составленная из многочисленных торий,
построенных одна возле другой. Жертвенных петухов
почти нигде не осталось. Лишь около самых больших
знаменитых святынь в Исе по лесам и дорогам бегают
гордые, самоуверенные и даже дерзкие ручные петухи.

Тории в Миядзиме знамениты тем, что они самые
большие в Японии. Они достигают высоты 16 метров,

а две их главные опоры сделаны из гигантских стволов камфарного дерева. Каждый столб поддерживают два других столба, меньших по размеру, чтобы он устоял под напором морских волн. Во время приливов основания торий и всей святыни Ицукусима заливаются морем, во время отливов они стоят погруженные в песок, на поверхности которого блестят лужи и ручейки. Пораженные посетители как лилипуты окружают тории, определяя, сколько человек могут обхватить гигантские столбы диаметром до четырех метров.

Крыша святыни — темно-коричневая, стены — белые, сваи — красноватые. От нее к морю спускается много длинных крытых коридоров. Стоит постройка на деревянных сваях, опирающихся на каменные фундаменты, скрытые в песке морского дна. Во внутренних помещениях царит полумрак и тишина. В натертых до блеска досках пола лишь изредка отразится красно-белое облачение *мико* — молодых служительниц или белое широкое кимоно и высокий черный, словно сделанный из проволоки клобук *кануси* — жрецов святыни. Посетители входят очень осторожно. На туфли надеты соломенные тапочки, и каждый понижает голос, чтобы не нарушить торжественной тишины.

В центре Ицукусимы, напротив больших торий, над морем повисла деревянная площадка без перил с тремя бронзовыми фонарями. В середине площадки имеется возвышение. Теплыми летними ночами, когда все жители городка и гости, одетые в легкие кимоно, бродят по улочкам и берегу моря, постукивая деревянными башмаками, которые они придерживают двумя пальцами босых ног, из Ицукусимы доносится музыка. Море отражает желтоватый свет фонарей, и слышен шелест аплодисментов.

Когда мы, привлеченные этими звуками, вечером того же дня вернулись к святыне, то не могли ее узнать. Безлюдные и тихие утром коридоры, галереи и площадки были переполнены зрителями, сидящими и лежащими на татами, а то и прямо на голом полу. Туристы и местные жители, женщины с грудными детьми и старухи, подростки и школьники — все сидели, прижавшись друг к другу, а самые крайние болтали в воздухе над водой ногами. Ребята в белых майках и черных брюках от школьной формы носились между стол-

бами, задевая босыми ногами сидящих и стараясь сбросить друг друга в море. Был вечер, прилив достиг высшей точки, и под святаыней все было залито водой. У одного подростка в воду упали деревянные башмаки. Он быстро разделся и под негромкий смех окружающих прыгнул в воду. Вечерняя Ицукусима утратила свою возвышенную неприступность, стала человечнее, уютнее.

Зрители и атмосфера ночного спектакля сами по себе были интереснее, чем американизированное представление на сцене. Это было не настоящее миядзимское торжество, скорее просто развлечение для туристов. Танцы маленьких загримированных девочек, наряженных в древние одежды, чередовались с ловкими движениями искусных танцовщиц. За кулисами — красно-белым матерчатым занавесом — царил нервозность, типичная для школьных спектаклей. Но древняя архитектура и близость моря придавали этим танцам такое своеобразие, какого при других обстоятельствах достигнуть было бы невозможно.

Несколько раз в году на Миядзиме ставятся настоящие исторические танцевальные спектакли и проводятся большие торжества, во время которых танцовщицы надевают древние маски и давно исчезнувшие одежды, изготовленные по оригиналам, хранящимся в миядзимском музее. Танцы, исполняющиеся на сцене, берут свое начало в XII веке — эпохе наибольшего расцвета рода Тайра. В Миядзиме хранится собранное в течение столетий огромное количество древних памятников письменности и искусства. Картины, маски, театральные и танцевальные костюмы, музыкальные инструменты, мечи, латы, веера, лакированные изделия, керамика. Миядзимские коллекции насчитывают сотни, а может быть, и тысячи предметов, и поэтому этот город является не только популярным курортом, но и национальной культурной сокровищницей.

Миядзима и вся западная часть Внутреннего моря теснейшим образом связаны с историей рода Тайра. Этот род (называемый также Хэйкэ) вышел в середине XII века победителем в длительной и упорной борьбе со столь же могущественным родом Минамото. Тайра

присвоили имущество побежденного врага. Они заняли важнейшие государственные должности и стали самой влиятельной силой в стране. Однако род Минамото не сдался. Многочисленные представители этого рода были стойкими воинами, не изнеженными жизнью при императорском дворе в Киото, а вожди рода, братья Ёритомо и Ёсицунэ, вновь собрали войска и объявили противнику войну. В конце XII столетия Внутреннее море и его побережье стало ареной гигантской военной битвы, во время которой Минамото разбили войска ослабленного рода Тайра и погнали их с одного места в другое. В конце концов Тайра со своим флотом укрылись в проливе вблизи нынешнего города Симносеки, где находилась надежная крепость. Но Минамото продолжали их преследовать, и весной 1185 года на восток от Симносеки, у берегов острова Кюсю лицом к лицу сошлись два флота, готовые драться до последнего.

Под белым флагом Минамото сосредоточилось свыше трех тысяч кораблей, а красные флаги Тайра развевались только на тысяче. Боевой дух преследуемых могло поднять лишь присутствие в их стане семилетнего императора Антоку, в котором по материнской линии текла кровь Тайра. На кораблях Тайра кроме воинов и молодого императора были придворные дамы, жены, свита — короче говоря, все знатные представители города. Исход битвы был предрешен до ее начала. К Ёсицунэ — главнокомандующему войсками Минамото — в последний момент вместе с кораблями и воинами перешло несколько главных союзников Тайра. Предатели раскрыли планы своего бывшего союзника. Битва была кровавой и безжалостной. Воины, одетые в блестящие латы, брали корабли на абордаж и разрубленные мечами падали в волны. Море было заполнено перевернувшимися кораблями, убитыми и ранеными. Род Тайра был уничтожен. Когда стало ясно, что все кончено, женщины вместе с императором Антоку добровольно бросились в волны.

Так об этом повествует известный средневековый японский эпос «Хэйкэ моногатари», или «Сказание о роде Тайра». Прозаические романсы, из которых состоит «Хэйкэ моногатари», описывают жестокие битвы Минамото с Тайра, любовные приключения придворных дам и смелых воинов, храбрость и преданность тайр-

ских воинов, полководческое искусство мужественного Ёсицунэ и несчастную судьбу, которая ожидала его после этой великой победы. Его преследовал из ревности старший брат Ёритомо до тех пор, пока Ёсицунэ не покончил с собой. Эти романсы в средние века декламировались сказителями в сопровождении японской лютни *бива*, они и до сих пор известны в Японии так же, как у нас древние легенды. Образы воинов, участвовавших в борьбе родов, до сих пор оживают на сценах театров Кабуки и Бунраку. Эпизоды этой борьбы стали темами популярных исторических романов, детских книг, кинофильмов и телепостановок.

В связи с этим вызывает удивление, что муниципалитет Симоносеки сделал сравнительно мало шагов для популяризации славной истории этих мест. На побережье, вдали от центра города, стоит многоцветная, построенная в китайском стиле святыня, где находятся могилы малолетнего императора и нескольких предводителей рода Тайра, которые восемь столетий назад недалеко отсюда, на дне Внутреннего моря, уснули вечным сном. В киоске, расположенном у входа, продаются деревянные кокэси, похожие на придворных дам. Одна из них на руках держит маленького ребенка, слишком маленького для семи лет. Это дама, которая с императором на руках первая бросилась в море.

Остров Сикоку, закрывающий с южной стороны Внутреннее море,— самый небольшой по размеру из четырех главных японских островов. Его название в переводе означает Четыре страны. И сегодня остров разделен на четыре префектуры, которые хотя и называются иначе, чем старые феодальные провинции, однако имеют примерно те же границы. По всему острову с запада на восток тянется горный хребет, чуть выше наших Крконошей, который делит остров на две почти равные части. Северная часть острова, прилегающая к густонаселенной области Внутреннего моря, тесно связана с остальными островами, здесь расположено несколько больших городов. Двигаясь на юг, вы будете все больше удаляться от цивилизованной жизни, которая, кстати, проникла лишь на узкий отрезок северного побережья острова. За исключением этой

северной окраины, развитие Сикоку значительно отстает от темпов технического прогресса, наблюдаемого на противоположном берегу Внутреннего моря. Полагают, что когда будет построен запроектированный мост между Хонсю и Сикоку, то наше время наконец сможет добраться и до этой, до сих пор заброшенной части Японского архипелага. Но это произойдет не скоро, ведь сам мост по плану должен быть построен не раньше 70-го года.

Взгляните на карту Сикоку. На всем его южном побережье вы увидите только один большой город — Коти. Пассажирам океанских лайнеров, курсирующих на трассе Гонконг — Кобе, эта сторона Сикоку представляется не очень гостеприимной и приветливой. Высокие мертвые скалистые берега круто сбегают в море, волны которого разбиваются об утесы на мириады брызг, взлетающих высоко в небо. Даже сейчас не надо обладать слишком богатой фантазией, чтобы при виде этих скал понять чувства Кино Цураюки — придворного поэта, жившего в X веке нашей эры и считающегося автором «Тоса-никки», дневника из Тосы, в котором описывается путешествие из этих мест в столицу. В те времена это была трудная и опасная поездка, так как путешественников подстерегала не только непогода, бурное море и острые утесы, но также пираты, вотчиной которых были берега Сикоку.

Южная часть Сикоку еще четверть века назад была отрезана от остальной Японии. Лишь в начале 30-х годов здесь построили первую железную дорогу, связавшую Коти с другими городами. До тех пор сюда можно было добраться лишь морским путем или по нескольким очень скверным дорогам.

Самым известным и поэтому наиболее часто посещаемым местом на острове является город Такамацу и его окрестности. Если вы отсюда направитесь на север, то вскоре окажетесь в самой красивой части Внутреннего моря, а в юго-западном направлении железнодорожная ветка ведет до Котохиры, излюбленного места экскурсантов, ибо здесь имеется святыня, по популярности и значению уступающая только святыне в Исе.

Мы направились в Котохиру другим путем. Скорый поезд вывез нас из сонного курортного города Мацуямы, и спустя немного времени мы оказались в Тадоцу,

который находится в трех часах пешего хода от Котохиры, и примерно столько же нам нужно было ждать ближайшего поезда, идущего в том направлении.

Душной летней ночью мы сидели на вокзале, слушали неутомимого сверчка и размышляли о том, как похожи во всем мире небольшие железнодорожные станции. Поезда проносились во всех направлениях, и лишь в Компиру, как называют в народе Котохиру, не шел ни один.

Когда мы утром проснулись в третьеразрядной гостинице в Котохире, в комнате с застекленными раздвижными дверями и с небогатой мебелью, на которой лежала печать вековой крестьянской умеренности и неиспорченного вкуса, то не могли даже представить, как сюда попали. Но одно мы смутно помнили:

— Утром встаньте пораньше, вам предстоит трудный путь, — сказал нам, пожелав спокойного сна, около часа ночи владелец гостиницы. На лице у него не было и тени улыбки.

— Поторопитесь, а то станет жарко, — слышали мы со всех сторон предупреждения утром у выхода из гостиницы. В руки нам сунули толстые туристические трости. — Не отказывайтесь, берите, ведь там почти 800 ступеней...

За исключением этих тяжелых тростей, которые мешали идти, все остальное оказалось правдой.

Котохира посвящена синтоистскому божеству с длинным именем — Омононуи но микото. Но обычно этого покровителя моряков, пловцов и путников называют просто Компирасама. Дорога от станции к Даймон — Большим воротам — представляет собой оживленную торговую улицу, заканчивающуюся крутой лестницей, по сторонам которой расположены десятки живописных лавочек, чайных и столовых. Из всех витрин и киосков на вас смотрят деревянные статуэтки божков долголетия и богатства, искусно вырезанных местными мастерами из корней сосен и кедров, растущих вокруг святыни.

Какой бы путь к вершине вы ни избрали — каменную лестницу или крутую лесную тропинку, — вдоль дороги вы увидите несколько сотен стоящих рядами *торо* — каменных или бронзовых фонарей. Они были подарены святыне моряками, их семьями, капитанами

рыбачьих шхун и большими паровыми компаниями. Одни из них являются знаком благодарности за спасение от гибели в море, другие — жертва божеству, чтобы оно охраняло новый корабль, которому предстоит большое плавание. Тысячи имен на подставках фонарей, тысячи доказательств простодушной веры. Некоторые фонари стоят давно и обросли серо-зеленым лишайником; есть и такие, что поставлены в наши дни.

Камень, бронза и дерево — строгая Котохира является противоположностью заносчивой и расцвеченной Ицукусимы. Неприметные, поросшие мхом и сливающиеся с окружающим ландшафтом строения Котохиры разбросаны по всему холму. У нас пересохло в горле, когда мы в жару, в разгар японского лета, поднимались на десятки каменных ступеней от священной белой лошади к главной святыне, от главной святыни к другим, сюда, туда, все выше и выше, пока наконец не поднялись на маленькую площадку в лесу, окруженную длинными одноэтажными галереями. Отсюда открывался великолепный вид на окрестности.

В приземистом, темноватом здании с открытой стеной сидели на подушках, разбросанных по татами, три одетых в белое синтоистских жреца. Они весело о чем-то разговаривали, а в чайнике, установленном на *хибаги*, кипела вода. Жрецы продавали фиолетовые, красные и зеленоватые шелковые амулеты с белым шнурком. Рядом лежали фотографии, открытки, молитвенники и пророчества, отпечатанные на тонкой бумаге. Котохирские амулеты в Японии очень ценятся.

«А что, если купить здесь что-нибудь для бабки наших соседей? Может быть, за это нам дадут напиток чаю».

Нас действительно угостили чаем и угостили щедро. Мы выпили почти целый чайник. Ничего не поделишь, пришлось за это помочь торговле. Мы вытащили пророчество не только для бабки, но и для себя. В нем говорилось, что если наш сын будет укрощать свои желания, то он станет храбрым и известным военачальником. А так как у нас были только две дочери, то мы, разочарованные, выбросили скомканный клочок бумаги. Но затем мы ее снова подняли, разгладили на коленях и спрятали как доказательство, что Омонону-си но микото ошибается и его предсказания ненадежны.

Два года спустя у нас родился сын. Помня о пророчестве Котохиры, мы теперь с некоторым беспокойством следим за его увлечениями.

Говоря по правде, на Сёдо мы попали случайно, вопреки нашим планам. И не потому, что спутали в порту пароход, хотя и это, конечно, может случиться. Все-му виной старик, у которого мы решили пообедать.

Сначала мы хотели из Такамацу выехать на Ясиму — высокий холм, с которого открывается прекрасный вид на ближайшие острова Внутреннего моря. Мы намеревались побродить по окрестностям, а затем вернуться в Такамацу и сделать попытку каким-нибудь способом попасть на Чертов остров.

Чертов остров! У каждого при этих словах в памяти всплывает воспоминание о фотографиях бетонных камер Алькатразе. Чертов остров — это огромная тюрьма, сторожевая вышка с пулеметами и восстания заключенных. Но японский Чертов остров — Онигасима — это бедный миролюбивый симпатичный островок, окруженный спокойным синим морем. Пугающее название острова происходит из детской сказки. Кстати, островок вовсе не называется Онигасима, как это утверждает легенда. Его официальное имя — Мэгисима. Но на карте вы его не найдете, так как он слишком мал.

Еще в Праге мы прочитали в «Токухонах» — японских букварях для низшей ступени начальной школы — сказку о маленьком мальчике, который родился в персике. Персик по-японски — *момо*, и поэтому родители назвали мальчика Момотаро. Не будем притворяться, что нам в девятнадцать лет было интересно по слогам читать о легендарных приключениях, предназначенных для японских первоклашек. Мы остались равнодушными к подвигам Момотаро, когда он с помощью верных друзей — собаки, фазана и мартышки — победил дьяволов на Чертовом острове.

Но это одна из самых красивых японских сказок, и мы хотели побывать на острове, на котором все эти события должны были разыгрываться, и попытаться найти доказательства их правдоподобности. В наше время на Онигасиме показывают лишь пещеры, в которых жили черти, и продают носовые платки с портретом

Момотаро, таким, каким он известен по мультфильмам.

— Вы хотите поехать на Онигасиму? — удивился старик, подавший нам в ресторане на вершине Ясимы синие с отбитыми краями плоски с рисом и жареными угрями.

Потом он добавил:

— Наши *унаги* лучше, чем в Такамацу.

Мы разломали широкую бамбуковую щепку на две половинки и принялись за еду. Даже в самых бедных японских ресторанах бамбуковые палочки подаются только один раз, и для того, чтобы каждый гость был уверен, что его прибором никто не пользовался, бамбуковые палочки надрезаются и заворачиваются в бумажную салфетку. Перед употреблением каждый сам должен развернуть свой прибор.

— Да, мы хотели бы туда съездить. Вы не знаете, когда туда отправляется пароход?

— Ну, это не проблема, они ходят часто, но что вы там будете делать? Ведь там ничего нет.

— Ничего? А как же черти?

Старик засмеялся скрипучим смехом:

— Черти! Пещеры там действительно есть, но и только! Если вы хотите, я могу вам кое-что посоветовать...

— Что же именно?..

— Поезжайте на Сёдо. На Сёдо есть обезьяны. Очень много обезьян!

Надо признаться, что мы никогда не понимали страстного увлечения обезьянами, которым отличаются большинство японцев. Клетки с обезьянами или просто обезьян на цепочке вы можете встретить в Японии, особенно на юге, в самых неожиданных местах. Так, например, во дворе мацуямского замка стоит уродливая проволочная клетка, полная грязных облезлых обезьян.

— Видите ли, мы недавно побывали в Мацуяме и Беппу и насмотрелись на обезьян. В Беппу парк полон обезьян, так что...

— Да, вы приехали издалека, но таких обезьян, какие есть на Сёдо, вы видеть не могли. Я вам говорю, не могли, — старик даже слегка разозлился. — Там они живут в лесу, на воле. Они носятся по деревьям, и их очень много!

— Скажите, а кроме этих обезьян, там ничего, наверное, нет, не так ли?

— Но ведь этого вполне достаточно! Вы даже не можете себе представить...— совсем обиделся старик.

Потом он добавил:

— Оттуда открывается неплохой вид, есть там и водопад.

— Водопад? Вы говорите водопад?

Мы чуть было не подпрыгнули. У каждого есть свое хобби. Наша слабость — водопады.

— И большой водопад? Высокий?

— Наверное, большой, но я его не видел.

И мы отправились на Сёдо.

Маленький пароходик высадил нас в Тоносо, главном порту острова. Тоносо до недавнего времени был всего лишь бедной деревенькой на бедном острове. Но в последнее время здесь развернута оживленная строительная деятельность, как грибы растут новые небольшие, но чистенькие и пахнущие свежими досками и циновками рёканы. Тоносо расположен достаточно далеко от Такамацу, поэтому здесь можно без помех погулять веселой компанией, и в то же время достаточно близко, так что на дорогу уходит не слишком много времени.

Проспекты, которые мы видели в туристическом бюро в Такамацу, утверждают, что Сёдо является островом олив. Но мы не заметили густых оливковых рощ. Куда ни кинешь взгляд — всюду лишь холмы, скалы и прилепившиеся к крутым склонам убогие поля, на ступенчатых площадках которых растут бобы, картофель и ячмень. На другой стороне острова — рисовые поля и каменистые, пыльные дороги, по которым, как по заколдованному кругу, бесконечно ездит несколько автобусов.

В Тоносо мы сразу же поинтересовались водопадом, но в ответ на нас как-то странно посмотрели.

— Водопада там сейчас нет,— улыбнулась нам девушка-гид с круглыми, пухлыми щечками.

— А почему?

— Не хватает воды. Наверху орошаются поля, и поэтому не хватает воды.

Несмотря на это, мы решили сходить на водопад.

Русло широкого ручья обрывалось у черной отвес-

ной скалы, возвышающейся на 10 метров над узкой впадиной между двумя лесистыми склонами. Тоненький ручеек, журча, разбивался о большие камни, лежащие внизу.

И ради этого мы приехали на Сёдо!

«Раз уж мы сюда приехали, то надо взглянуть на этих обезьян», — решили мы и присоединились к небольшой группе экскурсантов, которые чуть поодаль покупали у маленького киоска лакомства для обезьян.

Мы тоже купили по мешочку соевых орешков для обезьян и сверток сладостей для себя и направились к лесу. По всему лесу были разбросаны каменные лавочки. Нигде ни одной обезьяны. Мы сели на лавочку и принялись за сладкое.

«Не дергай меня за карман, ты его разорвешь», — вскоре услышали мы картавый голос главы одного из семейств, гулявших по роще. Но потомок, не чувствуя за собой никакой вины, реагировал на этот возглас приглушенным смешком. И лишь когда сзади нас зашуршала рвущаяся бумага, мы повернулись. Прямо в глаза нам смотрели три уродливые рожицы серых мохнатых обезьян. Одна из них победно держала в лапках мешочек орешков, две другие готовились исследовать наши карманы, а поодаль за деревьями торчали головы целого обезьяньего стада. Среди них были самки с малышами на спине и большой злой самец, неограниченный владыка и предводитель всей обезьяньей банды. Мы были беспомощны. Обезьяны смотрели на нас дерзко, словно они имели на это право. Нам ничего не оставалось, как разбросать как можно дальше от себя оставшиеся орешки и сладости, вывернуть перед обезьянами карманы и поскорее пуститься в обратный путь к вершине холма. Туда за нами дошли лишь самые упрямые обезьяны.

Сейчас мы с улыбкой вспоминаем об этом обезьяньем царстве. Но в тот раз мы на всякий случай спустились к автобусу другой дорогой.

Сталь

И куклы

Вокзал Симоносеки.

Колеса поезда отбили первые такты своей юморески, и за закрытыми окнами вагона пришла в движение стереотипная панорама вокзального перрона.

Продавец чая с широким подносом, подвешенным высоко на груди, выравнивает на мокрой подставке оставшиеся чашки чая. Всегда влажное дно подноса покрыто таким же коричневым налетом, как и деревянные тазики в японских купальнях. Мать с ребенком на спине, завернутая вместе со своим отпрыском в цветастое розовое *хаори*, согнувшись, торопится к выходу. Ребенка не видно, и горб на спине под пестрой тканью вполне мог бы сойти за рюкзак, если бы это происходило не в Японии. Здесь так носят только детей. Наш взгляд на секунду задержался у вокзального ларька. Высокий прилавок, на котором лежат мандарины в длинных мешочках, сотканых из красных ниток, корбочки с жевательной резинкой, плитки шоколада, крутые яйца, печенье, целлофановые пакетики с соевым арахисом, плоские фляжки виски, банки с пивом, бутылки минеральной воды, молока, кофе — в общем, все, что может понадобиться в пути. Вокруг ларька стоит несколько человек, один из них покупает кофе. Продавец за прилавком трясет бутылкой, словно бармен, сбивающий коктейль. Чуть поодаль стоит еще один мужчина; запрокинув голову, он выливает в горло из бутылки остатки горячего молока. Глаза у него прикрыты, и кажется, что он получает большее удовольствие, чем если бы пил горячий грог. Но такую картину мы уже видели в кукольном театре Бунраку. Мы имеем в виду пьесу, посвященную первому американскому консулу Таунсенду Гаррису. Мы воспринимали происходящее на сцене как веселую комедию, хотя автор пьесы задумал ее как серьезный спектакль. Кон-

сул (великолепно сделанная кукла с длинным носом и рыжими, как ржавые гвозди, волосами) имел в Симодэ прекрасную квартиру. У него было много денег, ему сопутствовал дипломатический успех, к нему приходила прелестная гейша Окиси. (До этого момента все соответствует исторической правде.) Однако он не был полностью удовлетворен жизнью, бегал по комнате, рвал на себе волосы, кричал на свою любовницу и требовал молока. Этот стройный мужчина пятидесяти лет не любил шотландское виски, а привык пить молоко. Ему хотелось молока, настоящего коровьего молока. Он утверждал, что молоко напоминает ему детство, так как молоком пахло от его матери, что молоко — это эликсир жизни, он говорил и многое другое, что никогда не приходит вам в голову, когда вы пьете молоко. Наконец его любовница с трудом достала стакан молока. Консул был счастлив и стал говорить новые глупости. В наши дни, к счастью, молока в Японии хватает не только для всех консулов, но и для всех жителей страны. И если на вокзале взрослый мужчина выпивает разом бутылку молока, то он это делает с особенным выражением человека, который проявляет большую заботу о своем здоровье. Баров в Японии много, но до кафе-молочных дело еще не дошло.

Железнодорожный рабочий тянет по перрону тележку с несколькими свертками и мешками неопределенной формы. Чемоданов в Японии сравнительно мало. Багаж в большинстве случаев очень похож на узлы грязного белья, которое мы сдаем в прачечные, с той лишь разницей, что вместо простынь здесь используются чистые цветные платки. Цветные платки — *фуросики* бывают самых различных размеров — от очень маленьких до настоящих простыней. Однако чаще всего встречаются средней величины платки с современным рисунком, сделанным в ярких или пастельных тонах. В Японии в эти платки заворачивают вещи, которые мы бы сунули в сумочку или портфель. Однако если вы подарите *фуросики* своим европейским друзьям, женщины с удовольствием повяжут ими голову. Наряду с платками в Японии во время поездок пользуются бумажными мешками, коробками, сумками, корзинами и очень редко — чемоданами.

Картины меняются все быстрее. Проносится красоч-

ная мозаика киоска с газетами и журналами, а после этого — выдавшая виды фуражка и официальное выражение лица дежурного по станции.

Мы отворачиваемся от окна.

Неразговорчивый молодой человек, который сел где-то у Хиросимы, наклонился и потянул из-под сиденья за тоненький шнурок только что купленный чайник горячего чая.

Замечательная это вещь — чай на японских железных дорогах. Вы откидываете крышку и сразу чувствуете аромат кипящего напитка. Вспоминается дом, старые желтые татами, на которых стоит хибати — большая круглая керамическая чаша, наполненная пеплом с несколькими краснеющими кусками древесного угля. Мать или сестра сидят на татами и время от времени жестяной лопаточкой помешивают угли под никогда не пустующим чайником. Трепетная струйка пара, бьющая из чайника, и дымящиеся чашечки с чаем стали неизбежной принадлежностью повседневного ритуала японцев. Зеленый чай — это и домашний уют, и освежающий напиток, и знак расположения к гостю. Его пьют дома, подают знакомым и незнакомым, вы можете получить чашечку чая у портного в ожидании примерки, в магазине, если никак не можете договориться о цене, в министерстве внутренних дел, где просите продлить визу, во время обеда в ресторане, на любом вокзале или железнодорожной станции. Стоит чай гроши.

В поезде крышка чайника, в котором продается чай, служит одновременно чашечкой. У чайника маленький носик, и человеку неопытному чай налить нелегко. Если наклонить слишком сильно, вода ошпарит пальцы, если слишком слабо, то она по стенке чайника потечет на пол.

— Цуги ва Модзи, Модзи де годзаймасу, — произнес напевно кондуктор. Он вошел незаметно, чтобы посмотреть, не открыл ли кто-нибудь окно.

Итак, следующая станция Модзи.

Мы сидим у окна, и наши носы расплющены о стекло. Через несколько секунд поезд въедет в подводный тоннель, который соединяет Симоносеки с Модзи, остров Хонсю — с островом Кюсю. Этот тоннель был построен в 1942 году. Дата внушает оправданное подо-

зрение, что строительство не было обусловлено удобствами миролюбивых туристов, которым не хотелось пересаживаться на пароход. Шла война, и основная причина, побудившая создать тоннель, — конечно, уязвимость, ненадежность и неоперативность связи, которую осуществляли между двумя главными японскими островами корабли.

В наши дни в нескольких стах метрах проходит новая, современная подводная магистраль, освещенная лампами дневного света, с отличной вентиляцией и очень удобная. Она предназначена для автомобильного сообщения и пешеходов, и если у нее и есть недостаток, то лишь тот, что она находится в частных руках и за пользование ею приходится платить. Однако это характерно для большинства хороших дорог Японии.

Из вагона моря не видно. Пронесются серые крыши домов, улицы, магазины и закрытые шлагбаумы. Ярко-голубой трехколесный грузовик подскакивает на неровной дороге. Подросток, сидящий за рулем, явно стремится не отстать от поезда. Сквозь закрытые окна доносится яростный стук мотора.

Вскоре и грузовик и дорога остаются позади. Травянистый склон за окном взбирается вверх, потом немного опускается и снова поднимается. Горизонта уже не видно. Мелькает каменная стена, и, словно по мановению волшебной палочки, мы оказываемся в тоннеле.

В вагоне зажегся свет, а окна затянула черная ширма. Изредка снаружи мелькают желтые лампы, в свете которых поблескивают влажные бетонные стены. Поезд быстро идет вниз.

— И это все?

— Конечно. Тоннель как тоннель. Под морем, так же как и под Вышеградом.

— Представь себе, что над нами плывут пароходы...

— И рыбы...

— И осьминоги.

За Модзи начинается большая промышленная область Северного Кюсю. Центром этой области является город, названия которого точно не знают даже сами японцы. Некоторые утверждают, что он называется

Явата, другие — Яхата⁶. Когда в японских именах встречаются слоги «ва» или «ха», это часто приводит к затруднениям.

Явата или Яхата — все равно — имя женского рода, и отличается она космополитизмом. Это не значит, что город светится неоновыми огнями и всюду встречаются иностранные надписи, что вы здесь легко договоритесь по-английски или по-французски, а в барах демонстрируют свои прелести красотки со всего мира. Речь идет не о благополучии космополитических банков токийского сити и не об утративших национальные черты некоторых улицах Осаки.

В Явате (мы так будем называть этот город), наоборот, улицы бедные и серые. Бетонные и кирпичные здания и черные прогнившие деревянные бараки оставляют неприятное, тягостное впечатление. У каждого, кто прибыл в Явату, стоит ему только выйти на широкую привокзальную площадь, во рту сразу же появляется раздражающий привкус дыма, серы и железа. Всюду эта своеобразная атмосфера, напоминающая о близости огнедышащего ада. Она обволакивает вас, пропитывает одежду, проникает в жилища рабочих кварталов, ею пахнут бумаги в городской префектуре, она заполнила недавно построенный дом культуры, в котором все покрылось серой пылью до того, как он был открыт. Вы чувствуете эти запахи, когда лежите ночью на старом татами в гостинице, и ими веет от диаграмм производства, публикуемых в рекламных брошюрах акционерного общества «Явата Сэйтэцу», когда вы спустя неделю листаете их в Токио.

Явата — это город тяжелой промышленности. настолько тяжелой, что под ее тяжестью стерлось большинство черт, характерных для японского города, и он превратился в металлургический, стальной город, похожий на такие же города в любой стране мира. Это не единственный металлургический центр Японии, но безусловно самый крупный и наиболее типичный. Это гордость и хищник японской промышленности, гор-

---

⁶ В настоящее время на карте Японии нет уже ни города Модзи, ни Яваты. Оба эти города, а вместе с ними еще три других объединены и стали одним городом, названным Китакоюсю. Население Китакоюсю превышает 1 миллион человек.— *Прим. ред.*

дось — с точки зрения общенациональной, хищник — с точки зрения беспощадной конкурентной борьбы.

В 1962 году Япония выплавилла 27 миллионов 546 тысяч тонн стали. На акционерное общество «Явата Сэйтэцу» из этого количества металла приходилось более 20 процентов. Остальное делили между собой восемь крупных и множество мелких компаний. В абсолютных цифрах первенство «Яваты» еще внушительнее. Предприятия этой компании выплавляли 5 миллионов 739 тысяч тонн стали, а на втором месте стояли сталелитейные предприятия «Фудзи», где производилось 4 миллиона 555 тысяч тонн. Столь же важную роль играет «Явата» в производстве проката и еще бóльшую (почти 29 процентов) в выплавке чугуна.

На предприятия «Явата Сэйтэцу» иностранцам, как правило, вход запрещен. Но нетрудно догадаться, что скрывается за заводской стеной и каково работать в цехах, высокие трубы которых ежедневно выбрасывают густые облака красного дыма, оседающего на городских зданиях. Правда, сейчас уже дым над трубами, быть может, и не клубится: когда мы были в Явате последний раз, нам говорили, что через два-три года из труб будет подниматься белый безвредный пар. Благодаря этому якобы будут сэкономлены материалы, которые до сих пор выбрасывались буквально на ветер.

Японские металлургические комбинаты, где бы они ни находились — на Кюсю, Хонсю или на Хоккайдо, — почти не отличаются друг от друга. Осмотр обычно начинается с административного корпуса. Это здание иногда находится на территории завода, но чаще всего где-то в стороне, и, вероятно, по существующим правилам только оно имеет право на маленький зеленый участок.

Сопровождающий, все время извиняясь, приглашает вас в приемную, которая обычно служит небольшим конференц-залом. Он обставлен старомодными, мягкими креслами, обшарпанный плюш которых закрыт белоснежными полотняными чехлами. Со стен, на которых развешаны старые картины, на вас, насупившись, смотрят усатые господа — основатели и бывшие владельцы завода. От всего этого веет сонной педантичностью европейских канцелярий второй половины прошлого века. Наверное, предприятия, которые производят столь тяжелую и прозаичную продукцию, как сталь и

железо, не могут позволить себе даже в административных корпусах пользоваться модными безделушками из алюминия и пластических материалов.

Хозяева всегда заставляют вас немного подождать. Ваш взгляд блуждает по комнате в тщетном стремлении на чем-нибудь задержаться, а старые господа со стен недружелюбно наблюдают за пришельцами.

На передней стене висит огромная абстрактная картина. Ее верхняя или нижняя треть покрыта голубой краской, остальная часть полотна заполнена красками коричневой, черной, красной и фиолетовой. Голубое пространство — это море, коричневый цвет суши расцвечен фиолетовыми пятнами заводских цехов, красными полосами газопроводов и черными линиями внутризаводских автомобильных и железнодорожных коммуникаций. Коричневая краска вытянулась длинным, узким щупальцем далеко в море. Это заводской мол, собственный причал, с помощью которого на предприятия доставляется сырье и отгружается готовая продукция. То, что на первый взгляд кажется абстрактной картиной, в действительности является абсолютно реалистическим отображением организации производства на японском предприятии. На одной фабрике мы вместо подобной картины видели большую фотографию предприятия, снятого с самолета. Владельцы, очевидно, не любили живопись.

Наконец двери открылись, и вошел представитель дирекции предприятия.

— Извините, что я заставил вас так долго ждать...

Затем следует знакомство и традиционный обмен визитными карточками. Японцы обожают визитки, и у каждого всегда имеется при себе целый запас. На карточках написано не только имя, но и все титулы, а у активистов-общественников также домашний и служебный телефоны и адрес.

Старый промышленник одет в черное, как будто он пришел не с совещания, а со свадьбы или похорон. Как правило, он проработал на предприятии 30—35 лет, был одним из зачинателей дела (по крайней мере так он утверждает), в подробностях знает историю предприятия, каждый его камень и станок и дату ввода в эксплуатацию каждого цеха.

— Я отдал этому заводу свою жизнь,— говорит он

с грустной улыбкой, и нелегко угадать, гордится он этим или ему чего-то жаль.

Он стоит перед подробным планом предприятия, водя по нему деревянной указкой и рассказывая историю того, чему он «отдал свою жизнь».

Вначале это было мелкое предприятие. Тогда его еще здесь не было. Указка направлена на портрет одного из ветеранов. Строгое старческое лицо с белыми усами.

Да, он пионер индустриализации Японии.

А потом?

Завод расширялся, увеличивался, продавая сталь и чугун каждому, кто делал заказы. В одних случаях для сооружения мостов, в других — для изготовления игрушек, в третьих — для производства пушек. Наконец пушки вытеснили все остальное, и во время войны предприятию был нанесен больший или меньший урон в результате налетов и деятельности американских конкурентов. В некоторых случаях заводы от войны не очень страдали, зато от соседней деревни или городка оставались лишь руины. После войны прошло немало времени, прежде чем удалось достигнуть довоенного уровня. Однако потом появились новые заказы — американские военные заказы, затем война в Корее, и ситуация изменилась. Сейчас производство в несколько раз превышает довоенное.

В рассказах этих вежливых господ обычно бывает один пробел. Они не говорят о жизненных условиях рабочих. Число рабочих представитель предприятия знает, это связано с производством и относится к его компетенции.

— Средняя заработная плата квалифицированного рабочего? Это зависит от того, насколько он квалифицирован, я вам могу назвать несколько цифр, хотя непосредственно этим вопросом не занимаюсь.

Он произносит несколько заученных цифр. Доллары, доллары, доллары. Но с каких пор в Японии платят долларами?

— Извините, но мы бы хотели знать, сколько рабочих получает в японских деньгах? Мы привыкли платить иенами, с долларами мы почти не сталкиваемся.

— Простите,— отвечает он с улыбкой,— я обычно говорю на эту тему с американцами. Они тоже часто об

этом спрашивают. Они утверждают, что низкая заработная плата позволяет японским компаниям удерживать низкие цены на товары на мировом рынке и что благодаря этому мы оказываемся победителями в конкурентной борьбе. Однако заработная плата рабочих в сталелитейной промышленности — одна из самых высоких в стране. Естественно, это касается только больших компаний. Но это, наверное, вы и сами знаете.

Да, это мы знаем. Высококвалифицированные рабочие на крупных японских металлургических предприятиях зарабатывают примерно 800—1000 крон в месяц в переводе на наши деньги⁷. В условиях Японии это исключительная заработная плата, оклад профессора университета лишь немногим больше. Однако чем меньше предприятие, тем хуже условия труда, ниже жизненный уровень и тем справедливее слова тех, кто говорит о чрезвычайно низких окладах. Американцы об этом говорят из-за бизнеса, японские профсоюзные деятели — ради утверждения простого права на существование. А многие японские рабочие не имеют никакой квалификации, и у них заработная плата еще ниже.

То же самое относится и к социальному страхованию. Крупные предприятия могут построить для своих сотрудников заводские столовые, заботятся об отдыхе рабочих. Они сооружают спортивные здания, оказывают помощь во время болезни, предоставляют пенсию по старости. Но при всем этом нужно учитывать японские масштабы: вся эта забота меньше по размерам, на эти цели не тратится столько средств, как у нас. Наши рабочие наверняка были бы не удовлетворены степенью социального обеспечения, даже когда речь идет о крупнейших и новейших японских предприятиях. При этом следует заметить, что ни на одном предприятии Японии мы не видели, чтобы проявлялась забота одновременно обо всех сторонах жизни рабочих.

И все же для японских рабочих и работниц это большой шаг вперед и очень важное завоевание. Завоевание и показатель величины контраста. На мелких предприятиях заботятся о человеке меньше, на еще более мелких — еще меньше, и где-то в самом конце этой

⁷ По официальному курсу 100 крон равно 12 руб. 50 коп.—
Прим. пер.

длинной и странной шкалы условий труда и уровня жизни находится значительная часть японских предприятий. Это примитивные фабрики, мануфактуры и просто мастерские, в которых рядом с отцом работают сыновья, двоюродные братья, племянники и другие родственники и вместе с ними какой-нибудь подмастерье или ученик, взятый по просьбе товарища. Обычно работают три-пять, иногда десять человек. Рабочий день длится с самого утра до позднего вечера. Старые кожаные ремни шлепают по ободам старых колес, и старые станки двигаются, скорее по инерции, чем в соответствии с нормальными законами механического износа. Что здесь производится? Как правило, дешевые полуфабрикаты для крупных предприятий, которые распоряжаются жизнью и смертью всей этой массы мелких производителей. Так против кого же большинству наиболее эксплуатируемых и наиболее бесправных рабочих мелких мануфактур, разбросанных по всей Японии, организовываться в профессиональные союзы? Против собственных отцов, которые так же работают и так же еле сводят концы с концами? В этом заключается одна из самых серьезных проблем японских профсоюзов.

— У вас на предприятии есть профсоюзная организация? — спрашивали мы при посещении больших предприятий. — Каковы ваши взаимоотношения?

— Наши взаимоотношения основаны на сотрудничестве профсоюзов с администрацией предприятия, — благоразумно отвечали нам представители предприятия, и седые брови старых заводчиков на портретах при этом недовольно поднимались. — Такое сотрудничество — один из основных принципов современной организации труда. Мы стараемся сотрудничать. Однако рабочие иногда высказывают слишком большие требования, которые не отвечают возможностям предприятия...

Старые портреты на стенах явно успокаивались, и седые брови снова опускались. «В наше время, — как бы говорили они, — таких вольностей не было...»

— А как у вас обстоят дела с рабочей силой? Достаточно ли у вас заказов? — Разговор подходит к концу, и закончить его надо, задав собеседнику приятный для него вопрос.

Собеседник доволен.

— Пока все идет хорошо. Недавняя забастовка ста-

лелитейщиков Соединенных Штатов помогла нам значительно увеличить производство. Споры там, как вы знаете, почти урегулированы, однако мы обеспечены заказами на много месяцев вперед. Это, конечно, не значит, что мы не можем принимать новых заказов. Безупречное качество, точное выполнение сроков поставок и приемлемые цены — этим мы известны во всем мире. Расскажите, прошу вас, об этом и в вашей стране...

На столе перед нами сразу же появляются папки с фотографиями, каталогами, информационными брошюрами и проспектами.

Япония стремится продавать. При любой возможности, на каждом шагу она готова предоставить каждому, кто проявит интерес, огромное количество великолепного информационного материала, где имеются данные самых последних месяцев, и все эти брошюры, каталоги, фотографии просят:

— Расскажите, пожалуйста, в вашей стране...

Слишком много товаров «сделано в Японии». Их становится из года в год все больше и больше, и что делать с ними — этот вопрос также приобретает все большую остроту. Пока дела идут неплохо, но возникло уже много новых проблем, которых не было раньше, связанных в основном с тем, что американцы любят советовать, кому и что можно и чего нельзя продавать. Не прислушиваться к их советам в Японии осмеливаются лишь единицы. Пока.

Осмотр предприятия занимает немного времени даже на самых больших заводах. По внутреннему оборудованию японские металлургические предприятия похожи на такие же предприятия в других странах. Различия незначительны.

Здесь есть старые цехи со старыми станками и новые высокомеханизированные и автоматизированные заводы. Первые пока преобладают. В этих цехах очень жарко, воздух тяжелый, все покрыто серым налетом, а на полу маслянистые лужи. Однако новых современных предприятий тоже немало. В некоторых случаях ликвидации старых предприятий способствовала война. Есть в Японии и несколько ультрасовременных заводов, построенных в последние годы. Мы посетили одно из таких предприятий.

Это был прокатный цех, где делали металлические листы для Бразилии. Сквозь серебристые стальные решетки, которыми был покрыт пол, вниз падала окалина, пыль, стекло, масло. Всюду была чистота, и все блестело, как будто цех вымыл только что прошедший майский дождь. Воздух был свежим, пахло лишь краской и лаком. Свет, падающий сквозь легкую стеклянную крышу, отражался на никелированных гранях станков, перилах подвесного мостика, на сверкающей поверхности быстро вращающихся валиков прокатного стана. Нигде не видно ни одного человека. Металлический зев в центре линии выбросил на валики раскаленную болванку. Через мгновение болванка исчезла. Спустя секунду раскаленная лента снова выскочила из-под пресса. Вперед — назад, вперед — назад, каждый раз чуть длиннее, тоньше, темнее. Шарик воды разбегаются по раскаленной поверхности. «Так-так-так-так-так» — словно пулеметные выстрелы; звучат удары металлического листа о прокатный стан. Потемневшую ленту приподнимает механическая рука, включается мотор, и подъемный кран уносит тяжелый металлический диск под душ. А в прокатном стане катается новая, еще не пережеванная таблетка металла.

Мы сказали, что нигде не было видно ни одного человека, но это неправда. В центре цеха, на возвышении, размещена стеклянная кабина, напоминающая пульт диспетчера на аэродроме. В ней видны две фигуры в белых комбинезонах, манипулирующие выключателями на широких панелях. На руках — белые перчатки, на голове — желтая жокейская шапочка с синей эмблемой предприятия. На кармане комбинезона — кружок с номером.

На всех крупных японских предприятиях у каждого работника на груди висит номер. На кружке у директора предприятия красуется единица. Его заместители имеют номера 2, 3, 4 и так далее — чем ниже должность, тем больше номер. У руководства кружок коричневого цвета, у представителей администрации — синего, у технического персонала — желтого, у рабочих — красного. Иногда кроме номера на груди имеется ленточка с фамилией. Таким образом, каждый новый работник легко может определить, с кем он имеет честь говорить. Ему вовсе не нужно смотреть на лицо. Карман комби-

незона обо всем красноречиво расскажет. Сразу ясно, как глубоко нужно поклониться и нужно ли при этом снять шапку. Номерам до десяти воздаются самые высокие почести. И в то же время упрощается процесс наблюдения: вполне достаточно записать, например, что номер 156 с красным кружком во время рабочего дня гулял где-то вдали от рабочего места или что номер 98 с синим кружком болтал на лестнице с номером 128 с желтым кружком. После этого нужно лишь зайти в отдел кадров и сделать против соответствующей фамилии отметку. Цвета кружков на различных предприятиях разные, а на самых крупных они отличаются и по цехам, но система общая.

Что сразу же бросается в глаза не только на новых предприятиях, но и на самых старых фабриках — это образцовый порядок в любом самом темном уголке и высокий рабочий темп. Готовые изделия, полуфабрикаты, инструменты и материалы ровными рядами сложены на полу. Яркие желтые блестящие полосы определяют, сколько места может занимать каждый материал. А если какое-нибудь изделие нужно положить так, чтобы оно выходило за обозначенную черту, то для этого надо сначала получить разрешение заведующего производством. После того как разрешение получено, приносят желтый лак и кисть и на полу рисуют контур выступающей части изделия. Его грани также окрашивают в желтый цвет, чтобы никто не ударился о них и никто их не повредил.

Все направлено к тому, чтобы не произошло ни одного несчастного случая. Безопасность — прежде всего!

«Андзэн дайиги!» — написано на каждом столбе.

«Андзэн дайиги!» — призывает движущаяся высоко над землей стрела подъемного крана.

«Андзэн дайиги!» — написано над заводской амбулаторией.

Каждый приходит в восторг при виде строгого порядка, постоянно поддерживаемой чистоты и пунктуального соблюдения техники безопасности на больших японских предприятиях. И как не прийти в восторг: ведь стоит в Японии пройти чуть более сильному дождю, как из-за оползней обязательно будет засыпано несколько землекопов или строителей. Целые семьи погибают, отравившись газом, просачивающимся сквозь

трещины труб изношенного газопровода. Незавершенный ремонт мостов и дорог, открытые люки подземных коммуникаций и другие опасности подстерегают пешехода и автомобилиста, ибо место работ ночью не обозначено даже самой крохотной лампочкой. Однажды в Токио ремонтировали один из мостов. Отверстие на проезжей части не было ничем отмечено, в него попал велосипедист и утонул. И лишь второй велосипедист, тоже попавший в это отверстие, к счастью, умел плавать и поднял тревогу. Постоянную опасность представляют собой перегруженные сверх всякой нормы грузовики. Сколько японских семей ложилось вечером спать и больше уже не просыпалось! Они погибали под колесами грузовиков, которые не успевали повернуть и на полной скорости протаранивали стены дома. А что говорить о японских такси?! Рабочие на самых опасных участках производства чувствуют себя куда безопаснее, чем в повседневной жизни.

На одном предприятии мы стали свидетелями того, как испортился штамп, который ставил на ленте оцинкованного металла заводское клеймо, перед тем как автоматические ножницы разрежут ленту на квадратные листы. Стопка металлических листов, на которых не было заводской марки, достигала уже высоты одного метра, эти квадраты нельзя было снова заложить в станок, так как он мог штамповать только движущуюся ленту.

Контролер обнаружил брак в тот момент, когда мы подошли. По его знаку подбежали двое молодых рабочих с белыми повязками на голове.

Они глубоко поклонились, выслушали, что от них требуется, коротко выдохнули «слушаюсь!», и не успели мы оглянуться, как они бегом вернулись. В руках они несли большой деревянный штамп с названием предприятия и маленький — «сделано в Японии». Они подошли к стопке, и ни один почтовый работник в мире не сумел бы штемпелевать бумажные конверты быстрее, чем эти рабочие ставили клеймо на листы шуршащего металла. В течение нескольких минут неисправность была устранена, на металлической ленте снова появились штампы, и огромные ножницы снова начали резать километры серебристой ленты на абсолютно ровные квадраты.

В этом случае нет ничего примечательного. За исключением одного — быстроты, с какой появились молодые рабочие, которые без единого лишнего слова, ни о чем не расспрашивая, принялись за дело. Поражала скорость, с которой эти двое с белыми повязками на головах, в окружении самых современных автоматических станков, увлеченно били — раз по подушечке, раз по металлу, оставляя на нем нестираемый след: «сделано в Японии».

Закончив осмотр, мы покидали завод и у ворот увидели небольшую группу из 50, а может быть и 100, человек в белых куртках и темных брюках; головы людей были тоже обмотаны белыми полотенцами. Все они смотрели на импровизированную трибуну, украшенную по бокам красным сукном и красными флагами. Лозунги, написанные энергичными мазками кисти на белом полотне, представляли собой требования профсоюзов.

На трибуне стоял человек. Когда он говорил и жестикулировал, то пряди непослушных волос выбивались из-под белой повязки. Он говорил о бастующих горняках в Миикэ, об их упорной борьбе против увольнений и призывал к поддержке шахтеров.

Белые повязки, стоявшие вокруг трибуны, с большим интересом внимали его словам.

Самый большой город на острове Кюсю — Фукуока. Она тянется узкой и длинной лентой вдоль побережья Корейского пролива. Летом Фукуоку овеивает свежий морской ветер и заливает солнце, и это делает ее похожей на итальянские курортные города. Ее улицы и две маленькие речки, как форточки, открыты ветру, и фасады отелей подставляют ему лицо. Зимой Фукуока бывает печальная и безлика. Без тепла, но и без морозов, без солнца, но и без дождя и снега, без летнего темперамента, но и без зимнего оживления большого города.

Современная Фукуока возникла благодаря слиянию Фукуоки и Хакаты, двух исторических городов, олицетворявших самим своим существованием одно из главных противоречий позднего японского средневековья. О старой Фукуоке сейчас уже почти никто не вспоминает. Она была резиденцией родовитых могущественных феодалов, их вассалов, воинов и свиты. Здесь был

возведен большой замок с неприступными стенами и крепостными сооружениями. Обитатели Фукуоки пользовались различными привилегиями, многие из них, например, имели право носить мечи. Рис в Фукуоку привозили в качестве подати окрестные крестьяне. Но рыцарская гордость запрещала самураям иметь дело с деньгами. Заниматься торговыми махинациями и финансовыми сделками в ту пору считалось делом, недостойным благородного воина, и за стенами Фукуоки вырос другой город — Хаката. Жители Хакаты не имели права строить крепостных стен, они были неблагородного происхождения, феодальные законы их унижали, они были торговцами — презираемым, низшим классом. И поэтому они занимались спекуляцией и обкрадывали гордых самураев из Фукуоки как только могли. Самураи беднели, а торговцы богатели, и этот процесс шел не только в Фукуоке, но и по всей Японии. Самураи пользовались привилегиями, но в руки торговцев текли деньги, а это имело большее значение, чем дюжина привилегий. В первой половине XIX века, например, многие японские дворяне и самураи носили свое боевое оружие весьма осторожно и стремились избежать любого повода, чтобы обнажить его. Объяснялось это просто — от старых родовых мечей, передаваемых по наследству из поколения в поколение как символ знатности рода, у них часто оставались лишь украшенные рукояти. Лезвия этих мечей были деревянными, так как драгоценную сталь им приходилось отдавать богатым торговцам за рис и за презренные деньги.

Фукуока и Хаката долгое время были самостоятельными городами. Лишь после второй мировой войны Хаката превратилась в городской район современной Фукуоки. Все государственные и местные учреждения носят на своих табличках название Фукуоки. Так же называется вся префектура. Фукуоку вы встретите на всех картах, и в Фукуоку из Токио ездят специальные скорые поезда. Даже на бланке торговой палаты стоит Фукуока, хотя торговля в течение длительного времени была прерогативой Хакаты. Однако город до сих пор лежит в Хакатском заливе, и поезда, которые официально прибывают в Фукуоку, останавливаются у дебаркадера вокзала Хаката эки (Фукуока эки не существует). Два крупнейших отеля в Фукуоке называются «Хаката

Никкацу» и «Хаката Тэйкоку». Второй из этих отелей входит в систему крупнейшего универмага города «Хаката Даймару». Беседы с жителями города убеждают вас, что для населения узкое русло реки Нака до сих пор является границей двух миров. То, что есть в Хакате, вы не встретите в Фукуоке, а то, что есть в Фукуоке, не увидите в Хакате. Нам даже показалось, что пожилые люди отдают предпочтение Хакате.

Это, однако, не значит, что жители левого и правого берегов реки Нака враждуют между собой. Жители острова Кюсю, вероятно, самые веселые люди во всей Японии, они очень гостеприимны и благодаря теплему климату и тому, что им не приходится вести такую трудную борьбу за существование, более жизнерадостны, чем жители севера.

Когда мы сказали нашим друзьям в Хакате, что хотели бы взглянуть на остатки крепостных валов, которые здесь строились, чтобы сдерживать натиск монголов в XIII веке, они нам ответили, что для этого нужно съездить в Фукуоку, ибо в Хакате ничего подобного нет. Вместе с нами они на трамвае приехали в Фукуоку, туда, где должны были сохраниться остатки стен.

Мы вышли из трамвая на окраине города, где у нас обычно возвышаются одинокие жилые дома, а в Японии строятся исследовательские институты или разбиваются сады.

— Простите, пожалуйста, не знаете ли вы, где здесь сохранились остатки укреплений, построенных против монголов?

Этот вопрос задавали мы не раз, но никто на него не сумел ответить. Лишь один студент, одетый в черный костюм, несколько раз стукнул кулаком по лбу, усиленно вспоминая, но потом извинился, сказав, что забыл.

Наконец мы сами нашли остатки этих укреплений. Это был заросший травой ров, глубиной в метр и длиной в 10 метров. Тут же была невысокая каменная кладка и над ней обычный деревянный щит с полустершейся надписью.

— И это остановило монгольское нашествие?

— Не забывайте, что таких валов было несколько и что ближе к берегу они были выше.

Мы потрогали низкую стенку и постарались пред-

ставить события, происходившие в 1274 году, когда великий хан Хубилай перестал грозить Японии на словах и решил присоединить ее к своей огромной империи. Он был так убежден в своей мощи и бессилии противника, что первое нападение было не слишком грозным. К Хакате на кораблях подошло около 15 тысяч монгольских воинов и столько же корейских моряков. И хотя японцы встретились с неизвестным им оружием и совершенно незнакомой боевой тактикой, они не дрогнули и сумели защитить себя своими мечами. Бой длился всего лишь один день, потому что буря отогнала монгольский флот от японских берегов.

Однако хан Хубилай не отказался от своей цели и начал готовиться к нападению на Японию более тщательно. Эта подготовка длилась семь лет. Но японцы тоже не сидели сложа руки. Весь Хакатский залив был окружен рвами и валами. Жители Хакаты собрали под свои знамена всех мужчин, способных носить оружие, не только с острова Кюсю, но и со всей Западной Японии.

Наступил июнь 1281 года. К берегам Северного Кюсю подошли два могучих флота. Из Кореи и Южного Китая, покоренных монголами, подплывала 150-тысячная монгольско-китайско-корейская армия. На этот раз битва была более жестокой, она длилась около двух месяцев. На берегу дрались сухопутные армии, на море происходили бои монгольских и японских кораблей. Исторические хроники утверждают, что валы, десятиметровый остаток которых сохранился в предместьях Фукуоки, отлично оберегали японцев от луков, камней и примитивных орудий монгольской армии.

Вторая попытка великого хана Хубилая захватить Японию тоже не удалась. Так же как и семь лет назад, во время второго нашествия начался тайфун. Почти все корабли были уничтожены тайфуном, а те, что были отогнаны далеко в море, обратились в бегство.

— Потери были велики у обеих сторон, — признался один из наших проводников, но сразу самокритично добавил: — Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. В школе нам, конечно, говорили, что японцы проявляли чудеса героизма и храбрости, и это, видимо, правда. Но больше всего в том далеком XIII веке нам помог «божественный ветер» — *камикадзе*. Это

слово вы, конечно, знаете, его знает весь мир. Правда, популярность эта не имеет ничего общего с периодом монгольского нашествия,— добавил он с тяжелым вздохом.

— Камикадзе — это летчики-самоубийцы, которые в конце второй мировой войны бросали свои самолеты, полные взрывчатки, на американские суда, верно?

— Это были бессмысленные человеческие жертвы. Но название «камикадзе» имеет куда более древнюю историю. Первоначально так назывались те сильные бури, которые как бы по велению божества уничтожили оба монгольских флота. В действительности, конечно, это были обычные тайфуны, которые часто возникают и без монгольского нашествия.

— Однако здесь, в Фукуоке, тайфуны случаются довольно редко, не так ли?

— Это верно, Фукуока — вообще счастливый город. Во время второй мировой войны она избежала атомной бомбардировки. Говорят, что американцы хотели сбросить первую бомбу на Фукуоку, второй возможной целью была Кокура и лишь третьей Хиросима. Но из-за метеорологических условий была выбрана Хиросима,— на лице молодого человека появилась горькая улыбка.

— Все это, может быть, было и не так,— вступает в разговор другой японец,— даже наверняка не так, ведь об этом нигде не пишут. Самолет направлялся прямо на Хиросиму, и все развивалось точно по плану. Однако жители Фукуоки рассказывают об этом, чтобы доказать, что Фукуока — действительно счастливый город. Ведь даже ее название «Фуку-ока» означает Счастливый холм! Раз уж однажды счастливая звезда помогла во время нашествия монголов, то она должна была спасти и от американской атомной бомбы.

Два самых страшных не стихийных бедствия, которые когда-либо переживала Япония,— хан Хубилай и американские атомные бомбы.

Тем, кто посещает Фукуоку, не приходится долго ломать голову, обдумывая, что привезти домой в качестве подарка. И если вы не захотите купить хакатское *оримоно* — кусок ткани, являющийся дополнением к

кимоно, то вам придется приобрести *хаката нингё*! Это глиняная скульптурка, которую, когда привезешь домой, не знаешь, куда девать, и которая все время мешает. Но она такая красивая и милая своей чисто японской ненужностью, что не поддаться искушению и не купить ее почти невозможно.

Мы оба терпеть не можем фарфоровых китайских болванчиков, негритосов из дутого стекла и тому подобные изделия, которые так часто украшают секретеры и книжные полки в европейских квартирах. Японцы же подобные вещицы очень любят, при этом надо сказать, что в Японии можно встретить и фигурки, сделанные с большим вкусом, представляющие художественную ценность и стоящие невероятно дорого, и абсолютную безвкусицу, стоящую гроши.

Универсальные магазины на Гиндзэ, в Синдзюку, на Сибуе, в Икэбукуро и не только в Токио, но и по всей Японии всегда имеют специальные отделы, где продаются самые разнообразные статуэтки и куколки с нежными лицами из белой керамики, на которых тоненькой кисточкой несколькими изящными штрихами изображены классические благородные черты. Несущее тело этих куколок и статуэток задрапировано в дорогие, вышитые золотом кимоно. Обычно они изображают знаменитых танцовщиц, артистов, гейш, борцов сумо, исторических деятелей или просто девочек в кимоно. Статуэтки укреплены на черной лакированной подставке, и, чтобы они не запылились, для них обычно покупают со всех сторон застекленные шкафчики. Чехи, живущие в Токио, дали этим шкафчикам довольно удачное, хотя и не совсем чешское название — штурц.

Куколка под штурцем — это привычный в Японии, хотя и довольно дорогой подарок. За время нашего пребывания здесь мы получили довольно много таких куколок и большинство из них тут же раздали. Особенно приятным такой подарок бывает для человека, который через два часа улетает в Европу.

В Фукуоке делают *хаката нингё*. Это единственные куклы, которые действительно понравились нам в Японии (за исключением, конечно, деревянных *кокэси*). Их обычно не покрывают штурцем, так как они в этом не нуждаются. Сделаны *хаката нингё* из красновато-ко-

ричневой или желтой обожженной глины, и на них нет ни кусочка ткани. Лицо и одежда нарисованы непосредственно на глине с таким мастерством и вкусом, что смотреть на них — одно удовольствие. Витрина магазина с хакатскими статуэтками — зрелище столь интересное, что лишь ради этих магазинов стоит съездить в Фукуоку. Но надо быть готовым к тому, что цены будут высоки. Чем больше красок и золота пошло на разрисовку куклы, чем красивее орнаменты их кимоно, тем выше цены. Однако не всегда правильно выбирать куколку по цене. Следуя этому принципу, вы бы дошли до статуэток, чтобы купить которые не хватило бы трех- или четырехмесячной заработной платы высококвалифицированного металлурга Яваты. Мы купили маленькую статуэтку артиста, изображающего лисицу в классическом японском театре Но. Она стоит у нас на книжном шкафу, и каждый раз мы думаем о том, куда ее переставить, чтобы керамический хвост не запылится. И когда кто-нибудь из наших знакомых поедет в Японию, мы попросим его, чтобы он привез нам пресловутый штурц.

От Токио до Фукуоки расстояние примерно такое же, как от Праги до Парижа. И поэтому его лучше преодолеть самолетом, особенно если вы торопитесь. Авиатрасса проходит вблизи от Фудзиямы, и если вам повезет, то вы увидите величественный вулкан, озаренный розовым утренним солнцем. При хорошей видимости он пропадает вдали, когда самолет находится уже где-то над Нагоей. При плохой погоде пилот обычно круто сворачивает к морю и видна лишь вершина Фудзиямы — небольшой купол над рассыпавшимися перьями облаков.

Короткая остановка в Осаке, затем острова Внутреннего моря и тут же сообщение:

— Просим внимания, через несколько минут самолет совершит посадку на аэродроме Итадзуки. Все, кто следует в Фукуоку, могут воспользоваться автобусами японской авиакомпании, которые довезут вас до отеля «Хаката Империял». Экипаж самолета искренне благодарит всех пассажиров за проявленное терпение, надеется, что полет не доставил пассажирам неприятно-

стей и что на борту нашего самолета мы снова встретимся во время будущих полетов.

Приятный девичий голос в репродукторе умолк. Но это еще не все:

— Атенши плиз! Ю ар джаст каминг даун! — произносит стюардесса по слогам с американским акцентом английские слова.

Самолет теряет высоту, в чем мы убеждаемся по боли в ушах. Наверху загорается красная надпись:

«Пристегнитесь, пожалуйста!».

Известный борец сумо, сидящий через проход, послушно обхватил ремнями свое необъятное, напоминающее шкаф тело, с трудом соединив концы. Многие из пассажиров охотно помогли бы ему, ведь он — любимец телезрителей и радиослушателей всей Японии, олицетворение силы и мужества. От самого Токио он сидит в пальто с поднятым воротником, традиционная косичка длинных волос спрятана под спортивной фуражкой. В течение всего пути он ни на кого не взглянул, не сказал ни одного слова. Признак хорошего тона борцов сумо — как можно меньше говорить и ни на что не обращать внимания. Если же кому-нибудь из борцов сумо подносят микрофон и ему приходится говорить, то он произносит фразы сквозь зубы. Его ответы — это только «хм», «нда» и другие столь же многозначительные слова. Когда он состарится и покинет ринг, то станет радио- или телерепортером, рассказывающим о борьбе сумо, и опять будет говорить нормально.

Итадзуки!

Попробуйте сказать громко: и-та-дзу-ки. Не правда ли, красивое слово? Нам очень нравятся такие названия, и мы давно утверждаем: что касается благозвучия, то японский язык — это итальянский язык Дальнего Востока. Вероятно, только индонезийский может сравниться с японским по количеству гласных звуков, но с нами часто не соглашаются, особенно те, кто слышит японцев впервые.

Столь же приятно звучит название «Итадзуки куко» — аэродром Итадзуки. Его также называют «Итадзуки кити» или «Итадзуки Эйр Бейс». Но это уже совсем не так благозвучно.

Авиабазы Итадзуки — одна из важнейших баз американского воздушного флота.

Каждый, кто бывал в Итадзуки, видел, что японские самолеты на этом аэродроме — лишь редкие, терпимые по милости хозяев гости.

Машина еще только катится по взлетно-посадочной полосе, но взгляд, брошенный в иллюминатор, убеждает, что гражданские самолеты залетают в Итадзуки лишь в результате какого-то недосмотра. На бетонной площадке стоят длинные ряды истребителей с короткими, как бы отрезанными плавниками вместо крыльев. Их толстые корпуса украшены броскими цифрами, отличительными знаками армии Соединенных Штатов Америки и большими пятнами ядовито-оранжевой светящейся краски. Некоторые истребители не зачехлены, и их выхлопные трубы торчат над задним крылом. У других крылья и большая часть корпуса прикрыты маленькими переносными ангарами из ребристой жести. Видны лишь жерла реактивных моторов. Вдали светятся оранжевой краской транспортные самолеты, маленькие спортивные машины, самолеты с двумя корпусами и всевозможные другие военные модели. Каждую секунду что-то взлетает или садится, все время движется по аэродрому или плывет над головой какое-нибудь оранжевое пятно, оставляющее за собой полосу серого дыма.

В зале аэропорта сидят или стоят несколько высоких тощих американских старух со строгим выражением лица и стремятся заговорить с каждым иностранцем, которого они не знают. Они набиты впечатлениями о Японии и хотят рассказать о посещении своих сыночек, дочек и внучат на авиабазе. То здесь, то там можно увидеть и пожилого американца с красными щеками, высоким давлением и седыми волосами. За каждую мелочь он расплачивается самыми крупными банкнотами, неразменными кредитными билетами достоинством в пять и десять тысяч иен, которые носит в прекрасном портмоне из крокодиловой кожи. И он очень удивляется, что у киоскерши, продающей воду и бутерброды, нет сдачи.

Аэродромы никогда не были местом средоточия пролетариата и бедноты. Японские пассажиры в Итадзуки тоже скорее зажиточные люди, чем представители средних слоев. Но и среди них американцы обычно чувствуют себя не в своей тарелке. Их старания быть по-

американски любезными, то есть веселыми до крикливости, наталкиваются лишь на вежливую, но холодную маску японской улыбки.

— Когда-нибудь они нам всадят нож в спину, — пожаловался в самолете между Фукуокой и Токио американский ветеран второй мировой войны. — Мы уже забыли о Пирл Харборе, но они об этом не забудут никогда.

— Но ведь вы теперь союзники, — заметили мы.

— Пока да, и еще какое-то время, наверное, будем.

Он был разговорчив. Хотел еще что-то сказать, но замолчал, махнул рукой и приступил к завтраку. Он никак не мог понять, почему японцы не носят его на руках. А мы не могли понять, почему он так этому удивляется. Жить в чужой стране в качестве незваного гостя — это не самая приятная роль.

Весь этот американский муравейник на аэродроме Итадзуки окружен великолепными зелеными рисовыми полями. До Фукуоки отсюда так близко, что самолет, который стартует с аэродрома, оказывается над Фукуокой, как только колеса отрываются от земли. Если же вы отсюда полетите в Токио, то увидите Фукуоку с птичьего полета. Пилот поворачивает левое крыло к земле и начинает описывать дугу, словно демонстрируя за окном самолета пластическую карту города.

Хакатский залив синее под выравнивающимся самолетом, и вы еще успеваете заметить серебряные тела цистерн, поблескивающих рядом с большим причалом. Может быть, вы даже увидите желтый глянж Мацубары. Купаться там — истинное наслаждение, если, конечно, вы не повстречаетесь с ядовитой медузой, от одного прикосновения которой руки и ноги невероятно разбухают и жгучая боль чувствуется в течение нескольких дней.

Потом крылья самолета уже окончательно выравниваются, и под вами будет лишь слегка волнистое синее море. Вы поднимаете глаза и видите стройную фигуру стюардессы с корзинной *осибори* — влажных свернутых полотенец.

Освежающий холодок маленького мокрого полотенца словно призван изгладить неприятное впечатление, оставшееся от истребителей американизированного аэродрома Итадзуки.

У самого большого кратера в мире

Вернемся на несколько столетий назад, в те времена, когда проводниками европейской политики в Азию были фрегаты с рядами тяжелых орудий, а фитиль, вставленный в бочку с порохом, служил обычным коммерческим товаром, то есть в первую половину XVI века.

В Японии шла жестокая борьба между знатными родами, подготовившая приход центральной военно-феодалной власти. Япония лежала слишком далеко от Европы, для того чтобы на нее посягали одержимые поисками золота и жаждой наживы европейские мореплаватели. И хотя уже давно ходили невероятные легенды о таинственных, лежащих далеко на востоке островах, на которых дома строятся из чистого золота (первое известие об этом принес еще Марко Поло), однако никому не хотелось рисковать жизнью и кораблями, ведь и сам Азиатский материк предоставлял много возможностей для обогащения.

И, быть может, поэтому первые европейцы попали в Японию случайно. Они приплыли с юга. Прошло немало времени, прежде чем они поняли, что высадились на краю архипелага и что самый большой и самый важный остров этой империи находится далеко на севере.

В 1543 году море выбросило у берегов Южного Кюсю первое судно с незваными гостями. Это были португальские коммерсанты, к берегам Японии их пригнал жестокий шторм. Японцы дружелюбно приняли их, и в ответ португальцы оставили типичный для них сувенир — огнестрельное оружие. Это было первое огнестрельное оружие, с которым столкнулись японцы, если не считать примитивного вооружения монголов.

Так начались контакты Японии с Европой и довольно оживленный торговый обмен с окружающими странами.

Но каменистые островки, охватывающие, как коралловый шнурок, западное побережье Кюсю, не были тогда и не являются до сих пор лучшими воротами в Японию. В редких деревнях, состоявших из нескольких запыленных деревянных домиков, тянувшихся вдоль труднопроходимых дорог, и сейчас еще живут отрезанные от остального мира люди. Их главная забота — сохранить тонкий поверхностный слой плодородной почвы, смыть который грозит каждый ливень, и обеспечить себя достаточным количеством пресной воды. Связей с окружающим миром они почти не поддерживают, новости сюда проникают изредка, и даже деньги здесь не очень нужны. Если в такой деревне возникает пожар, то вся она сгорает, как сноп соломы. Если пожар был особенно большим, то о нем в течение нескольких дней пишут в газетах, предпринимаются меры по оказанию помощи пострадавшим, поднимается вопрос о нищете и отсталости здешних жителей. Когда кампания утихает, жизнь возвращается в старое русло, и ничего не меняется. Так живет сейчас, а столетия назад жило еще хуже население одной из самых бедных областей Японии. И поэтому первые впечатления португальцев должны были развеять легенды о золотых дворцах на богатейших островах.

И тем не менее Япония наконец была «открыта», и вскоре португальцы, испанцы, голландцы и англичане стали здесь распахивать друг перед другом двери или, вернее, стремились эти двери друг перед другом захлопнуть. Не отставали от них и миссионеры, святой Франциск Ксавье именно здесь совершил наибольшее количество подвигов, которые дали ему право на титул святого. Стремление к наживе гнало торговцев и авантюристов всего мира к берегам новой земли.

Японцы принимали иностранцев гостеприимно, безропотно переходя в христианскую веру, и вообще вели себя очень дружелюбно, пока они не узнали о результатах деятельности миссионеров, торговцев и авантюристов в других азиатских странах и пока воочию не увидели, как набожные иностранные интриганы борются друг против друга и все вместе против Японии. К счастью, японцы в этом убедились в то время, когда государственная власть в стране была централизована, так что им сравнительно безболезненно удалось ограни-

чить иностранное влияние и в течение нескольких лет выпроводить из страны всех чужеземцев. Христианство было полностью запрещено, а в тех случаях, когда этого не удавалось добиться в добровольном порядке, сёгуны сумели дать Риму и нескольких японских мучеников. Вся Япония была изолирована и наглухо закрыта для остального мира. Лишь один маленький японский островок остался открытым для иностранных торговцев. Это было вблизи Нагасаки. Из европейских стран сюда имели право заходить лишь голландские корабли, и то в строго ограниченном количестве. Горстке голландских торговцев был отведен клочок земли, отделенный от города рвом с водой. Этот островок назывался Дэсима. Стремясь познакомиться с Японией, на нем провел несколько лет голландский врач немецкого происхождения Энгельберт Кемпфер, по дневникам которого Х. С. Тилен написал интересную книгу «Путник вечной мечты».

Эту книгу мы читали в Праге. И всегда мы мечтали, что если когда-нибудь попадем в Японию, то поедем в Нагасаки и сразу же с вокзала отправимся на Дэсиму. Однако когда астматичный поезд провез нас через бесконечные холмы, ущелья, тоннели, мосты, насыпи, ступенчатые рисовые поля и доставил в Нагасаки, то было уже темно, а мы так устали и нам так хотелось спать, что в голову даже не пришла мысль о поездке на Дэсиму.

— Вы ищете гостиницу? — спросил кто-то робко по-английски у нас за спиной. Это был один из последних могикан на вокзале в Нагасаки. Все остальные гостиничные агенты уже поймали свои жертвы и повели их на ночлег.

— Не гостиницу, а какой-нибудь рёкан, — ответили мы черной фигуре.

— Я имею в виду рёкан, — обрадовался незнакомец, заговорив по-японски, и сделал шаг вперед, ведя перед собой обшарпанный велосипед. Тут же он стал укладывать на велосипед наши чемоданы.

— Извините, пожалуйста, но что собой представляет рёкан, который вы нам предлагаете? — из последних сил выговорили мы.

Незнакомец вытащил из кармана проспект рёкана, от которого он был сюда послан.

— Рёкан «У белого абрикосового дерева»,— ответил он, сняв фуражку, и поклонился,— очень хорошая гостиница.

— А каковы цены номеров?

— От тысячи пятисот иен до двух с половиной тысяч.

— Хорошо,— решили мы, и наш караван двинулся вперед.

У гостиницы повторился привычный ритуал. Знакомая деревянная ступенька, на ней стоят в ряд домашние туфли такого размера, что нога европейца в них не влезает. Черная деревянная лестница, ведущая на первый этаж в нашу комнату.

— Прошу сюда,— показал рукой *банго-сан*.

Комната была старой. В нескольких местах на обшарпанных желтых татами виднелись черные следы от сигарет, пахло плесенью.

— Сколько же этот номер стоит?

— Эта комната стоит две с половиной тысячи,— черные глаза внимательно следили за нашей реакцией.

Цена была явно завышенной, но мы были в его руках, и он так же твердо, как и мы, знал, что нам здесь придется остаться.

— С питанием?

— Да, разумеется, с питанием — ужином и завтраком.

Конечно же, с питанием. Лишь не знающие местных обычаев иностранцы могут об этом спрашивать, а некоторые даже отказываются от ужина и уходят утром, не позавтракав. Цена каждого гостиничного номера в Японии включает и оплату питания, если, конечно, заранее не оговорены другие условия.

— Ха-а-а! — ответили мы. — Значит, так...

Ха-а-а! Это наверняка наиболее часто употребляемое японское восклицание. Оно всегда выручит вас, когда вы не знаете, что сказать, вам не хочется спорить или вы не можете ответить, когда вам нужно обдумать сказанное или вообще вы не знаете, что делать. Оно произносится с выдохом, как будто вы глотнули рома, и означает все что угодно.

— Значит, две с половиной тысячи... Извините, но нам кажется, что это слишком дорого.

— Ха-а-а! — ответил со слишком глубоким вздохом наш собеседник и тут же снизил цену до двух тысяч.

— Не сердитесь, что мы так настойчивы, но не могли бы мы взглянуть на номер, который стоит полторы тысячи иен? — бросили мы свой последний козырь.

— А что это за номер? — испугался банто-сан.

— Мы не знаем точно, но о нем говорил тот господин, который привел нас с вокзала.

— Ах, вот что вы имеете в виду, — сказал банто-сан и задумался. Потом он махнул рукой и заявил:

— Да стоит ли туда идти, это для вас слишком маленькая комната, и потом, мне кажется, она уже занята, оставайтесь здесь за полторы тысячи иен.

Остается добавить, что в рёкане «У белого абрикосового дерева» было четыре номера, похожих друг на друга как капли воды. Мы так и думали, а утром в этом убедились.

Цены номеров в японских рёканах сильно колеблются в зависимости от внешнего вида гостя. Часто случается, что когда вы спрашиваете о цене номера, то горничная, работающая здесь уже несколько лет, идет узнать, сколько будет стоить номер в этот раз.

На Дэсиму сейчас ходит трамвай. Ров с водой, для перехода через который у голландцев должно было быть специальное разрешение, в начале нашего века засыпали. Остался лишь обычный портовый квартал Дэсиматё. Мы бродили по его улицам под мелким непрекращающимся дождем, под ногами у нас валялись обрывки стальной проволоки, бумага, древесная стружка. Как и несколько столетий назад, здесь расположены портовые склады, но теперь это современные складские помещения, в которых хранятся японские товары. Когда идет дождь, здесь совершенно безлюдно. Лишь изредка кто-нибудь выскочит с пустым мешком на улицу, схватит валяющуюся пустую коробку и исчезнет.

Наконец мы нашли узенькую улочку, ведущую во двор, заваленный всяким хламом; в углу двора виднелся прямоугольный деревянный прилавок и травянистая клумба. Дорога сюда идет вдоль каменного крепостного строения, толстые стены которого явно проектировали не японцы. На высоко расположенных окнах остались резные ставни. Это был старый голландский склад.

В саду в зеленой траве лежат остатки периода,

длившегося четверть тысячелетия, когда Нагасаки был единственным и строго охраняемым окном Японии в чужой мир и центром запрещенного, тяжело наказуемого, но тем не менее не прекращавшегося изучения иностранного опыта и научных достижений. На каменном столбе до сих пор сохранился циферблат солнечных часов, тут же лежит камень, служивший основанием башни, где развевался голландский флаг, а рядом возвышается второй, на котором выбита эпитафия врачу Энгельберту Кемпферу.

И это все. Никаких следов больше не осталось от первого вторжения Запада в Японию.

Хотя нет, еще кое-какие следы остались на нескольких витринах в центре города. Они напоминают витрины магазинов чехословацкого кооперативного объединения «Харита», предприятия которого торгуют предметами для религиозных служб. В префектуре Нагасаки до сих пор сохранилось самое большое количество — около 78 тысяч — японских христиан. Недаром говорят, что у Нагасаки два господина — Ватикан и концерн «Мицубиси». Что касается Рима, то это утверждение несколько преувеличено, но позиции концерна «Мицубиси», на верфях и других предприятиях которого работает большая часть жителей города, действительно очень прочны, и влияние его огромно.

Японцы любят все необычное, особенное, исключительное. Какому-то предприимчивому дельцу в Нагасаки пришла в голову идея одеть традиционные японские деревянные куколки кокэси в черное облачение и клобук католических монашек. Сколько таких страшных сувениров продается в Нагасаки, могут сказать лишь торговцы. До второй мировой войны в Нагасаки находился величественный католический кафедральный собор — один из самых больших на Дальнем Востоке. В нем одновременно могло поместиться до 6 тысяч человек. Судя по старым картинам и развалинам собора, его проектировал, вероятно, ученик архитектора, построившего Токийский вокзал. Это сооружение отнюдь не являлось архитектурным шедевром. В Японии во время войны были уничтожены тысячи куда более ценных памятников культуры. Кафедральный собор был разрушен во время атомного взрыва, вместе с ним погибла большая часть города и его жителей. Считают,

что при атомной бомбардировке Нагасаки и от ее последствий погибло 150 тысяч человек.

Сегодня в Нагасаки, как и в Хиросиме, не осталось следов атомной смерти. Лишь зеленый парк, протянувшийся вдоль главной улицы, по которой ходит трамвай, хранит тщательно оберегаемые памятники войны: памятник жертвам бомбардировки, музей, высокий тонкий каменный столб, обозначающий эпицентр взрыва, недалеко от разрушенного кафедрального собора, и очень странные, наполовину срезанные тории, которые выстояли несмотря на то, что вся синтоистская святыня сгорела. Нагасаки оставил еще более тягостное впечатление, чем Хиросима. Здесь вы не встретите огромных экскурсий и память о трагедии не затронута туристским предпринимательством. Мир постепенно забывает о Нагасаки, но это несправедливо. Хиросима была первой, и в ней погибло на 100 тысяч человек больше. Но это не значит, что катастрофа, которая постигла Нагасаки, была менее ужасной. Оба эти города должны пользоваться одинаковой известностью, и напоминать надо об обоих городах.

Не много городов может сравниться по красоте с Нагасаки. Отовсюду видны поросшие лесом холмы, с которых открывается вид на город, порт и верфи, окаймленные длинной полосой морского залива. На одном из холмов стоит домик, в котором, как утверждают туристские проспекты, предназначенные для иностранцев, жила мадам Батерфляй. Особенно бойкие гиды рассказывают даже, что именно здесь Пуччини написал свою знаменитую оперу. Это, конечно, вымысел, но иностранным туристам он приходится по душе, они взбираются на холм и охотно платят за вход в красивый, построенный в английском стиле домик и за возможность погулять в его живописном садике. Почти все они покидают дом, так и не узнав, что это была резиденция ловкого шотландского торговца. Звали его Томас Блейк Гловер. Он приехал в Японию в 1859 году и сказочно разбогател на том, что построил здесь первый паровоз, начал в Нагасаки добывать уголь и основал в городе верфи.

Покидая Нагасаки, мы купили на дорогу целую коробку сладостей — *касутэры*. Касутэру продают только в Нагасаки, местные кондитеры делают ее так, как их

научили этому первые португальцы несколько столетий назад. В состав касутэры входит много яиц и сахара. Это пирожное намного более вязкое, чем наши кондитерские изделия, и оно нелегко усваивается. Но, несмотря на это, касутэра очень вкусна, и мы питались ею в течение всей дороги.

Вы видели когда-нибудь лунный ландшафт? Наверняка да. На картине или в кино. В Японии есть место, ландшафт которого очень напоминает лунный. Это самый большой кратер нашей планеты, его окружность превышает 120 километров. На дно кратера можно безбоязненно спуститься, потому что он давным-давно остыл. И это вовсе не каменная пустыня. Дно заросло лугами, полями, здесь стоят деревни, между ними проложены дороги, есть даже колея железной дороги, а розовые стены кратера у подножия обросли лесами. Все пространство внутри покрыто буйной зеленой растительностью и рисовыми полями, всюду царят спокойствие и мир. Но где-то в центре кратера, как последнее напоминание о его давнишнем происхождении, осталось место, которое вблизи похоже на глубокую курящуюся пропасть. Это Асо, который наряду с Асамой является самым активным вулканом в Японии.

Из Кумамото до Асо поезд идет около полутора часов. Сначала вы едете по плодородной равнине, среди которой под кронами больших лиственных деревьев видны ветхие крестьянские хижины. Потом поезд замедляет темп и, пыхтя, начинает преодолевать подъем. Затем он останавливается, спустя некоторое время состав снова трогается с резким рывком, но пейзаж за окном убегает уже в обратном направлении, словно поезд возвращается туда, откуда только что прибыл. Через несколько километров все повторяется, и снова состав движется в прежнем направлении. Местные жители объясняют вам с улыбкой, что поезд карабкается зигзагами по стене кратера, которая столь крута, что паровозу приходится на каждом зигзаге занимать место то в хвосте, то во главе состава, пока наконец не начнется спуск.

Под горой Асо, точнее, под ее пятью вершинами, из которых лишь одна проявляет вулканическую деятель-

ность, расположена небольшая деревенька. Издавна она называлась Ботю, однако с того времени, как отсюда наверх пролегло новое асфальтированное шоссе, ее тоже называют Асо.

Когда вы поднимаетесь канко-автобусом к кратеру, перед вами расстилается безграничное пространство и вас охватывает чувство широты и простора. Беловатая дорога, которая содержится в отличном состоянии, вьется по лесистым пологим склонам. На каждом повороте открывается новый вид на мирную Зеленую долину, окаймленную на горизонте синеватой туманной стеной древнего кратера. Далеко под вами расположена деревня. То здесь, то там равнина вспучивается невысокими вулканическими пузырями, заросшими кустарником и напоминающими продавленную шляпу. Наконец автобус переваливается через высшую точку навсегда остановившейся волны, поросшей редкой растительностью, и за лугом, на котором пасутся коровы и лошади, появляется серая, дымящаяся гора лавы. Гора Асо.

За несколько недель до нашего посещения здесь произошел вулканический взрыв. Взрывная волна покорежила фуникулер, ведущий к кратеру, и все здания в окрестности. Сейчас уже все наверняка снова восстановлено, но в тот раз нам пришлось подниматься пешком. Скрученные, обгоревшие столбы фуникулера, спутавшиеся стальные канаты, потолок конечной остановки, пробитый огромными каменными осколками, тонкий налет пепла — все свидетельствовало о силе вулкана Асо. По широкой каменистой дороге, ведущей к кратеру, время от времени поднималась или спускалась лошадь, запряженная в телегу. Гужевого транспорт заменил фуникулер и принес весьма желательное добавление к доходу нескольких крестьянских семей.

Над кратером курился серый дым, который не давал возможности рассмотреть, что творится внизу. Но когда солнечные лучи пробили дымовую завесу, а дуновение ветра отогнало серую стену дыма в сторону, то показались желтоватые склоны, ниспадающие отвесно, и на дне серая кипящая грязь. Внутри кратера, далеко внизу, мы увидели маленького человека-муравья. Временами он исчезал в густом дыму и тумане, которые поднимались со дна кратера, а иногда его фигурка была явственно видна в лучах солнца. На голове у него

была спортивная фуражка, на спине — тяжелый рюкзак. Он медленно спускался. Крутой склон осыпался под ногами, но шел он уверенно. Вероятно, это был один из тех, кто под бездействующим фуникулером продавал в качестве сувениров куски серы и частицы лавы из кратера.

Вечером, когда наш автобус спускался, красноватое солнце озарило поверхность горной трясины, в которой стоял табун лошадей. На траве вокруг отдыхали жующие коровы. Наш гид привычным элегантным жестом правой руки показала в ту сторону и объяснила туристам, что огромный луг с небольшим болотцем в середине называется Кусасэри, или Тысяча травянистых миль. Перед глазами у нас долго стояла идиллическая картина этой широкой плодородной долины с дымящимся вулканом, поэтому на следующий день мы заявили, что остаемся еще на сутки, и попросили, чтобы нам приготовили коробки с сухим пайком вместо обеда. После этого мы снова поехали вверх. Однако не к самому кратеру. Мы попросили, чтобы автобус остановился у Тысячи травянистых миль.

Густая трава, покрывающая горные склоны, шуршала под ногами, а коровы удивленно поглядывали на нас. Нигде ни души. И лишь перед самым обедом на склоне появились две женщины в крестьянской одежде и широких соломенных шляпах. Это были типичные представительницы острова Кюсю. Непосредственные и жизнерадостные, они совсем не удивились тому, что мы бродим среди их стада, подошли к нам, присели, поставили бамбуковые корзинки и поправили белые платочки, которыми были повязаны их головы под шляпами. Они спросили, откуда мы, и рассказали нам, что живут в деревне, расположенной в 45 минутах ходьбы отсюда, внизу под вулканом. Потом они вытащили из корзины бутылочки с тушью и кисточки и начали обводить черные клейма на спинах коров.

Это было прекрасное место. И здесь мы в первый и последний раз видели, как в Японии бегают на воле лошади. Лошадей в этой стране мало. У пяти озер под горой Фудзияма мы видели двоих крестьян, которые пахали на лошади. Отец держал плуг, сын сидел на коне и громко понукал лошадь. На севере страны, на острове Хоккайдо, а также в префектурах Ивате и Фукусима

лошади тоже встречаются, вы можете увидеть, как они везут грузы по дорогам, но эти картины — редкое исключение.

Надо сказать, что коров и телят, которые паслись на Кусасэнри, было всего несколько десятков, а ведь это идеальное пастбище с избытком воды могло бы прокормить немало сотен голов скота. Во многих других областях Японии есть горные луга, на которых могли бы пастись целые стада, но японские крестьяне никогда не разводили крупный рогатый скот. И поэтому на Тысяче травянистых миль в распоряжении небольшого стада имелся великолепный необозримый луг.

От Асо до курортного центра Беппу, расположенного на северо-восточном побережье Кюсю, поезд хотя и не карабкается по стене кратера, но вынужден пробираться сквозь бесчисленное количество тоннелей. Наконец в глубоком, романтическом ущелье появляется река, напоминающая нашу Сазаву. Только вместо лугов, полей и лесов Сазавы вокруг этой речки зеленеют рисовые поля, и среди них то здесь, то там колышут на ветру свои кроны пальмовые и бамбуковые рожицы. Потом вы видите море, и вскоре после этого показывается Беппу.

Беппу — это сравнительно большой ленивый курортный город, кичащийся своей популярностью. Вдоль оживленной улицы, которая тянется по побережью, расположились современные отели, телевизионная башня и серые неуклюжие портовые строения. Остальной город представляет собой переплетение узких шумных улочек со множеством рёканов и японских ресторанов, над крышами которых клубятся облачка белого пара. Беппу — это огромный онсэн, горячий источник, струи которого бьют из земли в тысяче мест. И здешние отели умеют с максимальной выгодой использовать этот природный дар.

Источники Беппу очень красивы и в прямом смысле слова живописны. В центре городского парка всегда можно увидеть толпу людей, стоящих вокруг красного, точнее, багрового Кровавого озера, с поверхности которого поднимается красноватый пар. На самом же деле такую окраску воде придает красное песчаное дно. Чуть

дальше лопаются тяжелые большие пузыри горячей грязи. Затем вас подводят к бирюзово-зеленому озеру, а потом — к скале, из которой каждые три-четыре минуты бьет высокий гейзер. Иногда видно лишь небольшое темное отверстие, откуда поднимается струя горячего дрожащего воздуха. Но стоит зажечь у отверстия спичку, как вы услышите взрыв, после которого из скалы пойдет черный дым. У некоторых источников горячим паром окутаны статуэтки буддийских святых, возле других расположены клетки с обезьянами, третьи окружены японскими садами, есть и такие, что покрыты навесами. Нигде в Японии источники не казались нам столь горячими и нигде летние дни не были столь душными, как в Беппу. Вблизи самых мощных источников так же жарко и душно, как над кастрюлей с кипятком. Лишь вечерами, когда темнеет и с моря дует ночной бриз, город и люди приходят в себя.

Мы тоже вышли на улицу лишь вечером. Женщины оставили дома солнечные зонтики. Покупатели, стоя перед витринами магазинов, обмахиваются веерами. Кто-то, обвязав вокруг шеи полотенце, идет в общественную баню, другие, стуча деревянными башмаками, спешат в лавчонку, третьи убаюкивают детей. Обычный японский летний вечер.

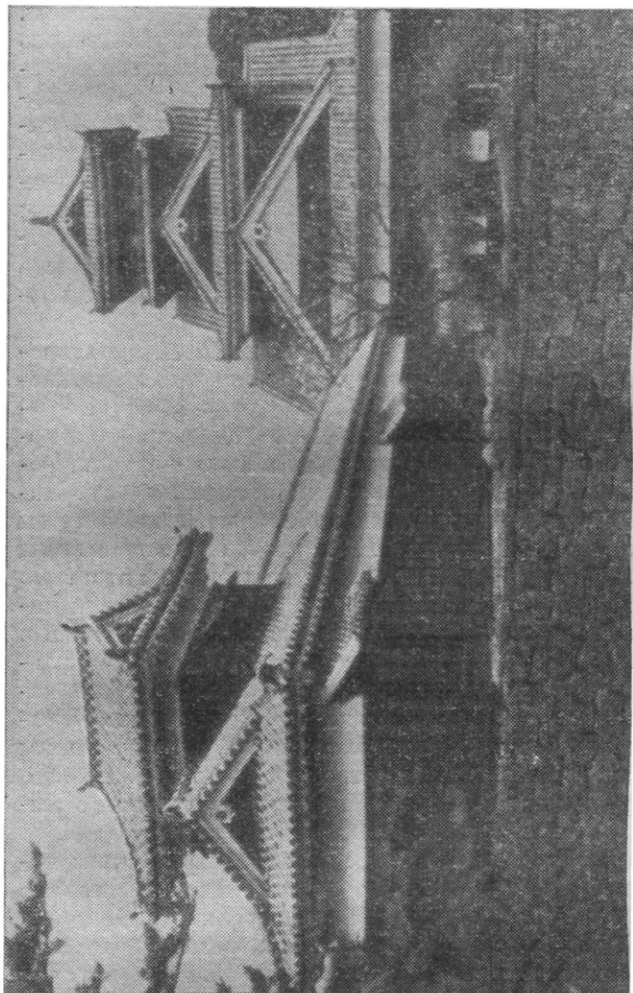
И все же что-то было не так. Проходя по улицам, мы то здесь, то там видели темный, завешенный ширмой вход в бар, и откуда-то из-под земли доносилась приглушенная музыка. Всюду множество английских надписей и реклам. На углу молодой человек, криво улыбаясь, без обиняков протянул открытку с голыми женщинами и подписью, которая обещала первоклассное развлечение. Но особенно поражало то, что дети, завидев нас, сразу бросали свои игры и подбегали, протягивая руку и прося милостыню. Они вовсе не умирали с голоду, но просто пробовали — авось, что-нибудь перепадет. Наконец мы поняли, почему город нам казался странным. До недавнего времени здесь размещался американский гарнизон. Утром, во время прогулок между горячими источниками, мы заметили целый комплекс зеленоватых строений. Американцев здесь уже нет, но они оставили в городе свои следы. Быть может, теперь Беппу уже пришел в себя. Во всяком случае это для него необходимо.

Вдоль улочек, освещенных неоновыми лампами и фонарями, стоят, прилепившись друг к другу, лавочки и магазинчики. Кое-где поливают тротуар и убираются после беспокойного дня. В другом месте несколько человек пьют чай. Из ресторанов слышатся ритмичные и сентиментальные мелодии японских популярных песен. Поздно, и покупателей в магазинах немного. Но торговые ряды японских городов летом закрываются не раньше одиннадцати часов вечера — на случай, если какой-нибудь полуночник все же решит забежать.

Всюду в городе продается бамбук. Японцы очень любят его, зная множество способов применения. Они используют его упругость, форму и элегантность. Из бамбука делаются декоративные колонны и водосточные трубы, обеденные палочки и садовые грабли, удилица и большие плетеные корзины, ручки кисточек и рамы зонтиков. Но лишь в Беппу мы поняли, сколько возможностей таит в себе бамбук. Бамбуковыми изделиями мастера из Беппу славились издавна. Они с таким искусством изгибают, выпиливают, расщепляют, переплетают, выпаривают и лакируют бамбук, что в этом деле с ними никто не может сравниться. В городских лавочках вы увидите овальные красные лакированные подносы с тонким дном из срезанного наискось ствола бамбука, миски, формой напоминающие лист, плетеные корзинки для фруктов, великолепно изогнутые вазы, тарелки, слепленные из тонких срезов, даже сумочки и модели старых голландских кораблей с распущенными парусами. Изделия из бамбука, произведенные в Беппу, ежегодно экспортируются за границу на сумму в несколько миллионов долларов.

Каждый раз, когда мы приезжали на Кюсю, нас влекло на юг, в Кагосиму. Но нам никак не удавалось там побывать из-за недостатка времени, и казалось, что самый южный город Японии всегда как бы ускользает от нас. Он в буквальном смысле слова лежит за далекими горами, и добраться до него нелегко. Дорога из Кумамото в Кагосиму и назад в Беппу занимает целый день, а расстояние от Токио до Кагосимы не меньше расстояния от Праги до Одессы.

Удаленность Кагосимы от столицы и ее местополо-

Феодалный замок в Куямаго

жение сыграли немаловажную роль в истории Японии. Кагосима или, точнее, Сацума, как раньше называлась эта область, в течение длительного исторического периода была в какой-то степени государством в государстве. То же самое относится и к другим труднодоступным частям страны, но Сацума была самой самостоятельной из всех. Здешние феодалы, могучий аристократический род Симадзу, потомки которого и в наши дни имеют значительное влияние, были всегда достаточно сильны, чтобы суметь сохранить независимость от сёгуната даже в такой области, как внешняя торговля.

Мы уже говорили, что у Японии в течение длительного времени были почти полностью прерваны внешне-торговые сношения, культурные и научные связи с другими странами и только в Нагасаки имели право заходить голландские, китайские и корейские корабли, количество которых было чрезвычайно ограничено. Нарушение этого запрета каралось смертью, и поэтому он всегда строго соблюдался. И лишь феодалы Сацумы контрабандой провозили на свою территорию китайские и корейские товары. Они на этом богатели, и с ними никогда ничего не случалось. Для занятия контрабандой в Сацуме были все условия. Дело в том, что под управлением Симадзу находились и острова Рюкю, которые, хотя и имели собственного короля, признавали власть сацумских феодалов. На этих островках, находившихся очень далеко от столицы Японии, было невозможно проводить политику сёгуната, и поэтому торговля с Китаем здесь процветала, как и прежде.

Когда в середине прошлого века в Японии снова появились иностранцы, владыка Сацумы был первым, кто понял всю важность овладения иностранной наукой и техникой, и всемерно способствовал распространению иностранного влияния. В революции Мэйдзи, которая произошла вскоре после этого, род Симадзу поддержал новое правительство и вместе с другими менее зависимыми княжествами сыграл большую роль в поражении сёгуната, реставрации императорской власти и модернизации страны. Сацума вскоре превратилась в одну из многочисленных японских префектур. Сейчас все население говорит на обычном японском языке, и лишь седые старики помнят тот особенный, очень характерный

говор, который раньше тщательно сохранялся, чтобы в Сацуму не могли проникнуть чужие шпионы

Стоит рассказать об эпизоде, происшедшем в 1862 году, который показывает, как европейские державы в то время относились к Японии и ее правительству. Один англичанин, некий Ричардсон, то ли по незнанию, то ли нарочно не уступил дорогу феодалу Сацумы, возвращавшемуся со своей свитой из Эдо. Он не слез с лошади и не поклонился, как того требовали традиции феодальной Японии. За это он был убит телохранителями могущественного феодала, но британское правительство потребовало немедленного наказания виновника и выплаты несоразмерно высокой контрибуции. Однако дело было не в деньгах и не в наказании. В убийстве неизвестного Ричардсона англичане усмотрели повод, чтобы указать японцам на их место и научить послушанию. Поэтому им было на руку, что феодал Сацумы отказался выполнить их требование, и они послали к острову часть своего флота, который 15 августа 1863 года разбил из корабельных орудий всю Кагосиму.

Уничтожение Кагосимы и несколько подобных демонстраций силы заставили японское правительство обходиться с иностранцами осмотрительнее и осторожнее, по крайней мере до тех пор, пока Япония не встанет прочно на ноги.

Но в одном Кагосима нас разочаровала. В популярных туристских проспектах о Кагосиме рассказывается почти как о японских тропиках. На открытках в глаза бросаются банановые и мандариновые деревья, кактусы, ананасы. Однако ничего этого мы в Кагосиме не нашли. Когда мы в конце концов попали сюда, на южную оконечность острова Кюсю, то увидели красивый город, залитый солнцем, здесь было жарко, но не жарче, чем, скажем, в Неаполе. Кагосима, кстати, действительно напоминает Неаполь. Это такой же белый город, раскинувшийся у синего моря, а вдалеке дымится вулкан Сакурадзима.

Раньше вулкан Сакурадзима представлял собой небольшой остров в Кагосимском заливе. Но в 1914 году, во время извержения вулкана вытекло столько лавы, что пролив между островом и побережьем был заполнен раскаленной массой, и остров превратился в полуостров.

Из Кагосимы через залив к Сакурадзиме ходит белый пароходик. Он обслуживает не только экскурсантов. У подножия вулкана расположено несколько деревень. Здесь разбиты сады и поля. В садах растут карликовые бананы, а поля славятся круглыми белыми корнеплодами редьки размером больше человеческой головы. В Кагосиме в качестве сувенира продаются деревянные фигурки крестьянских девушек с белой редькой на голове. Сацума известна также очень нежной, слегка отдающей желтизной и как будто потрескавшейся керамикой и пористым туфовым камнем, огромную глыбу которого вы легко поднимете одной рукой. Этот камень легок, как бумага.

Мы стояли на палубе пароходика, курсирующего по линии Кагосима — Сакурадзима, рядом с местным журналистом, который отправился на другую сторону залива, чтобы подыскать информацию для своей газеты. Перед нами возвышалась черная гора, и мы тщетно искали ее вершину, закрытую грозowymi облаками. Было похоже, что начнется дождь, но над головой синело небо и лишь вершина вулкана словно была обвязана темным шарфом. Мы говорили о всякой всячине и спросили, поднимался ли когда-нибудь наш новый знакомый, родившийся в Кагосиме, на вершину Сакурадзимы. Нам хотелось туда подняться, чтобы заглянуть в кратер. Но журналист не мог понять, зачем нужно карабкаться на вершину вулкана, и старался нас отговорить.

— Во всяком случае ни за что не ходите туда без шлема. В последнее время, говорят, в воздухе летает много камней.

Он не успел договорить, как послышался сильный удар. Воздух задрожал, и из тучи вокруг Сакурадзимы хлынул дождь.

— Гроза, — сказали мы и стали раскрывать зонтики.

— Какая гроза, это небольшое извержение. Если бы вы в это время поднимались по склонам вулкана, то вам на голову посыпались бы камни величиной с кулак, а то и побольше. Видите вон ту тучку — она из кратера.

Из-за темной тучи медленно поднимался, клубясь и превращаясь в шар, столб серовато-коричневой пыли. Мы схватили аппараты и начали щелкать затворами. Журналист стоял, облокотившись о перила, и зевал. Для него это было слишком обычно. Он направлялся на

Сакурадзиму за куда более интересной новостью — там произошла дорожная авария.

— Это никого не интересует,— ответил он на наш упрек в нелюбознательности,— таких извержений здесь бывает около десятка в неделю. Кстати, у вас не получатся фотографии,— изрек он пророчески и оказался прав.

К счастью, на следующий день произошло новое извержение как раз в тот момент, когда мы стояли на обзорной площадке Сироямы — холма, возвышающегося за городом. Утро было солнечное, и столб дыма вставал на фоне голубого неба, как серый гриб, поднимаясь перпендикулярно вверх от вершины кратера. Эти фотографии оказались удачными.

Под каждым действующим вулканом в Японии раскинулись лавовые поля, но около Сакурадзимы эти поля особенно велики. И поверьте, нигде в мире человек не ощущает себя таким одиноким, нигде он не испытывает такого тяжелого чувства, как среди лавовых полей. Это каменная пустыня, усыпанная острыми, залитыми лавой скалами, выступами, расселинами, утесами, коридорами, каменными столбами, достигающими высоты 2—3 метров. И самое страшное здесь — полное отсутствие каких-либо признаков жизни или движения. Это мертвый, покинутый всеми животными и растениями уголок планеты. В школе нас учили, что выветрившаяся лава — плодороднейшая почва. Но до того как выветриться, она олицетворяет смерть.

Написано соленой водой

Всегда желаннее то, что труднее получить. Для чехов и словаков представление о море связано с ни с чем не сравнимой прелестью морских купаний. Когда мы в первый раз оказались в Японии у моря (это было в начале февраля), мы кинулись в него безрассудно и попижонски, потому что быть у моря и не искупаться — казалось нам невозможным. Это происходило на полуострове Босо, восточнее Токио, и день был очень холодным. Мы пробыли в воде не больше пяти минут, и все время, пока там находились, нам казалось, что нас бросили в содовую воду со льдом. Мы выскочили на берег и помчались по пляжу к старому баркасу, вытасченному на сушу, чтобы там переодеться. Соленая вода колола нас миллионами иголок, а ветер скреб кожу наждачной бумагой. В следующий раз мы купались в мае.

Но, конечно, жители Средней Европы любят море не только потому, что у них моря нет. Если бы они жили на побережье, то наверняка тоже любили бы море, но другой любовью. Они относились бы к морю благодарнее и расчетливее.

Для японцев море — вещь самая обычная, оно им необходимо и причиняет немало забот. Особенно из-за тайфунов, когда соленая вода заливает плодородные земли и в течение нескольких лет участок, подвергшийся наводнению, не дает урожая.

Наши друзья уверяли нас, что в Японии есть люди, которые никогда не видели моря. Некоторые старые горцы, живущие в центре Японских островов, никогда не удалялись от своей деревни больше чем на 10 километров. Для них поездка в районный центр — большое событие. Такие люди, конечно, не правило, а исключение, и исключение столь редкое, что радио- и телекомпания приглашают их в Токио, где у них перед миллио-

нами зрителей берутся интервью. Телекомпаниям иногда бывает довольно трудно провезти горцев в Токио так, чтобы они не увидели моря и «не обесценились» до тех пор, пока не предстанут перед зрителями.

Японцев удивляет восторг, с которым мы относимся к морю. Что касается купания, то они впадают в другую крайность. Японцы любят, чтобы во всем был порядок, и поэтому они строго ограничили купальный сезон. Если не считать тех, кто существует благодаря морю, и небольшой горстки энтузиастов, не обращающих внимания на установленные правила и обычаи, японцы купаются в море только после «открытия морских пляжей». Открытие проводится очень торжественно в начале июля, и купальный сезон продолжается до конца августа. До этого момента пляжи поражают своей безлюдностью даже в самое жаркое воскресенье. Зато в первый же выходной день после открытия сезона побережье кишит огромным количеством полуголых людей, даже если идет проливной дождь. Когда сезон кончается, море опять становится пустынным.

Но все это, естественно, не имеет отношения к тем, кто своим существованием обязан морю. На том же самом побережье, где мы в феврале с трудом пробежали несколько метров прибоем, мы много раз видели, как и в более холодные дни десятки полураздетых рыбаков и рыбачек борются с тяжелыми и нередко пустыми сетями. Они бредут по пояс и даже по шею в воде, буксируя баркас с прибрежного мелководья в холодное море. Никто не обращает на них внимания, никто не поражается их выдержке. Так они добывают свой хлеб насущный, таков удел всей их жизни.

«Доккойсэ! Доккойсэ!» — выкрикивают, подбадривая себя, загорелые люди, снующие вокруг лодок. Наверху, на палубе, стоят несколько наиболее опытных и, как правило, почти совсем раздетых рыбаков, которые отдают короткие приказания тем, кто стоит внизу. Летом это нелегкая работа, а зимой во время штормового ветра напоминает каторжный труд на галерах.

Удивительные люди, эти рыбаки! Их низкие поджарые фигуры крепки, как стволы деревьев на морском берегу. Это единый клубок стальных мышц, закаленных ветром, водой, солью и тяжким трудом. Среди рыбаков встречаются очень энергичные и прямые стари-

ки, решительные, мускулистые и слишком крикливые старухи, женщины с детьми, которые привязаны на спине, и молодые атлетически сложенные юноши.

Улов составляет десятки тысяч мелких серебристых рыбешек. Эти рыбки несколько дней будут взирать на мир своими круглыми глазами из специальных плетенок, а потом, уже сушеные, будут ожидать покупателей на деревенских базарах или в витринах крупнейших торговых предприятий столицы.

Но такие уловы обычно привозят те, кто уходит далеко в море. Если же забросить сеть у берега, то в ней может оказаться лишь несколько горстей различной морской мелюзги, на которую взрослые не обращают внимания, оставляя ее на потеху детишкам. Однажды после хорошего улова мы пересчитали деревянные ящики, заполненные серебристыми рыбешками, и, не смотря на то что учли розничную цену и не приняли во внимание прибыли перекупщиков, цифры доходов, которые получились в результате наших подсчетов, вряд ли могли удовлетворить рыбаков. Весь доход надо было разделить на 20, иногда на 25 частей — таков экипаж сейнеров. А ведь даже возле побережья нельзя вести промысловый лов рыбы без значительного начального капитала.

Немало денег стоит прежде всего сам сейнер — неказистая, слишком широкая посудина, о которой рыбаки заботятся больше, чем о себе. Да это и понятно — ведь она их кормилица. Даже самая невзрачная скорлупка бывает оснащена современным оборудованием — локаторами, которые помогают отыскивать косяки рыб и указывают, где надо забросить сети, передатчиками для связи с берегом, сетями, делавшимися раньше из коричневой верви, а теперь все чаще — из дорогого голубого нейлона.

Это дорогостоящее оборудование в большинстве случаев не принадлежит рыбакам и их кооперативам. Оно приобретено в рассрочку или является собственностью богатых компаний, от которых рыбацкие деревеньки полностью зависят. Сотни лодок бороздят волны, покачиваются вблизи берегов или в открытом море, и тысячи рыбаков, несмотря на современное техническое оснащение, как и в древности, с утра до вечера заняты изнурительным трудом, обслуживая новейшие ней-

лоновые сети. Когда наступает передышка, рыбаки вытаскивают жестяные коробочки, чтобы проглотить свой немудреный обед — горсть риса с овощами и рыбой.

И все же уровень жизни в рыбацких деревнях, расположенных вокруг Токио и южнее столицы, довольно высок по сравнению со средним уровнем жизни японских рыбаков. Ведь у их обитателей есть два источника средств существования — рыбная ловля и небольшое поле. Это дает возможность жить хоть и скромно, но довольно сносно.

В последнее время мы привыкли судить о жизненном уровне по тому, есть ли у человека радио, телевизор, стиральная машина и прочие чудеса современной техники. Сам по себе этот эталон весьма неточен, обманчив, особенно когда речь идет о Японии. Если за основу брать этот критерий, то можно прийти ко многим ошибочным выводам. Говоря о будничной жизни японских рыбаков, обитающих вокруг Токио и на юге Японии, надо сказать, что для них радио уже давно не является редкостью, а телевизионные антенны вырастают тут на крышах самых старых, самых бедных лачуг. Если темп такого развития сохранится, то в эти рыбацкие деревни в течение нескольких лет перекочуют и другие, сегодня пока еще редко встречающиеся электроприборы — стиральные машины, холодильники и так далее. Однако труд рыбака от этого не станет легче, а коробочка с рисом не будет полнее. Бедность тоже можно модернизировать.

Но мы пока говорим об областях со сравнительно благоприятными условиями жизни. Северные префектуры Аомори, Иватэ, Акита развиваются намного медленнее, и жить здесь значительно труднее. Суровый климат, изоляция и не просто бедность, а полная нищета — это три отличия тамошних рыбацких деревень. Ветхие бараки, иногда просто лачуги, покрытые жестяными заплатками или старыми рекламными щитами, прижались к подножию гор или скалистым берегам так, что между ними и морем остается лишь место для узкой дороги. Кое-где над дорогой и домами висят каменные выступы, подпираемые временными, но, судя по всему, уже очень долго стоящими здесь деревянными или бамбуковыми стойками. Земли мало, это каменистые почвы и солончаки, много месяцев в году лежащие под

снегом, так что земля здесь не может прокормить человека. Мужчины редко бывают дома, они почти всегда находятся в море. Женщины таскают на спине хворост и тяжелые вязанки дров или работают в качестве смотрителей на разбитых проселочных дорогах. Во время прилива вода доходит до самой дороги, а при шторме заливает ее.

Дома здесь так ветхи, что держатся только чудом, море затопляет единственную дорогу, рыбакам не во что переодеться, а их женам нечего подать на ужин. Но в любой деревне стоит зайти на пристань, как вы увидите недавно построенные бетонные причалы, у которых стоят старые барки и новые моторные лодки. Здесь действует один-единственный закон: «Все для ловли!».

Наверное, излишне напоминать, что труд экипажей маленьких рыбацких судов, особенно на севере, очень тяжел и опасен и что много старых лодок после бури никогда не возвращается домой. Поэтому японские рыбаки стараются получить работу на больших траулерах, где им обеспечена твердая заработная плата. Но найти такую работу удастся лишь немногим, остальным же приходится вести отлов вблизи берега, а если рыба уходит в открытое море, то они вынуждены искать другую работу.

Японский рыболовный флот составляет примерно треть мирового рыболовного флота. И в то же время он представляет собой самую разнокалиберную и разношерстную массу, которая когда-либо бороздила морские просторы. Ведь вся индустрия Японии, вся экономическая жизнь страны делится на два сосуществующих, но взаимно чуждых мира. Это мир нескольких крупнейших, очень богатых корпораций и мир миллионов бедных и все более разоряющихся людей. Рыбный промысел не исключение. Скорее наоборот. Контраст между сильными и слабыми здесь особенно велик. У побережья Японии отлов рыбы ведут около 500 тысяч рыбаков. Однако их добыча не составляет даже десятой части общего улова. Оставшиеся девять десятых приходится на крупные компании, и значительная часть этого — на четыре-пять крупнейших из них. Огромные суда таких компаний служат плавучими фабриками по переработке рыбы и производству рыбных консервов. Ловят японцы все — от сардин до китов. В Индийском океане

и Атлантике, от Камчатки и Аляски до Австралии и Новой Зеландии — в общем, всюду, где есть рыба. Если в Тихом океане потерпит крушение корабль, упадет в море самолет или какой-нибудь смельчак, отправившийся на яхте через океан, начнет во время шторма просить о помощи, всегда ближе всего к месту трагедии оказывается «японское рыболовецкое судно, которое случайно вело промысел в этом районе».

В больших портах иногда вырастают целые горы замороженных тунцов или другой крупной рыбы, которую вытаскивают огромными крюками на бетонные полы, а затем отправляют на склады и в морозильники. Это напоминает лесопильню, на которой разделяют поленья дров или толстые, почерневшие от дождя бревна. Тела крупных рыбин ударяются о бетон с деревянным стуком, а внизу, на складе их тоже ждет пила.

В 1962 году японцы добыли 6 миллионов 752 тысячи тонн рыбы и крабов, не считая огромного количества водорослей и раковин для искусственного выращивания жемчуга. По степени использования морских богатств Япония уже много лет подряд занимает первое место в мире, и международные договоры предоставляют ей наивысшие квоты в планированном отлове китов.

Ни одна крупная нация не испытывает такого сильного влияния моря на весь свой жизненный уклад, как японцы. Для них как бы не существует морского побережья, а океан служит продолжением плодородной земли, только в другом, жидком состоянии; пищевых же продуктов океан дает не меньше, чем земля.

Самым ценным из подарков, получаемых каждым японцем при рождении, безусловно являются несколько десятков сантиметров морской границы, которая теоретически принадлежит ему как гражданину этого островного государства. Японцы существуют благодаря морю, и оно играет в их жизни не меньшую роль, чем земля или воздух. Это в равной степени относится и к рыбакам побережья Тихого океана, и к крестьянам долин, и к лесорубам центральных горных районов. Это относится также к рабочим и биржевым спекулянтам, к садоводам, которые выращивают бананы и мандарины около Кагосимы, к шахтерам и животноводам на севере Хоккайдо. Каждый из них ежедневно употребляет в пищу что-нибудь из даров моря — рыбу, каракатиц, осьмино-

гов, крабов, устриц, раков и других морских животных, а также водоросли в сыром, вареном, печеном, жареном, сушеном, маринованном, сладком, соленом виде. Мы никогда не забудем, как, ужиная в один из первых дней пребывания в Японии, решили попробовать маленьких рыбок, похожих на те, что плавают в наших аквариумах. В них были воткнуты тонкие шпильки, рыбки зеленого и оранжевого цвета были вымочены в кисло-сладком соке, в каком у нас обычно вымачивают орехи или сливы.

Рыбу в Японии нельзя ставить в один ряд с прочими продовольственными продуктами. Это основной, иногда почти единственный источник белка в однообразной и бедной японской пище. Потребление мяса, молока, сыров, муки, картофеля, хлеба и других, столь необходимых для нас продуктов здесь до сих пор минимально. Японцы — самые крупные потребители рыбы в мире. Каждый японец в год съедает в среднем до 60 килограммов рыбы, примерно в двадцать раз больше, чем европеец. Рыбные консервы — один из важнейших видов японского экспорта.

В последнее время был найден способ (он засекречен), как путем комбинации различных специй приготовить из кита великолепный «говяжий» бифштекс или отличные сосиски. Было обнаружено, что одна из очень известных фирм поставляла на внутренний рынок консервы из китового мяса, на этикетках которых красовалась розовая корова и было написано «Говядина». Консервы продавались в самых крупных магазинах. Эта афера привела к большому скандалу, однако представители обвиняемой фирмы заявили, что так поступали не только они, но и другие фирмы, что по калорийности и питательности мясо кита не отличается от говядины и оно приготовлено так, что по вкусовым качествам полностью соответствует говядине. Это правда. Мы сами много раз ели эти консервы. Кстати, если бы это было не так, то афера раскрылась бы намного раньше. Изменилось ли что-нибудь за прошедшие годы, трудно сказать. Специалисты, которым предложили продегустировать говядину и китовое мясо, не нашли между ними никакой разницы.

Столь большое потребление рыбы способствует тому, что конкурентом японских рыбаков-профессиона-

лов становится каждый, кто в свободную минуту попадает к морю или кто живет на побережье и стремится сэкономить деньги за ужин. Поэтому каждый японец в какой-то степени рыбак, даже если он не выходит в море с гарпуном или сетью. К рыбной ловле привыкают с детства. Дети дома играют золотыми рыбками, крабами, рачками и черепахами. Летом на Гиндзе можно видеть людей, у ног которых на тротуаре стоят белые эмалированные тазы с водой; в них плавают рыбки, водяные черепахи и тритоны. То же самое продается и на крышах крупнейших универмагов.

Во время пикника у моря вся семья помогает отцу разыскивать в песке ракушки, принесенные приливом. Сельские дети, которые больше времени проводят на море, чем дома, тут же разбивают скорлупку и с огромным аппетитом поедают внутренности ракушки. У нас, естественно, при виде этого пиршества слюнки не текли, однако если принять во внимание, что в самых шикарных ресторанах Амстердама, Монте-Карло и Парижа устрицы подают на серебре чуть менее свежими и что обходятся они куда дороже, то не стоит удивляться японцам, которые, проведя воскресенье у моря, радостно возвращаются домой с корзиной, наполненной неказистым уловом. У главы семейства после подобных прогулок долго не согреваются ноги, потому что он несколько часов стоял, не выходя из воды и вороша длинной палкой песок под пенящимся прибоем, в то время как его отпрыски и супруга, засучив рукава и подоткнув юбки, искали ракушки в прибрежных скалах. А в деревне? Там нередко все от мала до велика в определенный час, когда начинается отлив, приходят к морю и собирают все, что оно выбросит.

Подростки, которые живут у моря и для которых соленая вода — родная стихия, летом ныряют с гарпуном и маской. Они, конечно, могут плавать с открытыми глазами и без маски, но она стоит недорого, зато символизирует собой технический прогресс.

Если вы никогда не ныряли с маской, то обязательно попробуйте это сделать. Вы сразу окажетесь в совершенно другом мире — в пространстве, заполненном зеленоватым раствором, в сумеречном, нереальном саду, по которому мы обычно бродим лишь во сне и в котором не действуют силы земного тяготения. Вы про-

плывете над темным, теряющимся вдали полем, усеянным сталактитами и фантастическими камнями. С обеих сторон мимо вас будут проноситься стайки мальков. Если вы будете стоять не шевелясь, то ваше присутствие не испугает обитателей подводной империи и между скалами неподвижно повиснут маленькие рыбки. Однако достаточно сделать неосторожное движение рукой или ногой, и они сразу же исчезнут в зеленоватых сумерках без какого-либо усилия, словно где-то неожиданно включили сильный магнит.

Для того чтобы заглянуть в этот мир, сюда приезжают и богатые горожане. Они плавают, одетые в резиновые скафандры, с масками и аквалангами. В руках у них металлические подводные ружья, которые действуют при помощи сжатого воздуха или растянутой резины. Плавание для них — вид отдыха или спорта.

Для японских мальчишек, которые летом целые дни проводят в море, ныряние — это не только игра или развлечение, но и возможность добыть для родителей или близких свежие продукты. Их гарпун представляет собой заостренную палку, стальной прут или маленькое деревянное копьё, которым они очень ловко орудуют под водой. Их улов никогда не бывает богатым. В лучшем случае они поймают какую-нибудь плоскую рыбину или каракатицу.

Нам навсегда запомнилась такая картина: несколько мокрых мальчишеских голов с прямыми черными волосами, падающими на лоб, с посиневшими от холода губами, которые что-то восторженно шепчут, и парень, стоящий в середине группы. Ему под водой улыбнулось счастье. Он держит за розовую губу маленького коричневого бородавчатого осьминога. Как он горд! Однако восторг длится недолго. Мальчишки со знанием дела осматривают щупальца, немного спорят о ценности улова и затем снова прыгают в воду.

На острове Хацусима, вблизи Атами, мы однажды наблюдали за милым чистеньким мальчиком, которому отец наловил в море черных крабов, покрытых струпьями. Крабы, которые были чуть больше пауков, шевелили всеми своими ножками, а мальчик довольно смеялся. Возвращаясь, уже на корабле, мы разговорились с его отцом, а наши ребята подружились с мальчиком, который крабов куда-то спрятал и поэтому ка-

зался нам еще более милым. Мы скоротали дорогу беседой, сфотографировали друг друга, обменялись адресами и пообещали, что пошлем фотографии. Так принято в Японии. На ребят мы не обращали внимания. Они играли с Киёси, основной темой их разговора были крабы. Киёси хвалил своих крабов, утверждая, что они очень умные, что с ними очень весело и что лучше всего их держать в мокрых опилках. А мы радовались, что крабов у него нет.

Но вечером нам пришлось спешно искать мокрые опилки, ибо во время ужина у наших детей из карманов вылезли пять самых страшных и, быть может, самых умных крабов.

В истории мирового технического прогресса есть одно открытие, или, точнее говоря, рационализаторское предложение, являющееся предметом особой гордости японцев. Стоит хоть недолго поразмыслить над этим открытием, как придешь к выводу, что никто, кроме японцев, не мог бы до чего-либо подобного додуматься. Тому, кто сделал это открытие, не была присуждена Нобелевская премия, он не стал обладателем почетных научных титулов и званий, но зато оно принесло ему сказочное богатство.

В начале нашего века бедный, но предприимчивый рыбак Кокиси Микимото пришел к мысли, что если жемчужные раковины могут превращать случайно попавшие в них камешки и песчинки в великолепные жемчужины, то, без сомнения, они покроют перламутром и песчинки, вложенные в них рукой человека. Короче говоря, он решил, что жемчужины, спрос на которые на мировом рынке никогда не удавалось полностью удовлетворить, можно выращивать искусственно.

Бедный рыбак начал ловить раковины, вкладывая в них песчинки и оставляя их на несколько лет в море, чтобы они созрели. Сначала у него ничего не получалось. Жемчужины, хотя и вырастали, но были коричневыми, бугристыми, неровными или не обладали блеском. Но Микимото оказался человеком очень настойчивым, в конце концов он нашел нужный путь, и на него полился золотой дождь. С тех пор в Японии его приводят в пример, так же как в Чехословакии раньше ста-

вили в пример обувного фабриканта Батю. У нас это был бедный сапожник, в Японии — бедный рыбак, но оба стали мультимиллионерами. Поэтому вы, бедняки, не ропщите! И вы когда-нибудь сможете стать богачами, если будете много работать и экономно жить. Когда говорят о Микимото, то особенно подчеркивают его скромность, которая переходила в скупость даже в то время, когда он уже купался в деньгах. В музее Микимото все, что раскрывает эту сторону его характера, выставляют напоказ как пример для японской молодежи. Однако на нас его старый посох, дешевое кимоно и черная поношенная шапка не произвели должного впечатления.

В наше время практически только искусственно выращенные жемчужины попадают в руки ювелиров. Естественных, случайно найденных жемчужин вы уже почти не встретите.

Для выращивания жемчуга Кокиси Микимото выбрал скалистое изрезанное ущельями побережье полуострова Сима, юго-западнее Нагои. И хотя в наше время жемчужные плантации можно встретить и в других местах у побережья Южной Японии, здесь выращивается наибольшее количество жемчужин — около 65 процентов всего японского жемчуга. В 1962 году в Японии было выращено 68 тысяч 809 килограммов жемчуга. Это очень важный источник валюты, так как в основном японский жемчуг — почти 98 процентов всей добычи — идет на экспорт.

Для выращивания жемчужин используются три вида раковин. Жемчужины, выращенные в них, отличаются по форме и особенно по окраске. Раковины *акайагаи*, лучше всего переносящие операцию вскрытия створок и вкладывания маленького коралла, который потом превращается в жемчужину, встречаются лишь в водах Японии. В наши дни жемчужины выращиваются и в других морях Юго-Восточной Азии, однако в большинстве случаев — по японским лицензиям и под руководством японских компаний.

Для того чтобы приносящие богатство раковины попали на операционный стол, где их с поистине хирургической точностью вскроют молодые девушки, вооруженные набором никелированных скальпелей и крючков, их сначала нужно добыть с морского дна. Этим

занимаются сотни японских ныряльщиц, которые во время работы привязаны веревкой к большому деревянному чану, покачивающемуся на волнах. Они ныряют без аквалангов и на дне ищут жемчужные раковины. Искателями жемчуга в Японии всегда были женщины, и это относится не только к теплым южным водам. Японских ныряльщиц вы можете встретить и у берегов куда более холодного Японского моря.

В спокойных, полузакрытых бухтах и проливах между островами, разбросанными у полуострова Сима, на поверхности моря плавают своеобразные плоты. Они связаны не из стволов деревьев или бревен, а из стеблей бамбука, уложенных на круглых поплавках и возвышающихся над водой примерно на 30 сантиметров. С этих бамбуковых рам свисают на толстых веревках проволочные корзины, наполненные раковинами.

У города Тоба, на маленьком острове, который, естественно, называется Жемчужным, находится музей и постоянная выставка жемчуга. Здесь вы можете познакомиться с короткой историей жемчужной промышленности и увидеть особые, редкие экземпляры жемчужин. В приземистых белых деревянных зданиях вам продемонстрируют процесс возникновения жемчужин и их обработку. Молодые девушки в белых халатах на ваших глазах вкладывают в раковины кораллы, извлекают уже созревшие жемчужины и сортируют их по качеству, размеру, цвету и блеску. Они показывают, как жемчужины вставляются в кольца и нанизываются на нитки, превращаясь в длинные жемчужные ожерелья. Все столы покрыты черным бархатом, и на них на специальных блюдах или длинными рядами лежат блестящие белые шарики. Большинство из них мелкие и не очень ценные. На их поверхности можно обнаружить микроскопические неровности и каверны, слой перламутра, покрывающий вложенное ядрышко, сравнительно тонкий и неровный, они не отличаются ни красивым цветом, ни ярким блеском. Но иногда, одна на много и много тысяч, вдруг рождается действительно великолепная жемчужина. Обычно она бывает белоснежной, но может быть и розовой, золотисто-желтой, серебристо-серой или голубоватой, однако главное ее достоинство в том, что она совершенно гладкая и сияние вокруг нее образует своеобразный нимб. Это ее са-

мая характерная черта. Кольцо удивительным образом преломляющихся лучей и мягкий бархатный свет, словно окутывающий круглый шарик. А какова цена этих жемчужин? Амплитуда колебаний цен очень велика. Все зависит от цвета, формы и блеска жемчужин. Не последнюю роль играют и махинации торговцев. Но действительно совершенная жемчужина стоит примерно столько же, сколько роскошный автомобиль. Самые дешевые продаются за несколько крон.

Когда вы выходите из демонстрационного зала на солнечный свет, то у вас перед глазами мелькают белые круглые шарики, которые быстро катятся по черному бархату, подталкиваемые тонкими пинцетами, как костяшки сказочных счетов. В центре маленькой песчаной полянки стоит улыбающаяся девушка, которая предлагает вам испытать свое счастье. Вы можете за 300 иен выбрать из проволочной корзины раковину и посмотреть, не окажется ли в ней драгоценная жемчужина. Как будто на несколько секунд вы вернулись в свое детство, когда вытаскивали из коробочки «счастливый» волшебный конверт. В этих раковинах на Жемчужном острове всегда что-нибудь есть. Но, как правило, это жемчужины низкого качества, молодые, не успевшие созреть.

Мы вытащили некрасивую, грязную раковину и в ее розовато-коричневой мякоти нашли две жемчужины. Они были маленькими, невзрачными, но нашли их мы сами. И это играет большую роль. Настолько большую, что в последние годы становится все выгоднее запаивать раковины с незрелыми жемчужинами в консервные банки, продавать их по всей Японии и даже экспортировать. В Токийском аэропорту вы можете купить эти банки с раковинами для всех своих знакомых, друзей и родственников.

Самая крупная отрасль промышленности, которая наряду с рыболовным промыслом непосредственно связана с морем,— кораблестроение. Япония уже в течение семи лет занимает первое место в мире по строительству морских судов, в Японии же построены два самых больших в мире корабля. Это танкеры, предназначенные для транспортировки нефти из Персидского залива,

водоизмещением 135 тысяч тонн каждый. В 1962 году в Японии было построено рыболовных и транспортных судов общим водоизмещением 2 миллиона 413 тысяч 694 тонны⁸. Сюда относятся и стальные колоссы, построенные на гигантских верфях близ Токио и Йокогамы, Осаки и Кобе, у Нагасаки на острове Кюсю и во Внутреннем море, и маленькпе деревянные рыбацкие баркасы, сделанные вручную, в довольно примитивных условиях.

Однажды мы собственными глазами видели, как строится такая деревянная рыбацья шхуна. Это было в Отару, живописном портовом городе на западном побережье Хоккайдо, куда мы заехали после посещения морского аквариума, чтобы взглянуть на верфи. Точнее говоря, это была не верфь, а столярная мастерская, расположенная прямо на берегу моря, и в ней за большими временными жестяными воротами, под жестяной крышей и среди жестяных стен строилось судно.

Куда бы мы ни кинули взгляд, он натыкался на древесину, великолепную, твердую древесину. Бревна, балки, доски, рейки, планки, обрезки, стружки, опилки — целая роща. И над всем этим ароматным древесным царством, словно вышедший из-под резца ваятеля, высился могучий, ладный, желтоватый корабль, который в течение нескольких месяцев выпиливали, собирали и шлифовали золотые руки старых мастеров, одетых в синие робы с большим белым знаком на спине. Их одежда была усыпана опилками, а на ладонях бугрились твердые мозоли.

Светлый корабль высился над нами в неярко освещенном зале, как гигантская скульптура в ателье зодчего.

— Он уже почти готов, скоро будет спущен на воду, — сказали нам будничным тоном, в котором не чувствовалось никакой гордости.

— Для кого вы строите корабль?

— Нам сделал заказ один из рыболовецких коопе-

---

⁸ В 1965 г. тоннаж построенных в Японии судов был равен 5363 тысячам брутто-тонн, что составляет, по японским данным, 43,9% мирового тоннажа судостроения. На воду был спущен и находится в эксплуатации крупнейший в мире танкер — «Идэмицу Мару» грузоподъемностью 210 тысяч тонн. — *Прим. ред.*

ративов с юга. Подобные суда, как правило, делаются для кооперативов.

— А откуда берут рыбаки средства для постройки такого судна?

— У них обычно этих средств нет. Они берут ссуду и затем возвращают ее по частям, в зависимости от улова.

Мы поднялись на палубу, и наш восторг значительно уменьшился. Балки, скрепляющие борта корабля, вблизи оказались более массивными, а сам корпус — менее изящным. И хотя все было пригнано очень тщательно и нигде не было ни единого гвоздика, но отсюда, с палубы, все выглядело по-другому. Отдельные части корабля казались тяжеловесными, неуклюжими, почти грубыми. Размеры корабля — около 15 метров в длину и 5 в ширину.

— Надежный корабль,— похвалили мы строителей,— а на какое расстояние он может выходить в море?

— Довольно далеко,— уклончиво ответил старый мастер.— В прошлом году две такие рыбацьи шхуны достигли берегов Бразилии, но это исключение. Обычно они промышляют в Тихом океане.

Но у моря расположены не только судоверфи. Все ключевые отрасли японской промышленности размещены на побережье. Металлургические и машиностроительные заводы, химические комбинаты, нефтяные вышки и научно-исследовательский ядерный институт. Лишь угольные шахты не всегда располагаются у моря. Однако те, что размещены на побережье, уходят в глубину и тянутся под морским дном иногда на большие расстояния.

Производственный цикл практически всей японской тяжелой промышленности непосредственно связан с морем. У каждого крупного предприятия имеются собственные причалы. С одной стороны причала океанские корабли сгружают сырье — руду, уголь, металлолом, с противоположной стороны другие корабли грузят в трюмы трубы; металлический лист, проволоку, рельсы. Это одно огромное предприятие, единый конвейер, который соединяет два корабля. Мы чуть не плакали от за-

висти, глядя на столь экономичный способ транспортировки сырья и готовой продукции. В Японии почти не увидишь длинного товарного поезда. Сколько вагонов, паровозов, рельсов, железнодорожного оборудования и топлива экономит море! Об этом у нас в Чехословакии можно только мечтать.

Но этот просто гениальный способ организации производства в японских условиях лишен всякого ореола гениальности. Ведь никому не пришлось слишком долго над этим ломать голову, ибо никакого другого решения в условиях Японии предложить нельзя. Было бы бессмысленным в стране, столь бедной полезными ископаемыми, строить промышленные предприятия вдали от морского побережья и возить туда сырье и необходимые материалы по железной дороге, в то время как большая часть готовой продукции будет вывезена из страны морским путем. Поэтому вдали от побережья размещены лишь те отрасли, которые не нуждаются в большом количестве сырья и продукцию которых выгодно транспортировать на грузовых автомобилях — чаще всего опять же до ближайшего порта. Это текстильные фабрики, заводы по производству часов, фотоаппаратов, транзисторов, радиоприемников, телевизоров, холодильников и других электроприборов (на них в большинстве случаев работают девушки и молодые женщины), предприятия пищевой и частично химической промышленности, лесопильные заводы и бумагоделательные комбинаты, сырье для которых поставляют в основном северные леса. Подавляющая часть японского рабочего класса сосредоточена в крупных городах, расположенных на побережье. Так море косвенным образом влияет на социальный состав населения, на выборы, на политику...

И все это происходит потому, что море вовсе не предназначено только для купания. С ним связано — и особенно это касается Японии — целое море других, намного более важных проблем.

Четыре времени года

Каждое время года прекрасно, каждое отличается своей неповторимой красотой.

Японская весна — это крестьяне, которые, стоя по колено в воде, высаживают на полях рисовую рассаду. Это красные флаги первомайских демонстраций, забастовки и манифестации профсоюзов. Это также удивительные, трепетные белые цветы сакуры, прекрасные, как шелк, но столь же бесполезные и не обладающие запахом, великолепное ничто, ожидающее первого сильного порыва ветра, чтобы упасть на землю с сознанием того, что выполнена роль, которую они должны были сыграть в жизни. Длинные гвозди дождя вобьют последние белые лепестки в грязную землю, прилепят их к асфальту, заборам и блестящей поверхности автомобилей. Так умирает красота и кончается весна.

Японское лето — это пот, который днем струится из каждой поры, это усталость и измождение, это мороз, пробегающий по спине под взмокшей рубашкой при входе в прохладное кафе, ресторан или зал кинотеатра. Это июньские дожди, льющие из тяжелых, бездонных туч, и влажные теплые вечера, когда так трудно уснуть из-за неумолчного звона цикад и колокольчиков фурин, подвешенных к занавескам в спальне. Это покрытые густой зеленью ступенчатые поля, океанские волны и солнечные ожоги.

Японская осень — это настоящее чудо, освобождающее из плена сладкого дурмана летних вечеров, это милосердный живописец, который, взмахнув кистью, за несколько дней превращает жаждущую влаги зелень в желтизну сжатого риса, развешенного на жердях и заборах. На убранных полях затвердевает коричневая грязь, холмы и горы накладывают желтые, оранжевые и багровые покрывала кленовых листьев. Раскаленный летом небосвод возносится до недостижимой высоты, окраши-

ваясь в прохладные голубые тона. Это период, когда на базаре много фруктов, на дорогах — туристов и рёканы забиты до отказа.

Японская зима — это голубые керамические грелки хибати и обложенные тяжелыми футонами катацу — отверстия в полу, откуда струится жар, — теплые островки среди гладких холодных татами. Зима, начиная с севера, раскатывает по Японии белоснежный ковер. Конец этого ковра редко достигает Токио или теплых южных районов. А если иногда и достигает, то быстро тает в черной грязи. Это период лыжников, поломанных и обмороженных ног, гибнущих в горах альпинистов. Со снегом или без снега, на севере или на юге, морозная или теплая, зима — это прежде всего Новый год, самый большой и нередко единственный праздник, прерывающий изнурительный труд, это два-три дня визитов к знакомым и родственникам и целые кипы посланных и полученных поздравлений. «Синнэн омэдэто!» — желают люди друг другу. «Счастливого Нового года!» — а мысли всех уже устремлены к весне.

Весна

Мартовское солнце день ото дня становится все теплее, и на улицах появляется все больше детей и игрушек. Водитель, который целыми днями пробирается по лабиринту узких токийских улочек, вынужден время от времени выходить из машины и убирать с середины дороги забытый детский автомобиль или трехколесный велосипед.

В больших и маленьких садах слышно щелканье пожниц, садовники развозят дерн, распускаются первые цветы, и на деревьях набухают почки.

Однажды эту будничную жизнь нарушает мелодичный крик: «Кингё! Кингё!». С огромным аквариумом, в котором плавают самые различные виды рыб, приехал кингё-сан, продавец золотых рыбок. Это верный признак весны. Аквариум кингё-сана, под лучами весеннего солнца похожий на ювелирный магазин, привлекает всех детей округи. Подходят к нему и взрослые. Японцы — большие любители аквариумов и золотых рыбок и хотят пополнить поредевшее за зиму население подвод-

ного царства. Каждый терзается сомнениями, каких рыбок купить — вот этих с длинными плавниками или тех, красных, с черным пятном на хвосте. А вот еще серебристые с красными пятнами, а рядом плавает вся черная с выпученными глазами. Улица оживает, продавец сачком ловит купленных рыбок, выливает их с водой и водорослями в стеклянные банки или в целлофановые мешочки и советует при этом, как обращаться с различными видами рыб. Вскоре его голос уже слышен на другой улице. Лишь мокрое пятно, исчезающее под лучами солнца, указывает на место, где он только что стоял.

Японию часто поэтически называют «страной вечной весны». Но это очень неточный образ. Весна здесь длится совсем недолго — она короче, чем лето, осень и зима. Весна начинается в марте, в апреле достигает полного расцвета, а в мае уже переходит в душное лето.

В конце марта из магазинов исчезают все зимние товары и появляются весенние и летние. Горе вам, если вы в мае захотите купить теплый свитер. Вас ожидает неудача, так как все зимние товары находятся на складах.

— Свитеров у нас уже нет, не хотите ли пляжный халат? — скажет вам, улыбаясь, продавщица, даже если на улице дует ледяной ветер.

Весной начинается новый сезон в моде. Японские модельеры пристально следят за развитием мировой моды и особенно за модой французской и итальянской. Главная задача японских модельеров — отобрать из предложенных моделей, тонов и покроев те, которые больше всего подходят для миниатюрных японских женщин и которые должны убедить заказниц, весьма ревниво следящих за своими туалетами, что в прошлогоднем платье сейчас появиться просто невозможно и, следовательно, надо или купить, или сшить новое. Курсы кройки и шитья в Японии пользуются огромной популярностью. Быть изящной и элегантной — для большинства японок это не только дело удовлетворения их женского тщеславия, но и жизненная необходимость, ибо красивая, со вкусом одетая женщина имеет намного больше шансов получить сносную работу, то есть стать продавщицей богатого универмага, официанткой в крупном отеле или стенографисткой. О том, что многим

японкам, стремящимся угнаться за модой, приходится соблюдать многонедельный пост, мы уже говорили.

Весной в витринах универмагов Токио, Осаки и других городов выставляются новые модные платья и украшения. Дело чести и залог высокой посещаемости универмага — хотя бы один этаж отделать тканями всех оттенков того цвета, который моден в этом сезоне. Это может быть фиолетовый цвет, зеленый или, скажем, синий. Попав в такой универмаг, вы чувствуете себя как золотая рыбка в аквариуме. Все здесь голубое или синее, начиная со шляп и кончая ботинками. К этому надо приплюсовать и психологическую обработку молодых женщин и девушек, которой их подвергают непрерывная реклама и бесчисленные журналы мод, играющие на струнах тщеславия и на простодушии своих читательниц. Все эти способы, вместе взятые, совершают чудеса. Пока Париж дискутировал о бессмысленности «платьев-мешков», а Америка оценивала влияние «мешка» на женскую фигуру, вся молодая Гиндза — и богатая и бедная — уже ходила в «мешках».

Наиболее известный символ японской весны — это цветы сакуры. Сакура расцветает в конце марта или в начале апреля, а на Хоккайдо — даже в начале мая. Ветки усыпаны цветами, когда на них еще нет листьев.

Это чем-то напоминает нашу черешню, кстати, сакура — одна из разновидностей черешни, но плоды ее очень мелкие и несъедобные. Поэтическое сравнение цветов сакуры с весенним снегом на ветвях деревьев, столь излюбленное и в древней и в современной японской поэзии, стало избитым, но это точное сравнение. Настоящая сакура почти белоснежна, во всяком случае, она вовсе не такая розовая, какой ее рисуют на плакатах туристических бюро. Сакуровые аллеи и сады каждую весну заполняет множество людей, которые собираются сюда на *ханами* — любованье цветами. Ханами — это не только созерцание поэтического весеннего чуда природы. Это пикник, на который приезжают с сумками, полными всевозможных продуктов и бутылок вина, это праздник, во время которого пируют, исполняют старые танцы и песни. Ханами отмечают очень весело, но вечером под цветущими деревьями, среди

опавших белых лепестков остаются пустые бутылки, консервные банки, бумага и те, кого ододел хмель. Насколько все же красивее одинокая сакура, растущая где-нибудь на краю деревни, у маленькой хижины.

Но день и час прихода весны нельзя определить ни по календарю, ни даже по цветению сакуры. Так, например, *хина мацури* — праздник хина — тоже весенний праздник, хотя он отмечается 3 марта. Надо, однако, сказать, что раньше, когда в Японии пользовались лунным календарем, этот праздник отмечался примерно на месяц позднее.

Уже в конце февраля в японских магазинах появляется *хина нингё* — куколки хина. Эти маленькие куклы изображают феодальных господ и дам, облаченных в дорогие платья, их придворных и оруженосцев, как правило, в торжественных позах. Они бывают либо глиняными, либо деревянными, а иногда одеты в настоящее, сшитое на руках, миниатюрное кимоно. Цены таких кукол разные, одни куклы по карману любой японской семье со средним достатком, другие стоят десятки тысяч иен. Особенно дороги те, что сделаны известными мастерами. Хина нингё напоминают хакатские куколки, но в отличие от них хина нингё роскошно одеты и смотрят они так высокомерно и надменно, что кажутся куда более строгими, чем самые чопорные хакатские статуэтки.

Хина нингё вы увидите во всех японских семьях, где подрастают девочки, так как хина мацури — это день японских девочек и хина нингё — символ этого праздника. За несколько дней до 3 марта японские мамы выставляют на видном месте небольшие черные лакированные или покрытые красным сукном шкапулки и на них, а иногда и просто на полке, расставляют хина нингё. Затем мамы с дочками отправляются к знакомым, девочки играют друг с другом, а мамы пьют чай и восхищаются расставленными куколками. С этими куклами девочки никогда не играют. Они предназначены только для того, чтобы их выставляли, и это, вероятно, самое характерное проявление их женственности. Иначе трудно объяснить, как могут подходить друг к другу надменный вид кукол и маленькие, озорные девочки.

После 3 марта мамы снова заворачивают хина нингё и прячут их на целый год в коробочки и шкафы.

Когда дочери подрастают, куклы переходят к внукам, те их дарят правнучкам, и так они переходят из поколения в поколение, пока в результате ежегодного разворачивания и заворачивания они не облупятся и платье их не порвется. Когда в японской семье рождается девочка, то она получает либо сразу, либо в первый же праздник хина мацури куколок, изображающих надменного господина, который сыграл какую-то роль в японской истории, или прекрасную, но грустную даму. В богатых семьях кукломатами хина нингё заполнены целые стеклянные шкафы. Но нам всегда было немного жаль японских девочек, которые в день своего праздника не могли с ними весело поиграть.

У мальчиков положение лучше. Их день — 5 мая. Они отмечают свой праздник куда более шумно, и поэтому, наверное, после второй мировой войны этот день был объявлен праздником всех детей. Но все равно в этот день мальчики пользуются преимуществом. Впрочем, в Японии мужчины всегда были в привилегированном положении. Символом праздника служит карп — рыба, которую японцы, вопреки нашим представлениям о ее лености, издавна считают олицетворением силы и мужества.

За несколько дней до праздника и в течение двух-трех дней после него над домами, где есть мальчики, и в садах на высоких шестах развеваются длинные цветные матерчатые мешки с чешуей и большими черными выпученными глазами. Это карпы — *койнобори*. Они полощутся над всем городом, а над крышами крупных универмагов вы увидите рекламные койнобори гигантских размеров. Особенно красивы эти символы юношества, когда они развеваются над деревенскими хижинами и их яркие краски резко выделяются на фоне голубого весеннего неба и нежной зелени пробуждающейся природы.

Мальчики 5 мая тоже получают подарки. Обычно это бывают куклы — рыцари в латах или экипированные лошади, игрушечные шлемы и мечи самураев.

Ни рыцари, которых дарят мальчикам, ни хина нингё не вызывали у нас особенного восторга. Они безусловно красивы, богато украшены, но в них чувствуется культ феодального средневековья, военщины и

связанного с этим слепого повиновения. В современных семьях в последние годы детям стали дарить на их праздник и самые обыкновенные игрушки.

Лето

К японскому лету надо как следует подготовиться. И в моральном отношении и во всех остальных. Прежде всего нужно купить зонтик; это касается не только женщин, но и мужчин. В период дождей — во второй половине июня и начале июля — нельзя выходить без зонтика даже в самую солнечную погоду. Ливни в это время бывают очень сильными, неожиданными, и без зонта вы пропадете, ибо на улицах, окаймленных изгородями садов, негде спрятаться. Забежать в двери ближайшего дома — это значит войти в переднюю чьей-либо квартиры.

Период дождей, или, как его называют японцы, *цую*, вообще не очень приятное время. Весь дом: стены, пол, мебель — все становится влажным, продукты быстро портятся, туфли в течение нескольких дней покрываются зеленоватыми пятнами, плесневеют одежда, перчатки, ковры, покрывала, татами. Японские хозяйки хорошо знают, что значит *цую*, и поэтому в первые же весенние дни во время сухой солнечной погоды они тщательно просушивают зимнюю одежду; шерстяные вещи сдают в чистку и лишь абсолютно чистую и сухую одежду складывают в большие деревянные коробки изпод чая, на которые в это время бывает очень большой спрос. Коробки предохраняют содержимое от влаги, а сильный аромат зеленого чая, который держится в коробках, отгоняет моль. Но, несмотря на все эти меры, японское лето — это непрерывное выбивание, просушивание, чистка всего, что хранится в доме.

После периода дождей начинается жара, во время которой испаряется вся влага, пропитавшая землю. Раздвижные стены японских домиков в это время распахнуты с раннего утра и до позднего вечера. От любопытных глаз их обитатели укрываются лишь за легкими камышовыми ширмами, установленными перед окнами и открытыми стенами домов. Жизнь в это время продолжается далеко за полночь, ибо хотя ночи стоят тоже жаркие, все же это самое приятное время суток.

Летом одежда мужчин в городах становится однообразной, как студенческая форма. По улицам идут толпы людей, одетых в одинаковые темные брюки и белоснежные рубашки, пиджаков и галстуков вы почти не увидите. Женщины одеваются в белые блузки из хлопчатобумажной ткани и тонкие летние кимоно — *юката*.

Юката — идеальная одежда в условиях лета. В ней не жарко, она впитывает пот и хорошо пропускает воздух. Мужчины дома тоже, как правило, снимают европейские костюмы и надевают юката. По орнаменту и цвету легко отличить женское юката от мужского. Точно так же различаются и шерстяные кимоно. Девушки носят белые юката с яркими крупными узорами, где преобладают красный, розовый, желтый и зеленый цвета. Юноша не наденет юката, где есть хоть одно красное пятно. Его юката должно быть окрашено в синий или серый цвет.

Рисунок на мужских юката для всех возрастов — мелкий, серого, темно-синего или темно-зеленого цвета. Женщины обычно надевают юката светлые и пестрые, однако чем женщина старше, тем узоры мельче, а краски спокойнее.

К летнему наряду японцев относится и неизбежный веер. В автобусе или метро вы иногда чувствуете, что через минуту упадете в обморок из-за жары и влажности. Сначала вам становится смешно, когда вы видите, как старый японец вынимает из кармана пиджака или брюк складной веер и начинает им яростно обмахиваться. Но через несколько дней невыносимой духоты вы наверняка тоже купите веер, хотя бы потому, что японские веера очень красивы. При выборе веера решающими также являются различные детали — по форме, орнаменту и цвету каждый искушенный человек сразу определит, дамский это веер или мужской.

А если летом, когда стоит жара, кто-нибудь придет в гости, то хозяин или хозяйка обязательно положит перед ним веер или поставит бамбуковую подставку с несколькими веерами, чтобы гость мог выбрать тот, который ему понравится. Но в гостях вам подадут не складные веера, а веера *усива*. Они похожи на большие, круглые или прямоугольные лопатки, сделанные из тонкой бамбуковой рамки, на которую натянута бумага. Эти веера, как правило, исписаны иероглифами или на них

воспроизведены известные гравюры и рисунки. Бывают и рекламные объявления. Почти каждый торговец, даже мелкий зеленщик, преподносит летом своим заказчикам в качестве подарка рекламный веер усива.

Но японцы пользуются не только веерами. После войны здесь распространились вентиляторы, фены и холодильные установки, вмонтированные в окна богатых особняков и превращающие комнаты в холодильники, а их обитателей — в вечно сморкающихся людей, ибо пот, который тек по лицу и спине, в таком помещении чуть ли не замерзает, превращаясь в ледяную корочку. И все же надо признать, что это спасительные приспособления, ибо каждый иностранец, приехавший в Японию из страны с более прохладным климатом, с трудом мог бы прожить здесь первое лето без кондиционера; главное, без него невозможно ни работать, ни спать. На следующее лето кондиционер для него — вещь приятная, но уже не столь необходимая, а на третий год он с удивлением обнаруживает, что полностью акклиматизировался.

Мы пока говорили о грубых, механических средствах избавления от жары. Однако японцы умеют создавать и иллюзию прохлады. Так, например, на веранде и на окнах они подвешивают маленькие стеклянные или металлические колокольчики — фурины. К язычку колокольчика прикреплена полоска бумаги. Эта полоска при малейшем дуновении ветерка шевелится, и колокольчик издает нежный освежающий звон. Фурины висят во всех домах, и их звон так же неразрывно связан с японским летом, как и неумолчное монотонное стрекотание цикад.

Есть и другие способы. Японцы рассказывают друг другу страшные истории о привидениях и призраках, утверждая, что во время этих рассказов у слушателей по спине проходит такой мороз, что им кажется, будто стало холодно. Это не выдумка. Рассказывание страшных историй в Японии действительно связано с летом, это древняя традиция. В последние годы ее поддерживает главным образом телевидение. А театр Кабуки включает в свой летний репертуар традиционные пьесы, в которых не последнюю роль играют *обакэ* — различного рода привидения и духи. Честно говоря, японские ужасы лично на нас не оказывали должного

воздействия. Холодный *мугита* — не очень крепкий отвар жареного ячменя, — вне всякого сомнения, освежает лучше, чем любой рассказ о бледном, лохматом, безногом духе на старом кладбище.

Мы упомянули о холодных напитках. Пьют их много, но японцы жарким летом все же предпочитают горячий зеленый чай. Они безусловно правы, это подтверждает столетний опыт. После горячего чая не исходишь потом и чувствуешь себя бодрее, чем после холодных напитков.

У лета тоже есть праздники. В начале июля все магазины полны и товаров и покупателей. 15 июля отмечается *отюгэн* — начало второй половины года, во время этого праздника японцы обмениваются подарками. Они, как правило, бывают менее дорогостоящими, чем новогодние, и всегда как-то связаны с летом. *Отюгэн* празднуется в те же самые дни, что и праздник *обон*, во время которого японцы вспоминают усопших, согласно буддийской вере, посещающих в эти дни родственников. И так как даты обоих праздников совпадают, в последнее время японцы начинают отождествлять и их значение. Для многих рабочих и служащих — это два или три нерабочих дня, накануне которых они получают, правда, нередко после забастовки, прибавку к заработной плате для того, чтобы купить новое платье или сделать подарки знакомым.

Летние праздники весьма своеобразны. Частью их являются и танцы празднества *обон*, которые исполняются ночью в буддийских храмах.

Представьте себе жаркую летнюю ночь со звездным небом и садами, наполненными звоном цикад. Улочки безлюдны. Лишь время от времени за нечастой бамбуковой изгородью промелькнет тень торопливо идущего человека. Вы открываете окна, готовясь ко сну, но влажный теплый воздух доносит навязчивые, не дающие возможности забыться удары бубнов и протяжную японскую мелодию, а если вы внимательно прислушаетесь, то услышите в интервалах между ударами и песнопение. Это значит, что где-то неподалеку в буддийском храме (подобные храмы в Токио встречаются повсюду) вся округа празднует *обон*.

И как весело празднует! Надворье храма, где днем так тихо, сейчас буквально забито толпой людей, одетых в юката. Цветные фонари, свисающие на длинных проволоках, раскачиваются, выхватывая из тьмы то лицо вашего знакомого из соседнего дома, то фигуру человека, которого вы видите ежедневно в автобусе или трамвае. Вы встретите здесь и сапожника, с утра до вечера латающего сапоги в полуразвалившейся мастерской на углу; и высокооплачиваемого чиновника из банка, который в течение всего года не обращает на своих соседей никакого внимания и которого можно увидеть, лишь когда шофер открывает дверцу автомобиля; и горничную, живущую напротив и каждое утро выплескивающую у вашего порога ведро воды (это она делает не для того, чтобы досадить вам, а просто чтобы было меньше пыли); и знакомого преподавателя политэкономии, сыновья которого ходят к вам в сад и потихоньку лакомятся чешским картофельным супом; и, конечно, здесь много детей. Им давно пора спать, но обон — это также и их праздник.

От ворот храма тянутся лотки. Рядом с некоторыми из них стоят низкие металлические кадучки с водой. Дети здесь покупают золотых рыбок, рачков, черепашек, которых они могут — и в этом заключается вся прелесть — сами выбрать и наловить сачками. Затем идут другие соблазны — цветные, наполненные водой шары, лодочки, которыми можно управлять при помощи магнита, пароходики и водяные пистолеты. Тут же находятся стойки с висящими на резинке, сделанными из тонкого целлулоида масками послушных девочек, *гэжю камэн* — японского супермена, чертей, самураев и даже Эммо — владыки буддийского ада. Маленькие черти, самураи, супермены и эммо шныряют у взрослых под ногами, свистят, носятся друг за другом. И лишь маски послушных девочек остаются нераспроданными.

Тут же ходят и продавцы *айсу*. Айсу, имеющее и другое японское название — *кори*, означает то же самое, что английское слово «айс» — лед. Но сказать, что продавец айсу торгует замерзшей водой — значило бы грубейшим образом исказить сущность этого очень красочного обряда, без которого не обходятся японские праздники. Продавцу айсу нужны три вещи. Большой кусок льда, желательного из питьевой воды, ручная или

ножная круглая пила, для того чтобы крошить эту глыбу льда, и не меньше двух подвешенных вверх дном бутылок, из которых по просьбе покупателей наструганный лед поливается красным, зеленым или желтым сиропом. Вкус у сиропа еще менее естественный, чем его цвет, а это, принимая во внимание «ядовитость» цвета, что-нибудь да значит. И все же это великолепное лакомство, и поэтому недостатка в покупателях никогда не бывает. Вы истратите копейки и будете лизать струганный лед битый час, потом ваш исцарапанный язык одревенеет и вы дадите зарок, что никогда больше айсу не купите. Но стоит вам в следующий раз увидеть небольшой лоток с двумя перевернутыми бутылками сиропа и огромной прозрачной глыбой льда и стоит у вас на глазах в летний жаркий день белой стружке льда окраситься в желтый или красный цвет, как вы не сможете удержаться и снова купите айсу.

Иногда в центре надворья храма во время праздников обон ставится высокий помост или, точнее, низкая башня из бамбуковых жердей. Она увешана фонарями, ярко освещена прожектором и украшена красно-белыми ширмами. На вершине сидят несколько мужчин в легких одеждах и ритмично ударяют в большие бубны. Источником мелодии, которую они сопровождают своими ударами, в наши дни обычно служит проигрыватель или магнитофон, а звук усиливает выносные репродукторы, подвешенные на деревьях. Под башней на низком постаменте в желтоватом свете танцует группа юношей в белых юката. Это либо взрослые, либо школьники под руководством учителя. А в самом низу, на земле, в большом кругу танцуют все любители плавных движений и ритма старых медленных танцев. Тот, кто устал, отдыхает, кто отдохнул, снова входит в круг. Здесь танцуют не парами, а каждый сам по себе, переминаясь с ноги на ногу.

Лучше всего наблюдать за происходящим с деревянной галереи главного здания храма. На перилах отдыхают усталые танцовщики. Здесь же сидят влюбленные и молодые матери, которые, раскачиваясь, убаюкивают привязанных к спинам грудных детей. Никто не уходит спать. Если вы присмотритесь, то среди танцующих увидите юношей и девушек из соседних домов. Вот танцует подросток, который утром развозит молоко, рядом

с ним разносчик лапши из ближайшего ресторана. Оба днем ходят в узких ковбойских брюках, и в глаза бросается нескладность их мальчишеских фигур. А сейчас они танцуют в юката, и красивые, плавные движения их рук подчеркиваются широкими рукавами этой свободной одежды.

А на верхней ступени лестницы буддийского храма на троне восседает владыка ада Эммо, который взирает на толпу с улыбкой на своем страшном лице. Перед ним лежат тарелки и миски с жертвоприношениями — мандаринами, цветами, различными блюдами. Эммо нужно задобрить, чтобы он не был жесток к умершим родственникам, когда они вернутся с этого праздника обратно в ад. Судя по количеству жертвоприношений, большинство японцев считают, что их родственники не могли попасть ни в какое другое место, кроме ада. Нынешнее поколение японцев не принимает всерьез это поверье, но есть немало и таких, кто по традиции придерживается старых обычаев и во время праздника обон делает подношения владыке ада.

Из расположенной под лестницей каменной чаши, в которой дымятся обрядовые свечки, доносится аромат ладана, смешивающийся с запахами из ближайшей лавчонки *одэнья-сана*. Праздники обон для продавцов одэн являются настоящим золотым дном. В этих передвижных лавках продается свежая рыба, овощи, картофель, осьминоги. Люди, проголодавшиеся после танцев, с удовольствием закусывают перед сном.

Осень

Наступление осени с ее солнечными днями и небосводом, который как будто отдалился от земли, вся Япония встречает с явным облегчением. Пословица гласит: «Лошади становятся более упитанными, когда небо высоко». Не только лошади, но и люди осенью, после изнурительного жаркого лета тоже начинают поправляться. Летом хочется только пить, и поэтому большинство японцев заметно худеют. Осенью возвращается аппетит, бодрость, каждый снова полон жизненной энергии. Школьники после месячных летних каникул садятся за парту, хотя осень не является началом нового учебного

года. Он начинается в Японии 1 апреля. Немногие счастливики, которые отдохнули летом у моря или в горах, возвращаются в город. Лотки зеленщиков и продавцов фруктов гнутся под тяжестью сочных персиков, арбузов, груш, темно-красных яблок, мандаринов, оранжевых фруктов каки, винограда, грибов и самых различных видов овощей, для которых в европейских языках часто даже нет названия.

В деревне осень — это период уборки урожая. Рис косят вручную специальными длинными серпами, пучок к пучку. Скошенные стебли связываются в небольшие снопы и высушиваются. Развешенные повсюду золотистые снопы спелого риса — это главный признак осени в японских деревнях. Всюду — вдоль дорог, около домов, на межах, в лесу между деревьями — вырастают теплые, золотые изгороди. Возле них хлопочут согнувшиеся в три погибели крестьяне и крестьянки, одетые в темно-синие юбки и брюки, в широких соломенных шляпах и со снопами просохшего риса на спине. В Японии следовало бы говорить вместо вывезти урожай — отнести урожай.

Сентябрь — это период народных празднеств у синтоистских святынь. Эти празднества, у каждой святыни приходящиеся на разные дни, вначале представляли собой обряд прославления божества, которому была посвящена местная святыня. В наши дни это чаще всего лишь предлог, чтобы развлечься, повеселиться, переодеться самим и переодеть детей в праздничную одежду, короче говоря, возможность отметить праздник. Праздники *омацури* японцы очень любят, а дети начинают мечтать о них задолго до их наступления.

Святыни бывают бедные и богатые, так же как бывают бедные и богатые деревни. Но даже у самых бедных святынь есть свой *омикоси* — переносный алтарь, миниатюрный, украшенный резьбой и позолотой, покрытый лаком ящик, который переносят на носилках. За несколько дней до праздника святыня, а иногда и вся деревня украшаются цветными фонарями, бумажными цветами и лентами. Переносный алтарь, который в течение целого года где-то пылится, выносят на свет божий, с него стирают пыль, его чинят и выставляют напоказ под открытым полотняным навесом. Верующие идут сюда с жертвоприношениями, чаще всего это особые

котлетки из вареного риса или мандарины. Рядом с омикоси расположен большой, напоминающий бочонок барабан. Мальчишки, которые специально для того выбраны, поочередно бьют в барабан и относятся к этой обязанности чрезвычайно серьезно, чувствуя себя самыми главными героями торжества. Голова их обмотана белыми или красными повязками, одеты они, как правило, в голубую куртку с большим символом святыни на спине. Одни бьют в барабан лучше, другие хуже, но все с одинаковым рвением.

В день празднества омикоси носят по округе, и это главное развлечение. Мальчишки, подростки и юноши, которые в большинстве случаев одеты очень легко, а иногда даже полураздеты, толкаются, отпихивают друг друга, стараются схватить носилки и ритмично приседают, скандируя: «*Вассэй! Вассэй!*» — что имеет десятки значений — от «эй, ухнем» до «шайбу, шайбу». Они раскачивают носилки, бегут с шатающимся над головой алтарем, кричат, сшибаются друг с другом, зная, что в этот день им все разрешено. Короче говоря, во всем этом действительно мало что осталось от религиозного обряда. И не думайте, что так происходит только в переулках или на окраине города. Иногда огромная толпа заполняет главные улицы и перекрестки такого крупного торгового центра и коммуникационного узла Токио, как, скажем, Сибуя. Движение транспорта, и так весьма затрудненное, совсем останавливается. Все наблюдают за происходящим, спокойно ждут, и никто не выходит из себя из-за того, что демонстрация омикоси его задерживает. Иногда святой алтарь с гроздьями многочисленных носильщиков скатывается по лестницам к станции метро, наполняя ее гортанными выкриками: «*Вассэй! Вассэй!*» — проносится по перрону и снова исчезает там, откуда появился.

Другое значительное событие японской осени — *ундокаи*, небольшие спартакиады, проводимые каждой школой на местном стадионе. Ученики выполняют вольные упражнения, соревнуются по различным видам легкой атлетики и перетягиванию каната, стараются набрать больше очков, бросая мячом в большие цветные шары, которые от удара лопаются, как скорлупа ореха, и из них сыплются конфеты и падают ленты. Они ходят на ходулях, бегают в мешках или прыгают на одной

ноге с завязанными глазами. Между собой всегда соревнуются две команды — красные и белые, и каждую из них бурными криками подбадривают болельщики. Ундокаи нередко превращаются в семейные торжества. Дедушка, бабушка, мама, братья и сестры — все одеты по праздничному. Мать заранее приготовила коробки с завтраком, и с утра вся семья направляется к месту состязаний, чтобы собственными глазами увидеть, насколько силен их отпрыск. Его успехи — это успехи всей семьи, и они весело и дружно отмечаются.

Прекраснейший наряд японской осени и самая поэтическая ее страница — это *момидзи*, багровые кленовые листья, осенние братья весенних цветов сакуры. Хотя они и не могут похвастаться всемирной известностью, но в Японии их воспевают не меньше, чем цветы сакуры, и, надо сказать, по праву. Нам они казались даже более красивыми. Большие кленовые рощи встречаются лишь на склонах холмов и гор. И поэтому, когда клены одеваются в багрянец, тысячи экскурсантов съезжаются в Никко, в горы Хаконе и в другие места, чтобы полюбоваться живописнейшим видом природы.

Если же вам не хочется трястись около ста километров в автобусе, то вы прямо в Токио можете увидеть не менее красочное зрелище — осеннюю выставку хризантем. Хризантемы в Японии не считаются, как у нас, кладбищенскими цветами. Наоборот, эти цветы преподносятся в самых торжественных случаях. Стилизованные околоцветные лепестки хризантем издавна являются эмблемой японского императорского дома и своеобразным неофициальным гербом Японии. Японских цветоводов, выращивающих хризантемы, можно сравнить с нашими, которые выращивают розы. В садах и парках вы можете встретить великолепные экземпляры этих цветов. В осенние месяцы известнейшие цветоводы, гордясь результатами своего благородного труда, устраивают большие выставки цветов. А никому не известные цветоводы-любители выставляют свои хризантемы около ближайших храмов и святынь. Среди хризантем, представленных на больших выставках, встречаются цветы действительно неземной красоты. Так, например, есть древовидная хризантема с тремя сотнями соцветий,

стебли которых произрастают из одного корня, напомпная подсвечник. Существуют хризантемы с огромными цветами, с широкими околоцветными лепестками, с узкими свернутыми листьями или такие, единственный тяжелый цветок которых нужно подвязывать, ибо стебель может переломиться от его тяжести. Есть хризантемы, цветы которых представляют собой гроздь, подобную повисшему павлиньему хвосту. Белые, желтые, фиолетовые хризантемы. Их так много, что красота и совершенство отдельных экземпляров сливаются, и вы уходите с этой выставки почти обессиленным. Излишество вредно, даже если речь идет о прекраснейших хризантемах. Но японцы на таких выставках никогда не устают и не скучают.

Мы хотим добавить еще несколько слов о хризантемах. Благодаря некоторым поэтическим описаниям дальневосточных блюд у нас утвердилось представление, что японцы съедают почти каждую хризантему, которая вырастает у них под окном. Если бы это было так, то выставки хризантем представляли бы собой гигантские гастрономические экспозиции. Но это неверное представление. И хотя фраза: «Я поужинал хризантемами» — звучит экзотически, поверьте, что эти хризантемы намного больше напоминают наш шпинат, чем цветы, и красота — качество, которое у таких хризантем вовсе не ценится. В пищу употребляется лишь один вид хризантем, точнее, их листья. Цветы, маленькие и некрасивые, обычно выбрасываются. Листья либо бросают в суп, либо подают в качестве приправы. И никому не приходит в голову, что он ест хризантему. Это просто один из видов овощей, вовсе не ассоциирующийся у японцев с цветами.

Одно из наиболее популярных событий осенних месяцев — отмечающийся 15 ноября *сигигосан*. *Сиги* — означает семь, *го* — пять, *сан* — три. Это праздник с оригинальным названием — семь-пять-три, и празднуют его не математики, как можно было бы подумать, а семи-, пяти- и трехлетние дети. По старой традиции в этот день трех- и семилетние девочки и трех- и пятилетние мальчики приходят к святыням, чтобы поблагодарить богов за здоровье и попросить их быть к ним благосклонными в будущем. Для сиктоистских святынь, в кассы которых 15 ноября деньги текут рекой, это

очень выгодный праздник, и не удивительно, что священнослужители прилагают все усилия, чтобы сохранить эту традицию. Что же касается самих японцев, то их не приходится долго уговаривать, ведь они всегда готовы нарушить будничное течение жизни, переодеть своих детей в праздничные наряды, повеселиться с ними на торжествах и пожелать им как можно больше радости в жизни. И поэтому в день ситигосан к знаменитым святыням тянутся десятитысячные толпы. В Токио больше всего посещают святыню Мэйдзи. В саду, окружающем ее, 15 ноября негде упасть яблоку. Все фотографируются, а отцы семейств покупают детям сахарные палочки в ярких пакетиках и различные игрушки, символизирующие здоровье и жизненный успех. Мальчики, как правило, одеты в обычные европейские костюмы. Зато почти все девочки — в красочных кимоно с широкими поясами оби, завязанными сзади в большие декоративные узлы. В волосах у них банты, ленты, цветы, блестки и другие украшения. У некоторых девочек даже покрашены губы и щеки, и они похожи на куколок. Это впечатление усиливается из-за неподвижного выражения их лица. Девочки понимают важность происходящего, и, кроме того, их с раннего детства учат владеть собой и быть очень выдержанными.

Зима

— Разве в Японии тоже идет снег? — часто удивляются те, кто не жил в Японии, когда видят фотографии заснеженных японских деревень.

Да, и его бывает много. Но не везде.

На островах Кюсю, Сикоку и в южной части острова Хонсю зима мягкая и сухая. Воздух здесь такой чистый и прозрачный, что с верхних этажей высоких токийских зданий видна белоснежная вершина Фудзиямы. Солнце излучает желтовато-белое сияние, а по дому распространяется неприятный холодок. Настоящие морозы в этих местах бывают редко, но стены легких деревянных строений обладают плохой теплоизоляцией, и в помещении ненамного теплее, чем на улице. Японцы эту проблему решают довольно своеобразно. Под домашние зимние кимоно они надевают несколько пар

теплого нижнего белья. Под кимоно этой груды белья не видно, хуже приходится тем, кто должен выходить из дому в европейском костюме. Поэтому многие женщины в зимние месяцы не могут продемонстрировать свою тонкую талию, а у мужчин, которые сидят в автобусе или метро, закинув ногу на ногу, из-под штангин видна цветная диаграмма полосок нижнего белья.

В японских домах почти никогда не топят. Большинство семей используют лишь хибати. Это керамическая чаша, полная пепла, с несколькими кусками раскаленного древесного угля. Однако жара хибати хватает лишь для того, чтобы согреть руки или вскипятить чайник. Но есть еще одно старое, но верное средство. Это — котату, символ уюта, поэтичности и благополучия зимнего семейного очага. В начале зимы в центре спальни, которая одновременно служит и столовой, а иногда и гостиной, убирается несколько татами, под которыми в полу скрыта яма глубиной 70—80 сантиметров. На дно этой ямы кладется посуда с раскаленным древесным углем или электрическая печка — новшество, распространенное пока только в больших городах. Отверстие сверху закрывается низким столиком, который покрыт толстым ватным покрывалом, ниспадающим на пол. На покрывало ставится еще один столик или кладется полированная доска. Вся семья садится вокруг столика, ноги у каждого засунуты под покрывало, а спины покрыты пледом, чтобы тепло из котату не уходило наружу. За столом можно есть, читать, писать, под покрывало можно засунуть руки и беседовать или смотреть телевизор. Спине иногда бывает холодно, но в этом случае спасает толстый ватный халат. Так семья коротает длинные зимние вечера. И никому не хочется вытаскивать ноги из котату и становиться на холодный пол или выходить на улицу. Когда наступает время сна, вокруг котату раскладывают тяжелые футоны, и волшебный столик в центре комнаты согревает всех спящих еще далеко за полночь.

Настоящая зима с толстым снежным покровом бывает лишь в горах Средней и Северной Японии и на острове Хоккайдо — главным образом на побережье Японского моря. Эти префектуры также называют *юкигуни*, что означает снежный край. Многометровый слой снега каждый год держится здесь в течение двух-трех

месяцев. Городские здания и деревенские постройки здесь крепче, чем в других областях, так как их стены и крыши должны выдержать тяжесть снега.

Дома люди сидят вокруг котла, хибати или открытого очага, и взрослые, оставшиеся дома, — ведь мужчины зимой часто уходят на заработки в другие префектуры — что-нибудь мастерят. Они плетут соломенные шляпы, сандалии, татами, делают веера и фонари. Это тяжелый труд, и платят за него гроши. Дома, заваленные снегом, тонут в темноте, и приходится все время жечь свет. И так же как у нас крестьяне иногда сходятся на посиделки, в японских деревнях, засыпанных снегом, соседи приходят друг к другу в гости, приносят с собой свою работу, пьют чай, беседуют. А дети слушают их рассказы или сказки. В наши дни они также смотрят телевизор и слушают радио.

Декабрь повсюду в Японии проходит под знаком подготовки к Новому году. Во всех универмагах и магазинах толпы людей. У нас в это время магазины тоже переполнены, но японская новогодняя толпа гуще, давка сильнее, на одном квадратном метре помещается людей больше, чем у нас. Японцы перед Новым годом покупают не только продукты, но также обновы для родных и подарки.

Япония — это страна подарков. Пойти к кому-нибудь с визитом и не захватить подарка, пусть это будет любая мелочь, в Японии просто невысказано. Но в первые дни января, когда по традиции люди посещают знакомых и родных, эта привычка принимает уродливые формы. Каждому родственнику, товарищу, другу, знакомому, даже соседу или учителю необходимо преподнести какой-нибудь подарок, и, естественно, подарки преподносят и вам.

В начале декабря большинство рабочих и служащих получают новогоднюю надбавку к жалованью. По европейским масштабам это маленькая сумма, но она достаточно велика, чтобы иметь большое значение для средней японской семьи. Она равняется половине, а иногда и целому месячному заработку семьи. Но эти деньги исчезают в течение нескольких дней. Какая-то часть расходуется на семью. Ведь заработной платы, как пра-

вило, у большинства японских семей хватает лишь на питание. Поэтому деньги, полученные к Новому году, идут на покупку ботинок и одежды, какая-то сумма откладывается на телевизор или стиральную машину. Часть денег тратится на проводы старого года, устраиваемые каждым предприятием. Во время этих вечеринок все много пьют, рассказывают друг другу сплетни, и при этом никто не должен подать и виду, что ему придется потуже затягивать пояс. В декабре расплачиваются с долгами, ибо никто не хочет вступить в Новый год должником.

Оставшаяся часть денег — а часто это бывает самая значительная часть — тратится на подарки. Многие женские организации начали кампанию по борьбе с излишествами при покупке подарков. Но пока это не дает результатов. Есть семьи, которые предпочитают разориться и испытывать финансовые затруднения в течение года, но преподнести подарки всем своим знакомым. Подарки надо покупать так, чтобы создалось впечатление относительного благополучия, чтобы никто не подумал, что ты беден, скорее, наоборот, надо показаться богаче, чем ты есть на самом деле. Хорошим тоном считается купить подарок, чуть более дорогой (хотя и не следует перебарщивать), чем, вероятно, будет тот, который получите вы. К чести японцев надо сказать, что они настолько разумны, что преподносят практичные подарки. Благодаря огромному потоку рекламы, которая расхваливает как наилучший подарок самые различные товары, японцы в последнее время пришли к выводу, что в качестве подарка можно преподнести все что угодно. Так, например, вам могут подарить на Новый год коробочку с мылом, пачку белого или розового сахара, несколько консервных банок, бутылку подсолнечного масла, комплект зимнего белья, полдюжины носков, набор кухонной утвари и многое, многое другое, и все это в великолепной упаковке. Декоративный бант и каллиграфически написанные имена того, кто дарит, и того, кому дарят, играют немаловажную роль, придавая самой прозаичной вещи торжественный вид.

Во время декабрьской подарочной горячки в последнее время некоторую роль начинает играть и рождество. Главным пропагандистом рождественских торжеств — праздника, для японцев абсолютно чуждого, —

также являются рекламные плакаты торговых фирм и универмагов, на каждом шагу убеждающие японцев, что рождество необходимо праздновать и в Стране Восходящего Солнца. Поэтому в последние годы традиционные новогодние празднества начинаются в японских городах на несколько дней раньше, они захватывают и рождество, хотя отмечается оно иначе, чем в Европе. В то время как у нас на рождество все родственники собираются вместе на семейный ужин и у многих при этом глаза оказываются на мокром месте, в Японии рождество отмечается обильными возлияниями, прогулкой многотысячной толпы по Гиндзе и посещением ночных клубов.

В конце декабря каждая хозяйка свою квартиру убирает, натирает и украшает. К новогодним украшениям относятся прежде всего *кадомацу*. В дословном переводе это значит «сосна у входа». Чаще всего это бывают простые сосновые ветки, прикрепленные на внешней стене дома по обеим сторонам входа в сад или прямо над порогом. В более зажиточных домах сосновые ветви сплетают вокруг трех бамбуковых стволов с острыми верхушками. Кадомацу украшают и укрепляют в соломенных подставках. Многие японцы предпочитают привязывать у входа в сад высокие, необрезанные бамбуковые стволы. Все это должно принести семье и дому благополучие, так как бамбук и сосна — символы счастья.

Прямо над входом в дом прикрепляется еще одно украшение — *симэнава*. Это узел, сделанный из соломенной веревки, иногда к нему подвязывают мандарин, красного рака, зеленые водоросли, веер с символом счастья.

За несколько дней до праздника хозяйки готовят новогодние блюда. Это делается не только потому, что с 1 по 3 января почти все магазины закрыты, но также и для того, чтобы все было готово для праздника и чтобы можно было лишь ходить в гости, принимать гостей, играть в новогодние карточные игры и ничего не делать.

Традиционное новогоднее блюдо называется *оссэти*, подается оно холодным. Его заранее укладывают в красивые, иногда с двойным или тройным дном коробки, покрытые черным или красным лаком. Оссэти пригото-

ляется из вареной рыбы и овощей — редьки, моркови и шпината.

Ту роль, которую в рождественском пиршестве у нас играет сдобный пирог, у японцев во время новогоднего ужина выполняют *омоти*. Это круглые или прямоугольные беловатые куски сваренного и истолченного риса, который мнут, затем разрезают на куски и в таком виде высушивают. Японцы во время новогодних празднеств поедают огромное количество *омоти*. *Омоти* варят в супе, жарят или едят просто так, предварительно обмакнув в различные сладкие приправы. Раньше *омоти* готовила для себя каждая семья, и лишь в деревнях их делали совместно. Вареный рис толкли длинными палками в деревянной посуде, работа сопровождалась веселыми танцами. Это было чисто мужское занятие, и каждый мужчина при этом должен был чем-нибудь похвалиться. Палки подбрасывали в воздух, их крутили над головами, прокидывали под ногами или несколько мужчин толкли ими рис в сложном ритме. В наши дни в городах *омоти* покупается, как правило, у *комэя-сана* — продавца риса. Когда вы надкусываете поджаренные *омоти*, то у вас создается впечатление, что вам сунули в рот большой комок горячей липкой жевательной резинки. *Омоти* тянется, как мед, и его трудно проглотить. Поэтому каждый год несколько стариков, у которых мышцы глотки уже стали дряблыми, расплачиваются жизнью за приверженность к этой привычке. Их это лакомство в буквальном смысле слова душил.

Все должно быть готово к полуночи 31 декабря. Холодильники заполнены продуктами и вином, вся семья умыта, дети пострижены. У хозяек домов праздничная прическа, самые лучшие платья выглажены и ждут в шкафу. О наступлении Нового года возвещают 108 ударов в большой колокол ближайшего буддийского храма. 108 грехов и преступлений не должны совершать настоящие буддисты.

1 января по всей Японии царит всеобщее и необычное спокойствие, как будто большинство населения за ночь вымерло. И лишь после обеда и на следующий день города и деревни вновь оживают. 2 января некоторые торговцы опять начинают развозить свои товары. Делается это торжественно, автомобили украшены бантами, шарами, цветами и большими плакатами с назва-

нием фирмы. Над трамваями, автобусами, поездами вьются государственные флажки, а у таксистов на радиаторе машины как символ счастья прикреплен небольшая симэнава. 1, 2 и 3 января японцы надевают свои лучшие наряды и наносят визиты, идут поклониться какому-нибудь святому месту или храму и просто гуляют. Не у всех японок есть кимоно (кимоно стоит в несколько раз дороже европейского платья), но те женщины, у которых кимоно есть, обязательно наденут его на Новый год. Очень часто они накидывают сверху кимоно также зимнее полупальто *хаори*. В последнее время оно удачно отвечает требованиям современной моды. Что касается новогодних женских причесок, то этому можно посвятить целую главу. Японки всегда очень следят за головой. Под Новый год они делают искусные прически, напоминающие традиционные. Некоторые японки носят высокие навощенные парики или шиньоны. Девушки украшают волосы белыми перьями, перламутром, искусственными цветами и лентами, посыпают их серебристым или золотистым конфетти. И парикмахеры и сами женщины накануне Нового года демонстрируют все, на что способна косметика. Мужчины рядом с ними выглядят очень невзрачно и буднично.

Как и во время каждого праздника, на Новый год особенно оживленно у храмов и святынь. Здесь всегда можно найти несколько киосков с пузатыми, безногими и безрукими фигурками Дарума — различными по величине красными статуэтками, с хмурым выражением лица и с белыми окружностями вместо глаз. Японцы верят, что Дарума — первоначально это был индийский жрец Дхарма — принесет счастье. Однако, чтобы его заинтересовать, на лице Дарума рисуют сначала один глаз, и лишь после того, как Дарума исполнит желание, ему подрисовывают второй. Часто бывает, что благодарный хозяин, для которого религиозная принадлежность Дарума так же не ясна, как и то, в кого верит он сам, приносит затем эту статуэтку в синтоистскую святыню в качестве жертвы. Под Новый год у людей бывает особенно много желаний, и поэтому торговля слепыми Дарума идет очень бойко.

Рядом с лотками, где продаются изображения Дарума, раскладывают свой товар продавцы сушеных тыкв

хѣган. Раньше в них наливали рисовую водку, но теперь они служат лишь декоративным целям, многие их коллекционируют, ибо эти тыквы бывают различной величины, очень странной формы и самых разных оттенков.

Особенностью Японии является то, что здесь вы в течение двенадцати месяцев можете дважды отпраздновать Новый год. В большинстве деревень Новый год отмечается по старому лунному календарю, то есть на месяц позже. И это касается не только Нового года. Все традиционные торжества празднуются в деревнях позже на целый месяц.

Оставшаяся часть зимы также насыщена разными празднествами и событиями. 6 января перед императорским дворцом в Токио проводится мероприятие, которое привлекает тысячи зрителей, — учения пожарных. Но не следует представлять себе пожарные машины, брандмейстеров в касках, рукава, извергающие струи воды, и все, что соответствует нашим понятиям о борьбе с огнем. В этот день пожарные надевают традиционные темно-синие куртки, какие носили их предшественники в старом Эдо, и демонстрируют на высоких бамбуковых пьедесталах акробатические номера. Несколько пожарных держат лестницу, а один на последних ступеньках делает стойки, повисает вниз головой, раскачиваясь над зрителями, пролезает сквозь поперечные планки — короче говоря, показывает всю ловкость, которая необходима для его профессии. Традицию токийских пожарных переняли борцы с огнем других городов и деревень. Они также устраивают для своих зрителей подобные спектакли, и не раз случалось, что в этот день пожары уничтожали немало домов, так как никто не выезжал на вызовы. Зима в Японии — это период пожаров. Тому способствует порывистый ветер, треплющий соломенные крыши, а хибати и катацу, помещенные среди сухих татами, — вовсе не самые безопасные средства обогрева деревянных домиков. Для зимних вечеров и ночей характерны удары деревянных колотушек, которые свидетельствуют о том, что ночной сторож, с вечера до утра обходящий дома и следящий за тем, не возник ли где-нибудь пожар, не спит и поэтому другие могут спать спокойно.

2 и 3 февраля по старому японскому календарю празднуется приход весны; во время этих празднеств

исполняется традиционный обряд — *мамэмаки*, разбрасывание бобов. Древние японцы верили, что соевые бобы приносят счастье и отгоняют злых духов. Поэтому они с приходом весны разбрасывали вокруг своего домика и в комнатах несколько горстей соевых бобов. В наши дни этот обряд видоизменился, приняв новую, более массовую форму. Этим сразу же воспользовались знаменитые святые и храмы, которые организуют *мамэмаки*. Соевые бобы с галерей храмов разбрасывают специально приглашенные знаменитости (раньше — только мужчины, в последние годы — даже женщины!), главным образом депутаты, популярные артисты, литературные деятели, борцы сумо. Это обоюдно выгодные акции. Храм привлекает зрителей, а действующие лица приобретают популярность. Народу всегда собирается очень много. Пойманный боб, который был брошен рукой знаменитости, обязательно принесет счастье, но для этого его нужно проглотить.

Когда было закончено строительство Токийской башни, модернизация праздника японской весны снова продвинулась на несколько десятков метров вперед, точнее — вверх. Популярных деятелей японской столицы доставили скоростными лифтами на застекленную галерею башни. Там им очень торжественно вручили мешочки с бобами, которые они начали разбрасывать перед объективами телевизионных камер во все стороны — на крыши токийских домов и главным образом в парк Сиба под башней. При этом они провозглашали древнее заклинание: «*Фуку ва ути, они ва сото*» — «Счастье — в дом, черти — вовн». Это на целый год вперед обеспечило успех тем, кто разбрасывал бобы, самой Токийской башне и, может быть, принесло счастье тому, кто внизу поймал боб.

Один будничный день

Мы хотим еще раз напомнить, что Токио — этот крупнейший город в мире — фактически представляет собой лишь скопление низеньких домиков и барачков. Все время увеличиваются размеры города, становятся все сложнее старые и возникают новые транспортные проблемы. Если не считать торговых, деловых и культурных центров, которые обычно бывают благоустроенными, красивыми и растут вверх, Токио, как и большинство других японских городов, — это клубок узких улиц, небольших, совсем маленьких и просто микроскопических улочек, в которых с трудом расходятся два человека и у которых, как правило, нет тротуаров. В этих улицах и улочках живет подавляющее большинство населения Токио, ибо на Гиндзе, в Маруноути, на Симбаси, в Сибуе, Синдзюку и на других островках многоэтажных домов почти никто не обитает. Там совершаются торговые и политические сделки, там люди работают и туда ходят развлекаться — посмотреть новый кинофильм и послушать музыку, там делают покупки, но там люди не живут. Личная жизнь проходит в узких улочках и небогатых кварталах за деревянными, бамбуковыми или бетонными заборами, которые окружают деревянные домики, почти касаясь их.

Жизнь японских улиц регулируется своими правилами и привычками, которые каждый иностранец должен соблюдать для того, чтобы чувствовать себя здесь как дома.

Как только вы поселились на новом месте, вам надо сразу же приготовить небольшие подарки, обойти соседей по правую и по левую сторону и тех, кто живет напротив вас. Во время этих визитов, состоящих, как правило, из очень короткой беседы у порога дома, вам надо представиться, извиниться, что причинили беспокойство переселением, отдать подарок и высказать свое

дружеское отношение. Подарком может служить любая вещь. Раньше обычно преподносили тарелку лапши, сейчас — конфеты, печенье, комплект почтовой бумаги, а если у соседей есть дети, то какую-нибудь игрушку. Эта привычка сохранилась от средневековой системы пятидворок — *гонинкуми*. В то время пять соседних семей ручались друг за друга, и если кто-нибудь из них совершал проступок, то наказывали и всех остальных. Эта система, столь удобная для блюстителей феодальных порядков, оказалась не менее удобной и во время военного режима в конце второй мировой войны. Полиция требовала от ближайших соседей, чтобы они следили друг за другом и обо всем доносили. Поэтому каждый стремился расположить к себе своих соседей. В наши дни, к счастью, от этой системы сохранилось лишь самое хорошее — стремление укрепить добрососедские отношения, хотя, надо сказать, что *омавари-сан*, участковый полицейский, — до сих пор весьма уважаемая фигура⁹. В каждом отделении полиции записывают всех, кто живет в округе, и омавари-сан время от времени обходит жителей, чтобы узнать, не произошли ли какие-нибудь перемены. Иногда полицейский участок служит последней надеждой при поисках адресата.

От иностранцев не требуется соблюдения японских обычаев, ибо гайдзины — это люди с другими привычками, с другой моралью. Они не знают, что следует делать и чего не следует, и поэтому их всегда судят значительно менее строго. Несмотря на это, мы никогда не забывали о первом визите к соседям по дому, и японцы принимали нас как своих, так что мы даже дежурили в качестве уполномоченных. Уполномоченные меняются раз в месяц, передавая затем дежурство жильцам соседнего дома. В их обязанности входит собирать по 100 иен с каждого жителя для ночного сторожа, раздавать различные анкеты от местного управления и собирать по 150 иен за маленькую лампочку, которая висит посередине улицы и которую зажигает и гасит тот, кто первый идет по улице, когда стемнеет или когда рассветет.

---

⁹ В последние годы по инициативе правящей либерально-демократической партии власти вновь пытаются возродить систему пятидворок. — *Прим. ред.*

Если вы собираетесь уехать на длительное время, то вы должны посетить ближайших соседей и попросить их, чтобы они посмотрели за домом. Такие просьбы вполне естественны там, где дома теснятся друг возле друга и где живут средние и бедные слои населения. Жилища простых японцев обычно запираются примитивным замком; чтобы открыть такой замок, надо лишь посильнее нажать на ручку или вывинтить шуруп. Понятно, что такое «препятствие» не остановит грабителя. Поэтому соседи помогают друг другу, внимательно следя, не бродит ли вокруг какая-нибудь подозрительная личность, которой мог бы приглянуться покинутый домик.

Пражане привыкли к тому, что их поутру будит дребезжание трамваев или, если вам посчастливилось жить около парка, раннее щебетание птиц. В Токио трамваев сравнительно мало, ходят они бесшумно и медленнее, чем пражские. Птиц в столице Японии почти совсем нет. Поэтому жителей Токио будят другие звуки.

Каждая улочка просыпается от ночного сна около половины шестого утра, наполняясь стеклянным звоном бутылок, дребезжащих на тележке молочника. Затем слышен скрип тормозов и шаги *гюнюя-сана*, господина молочника. (Надо сказать, однако, что тот, кого называют господином молочником, вовсе не является владельцем молочного магазина. Он только развозит молоко. Японское слово *сан* — господин, госпожа, барышня — добавляется к названию ремесленников, торговцев, служащих, с которыми японским хозяйкам приходится иметь дело). Гюнюя-сан ловко вытаскивает из корзины или сумки бутылки с молоком, кефиром, какао, кофе и другими молочными напитками и безошибочно раскладывает их по деревянным ящичкам, специально для этой цели прикрепленным у входа в дом. Хозяйки перед завтраком берут молоко из ящичков, а расплачиваются в конце месяца. Это очень удобная система.

Обычно звон молочных бутылок повторяется трижды каждое утро, ибо на токийском млечном пути особенно ярко светится созвездие трех молочных фирм — «Мэйдзи», «Моринага», «Юкидзирусси». Каждая из этих

фирм выдает своим заказчикам ящички определенного цвета — синего, желтого или белого. Только после войны в Японии (и то лишь в городах) потребление молока и молочных продуктов стало увеличиваться, и поэтому молочные фирмы до сих пор должны бороться за каждого заказчика. Ключи от ящичка имеются у молочника и заказчика, поэтому вам не нужно опасаться, что в ящичке окажется бутылок меньше, чем гюнъю-сан туда положил. Правда, бывает неприятно, если куда-то запропащется ваш ключ. Мы потеряли свой ключ в первый же месяц нашего пребывания в Японии. Три дня мы его искали, стесняясь попросить другой, и три дня гюнъю-сан складывал в наш ящик бутылки с молоком. Он наверняка подумал, что это какая-то европейская привычка, и поэтому не решался ничего нам сказать.

Когда Токио получил свою порцию молока, раздается быстрый топот ног, обутых в кеды. Стук крышек металлических ящичков для писем свидетельствует о том, что это разносчики газет, которые стремятся как можно быстрее распространить утренние выпуски «Асахи симбун», «Майнити симбун», «Ёмиури симбун», «Токио симбун», «Кейдзай симбун» и других токийских ежедневных изданий. Их разносят обычно подростки, которым до школы приходится пробежать по трассе длиной в несколько километров, чтобы подписчики могли прочитать газету во время завтрака. Они поднимаются раньше остальных жителей Токио, бегом или на служебном велосипеде в мороз и дождь несутся от дома к дому и за эту работу, в пересчете на наши деньги, получают в месяц около 30 или 40 крон. Но и эта сумма оказывается серьезным подспорьем для родителей.

Рабочие и портовые кварталы Токио тоже просыпаются раньше других, хотя по нашим представлениям — довольно поздно. Лишь вокруг рыбного и овощного рынка и у токийских причалов слышен шум еще затемно. Позже всего просыпаются кварталы, где живут служащие, профессора, врачи, торговцы. Некоторые японские магазины и учреждения начинают работу с 10 часов утра.

Привычка — вторая натура, и мы в Японии придерживались похвальной чешской привычки — вставать спозаранку. Поэтому нас считали очень ранними птицами. Однажды когда мы утром, около половины вось-

мого, выходили из дому, то увидели двух водопроводчиков. Они еще не приступили к работе и в нерешительности стояли перед ямой, выкопанной накануне.

— Смотри-ка,— заметил один из них,— рано все-таки встают эти иностранцы.

— Да, раненько,— ответил другой, пристально по-смотрев на нас.

— Ну, как же Японии было не проиграть войну, если у нас каждый поднимается так поздно? — улыбнулся первый, прыгнул в яму и начал работать.

Это было сказано в шутку, однако мы долго размышляли над этой доморощенной философской концепцией.

Кстати сказать, проблема раннего и позднего пробуждения волнует довольно многих. Во всяком случае, не меньше миллиона человек. Именно таково количество членов «Хаяоки-кай» — «Общества раннего вставания». Отделения этого общества есть во всей Японии, члены его каждое утро около пяти часов встречаются, поют оптимистические песни, рассказывают разные случаи из жизни и потом бодрые и свежие расходятся на работу. Многие из них утверждают, что с того момента, когда они вступили в общество, их жизнь приобрела новый смысл. Они даже строят собственные клубы и собирают членские взносы. Иногда «Хаяоки-кай» называют новой религиозной сектой, однако члены общества это утверждение опровергают, доказывая, что среди них есть и буддисты, и христиане, и синтоисты, и безбожники. Судя по быстроте, с какой растет общество, можно ожидать, что в скором времени его члены будут посылать своих депутатов в парламент.

Итак, в половине восьмого японская улочка проснулась. Слышен стук раздвигаемых ставен, из открытых окон доносятся запахи различных супов, вареной рыбы и овощей, женщины начинают развешивать или раскладывать на крыше веранды фугоны и разноцветные ватные покрывала. Хорошая хозяйка проветривает фугоны ежедневно.

Около восьми часов из дома, по одному и группами, выходят школьники — мальчики в черных костюмах, девочки в темно-синей форме своей школы. Когда идет дождь, они скрываются под большими зонтами. У девочек зонтики красные или голубые, у мальчиков — круг-

лые черные, какие носили наши деды. В Токио все время растет число автомобильных катастроф, жертвами которых бывают дети. В связи с этим на главных переходах и перекрестках в то время, когда дети идут в школу или из школы, стоят так называемые «зеленые тетеньки», которые переводят детей через опасные места. На них надеты зеленые плащи, и их желтый флажок останавливает самое интенсивное движение.

Всю первую половину дня японские женщины заняты по горло. Прежде всего они стирают. В Японии стирают каждый день, так как японцы очень чистоплотны и стараются менять белье ежедневно. Естественно, что, если бы они не стирали ежедневно, им пришлось бы иметь огромный запас белья. Кроме того, летом грязное белье сразу же начинает покрываться плесенью, и поэтому в течение всего дня перед домом или в окнах висят белоснежные рубашки, блузки, майки, трусы. В какой-то мере это дело чести хозяйки — выставить как можно больше белья напоказ.

Уборка в японских домах — дело несложное. Футоны складываются в стеной шкаф, вытирается пыль и подметаются татами. Японцы никогда не входят в дом в ботинках, в которых они ходили по улице. На татами они не встанут даже в туфлях. Для них ботинки — это нечто грязное, чему не место в доме. Если нам и стоит чему-либо поучиться в быту у японцев, то прежде всего культуре ног. Мы не должны стыдиться своих ног, и нам надо снимать ботинки при каждом удобном случае, для того чтобы дать ногам отдохнуть. Ноги для японца — это почти то же самое, что и руки. Они всегда такие же чистые, и поэтому нет нужды их прятать. Японцы снимают ботинки, когда находятся в пути, в кино, в театрах, во время соревнований по борьбе сумо и вообще всюду, где позволяют условия и где это удобно. Всегда, когда мы сомневались, можно здесь разуться или нет, мы снимали ботинки и ни разу не попали впросяк. Благодаря этой старой доброй привычке японские хозяйки экономят много труда.

После уборки женщины делают покупки. Правда, выходить из дома приходится не всегда. Ведь в Японии так много людей стремятся продать, что — как в сказке о Магомете и горе — торговцы приходят к своим покупателям на дом.

Около десяти часов утра повсюду разносится крик: «Гомэн кудасай! Никуя де годзаймас!» — что означает: «Извините, пожалуйста, я мясник». Или зеленщик, или продавец рыбы, или бакалейщик и так далее. Хозяйка заказывает, что ей нужно, и в течение часа заказ привозят на мотоцикле или велосипеде. Зеленщик въезжает в улочку с небольшим фургоном, обходит все дома, извещая о своем прибытии, и каждая хозяйка выбирает в фургоне все, что ей понравится. У продавца рыбы к ящичку прикреплена доска, на которой он на глазах у покупателей потрошит большую рыбу и делит ее среди заказчиц.

Время от времени слышится звук трубы. Это приехал *тофу-сан*, продавец белого бобового паштета *тофу*, который по виду напоминает наш творог. Но кубики тофу очень мягкие и легко рассыпаются. Поэтому их приходится держать в холодной воде и обращаться с ними надо осторожно. Японцы очень любят тофу и употребляют его в разных блюдах, но чаще всего в супе.

В холодные зимние дни особенно вкусен жареный батат — сладкий картофель. Вечерами по улицам разъезжают передвижные палатки, над которыми качаются фонари или керосиновые лампы. На палатках большими буквами написано: «Исияки имо», в переводе эта надпись звучит длиннее: «Сладкий картофель, печенный на углях». Батат обычно бывает продолговатой формы, и его розовая кожура, после того как он испечется, старчески морщится. Это лакомство для женщин и детей, мужчины, как правило, батат не любят. Палатки, освещенные неяркими отблесками качающихся фонарей, проезжают по улочкам в сопровождении тягучего крика продавца:

— Яки имоо-о-о-о-о!

Теплый аромат картофеля как бы дразнит вас, и устоять против соблазна невозможно. Бататы продаются в мундире, во время особенно сильных морозов они греют, как каленые каштаны. Для многих девушек, поздно вечером возвращающихся с работы, дешевый батат служит единственным блюдом их ужина.

Около полудня на улицах и в переулках появляются циркачи среди японских разносчиков — продавцы лапши. В Японии во время обеда едят мало. Поэтому в

некоторых семьях в полдень ничего не готовят, заказывая в ресторане или в ближайшей столовой тарелку лапши с овощами. Как правило, это бывает недорогая излюбленная лапша *особа* с овощной приправой и кусочком дешевого мяса. Иногда лапшу подают холодной. Не меньшей популярностью пользуются и пшеничные макароны *удон*. Но их обычно едят теплыми.

У ресторанов и столовых много заказов, и им приходится потрудиться. В одном доме заказывают лапшу для всей семьи, рядом в мастерской или учреждении тоже просят особа, в третьем месте ждут удон или *домбури* — тарелку риса, залитого яйцами или соусом. Поэтому разносчик блюд ставит на большой деревянный поднос несколько тарелок, на них — следующий поднос с тарелками и так далее, пока не соорудит высокую пирамиду. Тарелки, почти доверху наполненные супом и различными соусами, обычно бывают прикрыты лакированными крышками. *Собая-сан* с этой пирамидой взбирается на велосипед, одной рукой держа руль, а другой — балансируя тяжелым подносом. Едет он довольно быстро, поворачивает, тормозит, останавливается, объезжает палатки, уклоняется от пешеходов, собак, детей и автомашин. Он должен быть сильным, смелым и иметь крепкие нервы. *Собая-сан* относится к этой работе как к своеобразному виду спорта. Они ездят как цирковые артисты, насвистывая при этом модные мотивчики.

Пища японцев отличается простотой. Основа всех их блюд — рыба, овощи и рис, в которые добавляются различные приправы. В последние десятилетия к главным японским блюдам прибавились и некоторые похожие на японские китайские блюда, молодое поколение все больше привыкает к кухне американской и европейской — к котлетам, бифштексам, биточкам и сандвичам. Но вкус в данном вопросе не всегда играет решающую роль. Мясные блюда для большинства японцев не по карману, и поэтому многие молодые японцы употребляют национальные, малокалорийные блюда скорее по необходимости, чем из любви к ним.

Так же как мы не можем обойтись без хлеба, так японцы не могут существовать без риса. И так же как

у нас хозяйка когда-то оценивалась по тому, как она печет хлеб, о японских хозяйках судят по тому, как они варят рис.

Японцы рис никогда не солят, не кладут в него масло или какие-нибудь пряности. Они утверждают, что это лишь портит его вкус. Зернышки риса не должны развариваться. Его надо приготовить так, чтобы каждую рисинку можно было взять палочками, но при этом он не должен рассыпаться, ибо тогда его неудобно будет подносить пальцами ко рту.

В Японии рис нельзя купить ни в продовольственных магазинах, ни даже в крупных универмагах, где есть все, начиная от шнурков и кончая катерами. Он продается лишь в специальных магазинах, называемых *комэя*. Продавец риса, или *комэя-сан*, имеет свою лавку, задние помещения которой завалены мешками, сплетенными из толстой рисовой соломы. В мешках хранится неочищенный рис. Эти продолговатые желто-зеленые кули можно увидеть на старых японских гравюрах. Мешки очень практичны, их даже не надо развязывать, чтобы убедиться в качестве содержимого. *Комэя-сан* просто втыкает в куль длинный остроконечный желобок, напминающий круглую стамеску, и вытаскивает им несколько рисинок. Дырка в мешке сразу сама затягивается, и ни одно зернышко не успевает выпасть.

Домик *комэя-сана*, как правило, служит и магазином, и складом, и маленькой мастерской, и жильем. В углу стоит агрегат для очистки риса. Он похож на что-то среднее между высокой печкой с широкой трубой и молотилкой. Эта машина грохочет в течение целого дня, извергая клубы пыли. Из одного отверстия сыплется рис, из другого — розовато-бежевая шелуха. Через этот агрегат рис проходит несколько раз, и лишь после этого он становится идеально чистым. От белизны и степени очистки риса, так же как и хлеба, зависят его цена и питательные качества. Чем рис белее, тем он дороже, чем темнее, тем полезнее.

Вряд ли у японцев потекут слюнки, если они почувствуют запах жарящегося гуся или свиной отбивной. Зато аромат рыбы — вареной, жареной, соленой, сушеной, копченой и даже свежей, только что пойманной,—

доставляет удовольствие каждому японцу. Надо сказать, что запах рыбы характерен для всей Японии — для ее улочек, домов, ресторанов, продовольственных магазинов. Даже мясо и яйца иногда пахнут рыбой.

Сакана, то есть рыба,— в Японии понятие более широкое, чем у нас. Для нас рыба — это чешуя, плавники и огромное количество костей. Иногда при этом слове у нас возникает представление о ките, но еще в школе нас учили, что кит — это млекопитающее, а не рыба. Для японцев же сакана — это любая живность, обитающая в море или океане. С этим довольно тонким различием в толковании понятия рыба мы почти сразу же столкнулись на практике. В первую неделю нашего пребывания в Токио мы пошли в японский ресторан, а так как в национальных блюдах еще не разбирались, то положились на вкус официанта, сделав лишь одну оговорку: если это будет рыбное блюдо, то там должно быть поменьше костей. Спустя немного времени нам принесли «рыбное» блюдо. Это была вареная розоватая каракатица с нежными шупальцами, распластавшимися на голубой тарелке. Она была красивой, костей в ней действительно не было, и на зубах она чуть-чуть похрустывала. Точно так же в Японии «рыбой» считаются осьминоги, крабы, раки...

Японские хозяйки в рыбе разбираются великолепно. Они точно знают, какую рыбу нужно покупать в какое время года. Им достаточно бросить беглый взгляд, чтобы безошибочно определить, свежая рыба или нет. Они знают десятки нам совершенно неизвестных способов приготовления рыбы. Для нас особенно странными казались кусочки сырой рыбы, которые обычно подаются разложенными на тарелках в различных цветовых комбинациях или положенными на рис и которые перед употреблением обычно макают в острый соус. Рыбу также можно варить в соевом соусе, жарить на противне на открытом огне, сушеную рыбу настругивают, как сыр, ее покупают в виде рыбьей колбасы или жарят на масле и подают на стол вместе с головой и вздыбленными хвостовыми плавниками. Японцы рыбу обожают. Их тарелки покрыты рыбьими орнаментами или напоминают рыбу своей формой, даже кондитерские изделия могут быть выпечены в виде рыбы. Больше того, сушеная и твердая, как камень, рыба *кацуобуси*,

не портящаяся в течение нескольких лет, служит отличным подарком в самых различных случаях. Ее продают в великолепной упаковке, в целлофане, в больших подарочных коробках, перевязанных цветными лентами. Самые известные виды кацуобуси даже имеют клеймо, как наш хрусталь. Это один из самых дорогих подарков.

Не хуже разбираются японцы и в деле приготовления овощей. Под словом «овощи» нельзя понимать лишь морковь, сельдерей, петрушку, лук, капусту, огурцы, перец, шпинат, помидоры. Это только небольшая часть того, что вы можете обнаружить в корзинах японского зеленщика. Японцы едят почти всякую зелень. Они употребляют в пищу листья хризантем, корни лотоса, бамбуковые побеги, различные виды бобов и стручков, синюю, белую и китайскую капусту, сырые баклажаны, самые различные виды редьки, редиски, турнепса, водяных каштанов, а также специфические японские овощи вроде *мицуба*, *коннъяку*, *васаби*, *нёго* и многое, многое другое.

Японские разновидности некоторых наших овощей выглядят по-другому и отличаются по вкусу. Так, например, морковь бывает иногда длиной в полметра. Жухлая и сухая, она напоминает древесину. У сельдерея японцы употребляют не корень, а ароматную ботву. Тонкие неровные огурцы покрыты струпьями, они бывают длиннее 20 сантиметров. Салатов в Японии мы никогда не видели.

Несмотря на то что японцы очень любят овощи, они почти никогда не употребляют их как таковые, без приправ. Чаще всего они делают *цукэмоно* — смесь овощей, которая добавляется к вареному рису. Цукэмоно — важнейший компонент деревенской пищи, ибо вдали от побережья, где свежую рыбу достать нелегко, овощи — единственное добавление к неизменному рису. И потому в некоторых центральных районах крестьяне поневоле являются вегетарианцами. Осенью они солят овощи в больших глиняных сосудах и питаются ими в течение всего года.

Итак, рис, рыба, овощи. Стоп, мы кое о чем забыли — о соевом соусе и *мисо*.

Сою — соевый соус, пли, точнее, негустая подливка, — это коричневатого цвета жидкость, которая по запаху и виду чем-то напоминает пряности для супа. Во

время еды сою всегда ставят на стол, так же как у нас соль. Вы наливаете его в розетку и обмакиваете в него, прежде чем поднести ко рту, каждый кусочек рыбы или овощи. Этим соусом приправляют суп и любое блюдо, состоящее из вареных овощей, рыбы или мяса. Без соевого соуса, без его специфического запаха и горьковато-соленого вкуса, без этой универсальной приправы невозможно представить японскую кухню.

Мисо — это густая маслянистая жидкость, которая получается в результате квашения соевых бобов и риса. Бывает много разновидностей мисо, все зависит от того, какие используются продукты, а также от соотношения отдельных их частей. Большинство японских семей начинают свой день с супа. И большинство из этого большинства употребляют утром *мисосиру* — соленый, перченый суп из мисо и овощей. Иногда в него добавляют немного рыбы. В последнее время — кусочки мяса. Японцы утверждают, что мисосиру — суп очень полезный и что тот, кто начинает с него день, не утомляется до самого вечера.

Широко известно, что японские блюда подаются красиво уложенными, составные части их должны подходить друг к другу по цвету и форме. Эстетическое впечатление усиливается благодаря особому способу сервировки. Рис обычно подается в фарфоровой чашке с цветным узором и крышкой, суп — в черной или красной лакированной супнице, также закрытой крышкой, а рыба и цукэмоно — на блюдах самой различной формы. Не последнюю роль играют и керамические чашечки для чая. Палочки для еды кладутся на небольшие фарфоровые подставки, по форме напоминающие рыбу или различные овощи и фрукты. Японцы утверждают, что общий вид блюда имеет большее значение, чем его вкус.

Даже в самой бедной семье любое блюдо стремятся подать красиво оформленным. Японки учатся этому искусству на ежедневных курсах приготовления пищи, передающихся по телевидению, и читая различные поварские книги, которые дают не только рецепты блюд, но на цветных иллюстрациях показывают, как блюдо должно быть подано, чтобы оно произвело наибольший эстетический эффект. Поэтому когда вы бываете в гостях у японцев, то надо похвалить не только вкус блюда,

но и его вид. Однако обычай украшения блюд имеет и теневую сторону. Японские хозяйки часто злоупотребляют пищевой краской, которая всегда имеется у них под рукой. От этих зеленых, желтых, розовых, красных, черных, коричневых или белых яств редко когда приходишь в восторг. Как правило, это овощи, морские водоросли, бобы или рыба, уложенные в форме цветов на настоящих или бумажных зеленых листьях.

Заводские столовые — явление в Японии довольно редкое. Поэтому большинство японцев либо заказывают обед в дешевых ресторанчиках, либо приносят из дому плоские жестяные коробки, разделенные на две неравные части. В большей находится рис, в меньшей — всякие приправы. Такая жестяная коробка лежит в кармане почти каждого рабочего или студента. Когда наступает время обеда, они садятся на ближайший камень или скамейку, вытаскивают свою коробочку и с явным удовольствием извлекают из нее то горсть холодного риса, то кусочек рыбы или цукэмоно. В оформление этих обедов японские хозяйки вкладывают все свое умение. Ведь по ним сотрудники и товарищи мужа, сына или дочери будут судить о них самих.

И хотя от обеда сразу перескакивать к отбросам не принято, такой ход мысли все же логичен. Японцы так тщательно упаковывают каждую покупку и при этом расходуют столько бумаги и всяких пакетов, что вас охватывает беспокойство за судьбу японских лесов. Куда затем девать эти бумажные отбросы — серьезная проблема и для Токио и для других крупных городов Японии. Несмотря на мероприятия, которые сейчас проводятся, в большей части столицы Японии нет канализации в том смысле, как понимаем ее мы. В жилых кварталах по обеим сторонам узких улочек тянутся неглубокие сточные канавы, в которые стекает вода из кухонь и купален. Под туалетами вырыты большие выгребные ямы, которые сейчас чистятся специальными машинами. Но еще несколько лет назад их содержимое перекачивали вручную в деревянные бочки. Об этой операции узнавал даже тот, кто не обладал исключительным обонянием, на расстоянии нескольких километров. В предместьях Токио этот способ применяется до сих пор.

Сточные канавы, которые тянутся вдоль улиц, бы-

вают покрыты бетоном или деревянными досками, но лишь частично и далеко не везде. Понятно, что вид открытой сточной канавы или мелкой грязной речонки не очень привлекателен, не говоря уже о том, что в жаркие летние дни оттуда исходят неприятные запахи. Эти отхожие места служат излюбленным убежищем для крыс и прочей мерзости.

Для нас всегда было загадкой, как японцы, столь чистоплотные сами и так тщательно следящие за чистотой своего жилища, могут оставаться совершенно равнодушными к тому, что творится вокруг дома. Наши дети вначале убегали с криком каждый раз, когда на пути им попадалась крыса. Первый, кто нам об этом смеясь рассказал, был наш сосед-врач. Потом японские ребята убедили наших детей, что в крысах нет ничего страшного. Все соседи — а среди них были весьма образованные люди и даже известные представители японской культуры — считали отвращение европейцев к крысам и подобным грызунам странным предрассудком. В конце концов и мы осознали бессельность такого поведения. Мы как-то прочитали, что, по неполным данным, в Токио на каждого жителя приходится примерно три крысы, то есть всего около 30 миллионов крыс. Немного позже по телевидению рекламировали обеденный столик из искусственного материала, который обладал четырьмя замечательными свойствами: его легко мыть, на него можно ставить горячую посуду, его не прожигала сигарета и не могли прогрызть крысы.

В Японии крыса всегда считалась грызуном, приносящим счастье и благосостояние, ибо там, где царит нужда, нечем питаться даже крысам, и они в таком доме не живут. Наверное, по этой причине японцы никогда не упичтожали крыс.

Итак, отбросы — это проблема. Перед каждым домом в Японии стоит *гомибако* — деревянный или бетонный ящик для отбросов с откидной крышкой или снимающейся верхней доской. В него бросают бумагу и прочий сухой мусор. Для пищевых остатков у каждой хозяйки имеется кормовое ведро, и она вынуждена все время прислушиваться, не звонит ли колокольчик *гомия-сана*, японского мусорщика. В улочку обычно заезжает открытый грузовик, и рабочие расставляют на одинаковом расстоянии одну от другой большие прово-

лочные корзины. Тут приходится поторопиться, чтобы успеть высыпать содержимое ведер в корзины. Мусорщики ссыпают отбросы из корзин в кузов грузовика и двигаются дальше. Иногда они опорожняют также ящики с бумагой, но часто этого приходится ждать очень долго. Поэтому в Японии распространена своеобразная система чаевых для мусорщика. Кто дает чаевые, у того мусорные ящики пусты, кто их не дает, у того они стоят переполненные. Но иногда не помогают и чаевые, и грузовик не появляется в течение нескольких дней. Положение становится критическим. Бумагу некуда бросать, приходится сжигать. Некоторые так и поступают. Но тут же вся улочка начинает незаметно, но бдительно следить за тем, кто решился на этот безрассудный шаг. А что, если огонь будет плохо потушен?

Если мусорный ящик переполнен, а гомиа-сан не приезжает, то нужно искать какой-то выход. Во всех районах Токио остались с войны незастроенные земельные участки. Туда складывают и выбрасывают весь хлам — бумагу, разбитую посуду, старые рогожи, коробки, развалившиеся ботинки. Больше всего неприятностей эти свалки доставляют тем, кто живет по соседству с пустырем. Жители, как правило, время от времени заявляют протесты местному полицейскому управлению, и на пустыре появляется табличка с запрещением сваливать здесь мусор. Но на нее мало кто обращает внимание, и под покровом ночи там снова накапливается большая куча. Владелец пустыря обычно живет в другом месте, и апеллировать к нему — пустая трата времени. Поэтому соседи собирают в складчину деньги и нанимают кого-нибудь, кто убрал бы участок, мусор закопал, сжег или куда-нибудь свез. Но куда? Чаще всего на другой ближайший пустырь.

Возникает вопрос, почему в Японии, стране столь бедной полезными ископаемыми, никто не позаботится об утилизации отходов. Организации, подобной «Утильсырью», в Японии нет. Однако существуют две службы, если это можно так назвать, которые занимаются сбором и продажей того, что люди выбрасывают.

«*Кудзу харан-и-и*» — можно услышать не меньше трех раз в неделю на японских улицах. Приблизительно это означает: «Тряпки, кости, бутылки». Голос принадлежит человеку, который покупает бумагу, тряпки,

бутылки, жесь и многое другое. Он ни о чем не спрашивает и деньги, хотя и гроши, выкладывает на бочку. У него есть семья, хороший дом, и живет он не хуже других.

Кроме него по улицам, глядя все время на землю, бродят нищие, у которых практически нет никаких средств к существованию. Они открывают мусорные ящики и копаются в их содержимом. В большие мешки, которые они волочат за собой, или корзины, висающие на спине, нищие бросают лишь определенный вид отбросов — будь то бумага, тряпье или консервные банки. Прошлое этих людей не всегда было столь страшным, их будущее вряд ли может быть хуже. Они живут в берлогах, ночью спят целыми группами под мостами или поодиночке, скорчившись, лежат на улочках Асакусы, Уэно и других кварталов.

Мы уже говорили, что японцы очень чистоплотны. Они купаются ежедневно или через день в воде, температура которой достигает 45 градусов. Должно пройти немало времени, прежде чем иностранцы привыкают к такой температуре и перестают портить японцам настроение, выливая в бассейн ушаты холодной воды.

Купаться и мыться в Японии можно и в общественных банях, или в собственной купальне, если, конечно, такая имеется. Каждый способ по-своему хорош.

Сэнто, или общественные бани, есть в каждом квартале. Как правило, это большое деревянное здание с пологой крышей и широким стеклянным входом. Днем перед баней в невысоких пирамидках сушатся деревянные тазки и лохани, из которых вечером посетители поливают себя водой.

После того как стемнеет, когда все дневные дела уже переделаны и наступает свободная пора, подходит время купаться. По улочкам идут люди с полотенцами, мылом и маленькими тазиками. Летом они обычно бывают одеты в длинные хлопчатобумажные юката. Все спешат в общественные бани, чтобы через час вернуться распаренными, покрасневшими, с непросохшими волосами, уставшими от горячей воды и вместе с тем освеженными и физически и духовно. *Сэнто* — это не только место, где люди очищаются от всего, что нако-

пилось за длинный, суматошный день, но и своего рода общественный центр. Все жители квартала ходят сюда регулярно, и поэтому все хорошо знают друг друга и, сидя по горло в воде, имеют отличную возможность обменяться мнениями о международной ситуации и рассказать местные новости.

Те, у кого достаточно денег и, главное, места, могут устроить дома собственную купальню — традиционное японское деревянное офуро. Мы несколько раз купались в офуро, но каждый раз нам было довольно трудно в нем поместиться. Офуро представляет собой большую деревянную бочку, стянутую блестящими металлическими обручами, с сиденьем внутри. Эти деревянные кадки предназначены для людей с более хрупкими фигурами. Под купальней размещена печка, которая топится древесным углем, сзади выведена небольшая труба. Вода в кадке меняется не каждый раз, ведь моеетесь вы в другом месте, и лишь после того, как тщательно вымоетесь и ополоснетесь, надолго погружаетесь в горячую воду офуро.

Нам всегда казалось, что купание для японцев означает нечто большее, чем простое смывание пыли и грязи. Надо сказать, что, хотя мылом в силу необходимости японцы и пользуются, все же оно играет в ритуале купания роль второстепенную. Главное — это время, которое вы проводите, сидя в горячей воде и вбирая тепло зимним холодным вечером или распариваясь так, что после выхода из бани даже горячий и влажный летний вечер кажется прохладным и приятным.

Несколько

слов

о культуре

Наше первое посещение японского театра (это был старый осакский кукольный театр Бунраку) одновременно явилось и визитом в универсальный магазин, что весьма характерно для Японии. Все крупные универмаги Токио — «Такасмая», «Мицукоси», «Тоёко», «Исетан», «Мацудзакая» и другие на последнем этаже имеют специальные помещения, предназначенные для проведения культурных мероприятий. Чаще всего это бывают выставочные залы, но есть также и зрительные залы со сценой.

Культура и искусство, особенно популярные их формы, в Японии находятся в полной финансовой зависимости от крупных компаний и отдельных магнатов, так называемых покровителей искусства. Как правило, это бывают газетные концерны, радио- и телекомпании, торговые общества и те, кто получает прибыль от различных культурных акций. Эта система характерна не только для Японии. Она распространена во всем капиталистическом мире, но в Японии — особенно широко; культура здесь переплелась с коммерцией, а коммерция с культурой больше, чем где бы то ни было.

Универсальные магазины стремятся привлечь культурными мероприятиями как можно больше покупателей в свои залы. Они рассчитывают, что тот, кто придет на выставку Пикассо, этажом ниже купит пару носков или зонтик. И что имеет еще большее значение — он привыкнет ходить в этот универсальный магазин, полюбит его и станет постоянным покупателем.

Было бы неправильно думать, что все, с чем вы встречаетесь в выставочных залах универсальных магазинов, имеет лишь коммерческую ценность. Конечно, некоторые экспозиции, особенно зарубежные выставки прикладного искусства, рассчитаны прежде всего на получение высокой прибыли. Экспонаты выставок здесь

же продаются по очень высоким ценам. Но мы видели в таком зале и выставку древней китайской керамики, устроители которой отобрали экспонаты в лучших музеях мира и многих частных коллекциях, и большую выставку древнего японского искусства, экспозиции современных художников, скульпторов, выставки произведений каллиграфического искусства, цветов, японских кукол, народной керамики, иллюстраций древнейших памятников японской письменности и многое другое.

Выставки — это одна из важнейших областей культурной жизни японской столицы. Они проводятся в картинных галереях, клубах и музеях. В Национальном музее парка Уэно в 1958 году проводилась великолепная выставка Ван Гога; картины были получены из Голландии. Вскоре после этого в находящемся неподалеку Музее западного искусства выставлялись самые известные французские и итальянские модернисты. Некоторые крупные фирмы, изготавливающие фотоаппараты и фотоматериалы, также имеют свои выставочные салоны, где размещены постоянные экспозиции отдельных фотомастеров или целых направлений в художественной фотографии. Японцы — прирожденные фотографы, и эти выставки пользуются очень большим успехом, так как служат наглядной школой фотоискусства.

К этому надо добавить, что имеются и постоянные музейные экспозиции, но они, как правило, не отличаются высоким уровнем. Дело в том, что подавляющее большинство произведений древнего японского искусства находится в частных коллекциях. И, наконец, вы можете встретить произведения искусства в антикварных магазинах и лавках. Однако заходить туда нужно, заранее пессимистически настроившись на то, что все предметы древнего искусства окажутся подделками.

В Японии выходит огромное количество книг разных названий. Мы посетили одно издательство, где коллекционируют по одному экземпляру всех издаваемых книг. За год эти книги наполняют большое помещение. Каждое отделение здесь соответствует определенному дню в году, и ни одно из этих отделений не пустует. В некоторых лежат три или четыре книги, в других — боль-

ше десятка. И это не удивительно. Наряду с большими и известными издательствами, вроде «Иванами», «Кавадэ», «Спитёся», в Японии существуют десятки и даже сотни небольших и совсем маленьких издательских обществ в самых различных городах. Некоторые из них выпускают лишь несколько книг, а потом объявляют себя банкротами, другие оказываются более живучими. Они увеличивают объем деятельности и затем начинают издавать также и журналы.

Издательская деятельность в Японии характеризуется поразительной оперативностью. Это скорее правило, чем исключение, что книга выходит в свет через месяц или полтора после того, как автор сдаст рукопись. Оформлены японские книги бывают просто, без иллюстраций, обычно их украшает лишь современная обложка, и та, как правило, — мягкая. Главное их достоинство — что они дешевы и быстро попадают к читателю. Крупные издательства выпускают и дорогостоящие многотомные издания, отпечатанные на тонкой или мелованной бумаге и оформленные с большим вкусом. Но это касается в большинстве случаев лишь альбомов с репродукциями художественных произведений, изданий научной и специальной литературы и пропагандистских материалов.

Наводнение на книжном рынке имеет и свои минусы. Книги выходят по сравнению с нашими изданиями очень маленькими тиражами. Пять тысяч экземпляров считается большим тиражом в стране, где живет 96 миллионов человек. Начинающие авторы вынуждены, затрачивая немалые средства, сами издавать свои собственные произведения, чтобы снискать известность. В этих случаях тираж не достигает и тысячи экземпляров, а иногда бывает и меньше.

Далеко не все, что издается, достойно быть изданным. Никто никому не может запретить издавать заведомую халтуру. И так как маститые авторы отдают свои рукописи известным, крупным издательствам, небольшие издательские фирмы берут без разбора все, что обещает им получение хоть какой-то прибыли. Существуют и такие издательства, которые специализируются на порнографической литературе и занимаются так называемым книжным браконьерством. За границей выходит книга, на которую на японском книжном рынке

может быть большой спрос. Обычно это касается научной литературы или технических пособий. Однако получение авторского разрешения на перевод и издание обошлось бы слишком дорого. И тогда книга переводится или «препарируется», часто меняется название, рукопись сразу идет в производство, и издатель отхватывает солидный куш. Проходит довольно много времени, пока все обнаруживается. Иероглифы служат той ширмой, за которой может быть скрыто все что угодно. И поэтому нередко случается, что подобная операция остается нераскрытой. Но если в конце концов дело доходит до судебного разбирательства, то часто обнаруживается, что фирма, издавшая книгу, обанкротилась и некому предъявлять иск. Случаи книжного браконьерства в последние годы так участились, что этим занялись правительственные органы. Министерство образования заверило, что оно возьмет в свои руки дело издания иностранной научно-технической литературы в дешевых и доступных сериях с согласия авторов.

Несмотря на небольшие тиражи книг, на японском книжном рынке можно достать практически любое выдающееся произведение японской или мировой литературы. Многие конкурирующие друг с другом издательства выпускают популярные книги снова и снова до тех пор, пока на них есть спрос. Остаток идет в макулатуру.

Япония принадлежит к числу «переводческих держав». Больше всего переводят с английского языка (главным образом американские книги), с русского, немецкого и французского. Есть и переводы чешских книг. Японцы увлекаются современной литературой и умеют по достоинству оценить ее. Так, наряду с произведениями Чапека на японский язык переведены «Бравый солдат Швейк», «Немая баррикада», «Бабушка», «Репортаж с петлей на шее» и некоторые другие. Раньше переводы чешских книг делались с третьего языка, например с английского, немецкого или даже с эсперанто. В последнее время чешские книги переводятся непосредственно с оригинала.

Но надо сказать, что чешские японоведы на поприще взаимного культурного обмена добились больших успехов. Японская литература переводится у нас с оригинала уже более 25 лет, и у чехословацких читателей

была возможность познакомиться не только с древней классической поэзией конца I тысячелетия и семнадцатистопными стихами *хайку* XVII века, но и с поэтами современными. Уже в течение многих лет на витринах наших книжных магазинов появляются книги известных японских писателей — Сосэки Нацумэ, Рюносукэ Акутагава, Такидзи Кобаяси, Сунао Токунага, Футабаты Сэмэй и других. Некоторые произведения были переизданы. А на страницах многочисленных журналов наши читатели знакомятся с рассказами самого молодого поколения послевоенных японских писателей.

Японская послевоенная литература — могучий, но весьма неоднородный поток, в котором сливается множество самых различных направлений, школ, методов, тенденций и философских концепций. Среди японских писателей вы можете найти реалистов, декадентов и натуралистов, мистиков и модернистов самых различных направлений.

Неоднородность японской литературы увеличивается и из-за ее деления на так называемую литературу «чистую» и литературу «популярную». Под «чистой» литературой понимаются произведения высокохудожественные, но предназначенные нередко лишь для определенного круга читателей. За термином «популярная» литература в большинстве случаев скрываются банальные повести и романы, предназначенные для массового читателя и публикуемые с продолжением в журналах и газетах. Это разделение осталось в наследство от феодальной эпохи, когда между классами и отдельными группами населения проходили резко очерченные границы и когда возвышенная литература читалась лишь в кругу аристократов и образованных людей, в то время как народ развлекался дешевыми книжками авторов, вышедших из низов. Не только литература «популярная», но и большинство японских художественных произведений публикуются сначала в журналах, и лишь потом они выходят отдельными изданиями. Некоторые авторы «популярных» романов относятся к литературной деятельности как к ремеслу, оценивая свои произведения по объему и гонорару, а не по художественным достоинствам. Гонорары за произведения, публикуемые с продолжением в крупных газетах, выплачиваются действительно большие, и поэтому даже

талантливые писатели, соблазненные возможностью легко и безбедно жить, потакают вкусам мещан, падких на сенсации, и извергают из себя целые романы с шаблонными сюжетами, нередко вплотную подходя к границе бульварной литературы. Но надо сказать, что среди авторов «популярной» литературы всегда были и есть такие писатели, которые стремятся брать темы для своих произведений из современной жизни, решая в них (хотя, может быть, и не очень глубоко) проблемы, волнующие широкие массы. Благодаря этому они играют более важную роль, чем те представители «чистой» литературы, которые хотя и пишут отточенным, культивированным слогом, но содержание произведений которых непонятно массовому читателю и не волнует его.

Именно поэтому у японских писателей растут тенденции к созданию таких произведений, которые, сохранив высокий художественный уровень, получили бы признание самого широкого круга читателей, которые решали бы животрепещущие проблемы, близкие простому человеку, и которые бы не отражали позиции субъективизма и индивидуализма. Лишь таким образом можно вырвать японских читателей из-под влияния «популярной» литературы и расширить круг читающих художественно полноценные произведения.

Прогрессивное демократическое движение среди японских писателей зародилось в 20-е годы, когда в Японии появились первые произведения пролетарской литературы, стоящей на марксистских позициях; ее представителями были талантливые писатели, вышедшие из рядов подпольной коммунистической партии. Многие из пионеров пролетарской литературы, пережившие гонения и военные лишения, стали в 1945 году основателями Общества новой японской литературы, в которое вошли не только писатели-коммунисты, но и большая часть демократически настроенных японских литераторов.

После войны появилась целая плеяда писателей молодого и среднего поколения, которые были на фронте или прожили войну в каком-нибудь уголке сожженной и разоренной страны и лишь в послевоенные годы получили возможность взяться за перо. Это поколение новых писателей, называемых *сэнго-ха*, или послевоенная

школа, испытывало необходимость прежде всего определить свое отношение к собственным гнетущим воспоминаниям о прошедшей войне. Пути, которыми шли представители этого поколения, были различны, но их книги относятся к самым выдающимся произведениям послевоенной японской литературы.

Против демократического движения и энергичных поисков новых путей в литературе выступила литература буржуазная, которая характеризуется декадентскими устремлениями, копанием в душевных переживаниях личности. И хотя в японской буржуазной литературе появляются произведения реакционного, упадочнического характера, но тем не менее вы не встретитесь с книгами, пропагандирующими шовинизм и захватнические настроения, которые до войны составляли значительную часть японской литературы. Общественное мнение в наши дни настолько сильно, что нечто подобное здесь возродиться не может.

В жизни, а следовательно, и на сцене японских театров сосуществуют формы традиционные, национальные с формами современными, перенятыми у Запада.

К формам японского национального театра относятся пьесы *Но*, водевили *Кёган*, кукольный театр Бунраку и театр Кабуки.

К современным — европейская драма, которую в Японии называют *Сингэки*, европейский кукольный театр и пока еще только зарождающаяся и имеющая мало поклонников опера.

Японские артисты объединяются в артистические общества или труппы, душой которых обычно бывает какой-нибудь выдающийся актер. У этих трупп, за некоторым исключением, нет своих постоянных зданий. Артисты готовят пьесу, а затем арендуют театральное помещение. Успех, которым пользуется пьеса, определяет количество постановок. Артистам приходится нелегко, и такая система не способствует повышению их мастерства. Некоторые, особенно только что созданные, труппы репетируют и ставят спектакли в условиях, совершенно невыносимых для наших артистов. Но эта система характерна для Японии, и в традиционном театре Кабуки-дза выступают, сменяя друг друга, различ-

ные артистические труппы. Постоянную крышу над головой имеют лишь театры легких жанров, такие, как Нитигэки, Кокусай гэкидзэ или женский танцевальный ансамбль Такарадзука.

Зачинателями японских театральных зрелищных форм были пьесы Но и водевили Кёгэн.

Театральные спектакли Но возникли в XIV веке в результате соединения танцевальных элементов и пантомимы с лирико-эпическим текстом, который напевно декламируют солисты и повторяет хор. Актеры в этих спектаклях одеты в богатые костюмы, лица у них прикрыты резными разукрашенными деревянными масками. (Эти маски сами по себе — выдающиеся произведения искусства). Спектакль сопровождается игрой ансамбля из нескольких музыкантов. Они ударяют в бубны различного размера и играют на японской флейте. Удары бубнов определяют темп движения артистов и всего спектакля. Тексты спектаклей Но — это замечательные образцы японской средневековой литературы, сохранившиеся в первоначальном виде, так что сегодняшний японский зритель понять их не сможет, если заранее не познакомится с содержанием.

Спектакли театра Но — драматичные и даже трагедийные — ставятся иногда вместе с водевилями Кёгэн. Водевиль возникли приблизительно в то же время, что и пьесы Но. По жанру это комедии, и в отличие от пьес Но, писавшихся высоким литературным стилем, которым никто в обиходе не пользовался, анонимные авторы водевилей писали их на разговорном языке тех времен.

В давние времена театр Но был излюбленным элегантным развлечением аристократических кругов, в то время как водевили отвечали своей сатирической формой вкусу простых людей. В наши дни, однако, как театр Но, так и водевили Кёгэн для большинства японцев — искусство мертвое. Верным ему остался узкий круг лиц, всего лишь несколько тысяч человек, которые периодически посещают спектакли токийских, осакских и киотоских трупп, ставящих пьесы Но. Постоянные поклонники этого древнего искусства знают все тексты наизусть, и они могут насладиться их поэтической красотой и мастерством актерского исполнения. Обычный, неискушенный зритель этого искусства не понимает. Иногда какую-нибудь пьесу Но передают по телевиде-

нию, как правило, в серии «общеобразовательных передач». Но телевидение не может передать едва ли не самое важное в этом древнем театральном искусстве — красочность костюмов и кулис.

Постепенно слабеющим отзвуком древности является и традиционный кукольный театр Бунраку. Начало этому виду театрального искусства было положено в XVII веке в Осаке, и до наших дней театр Бунраку не покинул своей родины. В Осаке существует несколько фамильных кукольных обществ, которые время от времени совершают гастрольные поездки в Токио или другие города, ставят там несколько спектаклей и затем возвращаются. Бунраку в значительной степени отличается от наших представлений о кукольном театре. Куклы больше наших, ростом около метра, артисты водят их прямо на глазах у зрителей. Каждой куклой при помощи сложного механизма управляют три человека. Главный из них — обычно старый известный актер — работает с головой, придавая лицу необходимое выражение (куклы в театре Бунраку могут опускать веки, поднимать брови, открывать рот и вращать глазами), и с правой рукой куклы. Два помощника управляют остальными частями тела. Все три артиста одеты в черные костюмы, а лица помощников даже закрыты черными повязками. Фигуры артистов почти сливаются с черным фоном, а кукла, одетая в цветной яркий костюм, резко на нем выделяется.

Артисты не разговаривают, они лишь управляют куклой. Содержание пьесы передает декламатор, который сидит у низкого лакированного столика с правой стороны сцены. Исполнительское искусство декламаторов — пожалуй, самое лучшее, что есть в спектакле. Декламаторы говорят то как люди, не имеющие к событиям никакого отношения, то дрожат от злости, выступая в качестве разъяренного военачальника, то произносят слова нежным голосом средневековой красавицы, то смеются и плачут — в общем, ведут себя так, словно они полностью перевоплотились в героев пьесы. Роль декламатора требует кроме высокого мастерства еще и тяжелого физического труда. Декламаторы по ходу пьесы меняются. Артист, который только что сошел со сцены, физически истощен, по его лицу градом катится пот.

Кукольные театры, как правило, посещают люди пожилые. Среди молодежи очень мало любителей этого вида искусства. Нас всегда поражало, как старые японцы умеют прочувствовать спектакль. Так же как и в театре Кабуки, они предпочитают смотреть в театре Бунраку пьесы грустные, сентиментальные, и, когда падает занавес, больше половины женщин в зрительном зале плачут над печальной судьбой кукол.

Из всех древних видов японского театра наибольшей популярностью в наши дни пользуется театр Кабуки. Но он тоже с каждым годом теряет свое значение. Его былую славу приходится поддерживать с помощью различных мероприятий, как, например, проводившиеся в 1961 году большие торжества по случаю празднования 70-летия основания театрального здания Кабуки-дза или последовавшее вскоре вслед за этим празднование 350-летия возникновения самого театра Кабуки. Обе эти годовщины вымышлены, так как ни года возникновения этой театральной формы, ни года основания первой постоянной сцены определить невозможно. После этого торжественно отмечалось присуждение традиционного звания *дандзюро* одному из самых известных современных артистов театра Кабуки. Различные культурные учреждения Японии, которые связаны с финансовыми делами Кабуки, стремятся этими дорогостоящими торжествами и спектаклями-обозрениями повысить интерес населения к театру и спасти его от той участи, которая уготована Но и Бунраку. И хотя положение еще нельзя назвать критическим, сравнение количества современных постановок с числом традиционных спектаклей показывает, что с каждым годом современный театр закрепляет свое преимущество.

Театр Кабуки возник примерно в то же время, что и кукольный театр Бунраку, то есть в XVII веке, и хотя с начала XVIII века до нашего времени все роли в театре Кабуки играют только мужчины, у колыбели Кабуки находились женщины — танцовщицы, певицы, актрисы, которые исполняли на сцене мужские роли. Однако впоследствии феодальное правительство решило, что женщины, выступающие на сцене, могут отрицательно повлиять на общественные нравы, и поэтому было дано распоряжение, что в театре Кабуки имеют право играть только мужчины. Современная эпоха при-

внесла в театр много новшеств, возникли смешанные труппы театра Кабуки, однако в большинстве случаев все еще сохраняется традиция, и женские роли исполняют мужчины.

Так же как в кукольном театре Бунраку и во многих других видах искусства, старая традиция театра Кабуки — передача по наследству, из поколения в поколение, от отца к сыну артистического мастерства, и самые известные фамилии выступают на сцене уже в течение нескольких столетий. Раньше члены одной семьи специализировались лишь на определенных ролях, но в наше время это не является правилом.

Здание театра Кабуки, уничтоженное во время войны и впоследствии реставрированное, расположено неподалеку от Гиндзы. Спектакли здесь идут два раза в день. Они начинаются в 11 часов и в 16 часов 30 минут. И хотя нам было известно, что во время каждого представления показывается несколько пьес, все же накануне первого посещения вечернего спектакля театра Кабуки мы надеялись, что ужинать будем дома. Но когда мы расположились на балконе театра и огляделись, то решили, что все зрители, сидящие вокруг нас, приехали откуда-то издалека. У каждого на коленях лежал сверточек. Во время перерыва — около половины девятого — зрители развернули свертки, открыли крышки деревянных и жестяных коробочек и принялись за ужин, чтобы подкрепиться и выдержать еще около трех часов. У нас сосало под ложечкой, но лишь во время следующих посещений мы обнаружили, что в здании театра есть великолепный национальный ресторан.

После первых быстрых ударов палочек *ки*, которые оповещают о начале спектакля, перед зрителем на сцене разворачивается красочное и для нас непривычное представление. Артисты одеты в яркие, богатые костюмы, но на лице у них нет масок, как в театре Но. Они лишь загримированы по древним, раз и навсегда установленным образцам. Театр Кабуки сочетает драму, музыку и танцы. Все эти элементы вместе с игрой артистов подчиняются особому ритму, который задают музыканты и декламаторы. Они сидят в темных кимоно двумя группами по бокам сцены или за ней. Каждый

жест, каждое движение лица артиста имеет символическое значение, и до известной степени они канонизированы столетними традициями. В театре Кабуки ставятся одни и те же пьесы. Их сюжеты в основном построены на моральных конфликтах и анализе взаимоотношений между людьми в феодальной Японии. Для искушенного зрителя в театре Кабуки не может быть ничего необычного. Новыми бывают костюмы, кулисы, иногда появляется новый артист, но судят о его мастерстве по тому, с каким совершенством он копирует старые образцы.

Поэтому молодые японцы отдают предпочтение современному театру, в котором говорят на современном языке и на подмостках которого решаются близкие и понятные проблемы. Сингэки — в дословном переводе — новый театр, хотя здесь ставятся и классические западные пьесы, переживает период относительного расцвета. В японских условиях это, несомненно, расцвет, однако Сингэки еще значительно отстает от европейских театров. Число артистических трупп увеличивается, и их репертуар расширяется. Возрастающая популярность Сингэки не означает, что для артистов наступили хорошие времена. Наоборот, именно артистам современного театра приходится с большим трудом зарабатывать на жизнь, и они вынуждены соглашаться на всякие предложения теле- и кинокомпаний для того, чтобы на вырученные средства ставить пьесы. До второй мировой войны на японских сценах шли в основном иностранные пьесы, однако за последние десятилетия в Японии выросла плеяда талантливых драматургов и появилось много современных произведений. В репертуаре молодых прогрессивных театров, таких, как «Хайюдза», «Бунгакудза», и других, а также в репертуаре самодеятельных кружков при университетах и на предприятиях наряду с пьесами японскими можно встретить пьесы Брехта, Миллера, Арбузова, Ибсена, Чехова, Шекспира. Влияние Сингэки на театральную жизнь Японии становится настолько значительным, что даже некоторые выдающиеся артисты театра Кабуки начинают выступать в театрах европейского типа. Например, один из самых известных артистов Кабуки, Косиро Мацумото, исполнил два года назад очень необычно, но с большим успехом роль Отелло.

С древней японской музыкой и древними музыкальными инструментами в наши дни можно познакомиться лишь во время посещения театров Кабуки, Но, Бунраку, на церемониальных танцах у синтоистских святынь или на концертах традиционных музыкальных инструментов. По радио и в залах филармоний исполняется почти исключительно западная музыка.

Если не считать фисгармонии, которую якобы во второй половине XVI века привез в Японию Франциск Ксавье, японцы познакомились с музыкальной культурой европейцев около ста лет назад благодаря оркестрам американских, английских и других военных кораблей, заходивших во второй половине прошлого столетия в японские порты.

О серьезной европейской музыке японцы получили представление на рубеже XIX и XX веков. Они сразу же проявили к ней большой интерес, так как она оказалась понятной им и была приятной на слух. Они сами начали учиться играть на европейских музыкальных инструментах, приглашали преподавателей музыки из Европы и Америки, и в 1915 году был основан первый Токийский симфонический оркестр. Несколько позже обнаружили стремления слить японские и европейские музыкальные формы, и таким образом появились первые японские композиции. Но в то время любителей западного искусства было мало, и широкие слои общественности не были знакомы с этими произведениями. Радио только входило в быт, музыка передавалась редко, и, кроме всего прочего, японское правительство в годы, предшествовавшие второй мировой войне, стремилось ограничить западное влияние в любой его форме.

Действительно серьезную роль в культурной жизни Японии западная музыка стала играть лишь после войны, когда число ее поклонников резко возросло. Появились десятки молодых композиторов, возникли новые оркестры, стали завоевывать популярность исполнители, были написаны композиции, которые не являются копией европейских мотивов, а основаны на японских мелодиях и ритмах. В последние десятилетия не только Токио, но и вся Япония, включая небольшие районные центры, получила возможность познакомиться с самыми известными исполнителями и оркестрами всего мира. Японская публика быстро достигла высокого

уровня культуры в этом отношении, и в Японию теперь приглашают выдающихся деятелей мирового искусства. Отраден тот факт, что в Японии побывали многие чехословацкие музыканты. Поэтому когда в Токио вы произносите «Чехословакия», то очень часто вам отвечают: «Да, я знаю вашу музыку» или «Я был на концерте вашего скрипача». Чехословацкие мелодии передаются по радио, а отрывки из «Моей родины» Сметаны сопровождают многие японские телеспектакли. И хотя музыкальное сопровождение здесь выбирают весьма придирчиво, но иногда случается, что на экране идет бурное заседание парламента, депутаты стучат кулаками по столу, а оркестр в это время исполняет отрывок «Из чешских полей и лесов».

Японская публика — одна из самых тонких в мире, в зале много молодежи, живо на все реагирующей. Хорошее исполнение обычно награждается восторженным рукоплесканием, и три выхода на «бис» — явление обычное. Хотя билеты стоят довольно дорого, в концерты ходит много молодежи, студентов. Молодежная организация «Трудящиеся — любители музыки» (*Роон*) объединяет десятки тысяч юношей и девушек по всей стране, приглашает иностранных исполнителей и дает возможность посетить многие концерты за весьма умеренную плату.

Статистика утверждает, что в 1962 году у японцев было свыше 10 миллионов телевизоров¹⁰. При этом сотни тысяч, а может быть, и миллионы телевизоров не включены в эти данные, потому что их владельцы стремятся избежать уплаты налога. Телевизионные антенны торчат над городскими зданиями, деревянными бараками и даже над хижинами в деревнях. В местах, слишком удаленных от ретрансляционных станций, антенны возвышаются над домами на длинных бамбуковых шестах.

Педагоги жалуются, что телевидение пагубно влияет на школьников (речь идет не о самом телевидении, а о его программах), социологи сокрушаются, что кре-

---

¹⁰ По официальным данным, в 1964 г. японцы имели 17 132 тысячи телевизоров.— *Прим. ред.*

стьяне предпочитают купить телевизор, вместо того чтобы починить прохудившуюся крышу или отремонтировать почерневший угол, который зовется кухней, у владельцев кинотеатров пухнет голова из-за постоянно снижающейся посещаемости, кинокомпании уменьшают количество выпускаемых в год фильмов.

А в это время телестудии с утра до полуночи обрушивают на зрителей последние известия, мелодии популярных песен, детские программы, гротески, всевозможные полезные советы, интервью, спортивные репортажи, сентиментальные драмы, фильмы ужасов, американские ковбойские киноленты, детективы, курсы кройки и шитья, вязания, вождения автомобилей и так далее. И все это перемешано с иногда остроумной, иногда крикливой рекламой.

Единственная японская теле- и радиоккомпания, не зависящая в финансовом отношении от рекламодателей,— это NHK («Ниппон Хосо Кёкай»), полуофициальная японская радиокорпорация. Передачи этой компании отличаются высоким уровнем. На большей части территории Японии она ведет передачи по двум каналам. По одному каналу идет обычная передача, по второму, так называемому «общеобразовательному каналу», передаются научно-популярные фильмы, курсы иностранного языка, лекции, концерты. Свыше 40 остальных телекомпаний, которые разбросаны от Саппоро до Кагосимы, существуют лишь благодаря рекламе, а также при помощи различных фондов. Это определяет направленность и уровень их передач. Реклама занимает значительную часть времени, она включается не только в начало и в конец передачи, но часто прерывает ее в самых драматических местах. И хотя передающих станций много и в Токио вы можете принимать шесть различных программ, нередко вы вращаете ручку телевизора в тщетных попытках найти что-либо интересное. 55 процентов занимают кинофильмы, из них около трех четвертей — это фильмы иностранные, в основном американская телевизионная белиберда. В оставшееся время передаются спортивные репортажи, студийные развлекательные программы и спектакли, теленовости, в последнее время слишком часто стали передаваться воспоминания участников войны, в которых прославляется воинская доблесть.

По телевизору часто проводятся конкурсы, и это, пожалуй, наиболее интересный вид передач. Мы часто вспоминаем, например, о конкурсе на умение вести беседу. Это искусство в Японии ценится очень высоко. Желающие принять участие в конкурсе должны обладать четкой дикцией, и у них должен быть хорошо подвешен язык. Партнером каждого участника всегда является опытный артист, который заранее выучил свою роль, а сами участники конкурса должны импровизировать. Они вытаскивают конверт, куда вложен листок с описанием трудной ситуации, из которой они вынуждены выпутываться. Так, например, одна пожилая женщина должна была, разговаривая вежливо, но вместе с тем недвусмысленно, раз и навсегда отвадить соседку, которая постоянно ходила к ней звонить по телефону. Или молодая девушка должна была отразить напор матери пожилого мужчины, стремящейся выдать ее за своего сына. Победительницами этого конкурса обычно становились женщины в возрасте около пятидесяти лет. С милой улыбкой и вежливо кланяясь, они умели наговорить в глаза столько гадостей и придумать столько правдоподобных отговорок, что мы просто диву давались.

Неотъемлемая часть главных улиц и разных улочек и переулков увеселительных кварталов — кинотеатры. Они могут представлять собой огромные залы с несколькими ярусами, эскалаторами и девушками в униформе. В этих кинотеатрах демонстрируются американские и японские суперфильмы на широком экране. Наряду с ними существуют грязные, кишасшие насекомыми бараки, с обшарпанными сиденьями, в которых до главного кинофильма и после него прокручиваются ленты министерства здравоохранения, посвященные красоте человеческого тела или снижению рождаемости. С особым увлечением их смотрят дети до шести лет. Однако и те и другие кинотеатры являются исключением. Большинство японских кинотеатров представляют собой нечто среднее между ними.

Борьба за кинозрителя ведется в Японии самыми различными способами. Демонстрация какого-нибудь

нового супербоевика в Токио может начаться благотворительным сеансом, на который рассылаются билеты с золотым тиснением и приглашаются разные знаменитости. Но это привлекает лишь представителей высших слоев. На обычного зрителя оказывают большее влияние крикливая реклама, огромные картины с названием фильмов, растянувшиеся на несколько этажей, или звон колокольчиков у входа в кинотеатр, предупреждающих о начале сеанса. В дешевых кинотеатрах увеселительных кварталов ставка делается на инстинкты и слабости, и на плакатах перед кинотеатром течет кровь, блестят кинжалы и белеет обнаженная женская грудь.

Вопрос, удастся ли вырвать зрителя из когтей банального телевидения и завлечь его на два с половиной часа в кинотеатр, заставив смотреть столь же банальную кинокартину, — это вопрос жизни и смерти современного японского кинопроизводства. Ведь в Японии в последние годы производится больше 500 художественных фильмов в год, но их уровень в подавляющем большинстве столь низок, а проблематика такая специфически японская, что экспортировать можно лишь малую толику этой кинолавины. Попадающие на зарубежный рынок нечастые хорошие киноленты, которые видели наши зрители и которые снискали добрую славу японскому киноискусству во всем мире, не могут уменьшить депрессию японского кинопроизводства. Вся эта чрезмерно раздутая отрасль промышленности вынуждена существовать практически лишь благодаря домашнему рынку, а на нем интерес к кинокартинам падает. Нельзя забывать, что Япония ввозит большое количество иностранных, особенно американских, кинофильмов, тоже отбирающих часть зрителей. Сейчас кинокомпании якобы стремятся к тому, чтобы сделать особый упор на производство высокохудожественных фильмов, которые благодаря своему уровню могли бы конкурировать с телевидением и иностранными кинолентами, возбудили бы повышенный интерес и шли бы в прокате более длительное время. Но до сих пор кинокомпании поступали как раз наоборот. Японская кинопродукция — это самый массовый, но при этом самый низкий по уровню вид искусства.

Почти

СТО

МИЛЛИОНОВ

Япония всегда входила в число стран с высоким приростом населения. И в наши дни он остается высоким, хотя за последние годы значительно снизился. В 1952 году, например, население Японии увеличилось на 1 миллион 240 тысяч. Сейчас годовой прирост составляет примерно 900 тысяч. В конце 1963 года в Японии было около 96 миллионов жителей, и, несмотря на уменьшающийся темп прироста, предполагается, что в конце этого десятилетия число жителей достигнет 100 миллионов. Многодетные семьи, которые раньше были обычным явлением, в наше время, особенно в городах, уступили первенство семьям с двумя детьми. На снижение роста населения оказал большое влияние закон о разрешении абортов, вступивший в силу в 1949 году. Кое-кто высказывает пессимистические взгляды: мол, если эта тенденция к преобладанию небольших семей будет расти, то через 30 лет численность населения Японии станет сокращаться.

Но нам кажется, что этот пессимизм не оправдан. Из-за заборов, из скверов, из окон домов на вас смотрит множество кругленьких лиц с красными щечками, маленьким носиком, черными быстрыми глазками и густым непослушным вихром на голове. Черная конна волос есть лишь у детей постарше, если это, конечно, не наголо обритый подросток. А головки грудных младенцев покрыты мягким коричневым пушком. Они утопают в беленьких шелковых шапочках, и это, пожалуй, единственное, что вы можете увидеть. Даже только что родившиеся дети обычно привязаны к спине матери и обернуты вместе с мамой большим ярким халатом. Коляски для японцев — это роскошь и источник серьезной опасности. Если бы большинство японских младенцев катались по узким, переполненным, не имеющим тротуара улицам в колясках, то это создало бы серьез-

ные затруднения для транспорта и было бы опасно для них самих. Когда *акатян*, так называют грудных детей в Японии, спит за спиной у матери, он находится в относительной безопасности. С ним легко пробираться в толпе, и он не занимает много места. Никто не обращает внимания на то, что головка ребенка иногда запрокидывается назад и болтается из стороны в сторону, как колокольчик. Вначале нас это пугало, и мы пытались поддержать головку каждого новорожденного или наклонить ее вперед, положив на плечо матери. Но спустя несколько недель шейка ребенка укрепляется и головка перестает болтаться. Некоторые японские ребяташки уже в четыре месяца сидят крепко, как пеньки. Детишки при этом способе передвижения, вероятно, особых неудобств не испытывают, скорее даже наоборот — им тепло и с высоты открывается отличный вид на все, что делается вокруг. Они требуют, чтобы их носили на спине с утра до вечера, так что дети в буквальном смысле слова сидят у родителей на шее. Как правило, жертвами младенцев наряду с матерью бывают их старшие братья и сестры. Десятилетняя девочка, которая играет со своими подружками в прятки и у которой к спине привязан грудной ребенок, — не такое уж редкое зрелище. А крестьянские дети, чьи родители с утра до вечера работают в поле, вынуждены носить своих меньших братишек или сестреночек иногда в течение целого дня. Они берут их с собой даже в школу, ибо некому позаботиться об этом маленьком тиране. Дедушкам и бабушкам также приходится носить внучат на своих сгорбленных спинах. Если вы проезжаете по дороге рано утром, скажем, около пяти или шести часов, когда все еще спят, вы можете встретить женщину или мужчину, которые на обочине дороги, переступая с ноги на ногу, убаюкивают орущего малыша. Японские дома так перенаселены, в них так тесно, что из-за плача ребенка вся многочисленная семья не смогла бы уснуть. И поэтому дедушка или бабушка, мама или сестра жертвуют собой и выходят с крикуном наружу.

Когда дети начинают ходить, то они сначала гуляют дома по татами в длинных сарафанчиках на завязках и в бархатных или шерстяных колготках. Потом ребенок надевает на босу ногу огромные деревянные туфли своих родителей и шлепает ими по крылечку. Прихо-

дит время купить ему маленькие деревянные гэта. Для того чтобы знать, где в данную секунду находится ребенок, у малышей, особенно у девочек, к подошве гэта между двумя выступами приделаны маленькие бубенчики. Они позвякивают при каждом шаге. Чуть позже ребенок на небольшом, обычно унаследованном от старшего брата трехколесном обшарпанном велосипеде выезжает на улицу. Там он носится взад и вперед, путается под ногами у прохожих, уклоняется от велосипедистов и автомашин. Самокатов в Японии мы не встречали, но трехколесный велосипед связан с детством японского ребенка так же тесно, как у нас прогулочная коляска.

Чем старше дети, тем сильнее разница в поведении и характере девочек и мальчиков. Эта разница намного заметнее, чем у нас. Девочки носят челку и большой бант, и их с самого детства приучают к нежности, вежливости и ответственности. Обычно они такими и вырастают — запуганными, робкими, благовоспитанными. Мальчики, с ровной прядью на лбу или обритые наголо, чаще всего вырастают шумными, ловкими, сильными, самонадеянными и слегка распущенными. Им многое прощается за то, что они мальчики. Воспитание их далеко не так продумано, как воспитание девочек. В отношении матери и всей семьи к сыну, как к продолжателю рода, несмотря на весь процесс послевоенной модернизации жизни, мало что изменилось. Для мальчика делают все, предоставляют ему возможность проявить характер, талант и склонности. Семья жертвует всем, чтобы он получил самое лучшее образование и достиг самого высокого положения. Ему нужно служить, ведь он мужчина. Поэтому мальчики в большинстве семей находятся в привилегированном положении.

Японцы очень любят своих детей. Даже в бедных семьях ребенку не приходится клянчить игрушку, и родители редко на него по-настоящему сердятся. Чаще всего детей ласково успокаивают или тихим, спокойным голосом им говорят, что так поступать нельзя. Что касается девочек, то эта система воспитания приносит хорошие плоды. В отношении мальчиков, вероятно, следовало бы применять более решительные меры.

В школу японские дети ходят с шести лет. В начальной школе имеется шесть классов, в низшей средней —

три. Это девять лет обязательного школьного обучения. После этого в большинстве случаев дети продолжают учиться еще три года в высшей средней школе, а затем поступают в четырехлетний вуз или двухлетние специальные школы.

Японские дети, особенно в первые школьные годы, вынуждены затрачивать много энергии, чтобы научиться читать и писать. Система японской письменности — одна из самых сложных в мире. Число иероглифов, которыми официально пользуются в газетах, журналах, книгах и учебниках, было ограничено послевоенной реформой и теперь не превышает двух тысяч, а из тех, что остались, многие упрощены. Но в книгах, изданных до реформы, или в научных трудах приходится сталкиваться с другими иероглифами, широко употреблявшимися раньше; их надо заучивать, отыскивать в словарях или надо просто домысливать, что они значат.

Японский первоклассник сначала учит две буквенные азбуки — *хирагана* и *катакана*. В них нет ничего сложного, ими пользуются, чтобы писать грамматические окончания после иероглифов, а также и для написания иностранных слов, помогают они и в тех случаях, когда пишущий не знает, какой нужно употребить иероглиф. Вы, конечно, можете спросить, почему японцы не откажутся от иероглифов и не перейдут на буквенное письмо. Хотя тенденция использовать буквы всюду, где это возможно, распространяется все шире, вопрос остается очень сложным. Дело в том, что в японском языке существует масса омонимов, то есть слов, одинаково звучащих, но имеющих разное значение, которые различаются лишь по написанию, по иероглифам.

С того момента, когда японский ребенок становится школьником, и до того момента, когда он покидает школьную скамью, он утрачивает значительную часть своей индивидуальности и становится темной песчинкой в массе одинаково одетых учеников, школьников, студентов и слушателей высших учебных заведений. Почти все подобные заведения, от детских садов до университетов, одевают своих питомцев в форму. Наиболее распространены черная и темно-синяя формы. Основной покрой формы был выработан около 30 или 40 лет назад. Девушки ходят в темно-синих юбках и свободных блузах типа матроски с большим отложным воротником и

похожи на воспитанниц монастырского пансионата. Когда они становятся взрослыми, заканчивают учебу и сменяют форму на обычное платье, то перемена в их внешности бывает неожиданна и разительна, словно некрасивая куколка превратилась в изумительную бабочку. Школьники в коротких черных брючках, черных куртках с белым воротником и в маленьких круглых фуражках или черных фалангистских шапках с блестящим козырьком как-то не подходят к нашему времени. Еще более нелепо выглядят взрослые студенты в длинных черных брюках и куртках полувоенного покроя с серебряными или золотыми пуговицами и твердым стоячим воротничком из искусственного материала. Некоторые частные школы, в которых учатся дети богатых родителей, ввели форму более современную, она красивее и стоит дороже, но это в японской системе образования — явление исключительное.

Японцы верят в силу образования, но их ошибка заключается в том, что часто они судят о знаниях по диплому. В результате демократических преобразований, которые были проведены после войны, в системе высшего образования Японии появилось огромное количество новых высших учебных заведений. Университетами стали самые различные институты и высшие училища, несмотря на то что у многих из них для этого не было ни оснований, ни возможностей. И поэтому сегодня в Японии имеется свыше 260 университетов и колледжей. Наибольшее количество из них сосредоточено в крупных городах — Токио, Киото, Осаке, Нагое, Сендае, Саппоро, Фукуоке и других. Уровень подготовки слушателей в японских университетах очень различен. Из одних выходят специалисты, знания которых практически не превышают знаний выпускников наших одиннадцатилетних школ. В других, особенно в старых университетах, к студентам предъявляются очень высокие требования и им предоставляются широкие возможности для учебы. Из старых крупных университетов наиболее известны Токийский, Киотоский, а также университеты Васэда и Кэйо. Кроме них хорошей репутацией пользуются и некоторые частные высшие учебные заведения. При отборе учеников в эти высшие школы нередко главную роль играет происхождение. Мы знали двух японских ребятешек, которых шофер

отвозил в аристократический католический детский сад на их собственной автомашине, изнутри оклеенной детскими картинками. Это, конечно, не частое явление, хотя однажды, когда мы посетили университет Кэйо, нам показали на стоянку, полную автомашин.

— Все они принадлежат студентам. Притом заметьте, что сегодня уже кончились лекции. Стоит сюда взглянуть, когда идут занятия!

Мы были знакомы с тремя профессорами этого университета, и ни у одного из них машины не было, не говоря уже о преподавателях других высших школ, где платят меньше.

Выпускникам известных и пользующихся хорошей репутацией высших учебных заведений обеспечена хорошая карьера, даже если они не обладают ни знаниями, ни способностями. Одни из них идут по стопам отцов, занимая должности в крупных компаниях и на предприятиях, другие тоже получают хорошие места. И хотя многим придется начать с малого, но их продвижение и дальнейшая участь будут облегчены благодаря звучному диплому.

В Японии существуют и такие высшие учебные заведения, как, например, Токийский университет, в которых, хотя они и пользуются широкой известностью, не взимают высокой платы за обучение и нередко предоставляют стипендии, ибо это государственные заведения. Попасть в такие университеты очень трудно, так как желающих много, а количество мест ограничено. Общеизвестно, что выпускники подобных университетов могут происходить из бедной семьи, но сам факт, что они сумели попасть в этот университет и окончить его, как правило, является гарантией высоких знаний и больших способностей. Естественно, что во время поисков работы у студентов, окончивших провинциальные высшие учебные заведения, при такой конкуренции нет ни малейших шансов занять хорошую должность, даже если они очень одаренны. Несмотря на то что в Японии насчитывается около 300 высших учебных заведений, дипломы некоторых из них не имеют никакого значения, ибо подавляющая часть этих заведений стоит на очень низком уровне.

Не удивительно, что цель всех родителей — устроить детей в самые известные университеты. Судьбу ребенка

часто можно предсказать с четырехлетнего возраста. Многие частные университеты имеют свои собственные детские сады, начальные и средние школы. И если четырехлетний малыш сумеет выдержать вступительный экзамен в детский сад одного из частных университетов, то у него появляются шансы через каких-нибудь 15 лет попасть и в стены самого университета. Это обрекает детей с раннего детства на соперничество друг с другом, пробуждает в них честолюбивые интересы, заставляет быть эгоистичными, не обращать внимания на товарищей. Поэтому многие школьники учатся не для того, чтобы приобрести знания, а для того, чтобы попасть в известный университет. Зубрежка до глубокой ночи, постоянно поднятый палец родителей — ты должен учиться, ты должен всего добиться — изматывают подростка, в семье которого нет денег для частной школы, и в период приемных экзаменов многие находятся в состоянии тяжелого нервного расстройства. По этой же причине на март и апрель (японский учебный год начинается 1 апреля) приходится наибольшее число самоубийств среди молодежи. Провал во время приемных испытаний в Токийский университет, страх перед предстоящим еще одним годом интенсивного обучения, недостаток средств, боязнь немого укора семьи, которая пожертвовала для сына всем,— вот обычные причины этих трагедий.

Период приемных испытаний в высшие учебные заведения и школы получил название «экзаменационный ад»; это было даже предметом специального обсуждения в парламенте. Вносились предложения изменить систему высшего образования и расширить число высших и средних школ. Однако до практического решения этого вопроса еще очень далеко.

Еще мрачнее перспективы в деле получения образования у девушек. В крупных университетах их намного меньше, чем юношей; большинство девушек учатся в небольших высших школах или в частных университетах. Считается, что выпускницы рано или поздно выйдут замуж, а место замужней женщины, несмотря на бурный процесс эмансипации, начавшийся после войны, все равно дома, на кухне, около детей. Если же молодая японка получит работу, то это, как правило, второстепенная должность, ибо к женщинам

относятся как к временной рабочей силе. Женщины обычно получают более низкую заработную плату за равный с мужчиной труд.

До самого окончания войны в Японии существовали остатки так называемой семейной системы, освященной столетними традициями и санкционированной законом. Каждый должен был подчиняться интересам рода, каждый был обязан беспрекословно слушаться главу семейства — старшего мужчину в семье. Без его разрешения нельзя было принимать никакого более или менее важного решения. Глава семьи нес за всех ответственность и определял судьбу каждого. На практике это означало, что жена, сыновья, дочери, младшие члены семьи и дальние, но зависимые родственники должны были просить согласия главы семейства, если они хотели жениться или выйти замуж, по его указаниям они решали свои денежные проблемы или меняли место жительства. Когда отец умирал или, состарившись, переходил на содержание семьи, то единственным наследником всего семейного имущества и титула главы семьи становился старший сын. В том случае если в семье была лишь дочь, то обычно усыновляли какого-нибудь способного юношу, который потом женился на своей неродной сестре. А если у супругов вообще не было потомства, то усыновленному юноше семья выбирала жену по своему усмотрению. Род и родовое состояние должны были быть сохранены любой ценой. В древней Японии это считалось намного более важным, чем кровное родство.

Послевоенный период принес с собой большие изменения, в результате которых эта система пошатнулась. Новые законы предоставили больше прав личности, и хотя эти законы в силу традиций и привычек не всюду еще действуют в полной мере, однако теперь никто не связан с семейной системой, за исключением, быть может, населения отдаленных провинций. В наши дни семейное состояние после смерти отца делится поровну между детьми и матерью, младшие родственники не должны в течение всей жизни подчиняться распоряжениям старших, а юноши и девушки хотя выбирают невест или женихов не совсем самостоятельно, но все же при

этом выборе их слово — решающее. Пока еще в деревне бывают заранее обговоренные браки, которые раньше были правилом, но сейчас и они не осуществляются без согласия обоих помолвленных.

Изменения жизненного уклада привели и к радикальным переменам в отношениях между молодыми супругами. Формально они имеют равные права, как и у нас. Мы знали несколько супружеских пар, которые действительно были хорошими друзьями. Мужчины в них отказывались называть своих жен устаревшим уничижительным словом *канай* и пользовались более вежливым выражением, которое до сих пор в японском языке применялось лишь по отношению к супругам других мужчин, — *окусан*. Дома они друг друга называли по именам (раньше это мог позволить себе лишь мужчина, а жена ему обычно говорила *аната* — вы). Куда-нибудь развлечься или в гости они тоже ходили вместе. И все же такие пары — сравнительно редкое исключение, характерное скорее для передовой интеллигенции.

Большинство молодых японцев ради своего удобства придерживаются старых привычек и, хотя нельзя сказать, что они унижают своих жен, все же стараются держать их в определенных рамках. Во время разговоров об эмансипации они, вздыхая, повторяют старую шутку о том, что женщины и чулки после войны стали крепче. Но такой типичный японский супруг оскорбился бы, если бы жена, когда он пришел с работы, не подала ему домашние туфли, не взяла у него портфель, не повесила его пальто, шляпу, галстук, пиджак, не помогла бы ему переодеться — короче говоря, не обслужила бы его полностью. Это ее обязанность. Утром все повторяется в обратном порядке. Жена ждет, когда муж наденет ботинки, подает ему пальто, шляпу, портфель, кланяется ему, открывает двери и прощается.

Когда вы видите это в первый раз, у вас создается впечатление, что японки — это угнетенные, робкие, неспособные принимать самостоятельные решения создания, которые ловят каждое слово своего мужа. Прошрое, когда женщина полностью зависела от мужчины, когда у нее не было ни юридических, ни других возможностей освободиться от этой зависимости, глубоко укоренилось в японском обществе, оно сказывается на

положении женщин и сейчас. Но во многих случаях теперь, как и прежде, это только иллюзия, внешняя сторона привычки. От женщин всегда требовалось, чтобы они именно так себя вели. И по всей вероятности, даже в прошлом подчинение японских женщин никогда не было столь безусловным. Японки старшего поколения, хотя и выглядят покорными и послушными, в большинстве своем обладают сильным характером и волей. Они умеют прекрасно владеть собой и своей дипломатичностью и настойчивостью добиваются от мужей намного большего, чем энергичные европейки и американки. Что касается повседневной жизни, то все хозяйственные вопросы японки решают сами. Создается даже впечатление, что многие мужчины скрывают за маской хозяина положения нерешительность, неверие в себя, неспособность чего-либо добиться и стремление опереться на кого-либо другого, то есть те качества, которые у большинства японских женщин полностью отсутствуют. Мужчины любят делать вид, что они все понимают, женщины, наоборот, стремятся свои способности скрыть и показывают, что все, что они делают и говорят, — свидетельство мудрости главы семьи и что их успехи — это прежде всего успехи мужа.

Об этом мы судим не только по теле- и радиопередачам, в которых мужчин высмеивают слишком грубо и превозносят женскую хитрость и дипломатичность. Несоответствие между действительным и вымышленным положением мужа и жены, между их действительными и мнимыми способностями и заслугами можно наблюдать и в повседневной жизни. Однажды мы были свидетелями торга в крестьянской семье, которая хотела снять в аренду небольшой домик у моря. Все переговоры, естественно, велись с главой семьи. Мужчина сидел на татами у большого хибати и с серьезным видом дымил сигаретой в длинном мундштуке. За ним на корточках сидела его супруга — ничего не значащая тень великого мужчины. Но она с большим вниманием следила за тем, что говорит глава семьи, и, когда ей что-то не нравилось, она начинала очень вежливо шептать ему на ухо. Мужчина кашлял, некоторое время курил и затем высказывал новую мысль, словно она только что пришла ему в голову. Тень за его спиной удовлетворенно кивала головой и продолжала почтительно слушать.

Японцы — нация очень спортивная, особенно это касается некоторых видов спорта. Достаточно упомянуть об их достижениях в гимнастике, плавании, настольном теннисе, марафонском беге и волейболе. Заниматься другими видами спорта им мешает их невысокий рост, однако там, где рост не является решающим, они добиваются рекордных результатов. Мы будем говорить не о японских рекордсменах, а о болельщиках и о двух самых популярных видах спорта.

Футбол и хоккей японцев не очень волнуют. Сердце простого японца — студента, рабочего, служащего, торговца или водителя такси — начинает усиленно биться лишь во время бейсбольных соревнований или при виде могучих торсов чемпионов по борьбе сумо.

Бейсбольная горячка у японцев вспыхивает очень рано. Японский мальчуган получает в подарок бейсбольную битку, когда ему исполняется четыре года. Ему или покупают ее, или выстругивают из большой палки. И как только он получает битку, то с утра до позднего вечера в ближайших улочках и дворах слышен крик мальчугана и его одноклассников и глухие удары деревянных бит по мячу. Эта стадия активного занятия спортом длится довольно долго, обычно до низшей средней школы. С ростом ребенка растет и бейсбольная битка, и его амбиция. Сначала он мечтает, чтобы его приняли в школьную команду, потом в университетскую или заводскую, а самые талантливые тренируются, чтобы однажды стать по-царски оплачиваемыми игроками профессиональных клубов, которые целыми днями только и делают, что тренируются, жуют жвачку и подписывают болельщикам клюшки и мячи. Но эта мечта исполняется лишь у одного из миллиона. Поэтому любовь к бейсболу в большинстве случаев — в платоническом простаивании на трибунах гигантских стадионов и в постоянной тренировке, точнее, игре в бейсбол. Во время обеденных перерывов, если позволяют погода и условия, из маленьких канцелярий, предприятий и мастерских высыпает часть мужского персонала в больших кожаных перчатках на левой руке и с твердым белым мячиком в правой. Точные и сильные броски следуют с обеих сторон. Мячи летают над головами прохожих и велосипедистов, через улицы, вдоль них, во дворах и парках. Два человека, бросающие бейсбольный мяч, — зрелище

в Японии столь обычное, что на них никто не обращает внимания. Однажды на острове Кюсю мы видели двух железнодорожных служащих, которые перекидывались мячом через железнодорожную колею.

Любительские бейсбольные команды имеются в каждом крупном университете, существует даже университетская бейсбольная лига. Но чем дальше, тем больше этот вид спорта становится профессиональным, так как он приносит владельцам профессиональных клубов огромные барыши. Бейсбол был завезен в Японию из Соединенных Штатов, и здесь им увлекаются с 80-х годов прошлого столетия. Так же как и в США, клубы Японии охотятся за звездами бейсбола, их покупают, подкупают и перекупают. Быть игроком профессионального клуба — это завидная судьба, и немало участников любительских университетских команд охотно становятся на этот путь. Сразу же их доходы начинают превышать заработную плату нескольких профессоров университета, вместе взятых.

Соперником бейсбола, и притом соперником достойным, является древняя японская борьба сумо. В то время как бейсбол в основном — городской вид спорта, сумо особенно популярна в японской деревне, где на соревнованиях болеют очень азартно и где нередко разгораются местные патриотические страсти. Ведь большинство борцов сумо — выходцы из крестьян, а первое место по числу чемпионов среди них занимают Северная Япония и остров Хоккайдо.

Схватки могучих гигантов, согласно преданию, происходили при императорских дворах еще в VIII веке. Но лишь с XVIII столетия борцы стали меряться силами на регулярных турнирах. Общегосударственные соревнования еще несколько лет назад проводились лишь четырежды в год — весной, летом, осенью и зимой. Но в целях получения большей прибыли (борьба сумо с самого зарождения была профессиональным видом спорта) количество турниров увеличили. И теперь шесть раз в год эти турниры приковывают к себе внимание всей страны — и молодежи и стариков, они передаются по радио, по телевидению, и газеты помещают о них подробные отчеты. Борьба сумо — зрелище для иностранцев непривычное, но очень увлекательное. Не только результаты борьбы, но и сам ход ее, традиционные

приемы и жесты, напоминающие красочный, напряженный спектакль, представляют большой интерес.

В центре круглого ринга с утрамбованным полом из песка и глины стоит старый глашатай в традиционной одежде, держа в правой руке раскрытый веер. Сначала он обращается к востоку и гортанным, тягучим, хриплым голосом называет имя участника, выступающего за восток. Потом он обращается к западу и называет имя участника западной группы. Борцы, почти совершенно обнаженные, лишь с широким шелковым поясом, обернутым вокруг толстых животов и бедер, и длинными волосами, завязанными на затылке в традиционный узел, встают со своих мест у ринга и готовятся к выходу. Затем на ринг поднимается судья, тоже в традиционном костюме и в маленькой черной шапочке. Он снова называет имена участников, которые перед выходом на ринг берут горсть соли и в знак очищения бросают ее на арену. В центре круга они останавливаются друг перед другом, широко расставив ноги, хлопают в ладоши, расставляют руки, поднимают одну ногу и, перенеся на нее всю тяжесть тела, бьют ступней о песчаный пол ринга. Борцы обычно бывают очень толстыми и в отличие от большинства японцев высокого роста. Их движения медлительны и полны достоинства. На лице не дрогнет ни один мускул. Они никогда не покажут, что расстроены поражением или обрадованы победой. Оба противника готовятся к схватке несколько раз. Они расставляют ноги, упираются руками в землю, поднимая заднюю часть тела и глядя друг другу прямо в глаза. Снова и снова они уходят с ринга и снова бросают соль. Раньше это могло длиться целыми часами, пока борцы наконец не достигали определенного состояния и не бросались одновременно друг на друга. В наше время судья после пяти минут разминки объявляет *дзикан иппай*, это означает, что время прошло и участники должны начать схватку, вне зависимости от того, сумели они сосредоточиться или нет. Когда они, наклонившись, наконец бросаются друг на друга, то стараются схватить противника за шелковый пояс и вынести, выбросить или вытолкать его за ринг либо принудить коснуться земли любой другой частью тела, кроме ступни. Сама борьба длится часто всего лишь несколько секунд, но она проходит очень интересно и напряженно.

При этом принимаются во внимание приемы, захваты, техника, сила ног, упорство, воинственность и изобретательность борцов. Главное — это привыкнуть к невероятной тучности и женским лицам борцов.

У борцов сумо имеются спортивные прозвища, часто весьма поэтические или героические. Так, например, недавно покинул ринг очень известный борец Ваканохана, что означает Цвет молодости. Любимцем публики после него стал Тайхо — Великий феникс. На ринге выступают также Китакадзе — Северный ветер, Кайдзан — Море и горы, Охикари — Великий свет и так далее. Все борцы по званиям делятся на классы. Высшее звание — *ёкодзуна*, оно пожизненное, борец никогда его не лишается. Когда ёкодзуна стареет и уже не может добиться выдающихся результатов, соответствующих его званию, он навсегда покидает ринг. Остальные звания *одзэки*, *сэкивакэ*, *комусуби* и *мазгасира* — временные. В зависимости от результатов турнира определяются места, занятые участниками, и соответственно им присуждаются звания: молодым и сильным — высокие, стареющим и ослабевшим — более низкие. От результатов зависят и денежные суммы и подарки, которые борцы получают.

Общенациональные турниры по борьбе сумо проводятся поочередно в самых крупных японских городах. Билеты на них бывают распроданы задолго до начала состязаний, а болеет почти вся страна. Турниры длятся полмесяца, и в течение всего этого времени на работе, в трамвае, в школах говорят лишь о том, кто станет победителем, у кого какие шансы, какие появились звезды, а кто потерпел неожиданное поражение. Киноартистки и манекенщицы фотографируются с толстыми борцами, и эти фотографии появляются на обложках популярных журналов, молодежь сходит с ума, от экранов телевизоров никого не оторвать ни дома, ни в общественных местах. Победитель турнира наряду с огромным количеством разных наград и большим денежным вознаграждением получает от своих поклонников призы за победу в особенно напряженных схватках, а если этот турнир был первым в году, то компания «Эр Франс» в целях рекламы предоставляет ему возможность бесплатно посетить Париж, где известнейшего борца ёкодзуну прохожие называют «мадам».

В Японии широко распространен один действительно массовый вид развлечения, в полном смысле слова — настоящая лихорадка. К спорту эта игра не имеет никакого отношения, однако ею буквально заражены миллионы людей, десятки тысяч играют в нее ежедневно и существуют даже профессионалы. Это *патинко* — игра в шарик, напоминающая пружинный бильярд.

Когда после второй мировой войны японские заводы, производившие боеприпасы, были лишены заказов и вынуждены были перейти на мирные рельсы, кому-то пришла в голову идея, что вместо шрапнели можно производить стальные шарик для забавы. Так в Японии было положено начало игры патинко. В крупных городах аппаратами для игры в патинко заполнены все увеселительные кварталы, звонкий стук падающих шариков слышится и на окраинах и в провинциальных городках. Игорный дом может быть небольшим прокуренным заведением с обшарпанным полом и старыми аппаратами, как, например, на центральной улице священной земли острова Миядзима, но в большинстве случаев это огромный сверкающий хромом, никелем, отделанный пластмассами, освещенный неоновыми лампами зал с яркой мигающей рекламой «Патинко» над входом.

Внутри помещения у самого входа расположен маленький столик, за которым сидит одна или несколько девушек. Рядом с ними на небольшой витрине лежат сигареты, шоколад, печенье, дешевые консервы, мыло. Товары эти не продаются, их можно выиграть. За 50 или 100 иен вы покупаете у девушек горсть стальных шариков, таких же, какие бывают в небольших шарикоподшипниках. На каждом шарике стоит клеймо игорного дома. Ведь эти шарик в патинко заменяют деньги и, естественно, владелец игорного дома заинтересован в том, чтобы у него играли теми шариками, за которые было заплачено.

Вы отдаете свои деньги девушке за столиком, она нажимает на ручку автомата, и в подставленную ладонь падает строго определенное количество шариков. Под их тяжестью ваша рука невольно опускается.

Все остальное уже зависит от вас. Вы выбираете из длинных рядов вертикальных застекленных аппаратов тот, который вам больше всего нравится, и испытываете

свое счастье.левой рукой вы бросаете в небольшое отверстие шарик, а правой подбрасываете его при помощи пружины. Блестящий шарик медленно катится между гвоздиками, вбитыми за стеклом, и падает вниз. Он может упасть на дно аппарата и безвозвратно потеряться где-то в желобке механизма или может попасть в одно из нескольких отверстий; тогда раздастся звонок, и в чашечку под аппаратом автоматически падает 15 даровых шариков. В большинстве случаев первый шарик падает на дно, туда же падают второй, третий, десятый, двадцатый шарик, и лишь какой-нибудь двадцать пятый или тридцатый попадает в нужное отверстие, и неопытный игрок наконец слышит долгожданный шум сыплющихся холодных блестящих шариков. В патинко все зависит от того, с какой силой вы подбросите шарик. Толчок не должен быть ни слишком сильным, ни слишком слабым. Многое зависит также от особенностей аппаратов и от того, как вбиты гвоздики. Владельцы игорных домов тщательно следят за тем, чтобы игроки не очень часто выигрывали, и вечером после закрытия заведения в счастливом аппарате загигаются гвоздики, меняются пружины или делается другой «ремонт». Естественно, что большое значение имеет то, к какому аппарату вы привыкли, ибо на нем вы наловчились так подбрасывать шарики, что они довольно часто движутся по нужной траектории. Патинко в этом отношении напоминает бильярд, так как мастера патинко тоже рассчитывают силу удара и угол отражения. Но в основном все зависит от везения.

В игорных домах всегда полно народу. Перед аппаратами длинными шеренгами стоят мужчины и женщины, старики и молодежь, домашние хозяйки, рабочие, служащие, торговцы, студенты, здесь можно встретить писателя и артиста, но в основном это люди очень бедные, мечтающие выиграть больше, чем они заплатили за шарики. Особую касту составляют профессионалы, которые так наловчились в этой игре, что могут рассчитывать на определенный доход. Среди них есть безработные, но в большинстве случаев это японские стилиаги и бездельники. Богачи в патинко почти не играют, если, конечно, кто-нибудь из них не установит патинко дома и не бросает в него шарики ради развлечения.

Патинко — это прежде всего средство обмана неиму-

щих, бедняков, для которых перспектива выиграть несколько пачек сигарет, мыло или другие дешевые вещи настолько соблазнительна, что они тратят деньги на покупку блестящих шариков. Но патинко не только обкрадывает людей. Эта игра их оглушает. Играющие в патинко перестают думать, они в течение долгих часов стоят, бессмысленно глядя на застекленные коробки, в которых сотая доля миллиметра определяет, получите ли вы даром пачку сигарет или лишитесь последних денег. Игорные дома патинко, особенно в увеселительных кварталах крупных городов, — это своеобразное эльдорадо гангстеров. Так же как и все виды развлечений в подобных местах, патинко находится в руках отдельных банд, которые за определенный выкуп «охраняют» игорные дома. Эти банды используют в своих целях постановление, призванное ограничить пагубное влияние этой игры и запрещающее за выигранные шарики платить деньгами.

Но это постановление нарушается. Игроки, получающие в качестве выигрыша сигареты, тут же продают их стоящим поблизости перекупщикам, а перекупщики вновь продают сигареты владельцам патинко. Владельцы игорных домов связаны и с перекупщиками и с бандой, а те, кто не связан, вряд ли решатся отвергнуть предложение или требование гангстеров. Это может обойтись намного дороже, чем требуемый выкуп.

Таким образом, хотя патинко кажется невинным развлечением, а игорные дома — это светлые, оборудованные в современном стиле помещения, в которых слышен лишь веселый перезвон падающих шариков, игра в патинко оказывает пагубное воздействие. Но, к сожалению, миллионы людей, увлекающихся патинко, этого не понимают.

Мы говорили, что у патинко люди перестают думать. Но возникает вопрос, над чем вообще больше всего задумываются японцы. Конечно, у каждого есть свои личные заботы и проблемы, свои увлечения и своя работа, но в подсознании большинства японцев мысль работает над тем, как выстоять в борьбе за существование, как занять место, обеспечивающее приличное положение, как устроиться на какое-нибудь крупное предприя-

тие; а тот, кто добыл определенные средства, мечтает о том, чтобы завести свое дело.

Это стремление во многих видах производства, как правило, неосуществимо, потому что все нити народного хозяйства, нередко кружными путями, ведут к небольшому числу крупных компаний и монополий, названия которых общеизвестны, но часто тот, кто на них работает, даже не знает, на кого он гнет спину.

В Токио у нас был знакомый владелец мастерской по ремонту машин. Если к словам «владелец мастерской по ремонту машин» еще добавить, что у него работал двоюродный брат, то кое-кто может подумать, что г-н Токути — эксплуататор, живущий за счет чужого труда. Но его мастерская была маленькой, примитивно оборудованной, а двоюродный брат неуклюж и глуп, и г-ну Токути, чтобы выдержать конкуренцию, приходилось работать с утра до вечера.

Однажды большой грузовик задел крыло нашей автомашины и помял кузов. Она была застрахована, и поэтому, недолго думая, мы доставили машину в крупную ремонтную мастерскую. Нас встретили два японца в белых халатах с широкими «американскими» улыбками. Они, вероятно, учились в Америке, ибо даже не хотели говорить по-японски и похвалялись великолепным американским произношением.

— Да, неплохо подстрелили крылышко, — присвистнули они, — где это произошло?.. Ладно, оставьте машину здесь, послезавтра все будет в порядке.

На следующий день к нам пришел г-н Токути.

— Вы попали в аварию... — сказал он после долгого вступления.

— Да, но не сердитесь на нас, г-н Токути, нам пришлось отдать ее в другую мастерскую. Ремонт, понимаете, требовался довольно серьезный...

— Вы сделали ошибку, вам придется заплатить большие деньги, — ответил он.

Мы чувствовали себя не в своей тарелке. Ну как нам было ему объяснить, что платить будет страховое общество и что мы хотели, чтобы ремонт был проведен в большой мастерской и квалифицированными мастерами?

— У вас есть немного времени? — спросил нас г-н Токути. — Тогда загляните ко мне. Ваша машина

стоит в моей мастерской, сегодня вечером я буду ее ремонтировать.

— Как же так? — удивились мы.

— Видите ли, когда у крупных мастерских много работы, то они часть машин передают мне и другим маленьким мастерским. Мы получаем 60 процентов той цены, которую они устанавливают, а 40 процентов вы ни за что ни про что отдаете им. В следующий раз везите машину прямо ко мне, и я вам все сделаю без надбавки.

При порядках, которые здесь существуют, нас бы не удивило, если бы и крупная мастерская вынуждена была отдавать часть своих 40 процентов в кассу еще более крупного предприятия только за то, что она пользуется его маркой.

После второй мировой войны, когда Япония благодаря демократическим мероприятиям оккупационных властей избавилась от фашистской и милитаристской диктатуры, по всей стране поднялось широкое народное движение¹¹. Вскоре оно достигло такого размаха, что американские военные власти, которые путем реформ стремились уничтожить старую систему и укрепить свое влияние, вместе с японским правительством начали урезать недавно дарованные свободы. Вследствие этого, особенно в период корейской войны, стихийный процесс демократизации японской жизни был на время приостановлен и ограничен жесткими рамками буржуазной демократии.

В Японии сейчас имеются четыре главные политические партии. По числу депутатов в парламенте крупнейшей является правительственная либерально-демократическая правая партия, политика которой, несмотря на различные фракционные разногласия, в основном отвечает политическим интересам и целям японского крупного капитала, а также планам Соединенных Штатов на Дальнем Востоке.

Серьезная оппозиционная сила консерваторам —

---

¹¹ Следует иметь в виду, что американские оккупационные власти проводили демократические реформы не столько по собственной инициативе, сколько под давлением мировой демократической общественности и демократических сил Японии.—
Прим. ред.

социалистическая партия, которая, однако, изнутри все время ослабляется постоянными разногласиями между правым и левым крылом, что не раз приводило к расколу социалистов на две самостоятельные политические партии. Раскол обычно провоцируется правым крылом в период, когда больше всего необходимо единство, и делается это с явной целью ослабить народное движение. В последний раз часть правых социалистов откололась, образовав так называемую партию демократического социализма. Произошло это в период борьбы против пересмотра и продления военного договора с Соединенными Штатами Америки. Партия демократического социализма не пользуется популярностью, и ее влияние падает.

Коммунистическая партия Японии занимает особое положение. За коммунистами следят, по отношению к компартии проводится политика дискриминации, деятельность ее затруднена, и поэтому не каждый член коммунистической партии или ее сторонник может открыто заявить о своих политических убеждениях. И хотя число депутатов в парламенте от партии коммунистов намного меньше, чем от либерально-демократической и социалистической партий, но основа партии — ее низовые организации — крепче, чем у любой другой политической организации. Число японских коммунистов в 1962 году превысило 100 тысяч ¹². У либерально-демократической партии, которая имеет почти две трети мест в парламенте, практически нет рядовых членов, а положение в социалистической партии не многим лучше. Обе они имеют лишь центральные органы и заботятся не о росте своих рядов, а об увеличении числа сторонников. Консерваторы ищут поддержку главным образом на селе, социалисты — в городах и в профсоюзных организациях. Это накладывает отпечаток и на политическую жизнь Японии и на предвыборные кампании. Кандидаты в депутаты обычно не афишируют принадлежность к той или иной политической партии, и решающим фактором на выборах, особенно в деревне, является личное влияние кандидата и раздаваемые им обещания, а вовсе не политический профиль партии, к которой он при-

---

¹² В 1966 г. число членов Коммунистической партии Японии превысило 200 тысяч.— *Прим. ред.*

надлежит. В предвыборной кампании главную роль играют деньги, и каждый раз после выборов газеты переполнены сообщениями о скандалах в связи с предвыборными махинациями и подкупом голосов. Чаще всего в этих махинациях замешаны консерваторы.

Таким образом случается, что избиратели, отдавшие свои голоса кандидату, обещавшему, скажем, построить железнодорожную станцию, в один прекрасный день узнают, что правительственная партия, к которой их депутат принадлежит (иногда они этого и не подозревают), уже давно готовит законопроект, который отрицательно скажется на их благосостоянии или принесет им другие бедствия. Они тут же забывают о своей станции и начинают бороться против того, что в данный момент представляет большую опасность. Иногда оппозиционные партии, видя, что у них в парламенте сил недостаточно для провала какого-нибудь законопроекта, но что широкие массы окажут им поддержку, призывают к массовым выступлениям.

На улицах появляются демонстранты с лозунгами:

«Мы боремся против рационализации, потому что она означает безработицу! Ни одного уволенного из шахты!»

«Японские женщины протестуют против повышения цен на продовольствие».

«Долой новый земельный закон!»

«Не допустим полицейского террора! Мы против полицейского закона!»

«Долой американо-японский договор безопасности!»

«Мы требуем запрещения атомного и водородного оружия! Никакого атомного оружия на японской земле и в японских водах!»

«Не допустим расширения военных баз на нашей территории! Нам не нужны деньги, отдайте нам землю!»

Япония — это страна демонстраций. Могучие массовые *демо*, в которых принимают участие десятки, иногда сотни тысяч людей, — один из самых мощных видов оружия японских прогрессивных и демократических сил, оппозиционных партий и профсоюзов. Они служат как бы естественным дополнением к результатам выборов, в которых часто из-за неосознанности, часто по другим причинам воля народа пока не может

*Демонстрация перед зданием
американского посольства*

полностью проявиться. Полиция опасается этих демонстраций больше, чем чего-либо другого, и обычно бывает против них беспомощна. Демонстрации хорошо организованы, их участников нельзя запугать полицейскими дубинками. Массовые выступления не дали претворить в жизнь многие законопроекты и, кроме того, заставили принять справедливые требования самых различных слоев японского народа.

Самой крупной ежегодной демонстрацией сил японских трудящихся являются майские манифестации, в которых в Токио принимает участие около полумиллиона человек. Первое мая — по-японски *мэйдэй* (от английского Мей Дей) — отмечается очень торжественно не только в столице, но и во всех промышленных центрах. В этот день проводятся большие митинги, проходят демонстрации, произносятся речи. Над людским потоком реют красные флаги, а члены профсоюзов повязывают голову белыми или красными повязками с названием профсоюза. Украшенные грузовики везут карикатуры на современных политических деятелей, над головами демонстрантов колышутся плакаты с политическими лозунгами. В последние годы японская полиция не применяет силу против первомайских демонстраций, но еще в 1952 году 1 Мая по улицам Токио текла кровь.

Однако и в наши дни демонстрации — это не спокойная прогулка. Специальные отряды полиции, обученные усмирять толпу и вести уличные бои с демонстрантами, стоят наготове, напоминая угрюмую, молчаливую стену. Во время крупных манифестаций на улицах появляются автомашины с коротковолновыми передатчиками, полицейские надевают каски, они носятся по улицам на ревущих мотоциклах, сопровождая демонстрацию. Когда происходят особенно бурные события, используются вертолеты. Специальные подразделения ожидают приказа броситься на демонстрантов и дубинками, кулаками, приемами джиу-джитсу валить их с ног, избивать, разгонять.

Во время самого крупного и массового движения протеста в мае — июне 1960 года, когда весь Токио бурлил и сотни тысяч людей круглые сутки осаждали парламент, когда поднялась могучая волна протеста против пересмотра так называемого договора безопасности и

предполагавшегося приезда в Японию Эйзенхауэра, кровавые столкновения между полицией и демонстрантами проходили ежедневно. Американское посольство было осаждено, демонстранты сидели вокруг главного здания полицейского комиссариата, официальная резиденция премьер-министра была окружена деревянными щитами и заграждениями из колючей проволоки, а по улицам, вокруг правительственных учреждений, по Гиндзе, в парке Хибия в хорошую погоду и в дождь двигались колонны рабочих, студентов, передовой интеллигенции, а также торговцев, служащих, буддистов, то есть даже тех, кого редко можно встретить среди демонстрантов.

Для того чтобы полиция не разорвала их ряды, демонстранты, идущие в первых шеренгах, обычно держатся за длинные бамбуковые жерди или переплетают руки. Бесчисленный строй человеческих тел в легком беге проходит по улицам и паркам, как могучая змея, все время восклицая в такт ритмичному движению: «Вассэй, вассэй, вассэй!».

Крестьяне в широких соломенных шляпах и деревенских костюмах тоже часто устраивают демонстрации, защищая свою землю от посягательств армии или американского военно-воздушного флота. Иногда крестьяне совершают марш в Токио, чтобы отстаивать свои права прямо в парламенте. Шахтеры в шлемах пикетируют вместе с членами других профсоюзов рудники, которые владельцы намереваются закрыть. Буддийские монахи с барабанчиками в руках выходят на демонстрации, требуя мира и разоружения. Корейцы, живущие в Японии, устраивают манифестации на Гиндзе и Нихонбаси в день национального праздника Корейской Народно-Демократической Республики. Студенты протестуют против увольнения своих преподавателей, активных работников профсоюза.

Примеров можно привести много. Однако есть демонстрации и демонстрации.

Своего рода переходным мостиком к тем, другим, демонстрациям служат выступления небольших групп населения, требующих, чтобы были удовлетворены их претензии. Так, например, торговцы одного района Осаки затеяли тяжбу с городским управлением и тоже провели демонстрацию. У входа в городскую ратушу они

выстроили ряд раздетых манекенов, которые обычно стоят в витринах магазинов верхнего платья. У манекенов на груди висели таблички с надписью: «Если город не откажется от своих чрезмерных требований, мы окажемся такими же голыми, как эти девушки».

Мы были свидетелями выступлений, которые с трудом можно назвать демонстрациями, хотя они очень напоминают их обилием флагов и транспарантов. Речь идет о выступлениях правых элементов, ультранационалистов и фашистов. В их бесчинствах принимает участие не много народа. Эти силы атакуют манифестации, митинги и съезды прогрессивных организаций. Фашистские отряды, разъезжающие на машинах, нападают на профсоюзных деятелей, стремятся сорвать забастовки, дерутся, выкрикивают шовинистические лозунги и поют старые милитаристские песни. Их провокации вызывают беспорядки и дают возможность полиции применять силу.

Прямо на Гиндзе, где особенно интенсивное движение и где с одной стороны еще стоят низкие одноэтажные домики с выносными киосками внизу, среди огромного количества реклам и неоновых огней из окна одного из домов спускается красный флаг с белым кругом и черной свастикой. Целый день под ним проходят толпы людей, ездят автомашины и медленные токийские трамваи. Нацистский флаг среди всего этого теряется. Но когда мы впервые заметили его, он бросился нам в глаза, как бросается каждому, кто во время второй мировой войны находился в Европе, оккупированной немцами. Большинству японцев, которые ходят ежедневно под этим флагом, он ни о чем не говорит, но однажды один иностранный турист, кажется, француз, увидев свастику, попытался сорвать флаг. Его доставили в полицейский участок, обвинив в нарушении общественного порядка, и он вынужден был заплатить штраф. Его отпустили. Семья этого француза погибла в нацистском концентрационном лагере.

Дом, из окна которого развевается флаг со свастикой, — резиденция одной из ультраправых организаций, которая открыто объявляет себя наследницей Гитлера. Подобных шовинистических групп не много. И последователей у них тоже не много, но они существуют и представляют большую опасность. Фанатичные члены этих

организаций готовы совершить любой террористический акт, который их вождь провозгласит актом патриотическим. Один подобный «патриот» в 1960 году на глазах миллионов телезрителей убил на митинге генерального секретаря Социалистической партии Японии Инэдзиро Асанума. Совершают подобные покушения, как правило, юнцы, часто выходцы из семей бывших высокопоставленных офицеров. За ними стоят опасные идеологи шовинизма и милитаризма, самый известный представитель которых гордо называет себя «японским Гитлером», относясь к этому абсолютно серьезно.

Рассказом о демонстрациях мы сначала хотели закончить эту последнюю главу. Но у читателя может создаться неверное впечатление. Будто «японский Гитлер», горстка фанатиков и политических авантюристов составляют значительную часть населения страны, насчитывающей почти 100 миллионов человек, о которых мы до сих пор говорили. Мы бы исказили правду, если бы наши слова навели на такие мысли. Конечно, в Японии есть разные люди, и определенные черты характера и взгляды не могут создать представление обо всей нации. Но о подавляющем большинстве японцев можно сказать, что их многому научили горе и трагедии, которые принесла агрессивная милитаристская политика, и они искренне стремятся к спокойному, мирному труду. Ни в одной из капиталистических стран люди не относятся столь настороженно ко всякому упоминанию о войне, о военных проблемах и атомном вооружении, как в Японии. Это не нуждается в пояснениях, достаточно еще раз вспомнить о Хиросиме и Нагасаки.

А будущее Японии? Мы оптимисты.

Мы верим в японский народ, в рабочих Кюсю, плотников Хоккайдо, земледельцев Ниигаты, рыбаков Тибы, врачей Киотоской больницы, в мужчин, которые спускаются в кратер вулкана Асо, в альпинистов Сироумо, в матерей, которые носят детей на спине, во всех хороших людей, с которыми мы в этой стране познакомились.

В их руках будущее Японии.

Содержание

Предисловие	: 5
Токио — это тоже Япония	9
Утратил ли свою силу сом <i>намадзу</i> ?	39
Забывтый север	65
Хоккайдо, пасынок Японии	100
Изнанка Японии	112
Горы, холмы, плоскогорья	139
Там, где не падали бомбы	163
Среди проливов	196
Сталь и куклы	224
У самого большого кратера в мире	248
Написано соленой водой	266
Четыре времени года	282
Один будничньй день	308
Несколько слов о культуре	325
Почти сто миллионов	342

Ян и Власта Винкельхофер

СТО ВЗГЛЯДОВ НА ЯПОНИЮ

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *Н. Н. Водинская*

Художник *А. И. Чугунов*

Технический редактор *Л. Т. Михлина*

Корректоры *Э. К. Гаерута* и *Е. А. Мамиконян*

Сдано в набор 17/VII 1967 г. Подписано к печати 29/I 1968 г. Формат
84 × 108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 11,5. Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 18,11.
Тираж 60 000 экз. Изд. № 1869. Заказ № 674. Цена 97 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография «Красный пролетарий»

Москва, Краснопролетарская, 16

Цена 97 коп.